

№ 2 (73) 2010
Выпуск 11

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет»

Издатель:

Белгородский государственный
университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-21121
от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Зам. главного редактора

Давыденко Т.М.

проректор по научной работе
Белгородского государственного
университета, доктор педагогических наук,
профессор

Ответственный секретарь

Московкин В.М.

заместитель по инновационной
деятельности проректора по научной
работе Белгородского государственного
университета, доктор географических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Дятченко Л.Я.

ректор Белгородского государственного
университета, доктор социологических
наук, профессор

Главный редактор

Римский В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Заместители главного редактора

Бабинцев В.П.

доктор философских наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Предпосылки распространения даосского учения совершенной
истины в Китае XII-XIII вв. *И.В. Белая* 5

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Социальные институты в процессе рационализации европейского
общества. *М.Т. Асланова* 13

Традиции и инновации как источник развития современного об-
разования. *Г.Н. Травников* 19

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

К проблеме диалога театрального искусства и Русской Право-
славной Церкви. *М.С. Жиров, Я.С. Перепёлкина* 23

Нравственно-правовые концепции законодателей Государствен-
ной Думы 1905-1917 гг.: этико-философский анализ. *Ю.В. На-
зарова* 31

Инновационная личность как социальный тип. *В.Н. Шевченко* 37

О возможном и невозможном. *В.Н. Финогентов* 52

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Организация управления социальной сферой белгородской об-
ласти на основе кластерного подхода. *Б.В. Заливанский,
Е.В. Самохвалова, Ж.А. Шаповал* 63

Молодежные организации в Белгородской области: уровень до-
верия и проблема участия. *Т.И. Морозова* 71

Стратегия информационной поддержки инновационных процес-
сов в регионе. *И.Э. Надуткина, И.В. Конев* 77

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Принцип «недеяния» (неделания) как имморалистическая основа
«духовно-монистического мировоззрения». *А.Ю. Каширин* 85

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Незаконное пересечение государственной границы Российской
Федерации: особенности преступности иностранных граждан и
лиц без гражданства. *Н.И. Архипцев, И.Н. Архипцев* 95

Еще раз к вопросу отнесения бездокументарной ценной бумаги к
предмету ст. 186 Уголовного кодекса РФ. *А.С. Бурцев* 104

Тонков Е.Е.

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский государственный
университет)

Ответственный секретарь

Борисов С.Н.

кандидат философских наук
(Белгородский государственный
университет)

Члены редколлегии

Борисов Г.А., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Витрук Н.В., доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

Громов М.Н., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Кожмякин Е.А., кандидат философских наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Королева Л.Г., доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Мархгейм М.В., доктор юридических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Реутов Е.В., кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный университет)

Розин М.Д., доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

В авторской редакции

Оригинал-макет *С.Н. Борисов, А.А. Махова*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 24.03.2010.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 29,63.
Тираж 1000 экз.
Заказ 74.

Подписные индексы в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462,
в объединенном каталоге
«Пресса России» – 39748

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского
государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Особенности международно-правового предупреждения и борьбы с наркопреступностью, наркотизмом и наркоманией.

Н.Ю. Жилина 110

Общие положения тактики поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. **И.М. Комаров 120**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Трудовые отношения на государственной гражданской службе.

И.А. Грабовский 125

Доли земельных участков как объекты гражданских правоотношений. **О.В. Котарева 129**

Формы защиты авторских прав. **В.Л. Михайликов 136**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Проблема теодицеи в русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв. **Г.В. Валеева 140**

Конфликты социальных интересов собственников и работников предприятий как следствие приватизации российской собственности. **А.В. Горюхов 149**

Управление взаимодействием рынка труда и рынка образования в условиях кризиса: региональный аспект. **А.А. Горяинов, И.Н. Кищенко 155**

Информационная культура личности. **А.Ю. Квитко 162**

Участие местного населения в охране государственной границы как исторически сложившаяся необходимость. **А.А. Костин 170**

Философское обоснование научной реальности и значения научной картины мира в ней. **Н.С. Молчанова 182**

Трансформация духовности в процессе информационного развития общества. **С.И. Некрасов, З.В. Макатов 187**

Феноменология искусства в творчестве Германа Гессе. **Н.В. Рожкова 192**

Труд и хозяйственно-экономическая деятельность в русском православии. **О.Г. Садикова 201**

Современная деловая этика как синтез прикладной и профессиональной этики. **К.В. Сафонов 212**

Трансляция народного религиозного знания в семейных преданиях и меморатах (по материалам полевых исследований в селах Центрального Черноземья). **Т.А. Серезко 221**

Неязыческая парадигма гнозиса: социально-антропологический аспект. **А.В. Слобожанин 227**

Корпоративный ресурс: гносеологический подход. **Р.Я. Цибриенко 233**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Правовое регулирование и профилактика злоупотребления психоактивными веществами и пропаганда здорового образа жизни в образовательных учреждениях. Обзор Всероссийской научно-практической конференции. **Е.Е. Тонков, В.С. Синенко 238**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Антропология терроризма: рецензия на коллективную монографию под редакцией профессора В.П. Римского «Человек террористический: методология исследования, культурно-антропологические парадигмы, повседневность, региональные угрозы». **К.Ю. Королёва 243**

Сведения об авторах 247

Информация для авторов 250

**№ 2 (73) 2010
Issue 11**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

State educational institution of higher professional education "Belgorod state university"

Publisher:

Belgorod state university
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2008.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociology, professor.

Co-editor

T.M. Davydenko

Vice-rector on science of Belgorod State University, doctor of pedagogy, professor.

Executive secretary

V.M. Moskovkin

Assistant vice-rector on innovations of Belgorod State University, doctor of geography

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod State University, doctor of sociology, professor

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod state university)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, professor (Belgorod state university)

E.E. Tonkov

Doctor of law, professor (Belgorod state university)

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod state university)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

The preconditions of the spreading of the daoist lineage of the complete perfection in China of the XII-XIII centuries. **I.V. Belaya 5**

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Social institutions in the process of rationalization of European society. **M.T. Aslanova 13**

Traditions and innovation as a source of development of modern education. **G.N. Travnikov 19**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

On the problem of dialogue between theatre art and Russian Orthodox Church. **M.S. Zhyrov, Y.S. Perepyolkina 23**

The moral and legal concepts of the legislators of the state дума in 1905 – 1917: the ethical and philosophical analysis.

Yu.V. Nazarova 31

Innovation personality as a social type. **V.N. Shevchenko 37**

On possible and impossible. **V.N. Finoghentov 52**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Organization of social sphere management in Belgorod region on the basis of cluster approach. **B.V. Zalivansky, E.V. Samokhvalova, Z.A. Shapoval 63**

Youth associations in Belgorod region: level of the confidence and problem of the participation. **T.I. Morozova 71**

Information strategy support of innovative processes in region.

I.E. Nadutkina, I.V. Konev 77

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

The principle of "not-doing" as the immoralistic basis of "the spiritual and monistic world outlook". **A.Y. Kashirin 85**

PROBLEM ASPECTS OF CRIMINAL LAW AND CRIMINAL TRIAL

Russian federation state border's illegal crossing: peculiarities of the crimes of the foreigners and persons without citizenship.

N.I. Arhptsev, I.N. Arhptsev 95

Once again to the matter of ascription of book-entry securities to the subject of article 186 of the criminal code of the Russian Federation. **A.S. Burtsev 104**

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor
(Belgorod State University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor
(Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy,
Professor (Institute of Philosophy,
Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology,
Professor (Institute of Social and
Political Research, Russian Academy
of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy,
Professor (Belgorod State University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy,
Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Candidate
of philosophy, associate Professor
(Belgorod State University)

M.V. Marhgeim, Doctor of Law,
Professor (Belgorod State University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology,
associate professor (Belgorod State
University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy,
Professor (North-Caucasian Science
Centre of High School, Youth Federal
University)

Original editing by contributors

Original layout by S.N. Borisov,
A.A. Mahova

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Signed to print 24.03.2010
Format 60×84/8.
Type: Georgia, Impact
Print lists 29,63.
Circulation: 1000
Order 74.

Subscription index in Rospechat'
catalogue – 81462,
in Pressa Rossiya catalogue – 39748

Original layout is copied in Belgorod
State University Press
Address: Pobedy, 85, Belgorod, 308015,
Russian Federation

Features of international legal prevention and war on drugs, narcotism
and drug-related crimes. **N.Yu. Zhilina 110**

General provisions of tactics of maintenance of the state charge in
court of the first instance. **I.M. Komarov 120**

ACTUAL PROBLEMS OF CIVIL LAW REGULATION

Labour relations in state civil service. **I.A. Grabovsky 125**

Shares of the ground areas as objects of civil relations.
O.V. Kotareva 129

Defence forms of copyrights. **V.L. Mihajlikov 136**

THESIS

The problem of the theodicy of russian religious philosophy of the end
of xix – beginning of xx centuries. **G.V. Valeeva 140**

Conflicts of social interests of owners and company employees as a
result of propriety privatisation in Russia. **A.V. Gorokhov 149**

Management of interaction between labour market and education
market in the crisis conditions: regional aspect. **A.A. Goryaynov,
I.N. Kischenko 155**

Personal information culture. **A.Y. Kvitko 162**

Participation of local population in the gardening of frontier as a histori-
cal necessity. **A.A. Kostin 170**

Philosophical groundings for scientific reality and role of scientific
worldview. **N.S. Molchanova 182**

Transformation of spirituality in informational development of the
society **S.I. Nekrasov, Z.V. Makatov 187**

Art phenomenology in creativity Herman Gesse. **N.V. Rozhkova 192**

Labour and economic activity in the Russian Orthodoxy.
O.G. Sadikova 201

Modern business ethics as a synthesis of applied and professional ethics.
K.V. Safonov 212

Translation of national religious knowledge in family legends and
memorat (on materials of field researches in villages of the central
chernozem region). **T.A. Serezhko 221**

Non-linguistic paradigm of gnosis: social-anthropological aspect.
A.V. Slobozanin 227

Corporation resource: gnoseological approach. **R.Y. Tsibrienko 233**

SCIENCE LIFE AND COMMUNICATION

Law regulation and prevention of psychoactive substance abuse and
healthy lifestyle promotion in educational institutions. Review of Russian
scientific practical conference. **E.E. Tonkov, V.S. Sinenko 238**

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Review of the book “terroristic man: methodology, cultural-
anthropological paradigms, everyday life, region threats” by multiple
authors, edited by prof. V.P.Rimskiy. **K.Y. Korolyova 243**

About authors 247

Information for authors 250

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 1.02

ПРЕДПОСЫЛКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДАОССКОГО УЧЕНИЯ СОВЕРШЕННОЙ ИСТИНЫ В КИТАЕ XII-XIII вв.

И. В. Белая*Амурский государственный
университет**e-mail:
belaya-irina@rambler.ru*

Статья посвящена анализу предпосылок возникновения даосского учения Совершенной истины и причин его широкого распространения в средневековом Китае. На основе исследования исторического контекста рассматриваются важнейшие вехи ранней истории этой даосской школы и деятельность ее первых патриархов по пропаганде и популяризации своего учения.

Ключевые слова: Даосизм, учение Совершенной истины, учение о бессмертии, Ван Чун-ян, Ма Юй, Чу Цю-цзы.

Школа Совершенной истины (Цюань-чжэнь) – живая религиозная традиция. Это – наиболее почитаемое «синкретическое» направление монашеского даосизма в Китайской Народной Республике, и среди многочисленных немонашеских даосских храмов и организаций в южном Китае, Тайване, и других странах возводящих свое учение к традиции Цюань-чжэнь.

Интенсивность развития и распространения Цюань-чжэнь сразу после его возникновения и последующего закрепления как ведущего направления даосизма делает актуальной проблему исследования причин столь необычайной популярности этого даосского учения. Так, например, через 100 лет после основания, к концу XIII века, школа Совершенной истины насчитывала более 4000 монастырей и 20000 последователей¹. Среди предпосылок такого почитания Цюань-чжэнь как среди мирян так и в кругах политической элиты определенное место занимает социально-политическая ситуация сложившаяся в Китае на момент ее появления, которая также непосредственно повлияла и на переосмысление приоритетов в самой даосской религии.

В XII-XIII веках Китай подвергся целому ряду нашествий варваров: государство было полностью завоевано чжурчжэнями, монголами и маньчжурами. Сменилось несколько императорских династий, менялись приоритеты и в религиозной сфере. «Многие

---

¹ Goossaert V. The Invention of an Order: Collective Identity in thirteenth-Century Quanzhen Taoism // Journal of Chinese Religions 29, 2001. P. 117.

северные и северо-западные области страны оказались под властью государства тангутов Си Ся (Западное Ся), империи киданей Ляо, а затем, с 1115 г. большая часть севера Китая находилась под властью чжурчжэньской (протоманьчжурской) династии Цзинь (1115-1234). Основанная чжурчжэньским правителем Агудой (цзиньский Тай-цзу), она быстро подчинила себе эту территорию, заставив сунский двор бежать на юг от Янцзы, что положило начало династии Южная Сун (1127-1279), находившейся в сильной зависимости от северного врага»². Чжурчжэни получили полный контроль над северным Китаем после затяжной и кровопролитной войны с китайской династией Сун, которая продолжалась с 1125 до 1142. «После захвата сунской столицы Кайфэна и пленения китайского императора и его семьи в 1126 г. чжурчжэни стали безраздельно господствовать во всей северной части Китая, получая от южносунского двора регулярную вассальную дань»³.

Монголы начали наступление на чжурчжэней в 1210 и полностью завоевывали всю территорию к северу от Желтой реки к 1215 году. Чжурчжэни, владения которых были отброшены до Хэнани и Шаньдуна, предприняли попытку вернуть захваченные территории в новой атаке на Сун, но потерпели поражение⁴.

Давление монголов, китайцев, и Си Ся на западе, в купе с крестьянскими восстаниями, привело династию Цзинь к упадку в 1234. Однако войны и кровопролитие продолжались до полного завоевания монголами всей территории Китая в 1279⁵.

Как предполагает Е.А. Торчинов, именно бесчисленные опустошения, причиненные северу страны во время бесконечных войн, вызвавшие рост нищеты, голод и эпидемии, стали предпосылкой появления религии, «обращающейся не к общине в целом и не к узкому кругу монахов, а к максимально широкой аудитории, причем эта религия должна была помимо идеала «бессмертного» (*сянь*) предложить доктрину универсального спасения и, следовательно, сотериологию более разработанную, чем в старых даосских школах»⁶. Эти социально-политические предпосылки предопределили в XII в. на севере Китая появление нового даосского движения, завершившего многовековой процесс эволюции даосизма и определившего его современный облик.

«В течение всей своей истории даосизм постоянно выполнял функции посредника между народной и институционализированной религией правящих классов, между буддизмом и китайской культурой и т.п.»⁷. Именно таким посредником в нелегкие времена, проходившие под гнетом иноземного правления, и стала школа Цюань-чжэнь. Она провозгласила своим принципом «пребывание трех религий в единстве» (*сань цзяо и*), соединив в своем учении три основных философско-религиозных направления: буддизм, конфуцианство и даосизм. Ее основатели, выходцы из аристократических семей объявили себя духовными лидерами, которые будут спасать китайскую культуру от вторжения варваров. Основной задачей своей они считали сохранение целостности китайской культуры и поиск точек соприкосновения между тремя основными учениями Китая. Их методы духовного совершенствования, называемые «внутренней алхимией» (*нэй дань*) стали настолько популярны среди правящей элиты, что даже после падения Сун и прихода к власти сначала чжурчжэньской династии Цзинь, затем монгольской династии Юань, и в последствии Мин различные направления школы Совершенной истины удостоивались почтения императоров. Синтез религиозных концепций стал основой сохранения целостности китайской культуры и поддержания авторитета императорской власти. В культурно-историческом процессе эта доктрина получила название «сань цзяо хэ и» (три учения соединяются в одно).

Апологетом этого синтеза стал Ван Чун-ян (Ван Чжэ) (1113-1170) – основатель школы Совершенной истины. Он родился в деревне Давэйцунь уезда Сяньян пров. Шэнь-

² Торчинов Е.А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. – СПб. Лань, 1998. С. 361.

³ Кожин П.М. Историческое развитие религиозной ситуации. // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. [Т.2:] Мифология. Религия. – М. Восточная литература РАН, 2006. С.179.

⁴ Eskildsend S. The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. Albany: State University of New York Press, 2004. P.16.

⁵ Fairbank J.K. China: A New History. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1992. P. 108-27.

⁶ Торчинов Е.А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. – СПб. Лань, 1998. С. 362.

⁷ Торчинов Е.А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. – СПб. Лань, 1998. С. 363.

си 11 января 1113. Легенда рассказывает, что в 1159 г. в харчевне уездного городка Ганьхэ, где Ван Чун-ян пил вино, к нему подошли два человека, одетых в белые шерстяные одежды. Как уточняет Юй Ин-Мао, это оказались «бессмертные» мастера *нэй дань* Люй Янь (Люй Дун-бинь) и его учитель Чжун-ли Цюань, впоследствии почитаемые как патриархи учения Цюань-чжэнь⁸.

Под влиянием беседы с ними Ван Чун-ян преодолел тягу к вину и стал даосским отшельником. В 1167 г. Ван Чун-ян покинул родину и отправился на восток, в Шаньдун, чтобы проповедовать свое учение. Через три месяца странствий он достиг уезда Нинхай, где встретил семейную пару – Ма Юя и Сунь Бу-эр. У них в саду он соорудил хижину, которую назвал «хижина совершенной истины» – *цюань чжэнь ань*⁹.

Вскоре сложилась и иерархия школы, а первые семь учеников Ван Чун-яна получили титул «семи праведников» («совершенных людей») – *ци чжэнь жэнь*. Это были Ма Юй (Ма Дань-ян, 1123-1184), Тань Чу-дуань (Тань Чан-чжэнь, 1123-1185), Лю Чу-сюань (Лю Чан-шэн, 1147-1203), Цю Чу-цзи (Цю Чан-чунь, 1143-1227), Ван Чу-и (Ван Юй-ян, 1142-1217), Хао Да-тун (Хао Гуан-нин, 1140-1212), и Сунь Бу-эр (Сунь Цин-цин 1119-1183)¹⁰.

Основополагающие идеи своего учения Ван Чун-ян выразил в небольшом трактате «Чун-ян ли цзяо ши у лунь» (Пятнадцать статей, устанавливающих учение Чун-яна). В нем перечисляются пятнадцать доктринальных принципов нового даосского движения, излагаются правила подвижничества, описывается практика самосовершенствования и сотериология даосизма Цюань-чжэнь¹¹.

С 1168 по 1969 год Ван Чжэ со своими учениками путешествуют по всему Шаньдуну и повсюду проповедуют свое учение. В течение этого промежутка, Ван Чун-ян создает различные даосские общества (*хуэй*), в которых распространяет доктрину Цюань-чжэнь цзяо: В Вэньдэн «Общество Семи драгоценностей Трех учений» (*Сань цзяо Ци бао хуэй*), в Нинхай «Общество Золотого лотоса Трех учений» (*Сань цзяо Цзинь лян хуэй*), в Фушань «Общество Трех сияний Трех учений» (*Сань цзяо Сань гуан хуэй*), в Дэнчжоу «Общество Нефритового цветка Трех учений» (*Сань цзяо Юй хуа хуэй*), и «Общество Равенства Трех учений» (*Сань цзяо Пин-дэн хуэй*) в Лайчжоу.

22 января 1170 Ван Чжэ умирает в Бяньцзине (современный Кайфын, пров. Хэнань), провозгласив Ма Юя своим преемником.

За три года до своей смерти Ван Чун-яну удалось создать прочную и быстро расширяющуюся религиозную организацию, охватившую своим влиянием весь Шаньдунский п-ов, а к началу XIII в. распространившуюся по всему Китаю. Успех, которого удалось добиться Ван Чжэ за столь короткий промежуток времени поистине колоссален. Согласно свидетельствам, одно только «Общество Равенства Трех учений» (*Сань цзяо Пин-дэн хуэй*) в Лайчжоу насчитывало на тот момент более 1000 человек¹², что свидетельствует о необычайной популярности его учения среди различных слоев населения.

Как предполагает С. Эскилдсэн, этот успех был связан с преобладающими в Китае религиозными воззрениями, где вера в бессмертных и интерес к *нэй дань* были уже довольно широко распространены среди людей различных социальных страт¹³. Однако нам

⁸ Юй Ин-Мао. Ху сянь циньдучжэнь чун сю чжидао гуань бэй // Дао цзя цзинь ши люэ. Пекин, 1988. С. 478-79.

⁹ Цзинь лян чжэнь цзун сянь юань сян чжуань (Иллюстрированные жизнеописания истинных патриархов и бессмертных [школы] Золотого лотоса) // ДЦ 76, ЯГ 174, СТ 174, 23b-24a.

¹⁰ Ци чжэнь нянь пу (Погодовые хроники о семи истинных [наставниках]) // ДЦ 76, ЯГ 175, СТ 175, 8a-b; Eskildsend S. The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. Albany: State University of New York Press. 2004. P. 3.

¹¹ Чун-ян ли цзяо ши у лунь (Пятнадцать статей, устанавливающих учение Чун-яна) // ДЦ 989, ЯГ 1223, СТ 1233, ЧХДЦ т. 26, с. 271-272. Краткое изложение и обсуждение этого текста см. Торчинов Е.А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. – СПб. 1998. С.370-375. Полный перевод см. Kohn, Livia. The Taoist Experience: An Anthology. Albany: State University of New York Press, 1993. P. 86-92.

¹² Ли-ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь сюй пянь (Продолжение «Всепроникающего зеркала небожителей и Совершенных минувших времен, воплотивших Дао-Путь») // ДЦ 149, ЯГ 297, СТ 297, в 5 цзюанях, цз.1:6a; ЧХДЦ т.47, с.579; Eskildsend S. The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. Albany: State University of New York Press. 2004. P. 210.

¹³ Eskildsend S. The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. Albany: State University of New York Press. 2004. P. 2.

кажется, что успех, которого Ван Чжэ добился в популяризации даосизма среди различных общественных сословий, был обусловлен не только религиозными предпосылками и личностью самого основателя, а был непосредственно связан с доктринальной и практической деятельностью, прописанной и реализованной в его учении. Ван Чун-ян предложил свой вариант сотериологии — дополнив традиционные даосские практики достижения бессмертия этическими и нравственными идеалами и ценностями, благодаря чему отрешение от мира перестало быть необходимым условием для религиозного подвижничества.

Создание дополнительно к школе Совершенной истины пяти обществ дало возможность людям меньшей решимости и силы духа заниматься духовным самосовершенствованием. Их члены не были обязаны ежедневно посещать молебны и следовать строгим предписаниям, исполнение которых требовалось от учеников Цюань-чжэнь, но, тем не менее, собирались периодически, чтобы участвовать в литургиях и других религиозных обрядах. В поэмах Ван Чун-яна упоминается о ежемесячном ритуальном взносе из четырех медных монет, который должны были платить последователи, и говорится об обязательном присутствии на литургиях два раза в месяц — в первый и пятнадцатый день¹⁴.

Сам Ван Чжэ объясняет цель создания субнаправлений Цюань-чжэнь так: «Причина, по которой я создал «Общество Нефритового цветка» (*Юй хуа хуэй*) и «Общество Золотого лотоса» (*Цзинь лян хуэй*) в ваших провинциях состояла в том, что я хотел, чтобы все вы познали истину (*чжэнь*)»¹⁵. Обращаясь в своей речи к широкой аудитории, он предлагает достаточно простую сотериологию, построенную на даосских принципах «естественности» (*цзы жань*), «чистоты» (*цин*) и «спокойствия» (*цзин*). Если вы действительно хотите обрести бессмертие, говорит Ван Чун-ян, просто ешьте, когда голодны и закрывайте глаза, когда устали. Не практикуйте созерцание, и не изучите Дао. Сделайте свое сердце спокойным и чистым (*цин цзин*). Все остальные методы, заверяет он, не являются подлинной практикой постижения Дао. Без старания познать свою подлинную сущность, следуя рекомендациям иных школ (*пан мэнь сяо фа*), можно научиться только тому, как добиться положения в обществе или как укрепить свое здоровье. Однако, предупреждает наставник, эти усилия не имеют абсолютно ничего общего со способом взрастить бессмертие¹⁶. Вместо того чтобы говорить о добродетелях, раздаче милостыни, или перечислять этические принципы, составляющие основу его доктрины, Ван Чжэ описывает прямой путь, которым, согласно учению Совершенной истины, можно достичь бессмертия. Мирянам для этого было достаточно сохранять чистоту и спокойствие сердца, чем бы они не занимались, относиться со смирением и состраданием ко всем живым существам и периодически посещать храмы Цюань-чжэнь.

В то время как самые ранние годы существования движения совпали с периодом относительного мира и стабильности, его развитие активно продолжается в течение периода завоевания монголами. Как отмечает Е.А. Торчинов, к XIII в. учение Совершенной истины превратилось в «мощную идеологическую силу, распространив свое влияние по всему Северному Китаю» и даже предприняло попытку приобрести статус «официальной идеологии»¹⁷. Непосредственную роль в популярности движения сыграли политические и социальные обстоятельства смутного времени, которые так же нашли свое отражение в содержании доктринальной базы Цюань-чжэнь. Измученные войной люди искали духовную и физическую помощь в стенах школы, которая обеспечивала приют в монастырях, ритуальные услуги, целительство, и проявляла милосердие, раздавая продовольствие всем нуждающимся.

¹⁴ Чун-ян цюань чжэнь цзи (Собрание [речей патриарха учения] Совершенной истины Чун-яна) // ДЦ 793-795, ЯГ 1145, СТ 1153, в 13 цзюанях, цз. 9:6a-b, цз.10:18a.

¹⁵ Чун-ян цюань чжэнь цзи (Собрание [речей патриарха учения] Совершенной истины Чун-яна) // ДЦ 793-795, ЯГ 1145, СТ 1153, в 13 цзюанях, цз. 10:20b; Чун-ян цзю хуа цзи (Собрание [произведений, описывающих] превращения учения Чун-яна) // ДЦ 795-796, ЯГ 1146, СТ 1154, в 3 цзюанях, цз.3:12b-13b.

¹⁶ Чун-ян цюань чжэнь цзи (Собрание [речей патриарха учения] Совершенной истины Чун-яна) // ДЦ 793-795, ЯГ 1145, СТ 1153, в 13 цзюанях, цз. 10:20b; Чун-ян цзю хуа цзи (Собрание [произведений, описывающих] превращения учения Чун-яна) // ДЦ 795-796, ЯГ 1146, СТ 1154, в 3 цзюанях, цз.3:12b-13b.

¹⁷ Торчинов Е.А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. — СПб. Лань, 1998. С. 378.

Острое переживание мастерами Цюань-чжэнь безразличия одной части общества к другой и сострадание ко всем живым существам обусловило включение этических норм, в прошлом бывших внешними для даосской традиции, в центральное ядро их доктрины. Призывы соблюдать нравственные заповеди и совершать добродетельные поступки адресовались не только непосредственно монахам или последователям учения, но и всем мирянам.

Сотериологическое значение деятельного милосердия раскрывается в цзюани о «сань дун чжоу» из «Дун сюань цзинь юй цзи» (Собрание золотых и нефритовых [сочинений] из Сокровенной пещеры)¹⁸, передающей смысл проповеди, с которой наставники учения Совершенной истины Ма Юй и Ван Чу-и обратились к местной аристократии, убеждая пожертвовать еду для бедняков. «Пожалейте бедных и накормите их кашей, не прося что-нибудь взамен. Если Ваше Дэ станет [сокрыто] подобно вору, ваша истинная [природа] уподобится совершенству». (*Лянь пинь шэ чжоу фэй цю бао, цзянь дэ жу тоу. Гэн хао чжэнь сю*)¹⁹.

Для этой цели они организовали сбор подношений, который получил название «сань дун чжоу» – «каша трех зимних [месяцев]», «каша, выдаваемая в три холодных зимних месяца» или «пожертвования для бедных» (*шэ пинь хуэй*) и подразумевал раздачу продовольствия всем нуждающимся (*лянь пинь шэ чжоу*). «Зимняя каша должна [раздаваться] в течение долгого времени год за годом. Те, кто делает это с жалостливым сердцем, твердо посеют семена истины в счастливое поле нынешнего и более поздних воплощений, не испытывая недостатка добродетелей». (*Сань дун шэ чжоу и чан цзю суй суй жу жань*)²⁰.

В проповедях к состоятельным горожанам они просили пожертвовать «полторы горсточки милосердного риса», дабы «накормить голодных», утверждая, что даже незначительная помощь непременно приведет к большим заслугам на пути к бессмертию, а имена тех, кто участвовал в благом деле, будут внесены в их число. «[Если Вы жертвуете] полторы пригоршни милосердного и сострадательного риса, заслуги и дела [что Вы накопите], не [будут] незначительными. Раздача риса для бедных намного превосходит чтение канонов. Те, кто действует из сочувствия, достигают Нефритовой Столицы и вписаны в имена бессмертных». (*И чао бань цо цы бэй ми, гун син фэй цин. Юань шэн кань цзин, цэ инь чжи синь да юй цзин. Чжу сян мин*)²¹.

Опираясь в своих речах на традиционные для китайского общества конфуцианские добродетели, они связывали их с даосскими представлениями о бессмертии, полагая высокие нравственные заслуги необходимыми, прежде всего, для обретения статуса *сяня*. «Пусть Вы дадите немножко риса, Вы обретете бескрайнее счастье. Если Вы накапливаете добродетельные дела, и ваши заслуги полны, в будущем это обязательно принесет плоды [и вы будете] допущены [в сонм] небожителей и воспарите в лазурь Небес». (*Цэ инь синь цзянь чжун ся цзинь шэн чжэнь фу тянь*)²².

Для иллюстрации использовалась популярная легенда об одном из наиболее почитаемых патриархе учения, «бессмертном» Люй Дун-бине, странствующем в мире живых в облике нищего, и проверяющем, достоин ли человек, к которому он обратился за помощью, принятия в сонм небожителей. «Те, кто просит милостыню на улицах, замерзая и голодая, будут чрезмерно рады вашему сочувствию и состраданию. Преподнесите им пищу подобно бессмертным, волнуясь только, что мудрец может быть скрыт среди них». (*Цзе тоу дун нэй цю ци чжэ, хуань си ай лянь. Гун ян жу сян, вэй кун чжун цзянь инь шэн сян*)²³.

Милосердие и сострадание к нуждающимся, как утверждали патриархи Цюань-чжэнь, Ма Юй и Ван Чу-и, является значимо большей заслугой на пути к бессмертию, нежели самое строгое соблюдение религиозных обрядов, исполнение традиционных да-

¹⁸ Дун сюань цзинь юй цзи (Собрание золотых и нефритовых [сочинений] из Сокровенной пещеры) // ДЦ 789-790, ЯГ 1141, СТ 1149, в 10 цзюанях. ЧХДЦ, т. 26, с. 452.

¹⁹ Там же, ЧХДЦ, т. 26, с. 452.

²⁰ Там же, ЧХДЦ, т. 26, с. 452.

²¹ Там же, ЧХДЦ, т. 26, с. 452.

²² Там же, ЧХДЦ, т. 26, с. 452.

²³ Там же, ЧХДЦ, т. 26, с. 452.

осских ритуалов и чтение священных текстов. «[Накормить голодных] лучше, чем внести жертвоприношения для постройки 10 алтарей. Вы посеете [добрыми делами] больше заслуг [для спасения]. Ваши благие дела завершатся (букв. «совершат круг, достигнут полноты») и вы непременно будете ступать по нефритовым лотосам, отправляясь к Изначальному». (*Шэн жу сю цзянь ши тань цай, бе чжун инь юань. Фу син чжоу юань, дин ши цян лай бу би. Цюй чао юань*)²⁴. Таким образом, практика милосердия рассматривалась как своеобразная верификация взыскующего бессмертия.

Включение нравственных норм в канву даосского вероучения благодаря переосмыслению сотериологической доктрины, послужило одной из причин, приведших к расширению социальной базы и упрочения позиций школы Совершенной истины в религиозном сегменте.

Репутация наставников Цюань-чжэнь как знатоков методов «внутренней алхимии» (*нэй дань*) и обладателей «рецепта бессмертия» вызывала интерес не только местной аристократии, но и иноземных государей. В 1187 Ван Чу-и был вызван ко двору императора династии Цзинь (1115-1234) Ши-цзуна (правл. 1161-1190) для совета относительно того, как снискать долговечность. Ван Чу-и ответил императору, что путь к долголетию заключен в пестовании духа, так же он сказал, что надлежащим способом управления империей для монарха является бездействие (*у-вэй*)²⁵. Подобные приглашения впоследствии получили Ван Чу-и в 1188 и Лю Чу-сюань в 1197²⁶.

Не последнюю роль в массовом привлечении последователей сыграло начавшееся вторжение монголов в Китай. Многочисленные монастыри школы Совершенной истины становились в то время прибежищем для спасавшихся от войны людей, обеспечивая им не только духовную и физическую поддержку, но и служили гарантией безопасности при чужеземном господстве. Как и правители Цзинь, монгольские ханы так же проявляли интерес к даосским рецептам продления жизни и искали бессмертия в «чудодейственных снадобьях». Однако, не только слава целителей привлекла их внимание к религиям покоренных народов, но так же как средство управления последними. Получившее широкое распространение и общественную популярность учение Совершенной истины представлялось монголам мощной идеологической силой, помощь и покровительство которой со стороны государства могло обеспечить лояльность со стороны завоеванного населения к новым властям.

На тот момент из семи субнаправлений, основанных учениками Ван Чун-яна, наибольшую известность приобрела школа Лун-мэнь (Врата дракона), благодаря талантам её главы Цю Чу-цзи. Слава о нем как о патриархе наиболее влиятельного религиозного направления вышла за пределы Китая и Чингиз-хан, планируя завоевание этой страны, вызвал его для беседы, с тем, чтобы впоследствии, наладив контакт с духовными лидерами, упрочить свою власть в покоренном государстве. Цю Чу-цзи (которому в то время исполнилось семьдесят три года) подчинился и в первом лунном месяце (между 6 февраля и 6 марта) 1220 года отправился в дальний путь к окрестностям Кабула. Там, в третьем лунном месяце (между 12 апреля и 14 мая) 1222 года, и состоялась его беседа с монгольским ханом. Он убедил безжалостного завоевателя применить более мягкий подход при завоевании Китая и познакомил его с основными принципами учения Цюань-чжэнь, практиками укрепления здоровья и достижения долголетия²⁷.

По итогам этой встречи школа Совершенной истины получила официальную поддержку монгольской династии, вскоре утвердившейся в Китае. Её монастыри были освобождены от внесения дани, обретя статус неприкосновенных территорий, и в наступившие суровые времена часто становились прибежищем для обездоленных войной людей²⁸. Монгольское завоевание Китая обошлось относительно малой кровью, и про Цю Чу-цзи

²⁴ Там же, ЧХДЦ, т. 26, с. 452.

²⁵ Ци чжэнь нянь пу (Погодовые хроники о семи истинных [наставниках]). // ДЦ 76, ЯГ 175, СТ 175, 13а.

²⁶ Там же, 13а-б, 15а.

²⁷ Eskildsend S. The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. Albany: State University of New York Press. 2004. P.17.

²⁸ Цзинь лян чжэнь цзун цзи (Записи об истинных патриархах [школы] Золотого лотоса) // ДЦ 75-76, ЯГ 173, СТ 173, в 5 цзюанях, цз. 4:13а-14а.

стали говорить, что его проповедь перед Чингиз-ханом спасла многие жизни, что также укрепило авторитет школы. Также и монголам эта дипломатическая комбинация значительно помогла достичь прочного положения у власти в огромной стране. Школа Совершенной истины приобрела значение мощной идеологической силы, протекция которой у властей еще более упрочила общественную популярность учения. А причастность к данному религиозному движению гарантировало неприкосновенность адептам перед последовательно сменяющимися друг друга чужеземными владыками. Понимая значение достигнутых договоренностей, Чингиз-хан даровал Цю Чу-цзи и его ученикам монастырь Да тяньчан-гуань (совр. Байюнь-гуань) в Яньцзине (Пекине), который впоследствии стал духовным центром даосизма в современном Китае.

Таким образом, мы имеем все основания заключить, что основными предпосылками, обусловившими появление и широкое распространение учения Совершенной истины, были следующие:

1. Войны, смуты, смены династий – время эсхатологических ожиданий, и, как следствие, повышенного интереса ко всем новым учениям, удовлетворяющим мессианским ожиданиям.

2. Неустойчивость, ненадежность материального благополучия в смутное время подвигла многих аристократов также как и простых людей на поиск путей к духовному совершенствованию.

3. Популярность у правителей методов самосовершенствования, предложенных школой Совершенной истины, позволявших достичь духовного бессмертия и зримых результатов в реальной жизни – здоровья и долголетия.

4. Работа самой школы Цюань-чжэнь о расширении круга своих последователей среди мирян, для которых помимо основного, монашеского направления, создается пять субнаправлений (*хуэй*), где люди могли совершенствоваться духовно в своей повседневной жизни, тем не менее, сохраняя причастность к большому религиозному движению.

5. Духовная и физическая помощь в стенах школы: приют в монастырях, ритуальные услуги, целительство, раздача продовольствия обездоленным войной людям, что было обусловлено включением нравственных норм в доктринальную основу учения.

6. Интерес новых правителей к способам управления покоренными народами. Как следствие – покровительство даосским школам, которые могли оказывать реальное влияние на народные массы.

7. Неприкосновенность всех последователей учения Совершенной истины иноземными государями.

Все вышеперечисленные факторы оказали непосредственное влияние на распространение учения Совершенной истины и привлечения большого количества последователей в ее ряды.

Список литературы

1. Goossaert V. The Invention of an Order: Collective Identity in thirteenth-Century Quanzhen Taoism // Journal of Chinese Religions 29, 2001. P. 111-38
2. Торчинов Е.А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. – СПб. Лань, 1998.
3. Кожин П.М. Историческое развитие религиозной ситуации. // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. [Т.2:] Мифология. – М. Восточная литература РАН, 2006. С. 172-189.
4. Eskildsend S. The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. Albany: State University of New York Press. 2004.
5. Fairbank J.K. China: A New History. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1992.
6. Юй Ин-Мао. Ху сянь циньдучжэнь чун сю чжидао гуань бэй // Дао цзя цзинь ши люэ. Пекин, 1988. С. 478-79.
7. Цзинь лян чжэнь цзун сянь юань сян чжуань (Иллюстрированные жизнеописания истинных патриархов и бессмертных [школы] Золотого лотоса) // ДЦ 76, ЯГ 174, СТ 174, ЧХДЦ т. 47, с. 54-68.
8. Ци чжэнь нянь пу (Погодовые хроники о семи истинных [наставниках]). // ДЦ 76, ЯГ 175, СТ 175, ЧХДЦ т.47, с. 69-76.
9. Чун-ян ли цзяо ши у лунь (Пятнадцать статей, устанавливающих учение Чун-яна) // ДЦ 989, ЯГ 1223, СТ 1233, ЧХДЦ т. 26, с. 271-272.
10. Kohn, Livia. The Taoist Experience: An Anthology. Albany: State University of New York Press, 1993. P. 86-92.

11. Ли-ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь суй пянь (Продолжение «Всепроникающего зеркала небожителей и Совершенных минувших времен, воплотивших Дао-Путь») // ДЦ 149, ЯГ 297, СТ 297, в 5 цзюанях; ЧХДЦ т.47, с. 579-616.
12. Чун-ян цюань чжэнь цзи (Собрание [речей патриарха учения] Совершенной истины Чун-яна) // ДЦ 793-795, ЯГ 1145, СТ 1153, в 13 цзюанях; ЧХДЦ, т. 26, с. 273-358.
13. Чун-ян цзяо хуа цзи (Собрание [произведений, описывающих] превращения учения Чун-яна) // ДЦ 795-796, ЯГ 1146, СТ 1154, в 3 цзюанях; ЧХДЦ, т. 26, с. 359- 382.
14. Дун сюань цзинь юй цзи (Собрание золотых и нефритовых [сочинений] из Сокровенной пещеры) // ДЦ 789-790, ЯГ 1141, СТ 1149, в 10 цзюанях; ЧХДЦ, т. 26, с. 411-478.
15. Цзинь лян чжэн цзун цзи (Записи об истинных патриархах [школы] Золотого лотоса) // ДЦ 75-76, ЯГ 173, СТ 173, в 5 цзюанях; ЧХДЦ, т. 47, с. 29-53.

Библиографические сокращения

- ДЦ – Дао цзан (Даосский Канон). Папки 1-112. – Шанхай: Печатня «Ханьфэньлоу», 1923 – 1926.
 ЯГ – Дао цзан цзы му иньдэ (Индекс авторов и сочинений «Дао цзана»). Сост. Вэн Ду-цзянь. – Бэйпин: Изд. Яньцзин-Гарвардского ун-та, 1935.
 СТ – Schipper K. *Concordance du Tao-tsang*. – Paris: École Française d'Extrême Orient, 1975.
 ЧХДЦ – «Чжун хуа Дао цзан» («Китайский Даосский канон») в 48 тт. – Пекин: Хуася чу-баньшэ, 2004.

THE PRECONDITIONS OF THE SPREADING OF THE DAOIST LINEAGE OF THE COMPLETE PERFECTION IN CHINA OF THE XII-XIII CENTURIES

I. V. Belaya

The Amur State University

e-mail:
belaya-irina@rambler.ru

This article is devoted to the analysis of the preconditions of the occurrence of the daoist lineage of the Complete Perfection and the reasons of its wide circulation in the medieval China. The major marks of the early history of these daoist schools and the activity of its first patriarchies on the propaganda and popularizations of the doctrine are examined on the basis of the research of the historical context.

Key words: Daoism, the lineage of the Complete Perfection, the doctrine of the immortality, Wang Chong-yang, Ma Yu, Qiu Chu-ji.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 130.2 : 165. 721

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ПРОЦЕССЕ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА

М. Т. Асланова*Ставропольский
государственный
университет**e-mail:
sgu.marishka@mail.ru*

В статье рассматриваются изменения в социальных институтах в процессе рационализации европейского общества. Выявляется взаимосвязь между процессами рационализации институтов и рационализацией систем мышления. Определяются основные источники социальной рационализации их первичность по отношению к политическим правовым, экономическим институтам.

Ключевые слова: социальные институты, рационализация, ценности, модернизация, общество.

В процессе социальной рационализации, который начался в европейском обществе в позднем средневековье и продолжается по сей день, изменяются не только ценности, но и институты. Среди институтов современного общества обычно выделяют семью, церковь, образование и государство. Рационализация этих институтов затронула достаточно сильно, хотя и привела к довольно разным результатам. Параллельно с рационализацией институтов осуществлялась рационализация таких важнейших аспектов человеческой жизни как картина мира и система действия. Эти два процесса: рационализация институтов и рационализация систем мышления и действия оказывали друг на друга достаточно сильное влияние и многие черты современного общества уходят своими истоками в историю их взаимодействия.

Хорошо известно, что базовым социальным институтом средневекового общества выступала церковь, которая не только регулировала функционирование всех остальных институтов, но и определяла содержание их деятельности. Но церковь же выступала и основным источником социальной рационализации. Как отмечал М. Вебер, «современная теоретическая и практическая, интеллектуальная и прагматическая рационализация картины мира и жизненного поведения привела к одному общему результату. Он заключается в следующем: чем больше прогрессирует этот особый вид рационализации, тем больше религия оттесняется в область иррационального – с точки зрения такого интеллектуального формирования картины мира»¹.

---

¹ Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 55-56.

Действительно, рационализация картины мира повлияла на системы мышления и действия людей самым радикальным образом. Если прежде, в эпоху античной и средневековой науки картина мира была построена таким образом, чтобы упорядочивать мир и давать возможность приводить видимое в соответствие с мыслимым, она также была рациональной. Даже миф создавал условия для того, чтобы представить всю совокупность наблюдаемых явлений, которая, на первый взгляд, может показаться хаотическим нагромождением, как некую рационально объяснимую последовательность событий. Но для рационализации видимого мира человеку в доисторическую эпоху приходилось вводить множество фантастических невидимых персонажей, наполнять мир всевозможными духами, демонами и иными сверхъестественными существами. Затем, фантастические персонажи мифа сменились умозрительными конструкциями метафизического толка. Картина мира образованного античного грека или римлянина была уже существенно более рациональной, да и социальные институты античного полиса также претерпели существенную рационализацию. Демократические выборы в органы власти, состязательное правосудие, публичная дискуссия, основанная на применении логики и риторике, радикально изменили, образ мысли, и систему действия свободных граждан Афин или Спарты.

Следует, однако, отметить, что картина мира, созданная средствами античной философии, никогда не была рациональной в том смысле, в котором мы говорим о рациональности сегодня. Не случайно система ценностей античного социума была столь существенно замкнута на созерцание как на высшую добродетель. Умозрение как единственно доступное средство рационализации не позволяло объединить рациональное и практическое иначе как на уровне сугубо утилитарных ценностей. Самореализация была оторвана от практики, от деятельности и, в известной степени, противопоставлена ей. Здесь уже содержится прообраз христианского противопоставления земного мира людей с их желаниями и потребностями и Града Божьего, где спасение души – единственная цель и мотив действия. Миросозерцание средневекового европейца включает в себя удвоение мира, противопоставляя буквальному пространству и повседневно переживаемому времени сакральное пространство и мистически осмысленное время. Поиски господнего знамения – основа средневековой рациональности. Но при этом социальные институты оказываются во власти традиций, критика которых не входит в компетенцию мистиков. Духовная жизнь противопоставляется социальной, хотя общество и препятствует ее отрицанию. Земные блага остаются в поле зрения скорее как соблазн, а знаменитое библейское изречение о том, что удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие², надолго закрывает картину мира для экономической рациональности.

Общее для всех мировых религий понимание богатства и отношение к богатству формирует характерную для традиционного общества этику с ее абсолютизацией духовности. В современных тоталитарных обществах безрелигиозная культура выполняет те же функции, препятствуя рациональности. Когда в Восточной Европе после бархатных революций начинается процесс рационализации институтов, во второй раз происходят те же самые процессы изменения целей и ценностей. Как пишет Н. Генов, «при переходе к демократии идет двусторонний процесс рационализации целей и средств. Преодолевается политически мотивированная сверхидеологизация культуры. Действительно, разочарование в официальных целях социального развития наступило уже давно, поскольку пропаганда вступала в явное противоречие с окружающей действительностью. Но разочарования подобного типа имеют и побочный эффект – они вызывают ревизию всей ценностной системы»³. Рационализация приводит к иррациональному.

Основанием для рационализации европейских обществ послужили два процесса. Во-первых, это секуляризация общественной жизни, которая происходила под знаком уменьшения роли церкви в хозяйственной, политической и культурной сферах. Во-вторых, это изменение самой религиозной практики в ряде государств Центральной и

² Евангелие от Матфея 19:28. Подобные высказывания есть и в других Евангелиях, и в Коране, и в Талмуде.

³ Генов Н. Тенденции и парадоксы социальной рационализации // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 24.

Северной Европы, получивших название реформации. Все усиливающийся светский характер общественной жизни и протестантская этика придали различные импульсы для рационализации институтов, тем более, что их действие первоначально сказывалось на развитии разных областей.

В современной философской науке продолжают попытки противопоставить Итальянское Возрождение и немецкую реформацию. Но если раньше в советской обществоведческой традиции вслед за Марксом утверждалось первостепенное значение секуляризации, то сегодня все говорят и пишут только о протестантской этике, что свидетельствует о доминировании веберовской мысли, победившем марксизм и в Европе, и в современной России. Так, например, К. Улих специально подчеркивает, что «работы М. Вебера и А. Мюллера-Армака показали, что рациональное экономическое действие возникло вовсе не вследствие секуляризации. Его основы были заложены в религии, а отношение к труду как к добродетели проявилось еще в средневековье. Реформация привела к тому, что трудовая этика стала важной составной частью жизненной установки протестанта, обозначенной Вебером как «мирская аскеза»⁴.

Эта позиция также является однобокой, ибо четко фиксирует приоритет ценностей над институтами: вначале новая этика, а затем уж новой социальный порядок. Но аргументы, приведенные Вебером, Мюллером-Армаком и другими сторонниками исключительной роли этики против утверждения о том, что новая этика рождается в контексте социального заказа, формирование которого как раз и было обусловлено секуляризацией, сводятся к тому, что протестанты оказались значительно успешнее на ниве частного предпринимательства. Между тем, развитие капитализма в Европе и рационализация социальных институтов – процесс сложный и неравномерный, а приводимые примеры слишком контекстуальны, чтобы утверждать о том, что первично, а что вторично. И институты, и ценности могут развиваться автономно друг от друга лишь короткий промежуток времени, затем возникшая автономия с неизбежностью порождает разрыв и рассогласование этих важнейших элементов любой социальной системы.

Институты представляют собой статусно-ролевые структуры, регулирующие взаимодействие людей, а ценности оформляют системы целей и их несоответствие всегда порождает системный конфликт, выходом из которых является нахождение искомого соответствия. Поэтому выстраиваемая большинством веберовцев схема, согласно которой новые идеи о мироустройстве, рожденные в религиозном опыте и в религиозном же протесте, приводят к формированию новой этики, а она, в свою очередь, перестраивает и рационализирует институты, выглядит упрощенной и не соответствующей действительности.

В пользу представленной точки зрения свидетельствует реконструкция рационализации европейского государства путем создания и модернизации гражданского общества, произведенная Р. Козелликом: «Еще до того, как абсолютистскому государству удалось – во имя обретения единого субъекта государства – дезорганизовать и уравнивать между собой своих корпоративных соперников, началось и встречное движение по реорганизации «общества» как противовеса государству»⁵.

Рационализация государства как социального института оказывается невозможной без соответствующей неинституциональной эволюции общества к разряду которых, вне всякого сомнения, относится упоминаемая в цитируемом тексте встречная реорганизация общества в противовес государству. Эту мысль подтверждает приводимая далее Л.Д. Коэн и Э. Арато расшифровка понятия социальной реорганизации. Реформирование общества, которое вполне можно было бы назвать параллельной рационализацией, на самом деле «вылилось в организацию ассоциаций и форм общественной жизни, способных черпать свои силы из независимых сословий, из религиозного раскола, а также из экономического предпринимательства; но каковым бы ни были их источники, все они являлись воплощением новых эгалитарных и светских организационных принципов»⁶.

⁴ Ульрих К. «Экономический человек» глазами С. Булгакова // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 128.

⁵ Коэн Л.Д., Арато Э. *Гражданское общество и политическая теория*. М.: Весь мир, 2003. С. 135.

⁶ Там же. С. 135.

Рационализация общества или рационализация его институтов могут идти разными путями. Один из наиболее известных – построение нового политического порядка путем изменения законов. Этот путь характерен для тоталитарных государств и получил название «модернизации сверху», в отличие от «модернизации снизу», когда вначале модернизируются социальные институты, а затем политические. Мобилизационная рационализация институтов государства, семьи и др. была произведена в России после революции 1917 года. Разрушение традиционных механизмов функционирования патриархального общества и насильственная модернизация семьи не может быть названа рационализацией, потому что отменила прежние статусно-ролевые разделения, характерные для традиционной семьи, но не увеличила число степеней свободы, напротив, резко воспрепятствовав гражданским правам и свободам, которые существовали до революции. Таким образом, государство перестало быть социальным институтом, превратившись в институт надсоциальный. Из этого еще нельзя делать вывод о том, что государство не заботится об обществе, что оно враждебно обществу и т.п. Но выход из под контроля большинства автоматически приводит к противопоставлению общества и государства и, прежде всего, к противопоставлению их интересов. Вот почему социальная рационализация – это всегда модернизация снизу.

Аргументы сторонников рационализации как модернизации сверху хорошо известны: их можно разделить на две группы. Первая группа аргументов основана на идее того, что подлинно рациональной является плановое ведение хозяйства, а не экономика, не основанная на свободном рынке. Но для плановой экономики необходима ликвидация многосубъектности хозяйствования или подчинение всех субъектов такому сверхсубъекту, каким, например, являлось государство в Советском Союзе. Контраргументы здесь также хорошо известны: государство не может быть эффективным собственником, а стихия рынка является лучшим средством регуляции, ибо саморегуляция всегда лучше регуляции. В последнее время, когда крушение мировой социалистической системы и ликвидация СССР стали фундаментальными событиями новейшей истории, голоса противников рыночной экономики стали практически не слышны. Но стоило только разразиться масштабному экономическому кризису, охватившему вначале экономику США, а затем затронувшему все самые отдаленные уголки планеты, как лидеры мировой экономики стали активно вмешиваться в деятельность рынка, применять самые радикальные нерыночные меры. В странах, где монетаризм еще недавно считался господствующей идеологией, начались процессы активного расширения государственного присутствия в функционировании экономических институтов.

Сколь долго не длилась бы полемика между представителями разного понимания экономической эффективности, вторая группа аргументов против отождествления социальной и экономической рациональности связана с тем, что социальная рациональность – это забота о человеке, удовлетворение его потребностей. Этой точки зрения придерживался, например, А.А. Зиновьев, считавший советский социализм неэффективным с точки зрения экономики, но обладавший социальной эффективностью. Для обоснования этого тезиса Зиновьев вводит понятие коммунальности, утверждая, что в России из отношений коммунальности возник общественно-экономический строй, точно также как в Европе возник из отношений рынка совсем другой общественно-экономический строй. Реальный коммунизм вырастает, по мнению Зиновьева, из законов коммунальности, вытекающих из стремления людей улучшить естественные условия своего существования. Эти законы выражаются императивно как правила, которым следуют индивиды в повседневной жизни: «меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя. Легкость, с какой люди открывают их для себя и усваивают, поразительна. Это объясняется тем, что они естественны, отвечают исторически сложившейся социобиологической природе человека и человеческих групп»⁷.

В контексте нашего рассмотрения важно отметить, что данный процесс – процесс построения коммунизма в СССР можно представить как закономерный и неизбежный, а можно и как случайный набор фактов. Зиновьев отмечал, что законы коммунальности ес-

⁷ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. С. 64.

тественны, а вот формирование на их основе целого социума – историческая случайность, имеющая для этого общества и его будущего весьма плачевные последствия. Если в обществе не получили достаточного распространения и не укрепились такие достижения цивилизации как мораль, право, религия, пресса, гласность, общественное мнение, идеи гуманизма, то «коммунальные законы могут приобрести огромную силу и будут определять всю физиономию общества, в том числе – определять характер организаций, по идее призванных ограждать людей от них»⁸.

С Зиновьевым трудно не согласиться в том, что стихия реального коммунизма – это поиски социальной эффективности, причем предпринятые как реакция на предыдущие поиски экономической эффективности. Но при этом реформатские действия советской власти, несомненно, являлись рационализацией. Планы первой и второй пятилеток, будучи воплощенными в жизнь, действительно позволили решить проблему индустриализации, создав энергетику, тракторостроение и машиностроение. Насильственная коллективизация позволила, пусть и противоестественным путем, но создать потребителя результатов индустриализации. Появившаяся возможность выпускать танки и самолеты дала возможность защититься от внешних врагов, исторически более развитых и индустриализированных. Да и воплощение в жизнь идей социального, а не правового равенства может претендовать на роль социальной рационализации. Но при этом, степень и качество рационализации социальных институтов можно считать неудовлетворительными, что и сказалось впоследствии. Несмотря на решение задачи индустриализации, само общество не смогло эволюционировать только потому, что социальные институты не прошли той самой естественной рационализации и оказались неспособны удовлетворять общественные потребности постиндустриального общества.

Но вернемся к институтам европейских обществ классического капитализма. Их развитие также можно представить как закономерное и связать со стремлением к свободе, а можно представить как набор детерминированных случайными обстоятельствами инициатив. Так, И. Валлерстайн отметил, что стремление к свободе и прорыв в области технологии стали обликом современности, но это две разные истории и каждая из них являет свой образ современности. И это рано или поздно должно проявиться, ибо кризис одной современности дискредитирует вторую. Историческая случайность привела к тому, что «на протяжении этого длительного периода и те, кто отстаивал современность технологии, и те, кто отстаивал современность освобождения, зачастую имели дело с одними и теми же могущественными политическими противниками. Две современности, казалось, выступали в тандеме, и немногим приходило в голову прибегнуть к формулировкам, в которых между ними делалось различие»⁹. В этих условиях необходимо понять логику истории как логику отдельных рациональных инициатив, детерминированных стремлением к личной свободе.

Институт семьи в процессе построения европейской рационализации подвергся тяжелым испытаниям, которые сформировали целый ряд общественных движений, наиболее известным среди которых является движение феминизма. Оно оказывает влияние не только на сферу функционирования семьи, но и на институциональный строй в целом, но сферы политики и экономики, религии и культуры. «Феминистская версия критического анализа государства всеобщего благосостояния должна повлечь свое рефлексивное продолжение. Так, раскрепощение гражданского общества и его модернизация (в смысле замены традиционно поддерживаемых патриархальных норм коммуникативно достигнутыми нормами) – обе являются феминистскими проектами. То же следует сказать о развитии эгалитарных институтов, которые могут влиять на административные и экономические системы»¹⁰.

Из этого можно заключить, что развитие институтов в процессе социальной рационализации не тождественно рационализации политических или экономических систем, которые предельно рациональны сами по себе, но подчиняются своим собственным моделям рациональности: политические – политической, а экономические – экономиче-

⁸ Там же С. 65.

⁹ Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 127.

¹⁰ Козн Л.Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. С. 692.

ской. Решение политических задач, таких как, например, удержание власти любой ценой, позволяет приносить экономическую рациональность в жертву. При этом приходится нарушать права и активно прибегать к внеэкономическому принуждению, но политическая целесообразность при этом становится мерой рационального. Если же экономическая рациональность доминирует над всеми остальными, то наблюдается превращение денег в господство, что не менее пагубно для общества и его культуры, а значит и для человека. Политические, правовые, экономические институты никогда не должны получать более высокий статус по отношению к социальным, которые по своей природе первичны и фундаментальны.

Список литературы

1. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
3. Генов Н. Тенденции и парадоксы социальной рационализации // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6.
4. Евангелие от Матфея.
5. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994.
6. Коэн Л.Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003.
7. Ульрих К. «Экономический человек» глазами С. Булгакова // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2.

SOCIAL INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF RATIONALIZATION OF EUROPEAN SOCIETY

M. T. Aslanova

*Stavropol
State
University*

*e-mail:
sgu.marishka@mail.ru*

The article is devoted to the changes in social institutions during the process of rationalization of European society. The correlation between the processes of rationalization of institutions and rationalization of systems of mind is considered. The main roots of social rationalization and their priority are determined in reference to political, economical and law institutions.

Key words: social institutions, rationalization, values, modernization, society.

УДК 371.014

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ КАК ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г. Н. Травников*Прикамский социальный
институт**e-mail: travnikov@yandex.ru*

В статье рассматривается онтологический статус и проблемы традиции и инновации. Традиция в онтологическом аспекте рассматривается как нечто постоянное в своих изменениях и развитии, абсолютное в относительном и вечное во временном. Это основа появления нового в образовании. Инновации предполагают такое направление исследований, в котором наследование приобретает новый смысл и служит символом другого предопределения, а их целью является порождение новых явлений.

Ключевые слова: традиция, деятельность, инновация, культурная традиция.

«Сознательно или бессознательно ученые обязательно руководствуются опытом, почерпнутым из общего фонда человеческой культуры. Когда это происходит бессознательно, такая зависимость традиции будет слепой и приведет лишь к повторению опыта, более ранних попыток и решений, которые в силу изменившихся обстоятельств стали бесполезными. Если это делается сознательно, такое применение традиции должно привлечь за собой более глубокое знание. Необходимо изучать прошлое для достижения возможности понимания настоящего и управления будущим»¹.

Проблема традиций давно исследуется в философско – педагогической литературе и до сих пор не разработана целостная концепция, раскрывающая сущность данного феномена, вопрос о соотношении традиций и инноваций в образовании. В.В. Аверьянов, обращаясь к вопросу традиции, раскрывает три ее аспекта: а) традиция как порядок, б) традиция как процесс, в) полная традиция². Так, в культуре традиция выполняет функцию **инстинкта самосохранения**, выступает как принцип и способность сопротивляемости разложению смысла. Поэтому традиция не может быть сведена к частному мнению. Традиция не является чем-то абстрактным, неуловимым, она всегда **есть конкретный порядок**: модель, образец, ценностный, духовно-эмоциональный, символический «стереотип».

Традиция в онтологическом смысле – это не сохранение или изменение, а нечто постоянное внутри перемен, константное в развитии, абсолютное в относительном, вечное во временном. Это тот фундамент, на котором «формируется» новое в педагогике. Это идеи, подходы, методы, технологии, т.е. комплекс элементов, которые несут в себе прогрессивное начало, позволяющее в изменяющихся условиях и ситуациях достаточно эффективно решать задачи современного образования; которые включают в себя процесс становления нового подхода, стиля мышления и т.д.³

«Понимаем ли мы свою зависимость от традиции и возможное будущее, которое она нам предначертывает?...» – задается вопросом крупный западный мыслитель Г.-Г. Гадамер. «Конечно, традиция – не просто сохранение, а передача, переложение. Она предполагает, что ничто не остается неизменным, законсервированным, но господствует стремление понять и выразить старое по-новому. Так и слово «переложение» может быть использовано для обозначения перевода. Феномен перевода может служить моделью того, чем в

¹ Фабиан Э. Творчество Христиана Самуила Бейса и вопрос о роли традиции в развитии науки // Вопросы истории, естествознания, техники. – 1981. – № 3. – С. 22.

² Черепанов В. С. О применении метода групповых экспертных оценок в дидактических исследованиях // Проблемы педагогических измерений: Межвузовский сборник научных трудов. – М., 1984.

³ Редженова С.И. Диалектика традиции и новации в науке. – Чарджев, 1995.

действительности является традиция. То, что было застывшим языком литературного произведения, необходимо превратить в свой собственный язык»⁴.

Знание опыта, накопленного предыдущими поколениями, характеризует укорененность человека в той или иной культуре. «Такое знание оказывает решающее влияние на формирующееся мировоззрение, отношение к ценностям своей страны»⁵.

Проблема традиций чрезвычайно сложна в силу своей *интегративной функции* и испытывает влияние социокультурной среды. *Значение культурной традиции* для образования определяется тем, что она отражает ценностные установки, сложившиеся в обществе на определенном этапе его развития, которые прошли практическую апробацию, что гарантирует отделение утопических проектов от реализуемых; она формирует духовную сферу, в которой происходит функционирование социальных процессов, в том числе и образования; она задает общую направленность педагогическим стереотипам.

«Традиция – это специфический механизм, во многом задающий общую направленность общественного развития. Ведь именно *на потенциях и предпосылках*, создаваемых культурной традицией, базируются *творческие инновации*, благодаря которым преодолеваются соответствующие, отжившие свой век стереотипы человеческой деятельности и происходит развитие общества»⁶. Культурная традиция сопровождает человечество на протяжении всей истории и представлена в конкретных, исторически переходящих формах, т.е. «традиция не есть неподвижная статуя, она живая и растет подобно могучему потоку», тем самым «является душой каждого последующего поколения, его духовной субстанцией, ставшей чем-то привычным, его принципами, предрассудками и богатством»⁷. Здесь важно подчеркнуть, что традиция – живой феномен, который требуется изучать, на который необходимо опираться при создании или введении нового в социальную практику.

В современных философских исследованиях традиции трактуется как форма существования социального духа, стремление которой заключается в связи прошлого и будущего через настоящее. Поскольку «традиционная» организация общественного развития изменяется, интенсифицируется, достигает нового качества, определяется в традицию, то и культура не только изменяется, но и сохраняется, а, сохраняясь, передается, фиксируется. В результате «революционных» преобразований, которые являются основной предпосылкой для выхода на новый уровень общественной жизни, наступает новое «традиционное» общество. В этой связи традицию можно рассмотреть как «определенный тип отношений между последовательными стадиями развивающегося объекта, в том числе и культуры, когда «старое» переходит в «новое» и продуктивно работает в нем»⁸.

«Другой фундаментальной формой наследования наряду с традицией является инновация (или преобразование). Инновация представляет собой такой порядок наследования, при котором наследуемое несет в себе новый смысл и служит другому предназначению. Цель инновации не в возобновлении старого, а в порождении нового содержания. Инновации соответствует и определенный тип наследования, определенным образом разворачивающийся процесс наследования. Очевидно, что осмысление механизмов формирования и функционирования инновации позволяет представить традиции и инновации в виде определенной целостности, включающей *систему норм, идеалов, ценностных установок*.

Понимаемая как система нормативов, мировоззренческих принципов, ценностных установок, регулирующих инновационную деятельность, традиция выступает в качестве исторически определенного, социального по своей природе критерия отбора тех инноваций, которые могут обеспечить развитие существующей нормативной системы или положить начало новой. Благодаря этому новаторская деятельность понимается как социально организованный процесс, рациональное управление которым обеспечит выработку наиболее эффективных средств, регулирующих духовные отношения в обществе.

⁴ Гадамер Г.-Г. (Gadamer H. Dialogue and dialectic, N.Y.-L., 1980).

⁵ Монтень М. Опыты. Избранные главы. – М., 1991. – С. 470.

⁶ Маркарян Э. С. Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. – Ереван, 1977. – С. 184.

⁷ Гегель Г. В. Ф. Собр. соч. В 9 т. Т. 9. – М., 1932. – С. 10-11.

⁸ Спиркин А.Г. Человек, культура, традиции // Традиции в истории культуры. – М., 1978. – С. 8.

В реальном процессе функционирования противопоставление традиции новаторству неправомерно, поскольку традиция предполагает постоянный процесс преодоления одних, социально организованных, стереотипов и образования новых. Это обусловило появление работ, в которых «наметился выход за пределы обыденного истолкования этого понятия как простого сохранения, наследования, копирования и т.д., а это, в свою очередь, привело к пониманию ограниченности противопоставления традиции и инновации в культуре и в познании»⁹.

Следует отметить, что подход некоторых исследователей к взаимосвязи традиции и новации, в котором инновацию видят в качестве структурного элемента традиции, имеет определенные недостатки. При таком подходе новаторская деятельность теряет свой самостоятельный характер, оказывается ограниченной рамками традиции. Затруднительным представляется и выявление механизма перехода к качественно новой традиции. В этом случае сложным представляется обоснование возможностей качественного скачка в развитии, связанного с выходом за пределы старой традиции.

Ряд авторов рассматривают традицию и инновацию как понятия, выражающие диалектико-противоречивые стороны культурного и научного процесса, взаимодействие которых служит постоянным источником его развития¹⁰. В данном случае развитие носит прогрессивный характер, поскольку «прогресс вообще возможен лишь на основе уже сложившейся традиции. Диалектика этого процесса такова, что традиция в то же время есть результат прогресса». Развитие научной традиции, которое осуществляется посредством механизма инновации, основано на понимании ее как системного образования. Механизм творческой инновации позволяет представить научную традицию как гибкую систему, обеспечивающую не только устойчивость, но и ее развитие. Динамизм традиции, в свою очередь, связан с ее функционированием в научном познании в качестве инварианта, когда она является той основой, на которой только и может возникнуть многообразие вариантов инновационной деятельности. Однако инновация, не отвечающая требованиям, задаваемым системой общественно выработанных нормативов, не может быть принята научным сообществом. Чтобы стать ступенью в прогрессивном развитии науки, инновация должна быть опосредована синтезом с существующей традицией.

В рамках экстенсивного типа диалектика традиции и новации находит свое выражение в диалектике инвариантного и вариативного. Инвариант, реализуемый традиционной программой, выступает и основой формирования инноваций, и критерием их отбора, в результате которого они включаются в существующую традицию и обеспечивают ее развитие.

Экстенсивный тип взаимодействия традиций и новаторства, связанный с модификацией существующих нормативов и ценностей, отнюдь не исчерпывает реального процесса развития науки. Когда инновационный фонд традиции исчерпан, необходимым и закономерным является переход к новой нормативной системе. Причем, соотношение традиционного и новаторского типа деятельности изменяется за счет возрастания роли последней. Чтобы подчеркнуть различный характер развития, осуществляемого в рамках экстенсивного и интенсивного типа единства традиции и новации, следует отметить разницу в содержании продуцируемых инноваций. При экстенсивном типе они вырабатываются в основном на уровне внутринаучных традиций, при интенсивном – их производство обусловлено не только сменой общенаучной традиции, но и изменением культурных идеалов и ценностей, что определяет принципиальный характер производимых преобразований.

Список литературы

1. Фабиан Э. Творчество Христиана Самуила Бейса и вопрос о роли традиции в развитии науки // Вопросы истории, естествознания, техники. – 1981. – № 3.
2. Черепанов В. С. О применении метода групповых экспертных оценок в дидактических исследованиях // Проблемы педагогических измерений: Межвузовский сборник научных трудов. – М., 1984.

⁹ Анисимов О.С. Основы методологии.-М.: Российская академия менеджмента и агробизнеса, 1994. – С. 24.

¹⁰ Копанев В. Н. Диалектика традиций и новаторства в становлении традиционного типа культуры. – Л., 1982. – С. 47.

3. Редженова С.И. Диалектика традиции и новации в науке. – Чарджев, 1995.
4. Гадамер Г.-Г. (Gadamer H. Dialogue and dialectic, N.Y.-L., 1980).
5. Монтень М. Опыты. Избранные главы. – М., 1991.
6. Маркарян Э. С. Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. – Ереван, 1977.
7. Гегель Г. В. Ф. Собр. соч. В 9 т. Т. 9. – М., 1932.
8. Спиркин А.Г. Человек, культура, традиции // Традиции в истории культуры. – М., 1978.
9. Анисимов О.С. Основы методологии. – М.: Российская академия менеджмента и агробизнеса, 1994.
10. Копанев В. Н. Диалектика традиций и новаторства в становлении традиционного типа культуры. – Л., 1982.

TRADITIONS AND INNOVATION AS A SOURCE OF DEVELOPMENT OF MODERN EDUCATION

G. N. Travnikov

Prikama Social Institute

e-mail:
travnikov@yandex.ru

Ontological status and problems of tradition and innovation are studied in the article. Tradition in its ontological sense is regarded as something constant within changes, constant in development, absolute in relative, eternal in temporary. This is the basis of forming something new in education. Innovation offers such a way of studies when heritage has a new sense and serves as a sign of another predestination and its aim is to give rise to new matter.

Key words: tradition, activity, innovation, cultural tradition

---

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК: 792: 2-18: 17. 023. 3

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

М. С. Жиров
Я. С. Перепёлкина

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Zhirov@bsu.edu.ru

В статье раскрыты актуальные аспекты разработки проблемы диалога театрального искусства и Русской Православной Церкви в историко-культурной ретроспективе и современное звучание. Обоснована гипотеза о том, что театральное искусство в силу его синтетичности, наглядности, художественной и эмоциональной выразительности обладает огромным потенциалом действенных средств, которые могут оказаться помощниками в деле духовного совершенствования человеческой личности. Именно театральное искусство способно стать союзником государства и Церкви в деле возрождения фундаментальных ценностей культуры: Истины, Веры, Любви, Добра, Красоты с целью духовно-нравственного оздоровления российского общества.

Ключевые слова: Театральное искусство, творчество, Церковь, диалог, духовность, нравственность, эстетика, катарсис, «переживание», православный театр.

Человечество давно оценило социальную, духовную, эстетическую и этическую силу искусства по степени его влияния на формирование «человеческого в человеке», с позиции целостного сознания – нравственного, политического, религиозного и т.д. Философы, эстетики, богословы, психологи, музыковеды, педагоги усматривают в искусстве нравственного учителя, угадывают возможного нравственного целителя, путеводителя в мир фундаментальных ценностей культуры: Истины, Веры, Любви, Добра, Красоты. Искусство возвращает человеку его целостность. При неизбежной стандартизации «именно искусство ратует за уникальность человеческой личности с её неповторимыми потребностями и способностями. Подлинность искусства проверяется его обращенностью к морали. Как и наука, искусство не совпадает с нравственностью, но связь здесь более непосредственная. Она зрима и малейшее уклонение художника от человечности мстит за себя потерей красоты, отталкивает. Нравственная культура определяет художественную, а художественная культура оберегает нравственную, делает её всеобщим достоянием¹».

---

¹ Гулыга, А.В. Эстетика в свете аксиологии [текст] / А.В. Гулыга – СПб., 2000. – С. 177.

Имея множество духовно-жизненных, функционально-ролевых основ, многообразие жанрово-видовых направлений и форм бытования, искусство было и остается верным и необходимым спутником человечества на протяжении всей истории его существования, отражая важнейшие первопричинные основы бытия человека со всеми вехами его жизни, ступенями мышления, уровнями эмоциональных ощущений: от рождения до смерти, от общественного протеста – до потаенных переживаний, от реальности – до грёзы, от страдания – до ликования и т.д.

Основываясь на научных высказываниях российского психолога Л.С. Выготского, убедительно отстаивающего тезис о том, «что искусство как бы дополняет жизнь и расширяет её возможности²», мы вправе поставить вопрос об искусстве как психологическом посреднике между личностью и средой. Утверждая этот тезис, сошлемся на мнение В.Н. Холоповой, согласно которому, «искусство выступает в качестве важнейшего способа сохранения, удержания и «тренажа» всех ценнейших резервных способностей человека, обеспечивая развитие всего комплекса человеческих возможностей в их совокупности и целостности³». И, действительно, еще Плеханов высказал идею, что данная конкретная среда, окружая человека, может быть, гипертрофированно использует только часть его способностей и возможностей, а то, «что не было затребовано от человека и человечества в какой-то период онто- и филогенеза, должно сохраняться для дальнейших периодов их существования⁴».

Это обстоятельство актуализирует разработку проблемы театрального искусства как специфического рода человеческого мышления и деятельности, удивительного создания разума и эмоций, уникального средства гармонизации жизненного мира человека в истории культуры, способного влиять на формирование и углубление ценностного отношения к уникальности человеческой личности, к природе, обществу, осознанию ценности собственного «Я». На этот счет уместна мысль выдающегося актера М. А. Ульянова: «Культура, прежде всего, воспитывает не манеру поведения, хотя и её, а «манеру жизни», восприятие мира как единого целого, в котором твоё «я» лишь часть. Но это маленькая часть, это твоё «я» – единица значимая и общественная, не безразличная ни для тебя самого, ни для всего общества в целом. Только такое ощущение себя в мире образует личность с чувством собственного достоинства⁵».

Именно театральное искусство, в силу его синтетичности (вбирает в себя литературу, живопись, музыку, танец (пластику), скульптуру, архитектуру, творчество актёра, и, главное – слово), наглядности, действенности, эмоциональной заразительности (отражение действительности в её формах, действии, движении), воспевающее гуманные ценности, на наш взгляд, способно укрепить желание человека любить жизнь во всех её проявлениях, искать в ней гармонию, создавать эту гармонию в окружающей действительности и в самом себе, выстраивать «храм» в душе своей. Это обусловлено тем, что искусство театра происходит из потребности человека моделировать мир в пространстве и времени словом. Никакое искусство не обладает этим свойством. Театр пользуется словом в первичном своём значении, произнося его вслух «здесь и сейчас». Следовательно, в слове заложено действие, а театр – это искусство действия во времени и пространстве, в том числе, пространстве духовном. Слово, заключающее в себе духовную основу, действует в мире, наполняя его духовностью. Слово, произносимое со сценических подмостков, также духовно. «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог», – начинается Евангелие от Иоанна, актуализируя тезис о христианской православной духовности театрального действия.

О могучем воздействии театрального искусства, исцеляющего от дисгармонии бытия, удивительно точно говорил в своё время (около 90 лет назад) выдающийся театральный деятель, искусствовед-психолог Н. Евреинов, справедливо утверждая, что театр будит волю к жизни, властно заставляя преображаться и актёра и зрителя. А в преобра-

² Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский; сост., авт. Послеслов. М.Г. Ярошевский; под ред. М.Г. Ярошевского; подготовка текста В. В. Умрихина. – М.: Педагогика, 1987. – С. 236.

³ Холопова, В.Н. Музыка как вид искусства / В.Н. Холопова. – СПб: Лань, 2000. – С. 18.

⁴ Холопова, В.Н. Музыка как вид искусства / В.Н. Холопова. – СПб: Лань, 2000. – С. 18.

⁵ Ульянов, М.А. Приворотное зелье. [Текст] / М.А. Ульянов. – М.: Алгоритм, 1999. – С. 74.

жени (акте преобразования) и заключается вся сила, подлинно живительная сила – сила целительная. Актер предлагает зрителю вместе с ним «разломать» сценарий социума, стать свободным, творя вместе, потому что при всей типичности и жизненности предложенного драматургического материала в нем заложена ситуационная «неожиданность», которая и указывает зрителю путь к катарсису – разрешению.

Как никогда актуальны сегодня мысли «об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», высказанные Н. В. Гоголем в переписке с друзьями: «Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь, если примешь в соображение то, что в нем может поместиться вдруг толпа из пяти, шести тысяч человек и что вся эта толпа, ни в чем не сходная между собой, разбитая по единицам, может вдруг потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра... Есть много среди света такого, которое для всех, отделившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству. В том числе может быть и театр, если будет обращен к своему высшему назначению... Мы призваны в мир не за тем, чтобы истреблять и разрушать, но, подобно Самому Богу всё направлять к добру, даже и то, что уже испортил человек и обратил во зло. Нет такого орудия в мире, которое не было бы предназначено на службу Богу⁶».

Писатель настойчиво утверждает мысль о необходимости постановки всех лучших произведений драматических писателей «чтобы публика привлеклась к ним вниманием, и открылось бы их нравственное благотворное влияние...⁷». И жизнь подтверждает справедливость этого тезиса. Театральное искусство, как одно из самых действенных видов искусства, вполне способно оказаться помощником в деле совершенствования человеческой личности, нравственного выбора человека, а возможно и проводником заблудшего человека в Храм, к Богу.

Не случайно, исторические и онтологические отношения Русской Православной Церкви и театра (театрального искусства) издавна волновали многих царствующих особ, выдающихся деятелей науки, культуры, религии. Так, к примеру, Стоглавый собор 1551 года, который был собран по инициативе царя Ивана Грозного и направлен на укрепление благочестия и развитие религиозного образования, вполне можно считать родоначальником русского театра. Именно на этом соборе было принято решение о создании церковных школ и училищ, при которых организовывались, так называемые школьно-церковные театры, осуществляющие спектакли на библейские сюжеты. Возникнув первоначально в Киеве, школьно-церковный театр впоследствии распространился по всей России: в Москве, Твери, Ростове, Смоленске, Ярославле, Тобольске и других городах. Есть основание полагать, что именно он положил начало русскому национальному театру.

Прямым последователем школьно-церковного театра явился первый придворный театр, открытый по указу царя Алексея Михайловича. Первое представление на библейский сюжет из книги Есфирь состоялось 17 октября 1672 года, все последующие постановки также были основаны на религиозной тематике. К тому времени уже вызрела отечественная религиозная историческая драма, берущая свое начало в школьно-церковном театре.

Большую роль в становлении и развитии русского театрального искусства сыграли известные богословы и церковные деятели своего времени: Святитель Дмитрий Ростовский, монах Симеон Полоцкий, например, написавшие множество православных пьес. Более того, Святитель Дмитрий Ростовский не только создавал, но и ставил свои пьесы с семинаристами («Успенская драма», «Рождественская драма» и мн. др.). Многие вообще считают Дмитрия Ростовского основателем русского театра, ввиду его широкого и позитивного влияния на театральное дело в России. Под попечительством Дмитрия Ростовского образовались Киевский театральный круг, Ростовско-Московский театральный круг, где уже его ученики писали и ставили пьесы. Самым выдающимся драматургом в период царствования Алексея Михайловича почитается монах Симеон Полоцкий. Соз-

⁶ Гоголь, Н.В. Выбранные места из «переписки с друзьями» / Н.В. Гоголь. Об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности. – М.: «Советская Россия» 1958. С. 54.

⁷ Гоголь, Н.В. Выбранные места из «переписки с друзьями». / Н.В. Гоголь. Об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности. – М.: «Советская Россия» 1958. – С. 57.

данные им пьесы: «Комедия притча о блудном сыне», «Беседы постушеские», «О Ново-худоносоре царе, о теле, злате и трех отроцах, в печи не сожженных» и др.) отличались отсутствием аллегорических образов и близостью к жизни.

Позитивное отношение к театру проявляли митрополит Трифон (Туркестанов) и митрополит Мануил (Лемишевский). В петровские времена большим любителем театра был митрополит Тобольский Филофей (Лещинский), который собирал зрителей на театральные представления звоном в соборные колокола. Справедливо считается, что именно митрополит Филофей положил начало созданию сибирского Тобольского драматического театра. При архиерейской школе митрополит Филофей организовал Духовный театр, где духовными и монашествующими лицами писались пьесы на библейские сюжеты. Их постановку осуществляли семинаристы, таким образом, духовно просвещая народ. От них любовь к театру перешла в другие слои общества.

Анализ специальной и научной литературы свидетельствует об актуальности проблемы духовности в театральном искусстве на протяжении всего периода существования театра. К примеру, исследованию истории взаимоотношений Церкви и театра посвящена работа Б. Н. Асеева «Русский драматический театр от истоков до конца XVIII века», в которой подробно изложена историография церковных действий на Руси, процесс формирования русского театра, осуществлен анализ репертуара религиозной направленности. Научный труд М. И. Чудновцева «Церковь и театр» представляет опыт исследования этой проблемы за период от истоков вплоть до начала XX века.

В контексте разрабатываемой темы особый интерес представляют две фундаментальные работы «Действо и действие» Б. Н. Любимова. Понимая Церковь (Действо) как фундаментальную категорию бытия, предвечный замысел Бога о мире, а театр (действие) как основополагающий опыт человека, как его реплику в диалоге с Богом, автор осуществил попытку, используя опыт изучения и постижения Церкви и театра «изнутри», с их помощью понять особенности истории России, её «идей и путей»⁸.

Таким образом, Русская Православная Церковь способствовала созданию истинного национального русского театра, призванного нести миру христианскую православную нравственность и духовное просвещение народа. К этому внешнему назначению русского театра стремились выдающиеся писатели, драматурги, режиссеры: А. К. Толстой, А. Н. Островский, К. С. Станиславский, А. П. Чехов и многие другие его подвижники.

Советский период истории российского общества, как известно, был ознаменован категорическим отрицанием существования Бога и Церкви как таковой, что в значительной мере негативно сказалось на самосознании русского народа и привело к утере духовно-нравственных национальных ценностей. И, тем не менее, драматургия Шекспира, Островского и Чехова, режиссерская школа Станиславского, уникальность таких исполнителей, как Тарасова и Смоктуновский, представляли собой качественно новое явление в театральном мире. В так называемые «застойные» годы такой театр, по существу, противостоял идеологическому официозу и был своего рода духовным центром для многих внецерковных людей, подспудно не принимавших коммунизм. Русский театр вскормленный православной духовностью, и в советское время стремился тянуться к высшим ценностям, порой может быть и не осознанно. Такие театры как БДТ, МХАТ, Малый театр, многие провинциальные театры, имели в своем репертуаре спектакли, которые, по сути, были православные, так как несли в себе заряд христианской православной нравственности. Свидетельство тому – спектакль Г.А. Товстоногова «Идиот», ставший в свое время откровением и для создателей и для зрителей. Православный дух романа Ф.М. Достоевского оказался настолько силен, что никакое материалистическое мировоззрение не смогло завуалировать христианскую сущность содержания первоисточника.

Наступление XXI века ознаменовано началом возрождения православного самосознания русского народа и других народов России. В современном мире культура, искусство, Церковь, обнаруживая общность целей в определении смысла жизни, творчества, свободы и предназначения человека, осознают необходимость более тесного сотрудничества. Этим обусловлено появление в России совершенно нового вида театра – православ-

⁸ Любимов, Б.Н. Действо и действие. 2 т. – I Т. / Б.Н. Любимов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 8.

ного, что проявляется в его видении духовного, Божественного начала во взгляде на мир, на искусство, на литературное произведение («Глас», «Камерная сцена», «Пилигрим», «Светильник» и др.). Есть основание полагать, что возродившийся русский православный театр в настоящее время развивается в двух направлениях. В первом, он позиционирует себя именно как православный театр, не скрывая своей ортодоксальности, заявляя об этом и в названии, и на встречах со зрителями, и в средствах массовой информации, подтверждая соответствующим репертуаром.

Развиваясь в другом направлении, православный театр, остается обычным светским театром, однако в своем репертуаре исповедует христианские идеалы. Справедливости ради надо признать, что второй «таинственный православный театр», собственно, и не исчезал никогда. Светские театры, обращаясь к произведениям разных авторов и разным жанрам, освещая лучом истины явленную в них жизненную правду, также решали и решают задачу выстраивания в сознании зрителей «духовной вертикали». Опираясь на лучшие отечественные традиции, они участвуют в главном для России деле – деле возвращения к православным истокам русского искусства и культуры, в целом.

Многие спектакли, такие как: «Утали моя печали» Санкт-Петербургского театра имени Комиссаржевской в постановке Е. Коральчука; «Семейное счастье», постановка которого осуществлена на сцене Мастерской Петра Фоменко, «Правда хорошо, а счастье лучше», «Арт», «Лес», поставленные на сцене Малого театра; «Захудалый род» и «Мальчики» Сергея Женовача, представленные зрителю на сцене Российской академии театрального искусства; «Креститель» и «Царь Федор Иоаннович», осуществленные на сцене Белгородского государственного драматического театра имени М. С. Щепкина, убеждают в том, что назначение театрального искусства состоит в преображении и очищении души человека, укреплении и обращении к Творцу его духа.

В связи с бурным развитием православного театрального движения возникают вопросы, касающиеся этики актерского исполнения: как играть роль? Ведь Церковь не позволяет надевать на себя маску, личину другого человека. Но ведь и Станиславский («Я в предлагаемых обстоятельствах»), и вообще вся русская театральная школа учат искать в персонаже самого себя, и в самом себе искать характерные черты персонажа. Таким образом, осуществляется поиск тех недостатков и достоинств, которыми обладает персонаж, в самом себе.

В театре, завещанном нам К.С. Станиславским, на сцене на сцене происходит животворящий процесс «переживания» чувств и эмоций персонажа через свои чувства, «игра от себя». Актер не проживает чужую жизнь, он проживает свою, в тех обстоятельствах, которые предлагает сначала драматург, а потом режиссер. В театре и зритель, и актер видит свою и чужую жизнь «со стороны», т.е. театр является своеобразным «зеркалом» позволяющим увидеть «соринки в своих глазах» в виде различного рода греховных искушений, пороков, страстей, и предложить решение проблемы, которая вызвала искажение человеческого или общественного сознания. Станиславский учил: если персонаж плохой, ищи, где он хороший, ибо даже самый падший человек заключает в себе Образ Божий, пусть и глубоко сокрытый в его душе. Именно такой подход учит христианскому отношению к любому человеку, актуализируя проблему постоянного духовного роста актеров и зрителей, формирования и воспитания собственной личности, утверждения истинно «человеческого в человеке» (М.С. Жиров).

Этому животворящему процессу в значительной мере способствуют проведение различного рода фестивалей православных театров, к примеру, таких как: «Кузбасский ковчег». Проведение по благословию Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, он был призван прикоснуться к чутким струнам души человеческой, стремящейся возвысить ум и сердце зрителя и слушателя к нетленным сокровищам духа – богатому традиционному наследию, которое на протяжении многих десятилетий пребывало в забвении. Огромное значение в решении этой задачи имеет Международный фестиваль «Золотой Витязь», где наряду с духовными спектаклями православных театров: «Глас», «Камерная сцена», Православный драматический театр «Странник» и др. – можно увидеть спектакли, поставленные по произведениям русских классиков в традиции русского психологического театра.

В Свято-Духовском центре Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга ежегодно проводится театральный Пасхальный фестиваль, актуализирующий духовно-нравственные аспекты театрального искусства в современном мире. В рамках международных образовательных чтений разработка проблемы «театр и Церковь» также находит новые векторы взаимодействий. Например, молодые российские и зарубежные режиссеры, мастера кино и телевидения, религиозные деятели, историки имели возможность принимать участие в международной встрече «Религия и театр», проходившей в Москве в минувшем году, подтверждая мысль выдающегося актера М. Чехова о том, что посредством театрального искусства, высокохудожественных духовных произведений можно позитивно влиять на процессы в обществе.

Эту мысль постулируют многие богословы. Так, архиепископ Иоанн (Шаховской) утверждает, что искусство может быть ступенькой к богопознанию, и некоторых людей приобщение к достижениям культуры выводит из тьмы греха и побуждает заняться более глубокими вещами. Со временем через душевность, т. е. искусство, может открыться духовность – православная вера. Как говорит апостол, вначале сеется тело душевное, затем восстает духовное (1 Кор. 15; 44), не сразу духовное, но вначале душевное. То есть, человек должен сначала вообще открыть для себя красоту, существующую в мире. Источник красоты – Господь. Мир, сотворенный Богом, – прекрасен. И через познание красоты, в том числе, посредством искусства, человек может познать ее Источник – нашего Господа. Аналогичную мысль проводит митрополит Вениамин (Федченков), который сказал, что православная вера должна собой все проникать, пронизывать, освящать – и науку, и культуру, и всю жизнь общества. Церковь не должна от чего-то отгораживаться, отворачиваться – это неправильно. Мы живем в стране с глубокими православными традициями, живем среди людей: это наши ближние, пускай они сегодня пока еще не в храме, но придут они завтра в храм или нет, во многом зависит от нас. В этой связи Святейший Патриарх Алексий говорил: «Я глубоко убежден, что хотя Церковь отделена от государства, она не может быть отделена от народа, от общества, потому что ее задача – служить Богу и ближнему⁹».

К сожалению, некоторые священники и современные православные издания, признавая положительной классическую, национальную народную культуру, отмечают некоторые формы её проявления, в частности театр. Последствия такого взгляда на искусство могут быть весьма плачевными. Церковь теряет миллионы душ, в основном, молодых, которые могли бы стать подлинными ее членами, возможно глубоко верующими людьми, могли бы проповедовать христианские убеждения своим сверстникам и тем самым ощутимо влиять на современную молодежную среду. Для церковного человека, может быть, не составит большого труда в случае необходимости отказаться от таких радостей, как например, музыка или другое искусство, но для людей ищущих и пока не пришедших к Церкви, это серьезная проблема, так как искусство является частью их жизни. Когда для человека православие становится самым главным в жизни, отношение его к искусству, естественно, меняется. Духовное вытесняет душевное. Но раньше времени заставлять выбросить из своей жизни разные формы искусства, это все равно, что резать по живому, а говоря языком Евангелия, налагать бремена неудобноносимые (Лк. 11; 46).

Некоторые религиозные деятели опасаются, что снятие запрета с современной культуры приведет Церковь к модернизму и искажению православной культуры. Вряд ли с этой стороны существует опасность. Само по себе искусство – ни добро, ни зло; они, по сути, душевны. Добром или злом их делают люди, которые могут превращать культуру в орудие возбуждения страстей, а могут использовать для воспевания прекрасного Божиего творения. Православная культура существует веками, столько же, сколько существует Церковь. Она создана праведными людьми при участии благодати Святаго Духа, и хранима Им. Являясь отражением небесной красоты, эта культура не может идти ни в какое сравнение с шедеврами культуры светской, земной. Культура духовная и культура душев-

⁹ <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=15070>

ная – две разные области. Они всегда существовали, и будут существовать, не смешиваясь, но оказывая взаимное влияние друг на друга. Как известно, есть произведения искусства, преисполненные света, добра, истины, а есть искусство, которое исходит от лукавого. Зло – это подмена истинного содержания ложью. Это оскудение добра. Нет в природе вещей по сущности своей греховных, на самом деле греховны люди, которые эти вещи греховным образом используют. Церковь осуждает не театр как таковой, а определенный театральный пласт, ратуя за то, что художнику непозволительно играть на страстях, на низменных человеческих чувствах, инстинктах.

В этой связи весьма актуальны слова одного из святых отцов Церкви, преподобного Нектария Оптинского: «Есть большое искусство и малое. Вот малое бывает так: есть звуки и свет. Художник – это человек, могущий воспринимать эти другим невидимые и неслышимые звуки и свет. Он берет их и кладет на холст, бумагу. Получаются краски, ноты, слова. Звуки и свет как бы убиваются. От света остается цвет. Книга, картина – это гробница света и звука. Приходит читатель или зритель, и если он сумеет творчески взглянуть, прочесть, то происходит «воскрешение» смысла. И тогда круг искусства завершается. Перед душой зрителя и читателя вспыхивает свет, его слуху делается, доступен звук. Люди только убивают слова и образы Творца, а затем от Него полученной силой духа оживляют их. Большое искусство – слово, убивающее и воскрешающее (Псалмы Давида), но путь к этому искусству лежит через личный подвиг художника, это путь державы, и один из многих тысяч доходит до цели¹⁰».

Сегодня Русская Православная Церковь может принять театр, как средство миссии. Многие миряне и священники стали видеть в театре союзника, а не врага. В театр идут, в том числе идут именно христиане, потому что там интересно, там живое дыхание истинных ценностей культуры. К нам постепенно приходит осознание деятельностной, животворящей силы театра и эффективности театрального искусства. Оно настолько велико, что не использовать театр, имея его в своем вооружении, не просто грешно, но и абсурдно; особенно, если Сам Христос многократно использовал драматургию в изложении притч, как метод преподнесения духовных истин.

Таким образом, Церковь и театр отнюдь не взаимоисключающие позиции, а лишь два пути к постижению Божественной истины. Одним путем идут монахи, другим – миряне, для которых театр может стать, по справедливому утверждению Н. В. Гоголя, незримой ступенью к христианству. Сегодня и государство, и театр как никогда ранее обращаются к опыту Церкви и взаимодействуют с ней. Реальность и необходимость позитивного диалога между церковной и театральной общественностью, обнаруженная на сегодняшний день, определяют и возможность их плодотворного сотрудничества с целью духовно-нравственного оздоровления российского общества.

Список литературы

1. Гулыга, А. В. Эстетика в свете аксиологии [текст] / А.В. Гулыга – СПб., 2000. – С. 117.
2. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский; сост., авт. Послеслов. М.Г. Ярошевский; под ред. М. Г. Ярошевского; подготовка текста, В. В. Умрихина. – М.: Педагогика, 1987. – С. 236.
3. Холопова, В. Н. Музыка как вид искусства / В. Н. Холопова. – СПб: Лань, 2000. – С. 18.
4. Холопова, В.Н. Музыка как вид искусства / В.Н. Холопова. – СПб: Лань, 2000.– С. 18.
5. Ульянов, М. А. Приворотное зелье. [Текст] М. А. Ульянов. – М.: Алгоритм, 1999. – С. 74.
6. Гоголь, Н. В. Выбранные места из «переписки с друзьями» / Н. В. Гоголь. Об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности. – М.: «Советская Россия» 1958. – С. 54
7. Гоголь, Н. В. Выбранные места из «переписки с друзьями» / Н. В. Гоголь. Об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности. – М.: «Советская Россия» 1958. – С. 57
8. Любимов, Б. Н. Действо и действие. 2 т. – I Т / Б. Н. Любимов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 8
9. <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=15070>.
10. <http://www.filgrad.ru/forum/tvorchi.htm>.

¹⁰ <http://www.filgrad.ru/forum/tvorchi.htm>.

ON THE PROBLEM OF DIALOGUE BETWEEN THEATRE ART AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

M. S. Zhirov¹
Y. S. Perepyolkina²

Belgorod State University

e-mail: Zhirov@bsu.edu.ru

The article reveals actual aspects of the problem of dialogue between theatre art and Russian Orthodox church in the historical and cultural perspective and contemporary context. The authors claim that the theatre art due to its syncretism and artistic expression has a big potential to help personality to develop spiritually.

It is theatre art that is able to cooperate with the government and church to regenerate fundamental cultural values – Truth, Faith, Love, Kindness, Beauty – in order to make Russian society healthier in moral aspect.

Key words: theatre art, creativity, church, dialog, spirituality, morality, aesthetics, catharsis, feeling, Orthodox theatre.

НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЗАКОНОТВОРЦЕВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 1905-1917 гг.: ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Ю. В. Назарова

*Тулский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н.Толстого*

e-mail: philos.tula@yandex.ru

Статья посвящена этико-философскому анализу нравственно-правовых концепций законодателей Государственной Думы 1905-1917 годов. В статье раскрываются основные этические принципы этих концепций, которые впоследствии легли в основание законов, принимаемых в Государственной Думе, и, тем самым, оказали существенное влияние на формирование внутренней и внешней политики первого российского парламента. В статье также показывается, что отличительной чертой российского либерализма являлось превосходство этического начала над правовым.

Ключевые слова: этика, правовые концепции, либерализм.

quid leges sine moribus?

Учреждение Государственной Думы в 1905 году являлось долгожданным событием для той части общества, которая разделяла либерально-правовые идеи. Однако, формально, согласно Манифесту 17 октября, парламент был всего лишь народным представительством при монархической власти. Постоянные конфликты в парламенте между левыми фракциями, которые в большинстве своем придерживались либерально-правового направления (конституционные демократы, отчасти «Союз 17 октября»), и правыми фракциями, разделявшими консервативные взгляды правительства («Союз русского народа»), объясняются отчасти тем, что депутаты имели абсолютно разные представления о статусе института, членами которого они оказались. Статус парламента был неясен для самих парламентариев, однако его определение влияло на представления не только о целях и задачах парламентариев, но и на формирование этических оснований парламентарской деятельности. Либералы рассматривали парламент как главный институт власти, поэтому считали, что выше него стоит лишь закон.

Сама идея парламентаризма коренилась в либеральной политико-правовой мысли. Именно в учениях либералов находятся истоки, определившие специфику парламента как государственного института политической власти в России. Как подчеркивал известный исследователь российского либерализма А. Валицкий, «традиции либерализма никогда не прерывались в России, в конце прошлого века ее значение стало даже постепенно возрастать. Дореволюционная Россия внесла свой вклад в развитие либерализма и либеральной философии права»².

Идеи российского либерализма были сконцентрированы на построении модели правового государства, развитии прав и свобод граждан. В известной степени идеи либерализма противоречили правовому нигилизму и этическому абсолютизму, имевших авторитетную поддержку в лице М. Бакунина, П.Н. Кропоткина и Л.Н. Толстого, оказавших большое влияние на общественные умонастроения. Именно эту национальную традицию пренебрежения к праву, что в определенной степени и характеризовало политические нравы в Государственной Думе, «либералы стремились не только объяснить, но и преодолеть»³. Русские либеральные мыслители последовательно отстаивали идею верховенства закона и правового обеспечения прав и свобод личности.

В российской прессе во время деятельности Государственной Думы велось широкое обсуждение проблем парламентаризма, степени ответственности парламентария перед обществом, нравственной культуры депутата и парламента. Большинство участников этих

¹ «Что значат законы без нравов?» (лат.)

² Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX начала XX вв. // Вопросы философии, 1991. № 8. С. 25.

³ Там же.

дискуссий являлись депутатами Государственной Думы, видными государственными деятелями, политическими учеными, философами-публицистами. Идею государственности и права разделяли такие признанные авторитеты в области философии права, как И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, С.А. Муромцев, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, и др. Некоторые из них, будучи депутатами (в основном, от конституционно-демократической партии) или партийными идеологами, имели действительную возможность влиять на процессы, происходившие в парламенте.

Взгляды либеральных мыслителей на предназначение парламента, его статус, на роль политических партий в парламенте не всегда совпадали. Тем не менее, все они были озабочены тем, чтобы деятельность парламента в конечном итоге привела страну к объединению общественных сил, выражению народной воли и поднятию уровня правосознания.

Многие представители либерально-правового направления в российском парламентаризме, такие как П.И. Новгородцев, М.Я. Острогорский, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой видели в Государственной Думе прежде всего среду для воспитания правовой культуры и формирования правосознания⁴. Но депутатам и партиям было необходимо сначала самостоятельно создать такую Думу, а для этого у самих депутатов должны были сформироваться правосознание и правовая культура. Первым этапом на этом пути должно было стать нормотворчество, направленное на упорядочивание думской деятельности самих парламентариев, а также осмысление возможных способов избежания или разрешения конфликтов и спорных ситуаций. Такую деятельность и можно назвать попытками создания того, что в понимании наших современников является парламентской этикой.

Либералы стремились осуществлению своих взглядов на практике. Формирование того, что можно назвать зачатками парламентской этики в Государственной Думе, несомненно, происходило в контексте либерально-правовых идей. «Наказ Государственной Думы» – основной нормативный документ, регулирующий деятельность парламентариев – стал формироваться во время I Думы в 1906 году. Существование «Наказа» было предусмотрено «Учреждением Государственной Думы». Несмотря на то, что некоторые аспекты регулирования депутатской деятельности оговаривались в «Учреждении Думы», депутаты при составлении «Наказа», уточнили и дополнили их. Большинство в I Думе составляли представители конституционно-демократической партии. Они возглавили комиссию по составлению «Наказа». Конституционные демократы заложили фундамент, выработали стратегию для дальнейших составителей «Наказа».

Первым депутатом, возглавившим комиссию по составлению «Наказа» был выдающийся юрист С.А. Муромцев. Принципы либерально-правовой концепции Муромцева были заложены в «Наказе Государственной Думы». Во-первых, по мнению Муромцева, переход от абсолютной монархии к монархии конституционной должен быть легитимным и поэтапным. Государственная Дума должна формировать правосознание общества, подготавливать его к жизни в правовом государстве в соответствии с либеральными ценностями. Государственная Дума также является основанием правового государства. Нормотворчество Думы должно быть направлено на обеспечение свободы индивида и общества, а ограничение этой свободы может допускаться только в соответствии с законом⁵. В концепции Муромцева наибольшее внимание уделялось праву как таковому, которое определялось им как порядок отношений, защищенных организованным способом. Однако Муромцев признавал, что помимо юридических санкций существуют и санкции моральные. Он рассматривал правовой порядок не как конкретное целое, а в совокупности с единым общественным порядком. Таким образом, согласно концепции Муромцева, право являлось всего лишь одним из элементов единого порядка, некоего договора, существующего между людьми, договора, построенного не только на юридических нормах, но и на требованиях морали, которую юридические нормы призваны защитить. Муромцев считал, что право должно рассматриваться с двух точек зрения – (право «как оно есть») и право «как оно должно быть». Последнее Муромцев называл политикой права – т.е. право, которое изучается с точки зрения его идеала.

⁴ См.: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика. 1994. С. 317-318; Струве П.Б. «Patriotica». М.: Республика, 1997. С. 15-17. Новгородцев П.И. «Об общественном идеале». М.: Пресса, 1991; Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. С. 269-286.

⁵ Медушевский А.А. Правое дело. № 1-2(71-72). <http://www.sps.ru> 20.01.2003.

Наличие отлаженных и четких парламентских процедур С.А.Муромцев считал одним из главных условий развития парламента. Это отразилось в «Наказе Государственной Думы».

М.Я. Острогорский⁶ составлял первые главы «Наказа» вместе с С.А. Муромцевым. Он входил в состав комиссий, готовивших проекты законов о неприкосновенности личности и гражданском равенстве, был председателем одного из отделов Думы, осуществлявших проверку правильности выборов депутатов Думы. Острогорский также был автором работы «Демократия и политические партии», в которой замена воли народа властью политических партий была представлена как угроза демократии.

Острогорский одним из первых выдвинул идею о том, что основой политических институтов в условиях демократического общества является политическая культура, принципы которой должны быть направлены на главную цель политического строительства – общественное благо, а действия политиков сосредоточены на бескорыстном служении общественному благу. Исходя из этого, он выдвигает ряд принципов, обуславливающих содержание и значимость политической культуры для государственных деятелей⁷.

Острогорский считал правила внутреннего распорядка парламента одним из важных условий развития политической культуры⁸, поэтому принял активное участие в разработке и дальнейшем усовершенствовании «Наказа Государственной Думы».

1. М.Я. Острогорский, полагал, что развитие парламентаризма невозможно при отсутствии *правил внутреннего распорядка*; поэтому «Наказ» должен, прежде всего, рассматриваться как *система* регуляции «деятельности всего парламентского механизма и, можно сказать, всего конституционного режима, ныне создаемого в нашей стране»⁹.

2. Острогорский выдвигает *идею индивидуальной ответственности государственного деятеля как контроля исполнительной власти*. Он понимал, что парламентские отношения фиксируют и отображают общественные: «парламентские отношения не могут быть ничем иным, как отображением отношений, существующих вне парламентской залы». Поэтому в своем труде «Демократия и политические партии» он подчеркивает взаимосвязь и взаимозависимость работ исполнительной и законодательной власти. По его мнению, исполнительная власть должна быть открыта для власти законодательной, ведь основной функцией парламента является *контроль* исполнительной власти. Исполнительную и законодательную власть объединяет одна общая цель – защита национальных интересов, поэтому две власти должны быть объединены. Но каким образом можно контролировать работу министров? Острогорский предполагает, что единственный способ контроля – это замена коллективной ответственности *индивидуальной ответственностью*. В этой формуле Острогорский, по сути, предвосхищает основную идею современной нам парламентской этики.

3. Острогорский выдвигает норму *профессионализма и объективности* государственного деятеля, министра как условия эффективной политической деятельности. В связи с этим он подчеркивал, что министр должен назначаться на свою должность благодаря своей *специальной компетенции*, а не только благодаря его умению наладить отношения с парламентом.

Принцип *объективности* связан с рекомендациями по разработке законодательных мероприятий. В этом плане необходима, по мнению мыслителя, независимость и нейтральность в выработке политических решений в работе постоянных комиссий в парламенте, что связано с необходимостью *публичности* этой работы. Острогорский подчеркивает необходимость соблюдения этих принципов, что являлось бы *гарантией эффективности* законодательной работы.

Идеи Острогорского имеют значение для современного государственного и политического строительства. На наш взгляд, эти *принципы*, имеют явное сходство с 7 *принци-*

⁶ М.Я. Острогорский – юрист, депутат Государственной Думы от Гродненской губернии. Автор работ «Женщина с точки зрения публичного права» (1898); «Демократия и организация политических партий» (1902) и др.; вел активную деятельность по налаживанию связей Государственной Думы с парламентами других стран.

⁷ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. С. 269-286.

⁸ Острогорский М.Я. Наказ Государственной Думы. – СПб.: Дума, 1906. С. 10-15.

⁹ Там же.

нами современной публичной политики, такими как: бескорыстие, принципиальность, беспристрастность, честность, подотчетность, открытость, лидерство.

Важным условием установления демократии Острогорский считал также пробуждение в избирателях *гражданской совести* и *индивидуальной ответственности*. Но даже пробуждение всех этих необходимых качеств, по его мнению, было бы все еще недостаточно для развития демократии. Нравственные принципы политики должны поддерживаться правовыми нормами. Острогорский пишет: «кроме установлении и нравов, кроме легальных средств для осуществления цели политического общества и одушевляющего его разума существует еще третий фактор, помощь которого не менее необходима и который не был достаточно оценен: методы, необходимые для того, чтобы заставить средства служить цели, политические методы. Они также должны соответствовать установлениям и нравам; если этого не будет, то они исказят их, как плохо управляемый механизм, и парализуют и затруднят волю и лучшие намерения тех, кто ими пользуется».

Таким образом, Острогорский приходит к выводу, что право и политические нравы неразрывно связаны друг с другом, одно не может существовать и эффективно функционировать без другого.

Следовательно, гарантией установления демократии, по мнению Острогорского, являются два условия: свободный союз исполнительной и законодательной власти и индивидуальная ответственность министров и депутатов.

Эти условия конституционные демократы пытались создать на практике. Наиболее простым способом повлиять на внутреннюю работу парламента было составление «Наказа Государственной Думы».

В.А. Маклаков, принадлежавший к конституционно демократической партии, видный юрист, также принимал участие в разработке некоторых глав внутреннего распорядка Государственной Думы. В нравственно-правовой концепции Маклакова большое внимание уделяется понятию *справедливости*, которое определяется не защитой интересов большинства, а компромиссом, обоюдной пользой, достигнутой путем добровольного соглашения. Это соглашение должно иметь под собой нравственную основу, суть которой, по мнению Маклакова, в *равенстве*, заключающемся в императиве «не делать другим то, чего от них не хочешь себе». Таким образом, полагал Маклаков, формула справедливости такова: «Справедливость есть синтез между отречением от себя для других и звериной природой, стремящейся все от других отобрать для себя»¹⁰. Что же понимал автор под «звериной природой людей»? Эта фраза вовсе не имела негативного значения; Маклаков считал, что будучи «зверем» человек не заботится только лишь о своих личных интересах – он заботится еще и о своей семье, роде, классе, и, наконец, о своем государстве. Таким образом, человек взаимодействует с обществом именно благодаря своей «звериности», и, как писал Маклаков «этим уже начинается ограничение чисто звериной природы, воспитание человека, как члена общества, Общественное существо, по выражению Аристотеля». Но каким образом человек может сочетать звериную природу со справедливостью? Что означает быть справедливым? Это значит, по мнению Маклакова, проявлять одинаковую справедливость не только к своей семье, своему клану, своему обществу, но и к чужим: «для этого прежде всего нужно уметь видеть у своих их недостатки и не отрицать правоты у противников: без этого нельзя претендовать быть справедливым... Не делать другим того, чего себе и своим не хотят; нужно, чтобы и государственный строй был построен на таком же начале, воспитывал в людях подобное к другим отношение; чтобы это было задачей и государства и отдельных людей».

Основной проблемой демократии Маклаков считал то, что при демократическом режиме власть отдана большинству, что нельзя назвать справедливым. Тем не менее, он признавал, что достоинство демократии заключается в том, что она признает саму суть справедливости, то есть равное отношение ко всем. Однако в реальности права (справедливость) и возможности (власть большинства) неодинаковы. Отсюда, по мнению Маклакова, возникает вечное противостояние между государством и личностью. Для того, чтобы преодолеть это противостояние, необходимо чтобы личность и государство объединились, работая на общее благо. «Среди требований, – писал Маклаков, – которые государство мо-

¹⁰ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1954. С. 382-410.

жет предъявлять к человеку, есть минимум, который может быть для всех обязателен, ибо без него невозможен мир в среде общежития; настаивая на его исполнении всеми, государство защищает и общее благо и справедливость. Но отдельные люди могут и даже должны руководиться и более высокими мотивами, доходящими до готовности жертвовать собой для других, до забвения своих интересов и прав во имя любви к человеку, даже к врагу и обидчику».

В своих «Воспоминаниях» Маклаков говорил о том, что всегда руководствовался политикой справедливости при составлении «Наказа», что выражалось, в первую очередь, в защите прав думского меньшинства. В частности, он упоминает о том, как во времена Второй Думы, когда он сам принадлежал к большинству (так как большинство депутатских мест во Второй думе было отдано конституционным демократам), он защищал в «Наказе» интересы партий, представленных в меньшинстве, за что подвергался критике со стороны своей партии. Однако уже во времена Третьей Думы члены его партии осознали ценность такой политики, потому что сами остались в меньшинстве, но принцип справедливости, уже заложенный в «Наказе» и правовым образом оформленный, защищал теперь их права. «Так жизнь учила тому, что в конце концов бывает иногда выгодно быть справедливым», – заключает Маклаков. Этот пример наглядно показывает, что нравственные принципы, для того, чтобы работать на практике, неизбежно нуждаются в правовом подкреплении. Таким образом, нравственно-правовая концепция Маклакова, основанная на понятиях равенства и справедливости, на признании прав не только своих, но и чужих, нашла эффективное воплощение в законе. Благодаря этому, во время думских прений, при разработке и принятии законопроектов, учитывались все точки зрения, все политические позиции; закон оказался равен для всех. Необычайно важно соблюдать принцип справедливости в парламенте, поскольку именно парламент является средоточием интересов всех представителей общества.

Справедливость представлялась В.А. Маклакову единственным основанием мирного существования общества и человечества в целом. «И мы можем в одном быть уверены – писал он в заключении своих «Воспоминаний» – если наша планета не погибнет раньше от космических причин, то мирное общежитие людей на ней может быть построено только на началах равного для всех, то есть справедливого права. Не на обманчивой победе сильнейшего, не на самоотречении, или принесении себя в жертву другим, – а на справедливости...для человеческой природы мир на земле возможен только на этих началах. В постепенном приближении к ним состоит назначение государства, а, может быть, и всемирного государства. Отдельным людям остается руководиться правилом Льва Толстого: "Fais ce que dois, advienne que pourra" (Делай, что должен, а там будет, что будет.)».

На протяжении двенадцати лет существования Государственной Думы в обществе не прекращалась дискуссия об отношении к парламентаризму в России и о способах работы в парламенте. Бойкотирование Думы со стороны исполнительной власти, настороженное, а то и пренебрежительное отношение к представительной власти, недооценка парламентской работы в различных слоях российского общества, корыстное политиканство думских партий, использовавших Думу как способ пропаганды собственных идей и ведения партийной работы, поставили под угрозу само существование Думы уже в самом начале ее деятельности. Основными проблемами первого парламента, как отмечали его современники, было отсутствие политической культуры и ответственности, что приводило Думу и самих парламентариев к различным конфликтам, как с исполнительной властью, так и между партиями и между депутатами – членами одной фракции. Несмотря на это, Государственная Дума, в первую очередь, в лице представителей конституционно-демократической партии, предпринимала попытки воплотить на практике идеи этического либерализма, что, в частности, нашло свое выражение в нормотворчестве по упорядочиванию парламентской деятельности.

Отличительной особенностью российского либерализма являлось превосходство этического начала над правовым, что, по сути, выражало особенности всей русской философии права. Как подчеркивает Б.Г. Капустин, российский либерализм по своей сути есть «этический либерализм», политические цели и задачи которого сводятся к равенству и

свободе как способу устройства государства¹¹. Российский либерализм отличался тем, что основывал правовые и политические модели власти на этической основе. Доказательством этому служат труды С.А. Муромцева, М.Я. Острогорского и В.А. Маклакова, сумевших облечь основные принципы своих нравственно-правовых концепций в форму закона.

Список литературы

1. Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX начала – XX вв. // Вопросы философии, 1991. № 8. С. 25.
2. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994.
3. Струве П.Б. «Patriotica». М.: Республика, 1997.
4. Новгородцев П.И. «Об общественном идеале». М.: Пресса, 1991.
5. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997.
6. Медушевский А.А. Правое дело. № 1-2(71-72). <http://www.sps.ru> 20.01.2003.
7. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1954.
8. Капустин Б.Г. Либерализм. Новая философская энциклопедия. В 4 – х т. Т. 2. М.: «Мысль», 2001.

THE MORAL AND LEGAL CONCEPTS OF THE LEGISLATORS OF THE STATE DUMA IN 1905 – 1917: THE ETHICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Yu. V. Nazarova

*Tula State
L. Tolstoy Pedagogical
University*

*e-mail:
philos.tula@yandex.ru*

The article is devoted to the ethical and philosophical analysis of the moral and legal concepts of the legislators of the State Duma in 1905 – 1917. The basic ethical principles of these concepts which subsequently were the basis of the laws passed by the State Duma, and, that way, had essential influence on the formation of the internal and foreign policy of the first Russian parliament, are discussed in the article. It is also shown in the article that the distinctive feature of the Russian liberalism was the superiority of the ethical beginning above the legal one.

Key words: ethics, law conceptions, liberalism.

---

¹¹ См.: Капустин Б.Г. Либерализм. Новая философская энциклопедия. В 4 - х т. Т. 2. М.: «Мысль», 2001. С. 393-395.

УДК 371.014

ИННОВАЦИОННАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ТИП

В. Н. Шевченко*Институт философии РАН*

В статье рассматривается проблема инноваций в контексте личностной и социокультурной обусловленности данного явления. Изучается инновационный тип личности и его перспективы в современном российском обществе

Ключевые слова: инновация, личность, социум.

Когда достижения какой-либо конкретной науки (например, синергетики) вдруг, по каким-то причинам, становятся модными, то их начинают использовать далеко за пределами сферы их применимости. Прояснению реальных проблем это мало помогает. Нечто подобное происходит сегодня в отечественной литературе с инновацией, инновационной деятельностью, инновационным творчеством и особенно с инновационной личностью. Нередко можно прочесть, к примеру, что сегодняшние перемены в различных сферах российского общества, в сфере образования или в промышленности, вызваны действиями инновационных личностей, т.е. лиц, непрерывно занятых внедрением инноваций. При чтении, разумеется, не всей, но значительной литературы по инновациям нередко нельзя отделаться от ощущения дежавю. Известные вещи, многократно исследованные тридцать-сорок лет назад в отечественной литературе, просто изложены в другой терминологии. Инновация есть нововведение. Инновационная личность это творческая личность, создающая инновации. Инноватор – это человек, вводящий нововведения. Но и раньше в литературе писали о творческих личностях, о творцах – новаторах. Можно их переименовать в инноваторов, инновационных личностей, но нужно за ним еще увидеть действительно новое. Но сам по себе стремительный рост интереса, который наблюдается в нашей стране к проблематике инноваций, является важным знаменательным событием и в изучении личностной проблематики. Вместе с пониманием глубокой сущности инновационной стратегии как современной парадигмы развития современного общества должно придти и понимание сущности инновационной личности как нового, социального, типа личности. Понятно, что российское общество сможет стать инновационным, во-первых, когда инновационная личность станет массовой личностью, и, во-вторых, когда инновационной деятельностью таких личностей будут пронизаны все сферы жизнедеятельности общества. Но этот путь не простой для нашей страны, и он еще не до конца понят в своих сущностных характеристиках.

Да, действительно, в современном российском обществе с большим опозданием по сравнению с западными странами, постепенно формируются ориентиры и условия для перехода на инновационный путь развития. Как свидетельствует статистика, «по уровню применения новейших технологий в экономике Россия отстает от промышленно развитых стран на 45-50 лет»¹, и пока нет признаков того, что ситуация ощутимо меняется к лучшему, в сторону уменьшения этого разрыва.

Проблематика инноваций и инноваторства возникла в западной литературе вначале в связи с повышением экономической эффективности промышленных предприятий, и конкретно выражалась в технологическом совершенствовании производственного процесса. Фундаментальные труды о переходе к инновационной экономике были созданы, как известно, в первой половине XX века в условиях развитого индустриального общества (Й. Шумпетер, Н. Кондратьев, С. Кузнец). Стратегическими стимулами экономического развития, по Й.Шумпетеру, являлись инновации, которые определялись как коммерческое или промышленное применение нового новых продуктов, новых процессов или

¹ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. №6 (66). 2003.

методов производства, а также освоение новых рынков сбыта или источников сырья, новых форм организации². Инновационная деятельность затем успешно проявила себя в производственном менеджменте.

Промышленный опыт с 60-х годов в условиях позднего или зрелого этапа индустриального производства показал, что недостаточно построить завод со всем оборудованием и технологиями. Вывести его на полную мощность и поддерживать высокую производительность труда в условиях жесткой конкуренции оказалось чрезвычайно трудным делом. Нужно было новое отношение к технике и технологии, причем не только в производственных процессах, но и организации деятельности. Технологии невозможно эффективно использовать механически, необходимо уметь пользоваться технологиями.

Острота проблемы состояла в том, что в обществе индустриального типа люди с большим трудом осваивали передовые технологии, привыкали к ним. Отсюда и появление новаторов, стремившихся эти технологии усовершенствовать, и всяческая их поддержка, как в коммерческих, так и в государственных предприятиях.

С 60-х годов XX века западное общество становится более динамичным, подвижным. Начинается переход к постиндустриальной экономике и постиндустриальному обществу. Качественно меняется сам процесс внедрения и дальнейшего использования наукоемких прогрессивных технологий. В обществе складываются такие экономические и социальные условия, при которых становится возможным и необходимым быстрая и эффективная замена старых технологий новыми, более качественными. Поэтому в западной литературе инновационными личностями были, прежде всего, те, кто работал в сфере промышленности и предпринимательства. Появляется новая теория инновационного менеджмента, которая в отличие от старой, классической (Ф. Тейлор, Г. Эмерсон), делает упор не организацию устойчивых форм труда, а на успех деятельности в быстро меняющейся ситуации. Раскрепощенный или инновационный менеджер, как пишут М. Вудкок и Д. Френсис в своей работе «Раскрепощенный менеджер», это такой менеджер, которому присуще творческое управление, стратегическое планирование, системный взгляд на развитие³.

В западной литературе начинается широкое обсуждение вопроса об инновационной личности. Западному обществу, переходящему на качественно новый этап в своем развитии, нужна другая личность. Но ей не легко появиться в массовом масштабе. Запад попадает с этой точки зрения в полосу острейшего кризиса. Его суть хорошо выразил американский публицист Э.Тоффлер в своей работе «Шок от будущего» (1970), получившей огромную известность во всем мире. Люди испытывают страх перед быстрыми переменами. Этот психологический барьер западному обществу удалось, так или иначе, преодолеть.

Конкретно-социологические описания инновационной личности были опубликованы в западной социологической литературе в 60-70- гг. XX века. Само понятие инновационной, новаторской личности как типа, жестко противопоставленной несамостоятельной авторитарной личности, было впервые введено Э. Хагеном в 1962 г. Он выделил следующие черты инновационной личности: любознательное отношение к миру, поддержка новаций и оригинальности мышления других людей, собственное стремление к новизне, творческий дух.

В 70-е г. западные ученые провели сравнительное изучение социальных и культурных аспектов развития многих развивающихся стран. В результате была построена, как они считали, аналитическая модель современной личности, которая была названа моделью инновационной личности. В ней было выделено 9 следующих черт.

Вкратце они таковы:

- открытость к экспериментам, инновациям и изменениям;
- признание плюрализма мнений, существования разных точек зрения;
- ориентация на настоящее и будущее;
- уверенность и способность преодолевать жизненные препятствия;
- планирование будущих действий для достижения поставленных целей;

² См. подробнее, например, Бойко И.В. *Фундаментальные основы инновационной экономики. Логический, исторический и эмпирический контекст.* М., 2003.

³ Вудкок М., Френсис Д. *Раскрепощенный менеджер.* М., 1991. С. 132.

- вера в возможность регулирования и прогнозирования социальной жизни;
- чувство справедливости в отношении вознаграждения за затраченный труд;
- высокая ценность образования;
- уважение достоинства других людей вне зависимости от статусной позиции. См. об этом подробнее⁴. Трудно сказать, с моей точки зрения, о таком понимании инновационной личности как об аналитическом ее понимании. Это также эмпирическое описание личности.

В интересной работе Г.И. Герасимова и Л.В. Плюхина «Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы» (М., 1998) был проведен сравнительный анализ различных эмпирических описаний инновационной личности и дан обобщенный ее образ. В ней авторы выделили следующие характерологические черты личности:

- потребность в переменах, умение уйти от власти традиций, определяя точки развития и адекватные им социальные механизмы;
- наличие творческой личности как личного качества и творческого (креативного) мышления;
- способность находить идеи и возможности их оптимальной реализации;
- системный и прогностический подход к отбору и организации нововведений;
- способность ориентироваться в состоянии неопределенности и определять допустимую степень риска;
- готовность к преодолению постоянно возникающих препятствий;
- развитая способность к рефлексии и самоанализу. См. подробнее⁵.

В этих описаниях, список которых можно продолжить, в целом верно схвачена основная черта личности инновационного типа в новых исторических условиях. Она не просто должна обладать способностью адаптироваться к социальным условиям жизни. Ее активность должна быть нацелена на изменение этих условий, она должна быть способной своими конкретными делами оказывать реальное воздействие на ход и направление практического развития той или иной сферы общественной жизни. Но такое понимание инновационной личности носит еще достаточно общий характер.

В 90-е годы были сделаны первые шаги по разработке теории субъекта инновационной деятельности. Как справедливо подчеркнул А.Л. Никифоров, «специфика инновации как деятельности порождает определенный тип личности»⁶. Однако и на сегодняшний день разработки по вопросам, связанным с теоретической разработкой инновационной личности как нового социального типа личности, не привели к прорыву в этой области знаний, не дали еще больших и значимых результатов. В чем здесь сложность проблемы?

Когда сегодня говорится об инновационном обществе, то под ним имеется в виду общество массового применения имеющихся или вновь создаваемых новых продуктов или технологий во всех важных сферах жизнедеятельности общества. Самая общая классификация нововведений выделяет инновации как в сфере промышленного производства, так и в социальной сфере – в финансовой, экономической, организационной, управленческой, педагогической, правовой и т.д.

Сегодня нужны люди инновационного склада. Мысль о том, что это просто творческие личности, постоянно занятые созданием и внедрением новых технологий, сама по себе правильна, но она уже общеизвестна и не является сколько-нибудь новой.

Дело в том, что между сферой научно-исследовательских, опытно-конструкторских разработок и промышленностью, реальной социальной жизнью всегда располагалась и располагается связывающая их область деятельности людей по практическому внедрению нововведений. Представляется удачным определение инновационной деятельности, данной В.И. Лисовым. «Инновационная деятельность – процесс, направленный на реализацию результатов законченных научно-исследовательских разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт,

⁴ Штомпка П. Социология изменений. М., 1996.

⁵ Герасимов Г.И., Плюхин Л.В. Инновации в образовании: сущности социальные механизмы. М., 1998. Гл.3. Специфика субъекта инновации в образовании.

⁶ Никифоров А.П. Деятельность и свобода. // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990. С. 342.

реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности»⁷.

Необходимость изучения современного этапа развития инновационной деятельности привело ученых к созданию новой науки – инноватики. Она делает только первые шаги, но уже смогла показать всю сложность проблемного поля исследований. С этой точки зрения инновационный процесс есть наука о том, как возможно превращение нового научного или экспериментального продукта в инновацию, становление инновации. Другими словами, инновация есть создаваемый в процессе инновационной деятельности продукт, который реально дает качественно другую коммерческую или иную практическую значимость⁸.

Наряду с общей теорией инноватики возникла и развивается социология инноватики, в которой поставлен ряд существенно новых вопросов в отношении сущности инновационной личности. Решение этих вопросов требует, в том числе, и современной методологии анализа⁹.

Прежде всего, проблема заключается в том, чтобы научиться связывать указанные две сферы – сферу научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок и реальные экономические, образовательные, любые иные процессы в условиях динамичного развития современного общества. Как создать эффективную связь между этими сферами. Конечно, необходимы организационные структуры, но главное люди, которые умеют это профессионально делать.

Подведем краткий итог сказанному. Выявились три главных проблемы, которые следует дальше обсуждать в ходе решения проблемы инновационного типа личности.

1. Инновационная деятельность должна стать массовой, если ставится задача перехода общества на инновационный тип развития; 2. Возникает инновационный тип личности, выделение которого не совпадает со сложившимися ранее принципами выделения социальных типов личности; 3. Общество и люди, живущие в нем, должны быть ориентированными на инновационное развитие, как на постоянно возобновляемый процесс создания инноваций во всех сферах общества. Все эти вопросы представляют собой серьезную теоретическую и, тем более, практическую проблему.

Инновационный тип личности как социальный тип.

Рассмотрение эмпирического описания инновационной личности сквозь призму общесоциологической личности позволяет сделать следующий важный вывод о трех главных чертах и, соответственно, о трех задачах формирования полноценной инновационной личности:

1. Способность к творчеству; 2. Наличие определенного интеллектуального ресурса; 3. Социальная зрелость как готовность к инновационной деятельности. 4. Особенности деятельности инновационной личности в коллективном субъекте инновационной деятельности.

Рассмотрим теперь каждую из этих черт инновационной личности. Отметим только, что по каждому из этих вопросов имеется огромная литература, анализ которой, даже самый краткий, превратился бы в сложную самостоятельную проблему. Мы обратим внимание только на те аспекты, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой нами проблеме.

1. Способность к творчеству как важнейшая черта инновационной личности.

Прежде всего, способность личности к воображению, рефлексивному отношению к проблемной ситуации всегда означает, что она всегда может выдвинуть и обосновать целый ряд, пучок различных способов ее решения. Отсюда становится понятной актуальность поставленной в литературе последнего времени проблемы именно креатива и креа-

⁷ Лисов В.И. Роль, задачи и принципы государственной инновационной политики на современном этапе социально-экономического развития России. М., 2004. С. 4-5.

⁸ См там же.

⁹ Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики. СПб., 2004; Маршак А.Л. Социология инноватики как прикладная наука: к постановке вопроса. // Интеллектуальный ресурс как важнейший фактор управления промышленностью М., 1996; Образовательное направление. Инноватика. Под ред. А.В. Горностаевой. М., 2005.

тивной личности. В настоящее время в практике обучения делается именно упор на креативность личности. Это несколько другое, чем сложившееся в методологии науки понимание творчества, которое приобрело в ней в основном теоретико-познавательный, когнитивный аспект анализа. Открытие нового, до сих пор неизвестного, рассматривается именно как новый шаг в познании истины. Рассмотрение проблемы творчества в методологической литературе происходит в достаточно традиционном ключе. Замена творчества на креативность в большинстве работ по творчеству не дала много нового для понимания этого феномена.

Креативность имеет в виду другую сторону мыслительной деятельности, чем универсализм научного творчества. В последнее время появился ряд интересных работ по выявлению разных аспектов креативности.

В частности, Г. Айзенк разделил креативность как оригинальность личности и креативность как собственно способность к созданию нового продукта, интеллектуального и предметного, в определенной области человеческой деятельности, иными словами, как талант личности. Перспективность понимания креативности как оригинальности состоит в том, что оригинальная, своеобразная интерпретация явлений жизни уже говорит об открытости личности к восприятию нового, необычного, но не только к восприятию. Нередко она демонстрирует богатое воображение, а также внутреннюю готовность личности к эксперименту, к отказу от привычных норм и устоявшихся традиций. Тем самым расширяются границы прежнего понимания творческой личности, когда на первое место выдвигались классически понимаемые творческие способности как исключительно талант, призвание.

Вообще говоря, креативность в личности, прежде всего, вырастает, прежде всего, из такой ее черты как оригинальность, нестандартность взгляда на вещи. Это очень важная сторона в жизни человека. Становление личности в подростковом возрасте, в молодежной среде начинается с поиска внешней оригинальности. И это, в общем-то, закономерная и естественная модель молодежного поведения, ступенька в ее процессе ее социализации. Но опасность, которую не удастся избежать значительной части молодежи, состоит в том, что креатив вырождается в оригинальничание, за которым ничего нет.

Креативность предполагает умение видеть различные пути решения нестандартной ситуации, умение оценить каждый из них и выбрать исходя из некоторого критерия наиболее подходящий. Но и другая ситуация, которая сложится в процессе деятельности, также будет нестандартной. Прописанные в литературе правила могут привести к успеху, если человек смог правильно оценить ситуацию, выбрать верное направление, но те же самые правила, та же самая технология приведет к поражению, если вы некреативный человек, если вы не умеете мыслить оригинально, нестандартно, не обладаете самой малостью воображения.

Решение проблемы развития креативного начала в человеке, будь это политик или учитель в средней школе, социальный работник или офицер армии сталкивается особенно в нашей стране с огромными трудностями. Прежде всего, российское общество в значительной мере остается традиционалистским. Это заложено в культуре и проявляет себя во всех сферах жизни и на всех уровнях. В широком смысле традиционалистское мышление порождает боязнь новизны, нежелание стремиться к новому, неизвестному из-за разного рода опасений, которые имеют под собой известные социально-исторические основания. Отношение массового сознания к реформам – это тема отдельного разговора, но она здесь должна незримо присутствовать при обсуждении проблемы перехода к инновационному обществу. Более того, одна из причин сегодняшнего увлечения инновационной терминологией и заключается в том, чтобы таким путем преодолеть негативистское отношение массового сознания россиян к реформе. Провальный характер реформ 90-х г. XX века не может отменить общепринятого понимания реформы как универсального способа развития общества.

В более узком смысле, проблема реформы это очень остро стоящая сегодня проблема – как вписать инновацию в традицию. Во всех сферах российского общества развернулись инновационные изменения есть инновации сегодня и в большинстве из них есть своя культурно-историческая традиция.

Если брать область политехнологической деятельности, то многие заимствованные из-за рубежа, например, выборные технологии оказались провальными именно потому, что они использовались без должного учета традиций и менталитета российского, русского человека. Точно также и в образовании сегодня идет борьба между национальными традициями, особенно в школьном образовании, и, казалось бы, современными инновациями, взятыми у более развитых стран Запада, но входящими в непримиримые противоречия с традиционной практикой русской национальной школы.

Наибольшие успехи достигаются в тех областях практической деятельности, в которых нет диктата и гнета давно сложившихся традиций. Это касается современных информационных технологий, использования компьютерной техники. Интернета. Но здесь и больше опасностей превращения инновационной личности в технократическую личность современного образца. Причем трудно дать описание и анализ этих опасностей, когда инновационные реформы стремительно развиваются, и в общественном мнении создается устойчивая иллюзия их безусловной полезности и прогрессивности, а негативные моменты будут преодолеваются по мере дальнейшего роста инноваций.

2. Вторая характерная черта инновационной личности – это интеллектуальный ресурс.

Традиция в трактовке интеллекта идет от Платона, который видел в интеллекте способность человека преодолевать жизненные обстоятельства. В XX в. интеллект, уровень развития интеллекта стали рассматриваться преимущественно с когнитивной точки зрения, анализу и оценке подвергались, прежде всего, высшие мыслительные способности человека, умение оперировать имеющимися знаниями. Отсюда чрезмерное и явно неоправданное преувеличение значимости тестов, например, в виде коэффициента интеллекта – IQ.

Необходимо подчеркнуть, что современные исследователи расширили сферу исследований интеллекта. Они подтвердили, что интеллект и соответственно интеллектуальный потенциал есть сочетание когнитивных и личностных факторов, хотя характер этой связи остается дискуссионным в научной литературе. Причем это относится не только к характеристике интеллектуальных возможностей личности, но и общества в целом. Нередко говорят о высоком интеллектуальном потенциале общества, имея в виду большое количество лиц с высшим или средним профессиональным образованием. Но значительная часть этой категории лиц может не работать по специальности или давно профессионально не растет. Поэтому интеллектуальный потенциал личности, к примеру, можно адекватно установить, лишь связав уровень образования со степенью социальной включенности его носителей в общественно-значимые сферы деятельности. В случае возвращения на работу лиц, имеющих высшее или среднее профессиональное образование, даже небольшого перерыва в несколько лет они испытывают на огромные трудности. Иногда эти люди просто не в состоянии квалифицированно работать в рамках прежней профессии ввиду, например, устарелости знаний, полученных много лет, тем более десятилетий назад.

Креативное начало в личности нельзя успешно развивать при отсутствии интеллектуального ресурса. Креатив – это не просто оригинальность в оценке нестандартной ситуации или видение пучка возможных путей ее решения и выбора, с точки зрения субъективной уверенности, одного из них ведущего к успеху. Многие организации публикуют объявления о том, что они ищут креативных личностей для творческой работы, например, в сфере дизайна, маркетинга или консалтинга.

Но что здесь чрезвычайно важно. В более или менее простых ситуациях оригинальность мышления позволяет добиваться успеха за счет общей культуры. Например, президент группы «Руян» А. Кравцов уверен, что конкурировать с его компанией очень сложно – в «Руяне», имеющей известный брэнд РАПТОР, умеют наблюдать и выбирать правильные вещи. Каковы же принципы управления, о которых поведал президент группы на страницах журнала: 1. Мы выбираем продукты на стыке ниш или отраслей. 2. Это сезонные продукты. 3. Мы выбираем рынок, оптимальный для нас по емкости. 4. Рентабельность нового бизнеса должна быть не менее 80 процентов, но, как правило, реально бывает больше ста процентов¹⁰.

¹⁰ Перцова Н. Чем больше мы куражимся, тем больше зарабатываем // Секрет фирмы. 2005. № 13.

Однако в более сложных видах инновационной деятельности нужен интеллектуальный ресурс, но понятый не просто как набор знаний по конкретной сложившейся специальности¹¹. Дело в том, что создание сегодня самых продуктивных решений происходит очень часто на стыках различных порою, казалось бы, заведомо не соединимых отраслей знания. Вот этому так важно предметно научить с помощью тренинга и консалтинга, различных деловых игр, как это конкретно происходит в ходе поиска решения.

Это обстоятельство чрезвычайно важно учитывать сегодня, когда наблюдается огромный рост информационных технологий. Но эффективность их использования оставляет желать много лучшего, наблюдается разрыв между высоким уровнем этих технологий и низким умением людей, их использующих, как только речь заходит о творческом применении информационных технологий к решению нестандартных ситуаций. Здесь требуются личности инновационного склада.

В этой связи вызывает озабоченность резкое ослабление внимания к фундаментальному образованию во многих вузах. Делается упор на сокращение объема преподавания фундаментальных наук. Если студент привязан к конкретной организации уже с самого начала обучения, то ориентация в вузовском преподавании только на объем знаний, потребных студенту как будущему специалисту на конкретном предприятии и на конкретном месте, не может рассматриваться только со знаком плюс. Содержательная креативность требует широкого спектра знаний. Его может дать только фундаментальная вузовская подготовка, в том числе, по широкому спектру социально-гуманитарных дисциплин. Никакая самая креативная личность не даст решения сложной, проблемной ситуации, если ее интеллектуальный ресурс ограничен суммой прикладных знаний.

Можно согласиться с теми авторами, которые объединяют творчество и интеллектуальный ресурс и говорят о творческом ресурсе или потенциале личности. Например, такой позиции придерживаются авторы коллективной монографии «Инновационный путь развития для новой России», которые считают, что «творческий потенциал граждан занимает место важнейшего инвестиционного ресурса»¹². Здесь как раз и появляется новый поворот в понимании сущности инновационной личности.

3. В-третьих, инновационная личность – это высоко мотивированная личность, причем не только психологически мотивированная, но и социально-мотивированная. Как верно подчеркивает психолог О.С. Советова, психологическая готовность предполагает не просто развитую способность перехода от слов к реализации целенаправленных действий, но и «готовность к испытанию стрессом», к воздействию негативных факторов¹³. Современное общество, становящееся инновационным обществом, имеет много характеристик. Одна из них, наиболее сущностная – современное общество есть общество риска. Риском называют обычно вероятность достижения поставленной цели и проистекающие отсюда в случае неудачи негативные последствия. Но помимо объективных характеристик современной деятельности человека как рискованной деятельности существует огромная проблема для человека как эффективно действовать и жить в условиях постоянно возникающих ситуаций риска, которые создаются самой инновационной деятельностью. Без этого качества – умения жить в условиях общества риска – нет инновационного человека.

Интересны материалы, касающиеся действия фирм-имитаторов в сравнении с фирмами инновационными. Фирма – имитатор использует подделки под хорошо продаваемый продукт, чувствует себя уверенно, получает хорошую прибыль и ничем не рискует¹⁴.

Что касается социальной зрелости личности в целом, ее готовности к инновационной деятельности, то эта проблематика является наименее разработанной в сравнении с другими аспектами. Готовность личности к инновационному типу деятельности напрямую связана с уровнем личностной мотивации на достижение поставленных целей и получение конечного результата. Чем выше мотивация на успех, на достижение желаемого результата, чем сильнее идет мобилизация всех интеллектуальных возможностей, интеллектуального потенциала человека.

¹¹ Акимов А.А., Гамидов Г.С., Колосов В.Г. Системологические основы инноватики. СПб., 2002.

¹² Инновационный путь развития для новой России. Под ред. В.П.Горегляда. М., 2005. С. 54.

¹³ Советова О.С. Инновации: трудности и возможности адаптации. СПб., 2004. С. 54.

¹⁴ Бойко И.В. Фундаментальные основы инновационной экономики. Логический, исторический и эмпирический контекст. М., 2003. С. 63.

Совсем другая картина складывается, когда отсутствуют мотивы к высоко производительной работе интеллекта. Низкая зарплата и бедственное социальное положение, негативное отношение к фундаментальной науке, к опытно-конструкторским разработкам со стороны власти негативно сказываются на отношении массового сознания к расширению масштабов инновационной деятельности.

Это означает, что переход от индустриального общества к постиндустриальному обществу, основанному на знаниях, предполагает или делает необходимым переход от экономики «дешевого» работника, дешевого человека к экономике «дорогого человека». К концу XX века в западном мире утвердился «экономика «дорогого человека, т.е. инновационная экономика»¹⁵. Это породило с неизбежностью иной уровень потребления, социального обеспечения, новые модели управления трудом, новые модели трудовых и отношений собственности, в частности, обеспечения прав интеллектуальной собственности в инновационной экономике и в инновационном обществе.

Эти задачи очень сложны для решения. Современное российское общество еще только начинает осознавать, какой переворот должен произойти в обществе, прежде чем оно сможет перейти на инновационный путь развития. Следствием из сложившейся ситуации выступают многочисленные коллизии между формирующейся инновационной личностью и значительной инерционностью общества, которое с недоверием и боязнью относится к возможным столь стремительным переменам. Следует сказать, что любое вложение в развитие инновационных технологий оправдано лишь тогда, когда обеспечена их востребованность внутри страны. Известно, что из России ежегодно "уходят" десятки весьма перспективных технологий. Если не решить проблему их востребованности, то такая же судьба ждет и самые прорывные технологии, от которых может зависеть судьба России в нынешнем столетии – это нанотехнологии.

Если не удастся обеспечить востребованность технологий внутри страны, то в результате, как это часто бывало в отечественной истории, Россия будет платить дважды: сначала – за разработку той или иной технологии, а потом – за покупку конечных продуктов, созданных с ее использованием, расплачиваясь за это нефтью, газом и другими невозобновляемыми природными ресурсами¹⁶.

Период радикальных экономических преобразований 1990-х годов, сопровождавшийся резким спадом производства и платежеспособного спроса на фоне высоких темпов инфляции, был ознаменован неуклонным снижением уровня инновационной активности. Если в конце 1980-х годов удельный вес предприятий, разрабатывавших и внедрявших новые продукты и технологические процессы, в промышленности бывшего СССР колебался в пределах 60-70 процентов, то уже в начале 1990-х годов эта величина снизилась более чем втрое, а в 1997 году составила всего 4,7 процента. Это примерно в 4-5 раз ниже, чем в Португалии и Греции, которые отличаются минимальными показателями инновационной активности среди стран Европейского союза. Разрыв России с лидирующими в этом отношении государствами, такими как Нидерланды, Австрия, Германия, Дания и Ирландия, достигает 10-12 раз. По абсолютным объемам экспорта высокотехнологичной продукции Россия более чем вдвое уступает Дании, Греции и Австрии; Корею и Малайзии – примерно в 13 раз, Германии и Великобритании – в 27, Японии – в 38, США – в 70 раз¹⁷.

Причиной такой печальной ситуации выступают, в частности, весьма упрощенные представления о возможности скорого перехода России на новый путь развития. Поистине в России должна пройти инновационная революция, прежде чем страна встанет на этот путь. В ближайшее время должно сложиться качественно новое понимание инновационной политики, иначе у страны не будет будущего.

Одна из причин в существовании разрыва между научной сферой и промышленностью заключается в отсутствии должного понимания сегодня решающей роли образо-

¹⁵ Человек в «инновационной экономике» XX в. Отв. ред. Васильчук Ю.А. М., 1994.

¹⁶ Шудегов.В.Е. Развитие инновационно-инвестиционной деятельности в РФ // О повышении роли государственного сектора науки в стимулировании инновационно-инвестиционной деятельности. Аналитический сборник. Изд. Совета Федерации РФ. М., 2005. С. 9-10.

¹⁷ Там же. С. 5.

вания. Сегодня инновационная политика не может рассматриваться в отрыве от образования. Другими словами, научно-техническая, образовательная и промышленная политика должна составлять единую сущность и основу этой инновационной политики. Без сбалансированного развития этих трех составляющих будет, наверное, проблематично построить инновационную экономику и инновационное общество. Наиболее слабым звеном в инновационной политике выступает образовательная политика. До конца не осознано, что переход к экономике «дорогого человека» есть переход к доступному, равному и качественному образованию всех граждан, что предполагает наличие бесплатного среднего и высшего образования с прожиточным уровнем стипендиального обеспечения студентов, если мы всерьез думаем вслед за Западом быстро и решительно переходить на инновационный тип развития.

Но высокий уровень образования есть только условие для формирования современной инновационной личности. В массе своей люди не в состоянии научиться инновационно мыслить и инновационно практически работать. Необходимо научить человека труда, человека практики, касается ли это промышленности, политики или образования, искать, находить и использовать имеющиеся готовые технологии или эскизные проработки для достижения выбранной им конкретной цели. Отсюда появление огромного количества тренингов, консалтинговых центров, современных бизнес-школ, если брать только сферу предпринимательства. Отсюда огромное количество тренеров, лекторов, гуру-проповедников. Они учат. Я вам расскажу, говорит знаток, как сделать не прибыльное кафе прибыльным. Или, скажет представитель экспериментально-конструкторского бюро, купите наш образец, мы доведем его на вашем месте до работающего состояния, и вы получите большие прибыли. В обществе возникает огромная сеть учебных, консалтинговых центров. И вместе с тем появляется опасность выдачи тривиальности за эксклюзив, за элитарное образование.

Здесь и начинается самое трудное. Научить пользоваться правилами технологии успеха, значит показать, как эти правила действуют в конкретных жизненных ситуациях, а они всякий раз оригинальные нестандартные ситуации. Обучение инновационному мышлению заключается в том, чтобы добиваться качественно новых результатов, в этом суть создания и практического применения инновации. А это означает – научить подбирать соответствующие технологии для достижения конкретной цели

Следовательно, задача состоит в том, чтобы сделать человека, сидящего за партой или в аудитории инновационной личностью. Но одного его желания добиться успеха явно недостаточно.

Социально-психологический аспект связан с утверждением в обществе реальной и наглядной связи между инновациями и повышением устойчивого характера развития общества, повышением социальной защиты и социального благополучия граждан, повышения качества их жизни.

В частности, на заседании Совета Федерации стимулированию инновационно-инвестиционной деятельности говорилось о том, что «отмечается быстрое увеличение численности и повышение общественной значимости так называемого креативного класса»¹⁸. С этим в принципе можно согласиться. Действительно, инновационную личность можно считать представителем нового креативного класса в смысле социального слоя. Складывается постепенно новая социальная структура в обществе, заметно отличающаяся от традиционного деления на классы индустриального общества. Над прежней структурой надстраивается новая структура, она не отменяет прежних социальных и классовых противоречий, но показывает другие пути их преодоления в условиях становления инновационного общества, другими словами, общества знаний.

Когда ставится вопрос об инновационной личности как социальном типе, то имеется в виду, как видно из сказанного, не индивидуальные особенности отдельного человека, а та совокупность социально-значимых функций, социальные роли, которые она выполняет в обществе. Можно высказать предположение, что в современном обществе складывается особая сфера деятельности людей, самостоятельное существование которой становится условием его дальнейшего развития.

¹⁸ Там же. С. 4-5.

Деятельность инноваторов устанавливает необходимые связи между сферой конкретно-научного, прикладного знания, других форм знания (художественного, идеологического и т.д.) и другими, давно сложившимися сферами деятельности. В более раннем индустриальном обществе установление таких инновационных связей было какой-то органичной частью других форм деятельности – государственно-управленческой деятельности, политической, инженерно-конструкторской, технико-организационной и т.д. Видимо, наступление качественно новой ступени в развитии человеческого общества ведет к дальнейшей дифференциации отношений между людьми, форм их деятельности. Изучение истории становления инновационного типа личности несомненно откроет новые горизонты в понимании глубинных основ общественного устройства.

Однако трудно согласиться с тем мнением, что этот класс «включает не только представителей творческих профессий, но и людей, занятых в сфере НИОКР, наукоемких отраслях промышленности и сферы услуг. Если в 1950 году на этот слой приходилось менее 15 процентов экономически активного населения развитых стран, то уже в начале XXI века – 25-30 процентов»¹⁹.

Это, на мой взгляд, очень распространенное заблуждение, представляющее людей науки некими инновационщиками, которыми они не были и не будут. Они – люди науки, и этим все сказано. Они создают принципиально новое как в сфере фундаментальных исследований, так и в прикладных научных и опытно-конструкторских разработках. Люди, занятые в инновационной сфере, могут ставить вопросы, делать заказы исходя из желаний потребителя и его потребностей. Но если наука не может дать решения, бьется и ни один год, то никакого прямого отношения к инновационной сфере деятельности она не имеет. Невозможно конечно по-другому определять деятельность людей науки, нежели творчество, открытие принципиальных путей создания новых технологий. Причем не только в сфере материально-технической, но, например, в сфере представлений о психике человека. Здесь еще темного и непонятого и на чем часто спекулирует оккультизм и мистика, но это все относится к сфере научных исследований, и нельзя одним махом переиначивать инновационную деятельность. У нее другие цели и другой предмет.

Наконец, высокая индивидуальная мотивация инноватора идет от социально значимых целей общества. Поэтому инновационный тип общества предполагает ясное понимание национальных интересов и на их основе разработку и реализацию общественно значимых национальных программ. Инновационное общество и инновационная личность есть взаимосвязанные и взаимно обуславливающие явления жизни и соответственно понятия теоретической социальной науки. Если мы хотим переходить на инновационный тип развития, то для этого недостаточно призывать к формированию инновационной личности. Они есть, и их становится все больше, хотя по разным отраслям общественно-значимой деятельности рост идет крайне неравномерно. Но из суммы отдельных поступков и действий инноваторов не складывается сам себе инновационный путь развития общества. А пока можно наблюдать разительный разрыв между индивидуальными успехами инновационной деятельности организаций и отдельных граждан и общими пока начальными шагами, которые делает российское общество по переходу страны на инновационный путь развития.

Есть опасность инновационизма понятого как новой современной формы технократизма. Чем сильнее интеллектуальный ресурс, тем опаснее могут быть последствия применения инновационных технологий в сфере рынка, образования, социальной сферы на технократических началах.

Все, что было сказано, имеет прямое отношение к пониманию инновационной личности. Но ее специфику все же не вполне раскрывает перечисление тех трех черт, о которых выше шла речь. Какая еще существенно важная черта появляется у инновационного продукта на современном этапе развития общества?

Обычная инновационная практика индустриального общества в XIX – первой половине XX вв. состояла в том, что инновация в сфере промышленного производства воз-

¹⁹ Там же. С. 5.

никала как реакция на неудовлетворенную потребность общества. И сегодня такая деятельность во многом определяет специфику массового создания инновационного продукта в промышленности, в сфере услуг в нашей стране.

В начале XXI в. российская власть взяла курс на переход к инновационному типу развития общества, после чего в инновационной практике появилось много новых и весьма знаменательных явлений. В современной российской жизни все более заметное место начинают занимать инновационные центры. Они могут существовать и как независимые центры, и как отделения больших корпоративных структур.

Другими словами, инновационными по своей сути становятся не только отдельные личности, но и целые коллективы. Особенно те, которые заняты изготовлением инновационных продуктов для различных отраслей промышленности. Но требования, которые к ним предъявляются, по смыслу, те же, что и к отдельной личности.

Инновационный продукт есть коллективное творчество большой группы квалифицированных специалистов, применяющих в ходе совместной работы высокоэффективную технику и наукоемкие технологии в решении сложных инновационных задач. В последнее время разрабатывается так называемая социо-техническая философия, которая рассматривает коллективный инновационный субъект как сложную социо-техническую систему²⁰.

С организационно-технической стороны эта проблематика имеет более-менее ясный характер. Гораздо сложнее выстраиваются эффективные межличностные отношения в организациях собственно инновационного типа. Рост количества людей, желающих работать сегодня в инновационной организации, обусловлен предоставляемыми возможностями для профессиональной самореализации. Мотивация же людей строится через привязывание их к компании. Построение системы мотивации включает множество факторов, начиная от сложной системы оплаты труда и заканчивая привлечением сотрудников к управлению компанией. Используется также участие персонала в доходах или даже собственности компании, когда наемные сотрудники становятся партнерами учредителей.

Корпоративную культуру компании этапа "управления качеством" характеризует совместность деятельности, ориентация на потребности клиента, командный стиль работы людей. Приверженность фирме и нацеленность на улучшение качества — два фундаментальных положения, на которых базируется корпоративная культура компании. Формулирование философии корпорации, разделяемой ее сотрудниками, задание норм корпоративной этики создают условия для того, чтобы кроме стандартов качества, как центрального элемента деятельности, людей объединяло еще и чувство общности по отношению к своей организации²¹. Но жесткая корпоративная культура коммерческой компании не всегда становится фактором фактором эффективного работы инновационной личности.

Во всем мире сегодня основной смысл инновационного типа развития общества состоит в том, что производство инновационных продуктов приобретает массовый характер, они демонстрируются для выбора непосредственным производителям оборудования, инструментов, товаров или социальных услуг. При этом инновационные центры активно предлагают инновационную идею, скажем в эскизном варианте, внедрение которой, согласно предварительным расчетам, гарантированно принесет организации, ее внедряющей, большой экономический или социальный эффект, какие-то другие зримые преимущества. В авторитарном обществе с жестким государственным управлением органы государственной власти сами решают, что выгодно, а что нет, поэтому инновационный тип развития в его подлинном смысле слова не может состояться. Для авторитарного общества характерен другой мобилизационный, в том или ином смысле, тип развития. Мобилизация старается подчинить себе инновационную деятельность и из нашей истории известно, что она тормозит, а порою делает ненужной инновационную активность граждан²².

²⁰ Акимов А.А., Гамидов Г.С., Колосов В.Г. Системологические основы инноватики.

²¹ Блинов А.О. Формирование систем внутрифирменного инновационного предпринимательства в РФ. // О повышении роли государственного сектора науки в стимулировании инновационно-инвестиционной деятельности. Аналитический сборник. Изд. Совета Федерации РФ. С.66.

²² Фоногов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

В современных организациях инновационного типа центральной опорой, вокруг которой строится вся организация, становится не просто маркетинг – изучение рыночной конъюнктуры, а клиент, потребитель с его настоящими и будущими, часто ему самому неосознанными потребностями. При этом если клиент-центрированная маркетинговая стратегия ставит во главу угла потребителя, то активное формирование потребностей рынка строится на предвосхищении будущих потребностей. В этом смысле инновационные компании, опережающие своим предложением запрос рынка, во многом реально его создают. Такой коммерчески выгодное предложение, конечно, может сделать не каждый инновационный центр, но лидерам это удастся, или, вернее, они потому и становятся лидерами, что у них это получается²³.

Такое массовое производство инноваций на опережение во многом меняет и сам инновационный продукт. Конечно, по форме инновационное производство остается прежним. Оно основывается на трансформации научного или технологического знания в такой конкретный продукт, когда предлагаемая технология полностью обеспечивает его практическое изготовление и немедленное использование.

Но в настоящее время инновационные продукты начинают представлять собой весьма масштабные и сложные объекты на основе использования наукоемких и новейших информационных технологий²⁴.

Самая отличительная черта современного инновационного творчества состоит в том, что при создании инновационного продукта приходится учитывать сложную взаимосвязь экономических, экологических, технико-технологических, социальных факторов, инновационный продукт становится результатом интеграции самых различных видов научного знания. Социальная составляющая в инновационном продукте вносит в понимание его значимости для развития конкретной сферы общества радикально новый смысл.

Из такого понимания инновационного продукта вытекает ряд существенно новых требований к инновационной личности. Одно из них – уметь интегрировать самые разные виды конкретно-научного знания. При этом следует особо подчеркнуть, что при проектировании каждого нового инновационного продукта его создание достигается с помощью оригинального сочетания только для данного продукта разных видов знаний.

Во-вторых, вновь становится предметом дискуссии известная черта инновационной личности, которая ей с самого начала предписывается. Это – способность к постоянному переосмыслению мира. В литературе постоянно встречаются, в общем, правильные утверждения о том, что все мы живем сегодня в эпоху стремительных перемен, и потому, если меняется мир, то должны меняться и смысло-жизненные ориентиры каждого человека, тем более инновационной личности. Отношение человека к миру должно включать в себя не только способность, но и постоянную готовность принимать изменения смыслов окружающего мира, готовность менять свои жизненные ориентиры, признавать существование в мире разных и изменяющихся точек зрения²⁵. Готовность порождается инновационным климатом, создаваемым как на отдельном предприятии, так и в обществе в целом²⁶.

Постмодернистская философия много пишет о том, что именно такая личность, взгляд которой, ни на чем не останавливается долго, и которая легко скользит по поверхности явлений и событий, сегодня может рассчитывать на успех, быть новаторской, авангардистской инновационной личностью.

Прежде всего, здесь можно высказать критическое замечание в том смысле, что умение и готовность человека постоянно меняться должно предполагать некоторую устойчивую систему взглядов, которая, меняясь, сохраняет свои некие важные параметры, инварианты. Без основы не может быть осмысленного и направленного процесса изменений. Эта проблема имеет важные как философские, так и практические аспекты, которые еще предстоит дальше разрабатывать применительно к современному динамично развивающемуся обществу.

²³ Блинов А.О. там же. С. 65-66.

²⁴ Клепов А.П. Инновационная деятельность: проблемы и перспективы. Саратов. 2005.

²⁵ Бергер П. Приглашение в социологию М., 1996.

²⁶ Арендт Е. Инновации и творчество. // Проблемы теории и практики управления. 1991.№3.

Наконец, в-третьих, инновационная личность, это личность, которая в состоянии понимать и по возможности предвидеть последствия инновационных продуктов, которая добровольно берет на себя нравственную ответственность за свое творчество. Инновации неизбежно несут с собой риски. Именно отсутствие социальной зрелости и нравственных ценностей с неизбежностью порождает технократическое мышление, социальную индифферентность и, в конце концов, ущербную личность, нередко представляющую опасность для общества. Сегодня очень остро стоит вопрос о безопасности инноваций. Существует огромная литература на этот счет. Однако сегодня такие технократически мыслящие личности, работающие в государственных структурах, нередко навязывают обществу свои далеко не безопасные инновации.

Сегодня эти опасности, в частности, в результате серьезных упущений при реформировании образовательного процесса стали не только реальными, но и весьма масштабными. Недопустимо, когда главной целью образования считается освоение профессиональных знаний с помощью информационных технологий, а усвоение социально-этических норм, общепринятых в отечественной культуре, – делом сугубо второстепенным, поскольку для успешной профессиональной деятельности достаточно мол здравого смысла, а вообще можно и без него обойтись. Намеченный властью постепенный переход страны на инновационный путь развития может состояться только при условии, если образованию будет в полной мере возвращена воспитательная, гуманистическая функция.

Еще одной важной особенностью современной инновационной личности, ее творческих устремлений выступает новое понимание природы инновации. Инновация – это не однократное нововведение, которое после его успешного внедрения можно долго эксплуатировать. Знание возможных и вероятных последствий его применения означает, что примерно известны и его ресурсные возможности, тот предел, достижение которого, а скорее приближение к которому, ставит вопрос о желательности и необходимости новой инновации. Это требуется для поддержания динамики экономического и социального развития, конкурентоспособности страны в целом. В литературе стало привычным говорить о жизненном цикле инновации. В теории современной инновационной деятельности обосновывается ведущий принцип деятельности – непрерывной смены инноваций. В этом также заключается отличительная черта современной инновационной личности. Такое мышление можно назвать концептуально-стратегическим.

Это одна из интересных методологических разработок последнего времени связана с изучением возможностей применения общей теории пределов для понимания инновационного процесса как непрерывного по своей глубокой внутренней сути²⁷. Здесь мы выходим на современную постановку проблем цикличности общественного развития, в том числе и экономического развития, впервые затронутых в классических работах Н. Кондратьева и Й. Шумпетера. Но сферы применения сегодня теории пределов выходят далеко за рамки экономической сферы. Скорее всего, речь должна идти о новых мировоззренческих основах инновационного типа развития общества в стремительно меняющемся мире XXI века.

Выше уже говорилось об опасности инновационизма как современной формы технократического рационализма. Инновации это не только рискованная деятельность, связанная с технологической надежностью создаваемых продуктов. Еще и другой достаточно новый аспект изучения последствий современного технократизма, связанного с появлением того, что называют подрывными технологиями. Целое направление в западной литературе о бизнесе занимается изучением того, как из-за новых технологий погибают сильные компании²⁸. Впечатляет пример о том, как более дешевые и удобные в обращении японские мотоциклы Хонда, Ямаха, Кавасаки, оказались подрывными продуктами по отношению к благополучию компаний Харлей-Давидсон и BMW. На первый взгляд может показаться, что для российского общества, эта проблематика пока не актуальна. Общество еще нужно твердо вступить на инновационный путь развития, прежде чем оно начнет понимать опасности погони за все новыми и новыми инновациями.

²⁷ Акимов А.А., Гамидов Г.С., Колосов В.Г. Системологические основы инноватики. Раздел «Жизненный цикл инновации». С.41 и далее.

²⁸ Клейтон М., Кристенсен У. Дилемма инноватора. М., 2004.

Но неравномерность инновационных процессов, происходящих в обществе, уже показывает значимость этого аспекта и необходимость его обсуждения. На место стандартных книжных учебников претендуют модульные электронные учебники. Если за ними будущее, то какова судьба книжных учебников. Подрывные технологии появились в медицине. Вместо общей хирургии появилась артроскопия и эндоскопия, вместо коронарного шунтирования ангиопластика и т.д. В высшей школе появляются корпоративные институты и даже университеты. Социальные последствия лавинообразного нарастания инновационных преобразований не стало еще предметом теоретической рефлексии, так же как и социально-этические аспекты деятельности инновационной личности.

Переход на инновационный путь развития требует огромной прогностической работы и выработке на ее основе научно выверенной стратегии экономического и социального развития страны, определяющей общие контуры и направленность деятельности инновационной личности.

Список литературы

1. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. №6 (66). 2003.
2. См. подробнее, например, Бойко И.В. Фундаментальные основы инновационной экономики. Логический, исторический и эмпирический контекст. М., 2003.
3. Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер. М., 1991. С.132.
4. Штомпка П. Социология изменений. М., 1996.
5. Герасимов Г.И., Плюхин Л.В. Инновации в образовании: сущности социальные механизмы. М., 1998. Гл.3. Специфика субъекта инновации в образовании.
6. Никифоров А.П. Деятельность и свобода. // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990. С.342.
7. Лисов В.И. Роль, задачи и принципы государственной инновационной политики на современном этапе социально-экономического развития России. М., 2004. С. 4-5.
8. См там же.
9. Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики. СПб., 2004; Маршак А.Л. Социология инноватики как прикладная наука: к постановке вопроса. // Интеллектуальный ресурс как важнейший фактор управления промышленностью М., 1996; Образовательное направление. Инноватика. Под ред. А.В.Горностаевой. М., 2005.
10. Перцова Н. Чем больше мы куражимся, тем больше зарабатываем // Секрет фирмы. 2005. № 13.
11. Акимов А.А., Гамидов Г.С., Колосов В.Г. Системологические основы инноватики. СПб., 2002.
12. Инновационный путь развития для новой России. Под. ред. В.П.Горегляда. М., 2005. С. 54.
13. Советова О.С. Инновации: трудности и возможности адаптации. СПб., 2004. С.54.
14. Бойко И.В. Фундаментальные основы инновационной экономики. Логический, исторический и эмпирический контекст. М., 2003. С.63.
15. Человек в «инновационной экономике» XX в. Отв. ред. Васильчук Ю.А. М., 1994.
16. Шудегов В.Е. Развитие инновационно-инвестиционной деятельности в РФ. // О повышении роли государственного сектора науки в стимулировании инновационно-инвестиционной деятельности. Аналитический сборник. Изд. Совета Федерации РФ. М., 2005. С.9-10.
17. Там же. С.5.
18. Там же. С.4-5.
19. Там же. С.5.
20. Акимов А.А., Гамидов Г.С., Колосов В.Г. Системологические основы инноватики.
21. Блинов А.О. Формирование систем внутрифирменного инновационного предпринимательства в РФ. // О повышении роли государственного сектора науки в стимулировании инновационно-инвестиционной деятельности. Аналитический сборник. Изд. Совета Федерации РФ. С.66.
22. Фонов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.
23. Блинов А.О. там же. С.65-66.
24. Клепов А.П. Инновационная деятельность: проблемы и перспективы. Саратов. 2005.
25. Бергер П. Приглашение в социологию М., 1996.
26. Арендт Е. Инновации и творчество. // Проблемы теории и практики управления. 1991. №3.
27. Акимов А.А., Гамидов Г.С., Колосов В.Г. Системологические основы инноватики. Раздел «Жизненный цикл инновации». С.41 и далее.
28. Клейтон М., Кристенсен У. Дилемма инноватора. М., 2004.

INNOVATION PERSONALITY AS A SOCIAL TYPE

V. N. Shevchenko

Institute of philosophy RAS

The article discusses the issue of innovations in the context of personal and sociocultural determination of the phenomenon under the study. The innovation type of personality is described in the aspect of its perspectives in the contemporary Russian society.

Key words: innovation, personality, socium.

УДК 111,123,124

О ВОЗМОЖНОМ И НЕВОЗМОЖНОМ

В. Н. Фионоентов*Орловский
государственный
аграрный университет**e-mail: v-fn@mail.ru*

В различных онтологических контекстах обсуждается проблема разграничения возможного и невозможного. Формулируются методологические принципы корректного рассмотрения этой проблемы. Особое внимание в статье уделяется критическому анализу религиозного попсибилизма.

Ключевые слова: возможное, невозможное, попсибилизм, религиозный попсибилизм, онтологический контекст, процессуальность, инновационная процессуальность.

Несомненна теоретическая важность и практическая значимость разграничения возможного и невозможного. Вспомним в связи с этим древний, универсальный и по-настоящему мудрый совет человеку: «не трать свои силы и время на попытки достичь невозможного, стремись к достижению возможного». – Прекрасная рекомендация! Но, очевидно, для того чтобы воспользоваться ей, человеку необходимо знать, где проходит граница между возможным и невозможным. Интерес к вопросу об этой границе «подогревается» также тем, что он связан с остро актуальной, теоретически интересной и в мировоззренческом плане весьма существенной проблемой чуда. Ведь чудо вполне можно определить как осуществление невозможного. И, следовательно, отнесение какого-либо события к категории чудесного требует от нас, во-первых, проведения упомянутой границы и, во-вторых, ответа на вопрос: почему и с какой точки зрения мы считаем это событие невозможным и, тем не менее, осуществившимся.

Несомненна также сложность задачи разграничения возможного и невозможного. Эта сложность связана, в частности, с многообразием субъектов, применительно к которым осуществляется такое разграничение. Ясно ведь, что невозможное для одного человека вполне возможно для другого, например, для гения или выдающегося спортсмена. Эта сложность связана также с исторической подвижностью границы между возможным и невозможным. Еще в первой половине двадцатого века невозможно было, например, провести шахматный матч человека с компьютером. Невозможны были тогда и полеты человека на околоземную орбиту. Сейчас это стало возможным. Прогресс науки, техники и технологий переводит многое, что считалось невозможным, в разряд возможного. С другой стороны, развитие науки может смещать границу между возможным и невозможным в противоположном направлении, то есть может переводить нечто из разряда возможного в разряд невозможного. Так, до проведения известных опытов Л. Пастера многие ученые придерживались гипотезы о возможности самопроизвольного зарождения жизни (гипотезы абиогенеза). И только эти опыты достаточно строго обосновали невозможность абиогенеза. Как видим, поставленная в общем виде задача разграничения возможного и невозможного, скорее всего, решена быть не может, слишком она сложна и многоаспектна. В связи с этим попытаемся обсудить для начала один чрезвычайно интересный аспект этой задачи. Этот аспект можно сформулировать в виде вопроса: существуют ли принципиальные, не преодолимые границы между возможным и невозможным? Или иначе: существует ли поистине невозможное?

Можно представить себе позицию, согласно которой абсолютной границы между возможным и невозможным не существует. Другими словами, сторонники этой позиции утверждают, что «возможно все». Такую позицию логично обозначить термином **поссибилизм** (от английского слова – возможность). Интуитивно понятно, что попсибилизм – это ошибочная позиция. Однако убедительно опровергнуть его непросто.

Как дискутировать с попсибилизмом? Сначала попытаюсь пояснить, откуда проистекает интуиция его ошибочности. Видимо, она проистекает из очевидной непомерности требований, предъявляемых сторонниками попсибилизма (поссибилистами) к дейст-

вительности. Образно говоря, требования POSSИБИЛИСТА к действительности можно сравнить с требованиями старухи к золотой рыбке из сказки А.С. Пушкина «О рыбаке и рыбке». POSSИБИЛИСТ, подобно старухе из упомянутой сказки, никак не может остановиться в своих все возрастающих требованиях к действительности. Он убежден, что «все возможно»: получение нового корыта и новой избы; обретение статусов «столбовой дворянки», «вольной царицы», «владычицы морской»... В сказке, как мы помним, золотая рыбка долго терпела и исполняла требования старухи. Однако, когда эти требования вышли, так сказать, «за границу меры возможного для старухи», (а, может быть, – и для самой рыбки), рыбка взбунтовалась. Логично предположить, что и действительность (природа, универсум) рано или поздно «взбунтуется» и продемонстрирует POSSИБИЛИСТУ границы возможного, столкнет его с принципиально невозможным.

Если говорить более серьезно, то для критики POSSИБИЛИЗМА в частности и, в общем, для продвижения к решению задачи проведения границы, отделяющей возможное от невозможного, прежде всего, необходимо сделать предварительный шаг, который, можно охарактеризовать как «обретение контекста». Иначе говоря, конструктивная дискуссия с POSSИБИЛИЗМОМ и продвижение к решению указанной задачи возможны только в том случае, если указаны концептуальные (теоретические, доктринальные, мировоззренческие) рамки, в пределах которых фиксируется возможность или невозможность чего-либо. В противном случае, т.е. если эти концептуальные рамки не указаны, разговор о возможности или невозможности чего-либо, по сути, бессмыслен.

Поясню сказанное примерами.

1. Некто утверждает, что возможно движение со скоростью большей, чем скорость света в вакууме. – Очевидно, что обоснованная оценка истинности или ложности этого утверждения может быть дана только после указания той физической теории, в рамках которой «некто» рассуждает. Это утверждение вполне правильно, например, в рамках классической (ньютоновской) механики, в которой допускается движение со сколь угодно большими скоростями. Но оно является ложным, если его концептуальные рамки образованы специальной теорией относительности: в этой теории невозможны движения со скоростью, превышающей скорость света в вакууме.

2. Некто утверждает, что возможно проведение через точку, лежащую на плоскости вне данной прямой, двух и более прямых линий параллельных первой. – И вновь истинность или ложность этого утверждения определяется соответствующим контекстом, соответствующими концептуальными рамками. Так, если мы будем рассуждать в рамках евклидовой геометрии, то сформулированное утверждение окажется ложным. В такой геометрии невозможно проведение через точку, лежащую на плоскости вне данной прямой, двух и более прямых линий параллельных первой. Это же утверждение, однако, будет истинным в рамках некоторых вариантов неевклидовой геометрии.

Я привел примеры из физики и математики. В этих науках указание концептуальных (теоретических) рамок, как правило, однозначно определяет, что в них возможно, и что невозможно. Этому способствует отчетливость, строгость сформулированных в них основоположений (принципов, аксиом, постулатов) теорий и однозначность применяемых в них «правил вывода» (законов логики, математики и т.п.).

К сожалению, совсем иначе обстоит дело в гуманитарных науках, в философии, в богословии и многих других сферах познания и знания. Тем не менее, указанный мной выше шаг («обретение контекста», «указание концептуальных рамок») абсолютно необходим и в этих сферах для определения границ, отделяющих возможное от невозможного.

Сказанное можно выразить также, используя категорию меры. Применяя указанную категорию, можно утверждать, что всякая содержательная концепция описывает (объясняет) некоторую предметную область, всегда обладающую специфической мерой: уникальным единством качественных и количественных характеристик данной предметной области. Мера данной предметной области теснейшим образом связана с законами, закономерностями этой области. Именно мера (закономерности) данной предметной области, зафиксированная в соответствующей концепции, и определяет границы возможного и невозможного в этой области. Об этом писал в свое время (и на языке своего времени) глубокомысленный Гераклит: «Солнце не преступит [положенных] мер, а не то его

разыщут Эринии, союзницы Правды»¹. Поссибилизм, провозглашая «все возможно», пытается игнорировать специфические мерности (закономерности) различных предметных областей. Кроме того, в поссибилизме, очевидно, присутствует некая претензия на универсальность: он пытается сказать нечто существенное не о какой-то специфической предметной области, а обо всем универсуме. В связи с этим следует сказать, что признание количественной и качественной неисчерпаемости универсума тождественно признанию его бесконечномерности. Иначе говоря, универсум бесконечно сложен и неисчерпаемо разнообразен. В гносеологическом плане это признание ведет к признанию невозможности охвата всего универсума единой (универсальной) концепцией. Действительно, любая концепция или теория, претендующая на то, что она описывает и объясняет весь универсум, навязывает бесконечномерному универсуму некоторую специфическую (частную) меру. Поссибилистская концепция является именно такой. Она игнорирует собственную (онтологическую) бесконечномерность универсума и приписывает ему некоторое субъективно полагаемое «глобальное» качество: в универсуме все возможно.

Впрочем, если говорить именно о поссибилизме, то приведенная выше критика в некотором смысле «бьет мимо цели». Дело в том, что его сторонники, пожалуй, согласятся с тем, что указание концептуальных рамок действительно тождественно проведению границ между возможным и невозможным. Но, очевидно, добавят они, что определение концептуальных рамок задает всегда (или почти всегда) лишь относительную границу возможного (соответственно, невозможного). Понятно ведь, что невозможное, с точки зрения данной («первой») концепции, может быть возможным в рамках другой («второй») концепции. Невозможное в рамках второй концепции может быть возможным в рамках третьей концепции и т.д. Поссибилизм же, как сказано выше, отрицает не наличие относительных, а существование абсолютных границ между возможным и невозможным: для него нет принципиально невозможного. Поэтому указанного шага – «определения концептуальных рамок» – недостаточно для победы над поссибилизмом. Это так хотя бы потому, что сторонник поссибилизма всегда может сказать: последовательно расширяя границы возможного (путем перебора концептуальных рамок), мы неизбежно дойдем до концепции, в которой такие границы отсутствуют, в которой, иначе говоря, возможно все.

Следовательно, мы должны продолжить обсуждение поссибилизма. Видимо, главным источником трудности его опровержения является то обстоятельство, что утверждение «все возможно» само является основоположением (принципом) соответствующего мировоззрения. Иначе говоря, оно (это утверждение) само себе задает концептуальные рамки: именно оно и конституирует мировоззренческую позицию, обозначенную выше термином «поссибилизм». Поэтому, понятно, его нельзя опровергнуть, показав, что оно не допускается соответствующими (иными) концептуальными рамками. Как поступить в этой ситуации? Логично предположить, что поссибилизм следует критиковать, анализируя все множество следствий, из него вытекающих. Другими словами, для критики поссибилизма необходимо продемонстрировать недопустимость тех или иных его следствий для самого поссибилистского мировоззрения, то есть необходимо показать его внутреннюю противоречивость.

Рассмотрим в этой связи наиболее яркую форму поссибилизма: религиозный поссибилизм. Его сторонники утверждают, что «для Бога все возможно». Это утверждение, на первый взгляд, вполне приемлемо для теизма, поскольку оно, по сути, тождественно признанию всемогущества Бога. Действительно, теизм, наиболее авторитетными формами которого являются иудаизм, христианство и ислам, несомненно, утверждает своеобразное онтологическое всемогущество Бога. Это онтологическое всемогущество Бога проявляется в теизме весьма разнообразно. Для теиста, как хорошо известно, Бог может чудесным образом превратить воду в вино, Он может слепому вернуть зрение, Он может воскресить мертвого. Бог теизма может, часто повторял известный представитель религиозного поссибилизма, Л. Шестов, даже бывшее сделать не бывшим. Наконец, величайшее чудо – Бог сотворил мир из ничего... Правда, обсуждая онтологическое всемогу-

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. М., 1989, с. 220.

щество Бога, наверное, стоит вспомнить некоторых религиозных мыслителей, изобретавших парадоксальные задания, трудные даже для Бога. К примеру: «сможет ли Бог, создать такой камень, какой сам же не сможет поднять». Признание онтологического всемогущества Бога, очевидно, ставит перед религиозным POSSИБИЛИЗМОМ также проблемы, так сказать, аксиологического, в частности этического, плана. Действительно, если принять тезис, согласно которому для Бога все возможно, тогда следует принять также весьма неприятное следствие из него: Бог может творить какое угодно зло. – Или сотворение зла – это и есть тот «камень», который Бог поднять не может? Если это так, то Бог не всемогущ (для него не «все возможно»). Если же Бог может творить какое угодно зло, то как это совместить с теистическими, христианскими, к примеру, представлениями о всеблагости Бога. – Известное противоречие между всемогуществом Бога и Его всеблагости, порождающее труднейшую и рационально неразрешимую для теизма проблему теодицеи.

В основоположении POSSИБИЛИЗМА («все возможно»), видимо, можно усмотреть и своего рода самопротиворечивость, саморазрушительность. Дело в том, что определенность той или иной концепции всегда задается – я уже отмечал это – именно тем, что в ней признается возможным (и, соответственно, – невозможным). Иными словами, во всякой «работающей» концепции что-то должно характеризоваться как возможное, а что-то – как невозможное. При этом круг возможного может быть в ней весьма широк. Но, скорее всего, этот круг не может быть всеобъемлющим. Это так хотя бы потому, что в противном случае будет признана парадоксальная «возможность невозможного».

Кроме того, концепция, в основе которой лежит утверждение «все возможно», является в некотором смысле бессодержательной, беспредметной. Пояснить это можно, обратившись к своеобразной интерпретации попперовского принципа фальсифицируемости. В данном случае названный принцип можно сформулировать следующим образом. Некоторая концепция (теория) является содержательной (предметной), если у нее есть (или могут быть) фальсификаторы. Иначе говоря, эта концепция содержательна (предметна) только в том случае, если ее можно фальсифицировать опытным путем. Причем опыт понимается здесь в самом широком смысле: это не только научные наблюдения, измерения, эксперименты, но и опыт повседневности, опыт логически правильного мышления и т.д. Очевидно, для того чтобы некоторую концепцию можно было фальсифицировать (опровергнуть) опытным путем, она должна что-то запрещать, она должна объявлять что-то невозможным. Например, некоторая биологическая концепция говорит: невозможно, чтобы из желудя выросла береза. В этом случае наблюдение произрастания березы из желудя послужило бы опровержением этой концепции. Или: некоторая физическая концепция провозглашает: невозможно создать тепловой двигатель с коэффициентом полезного действия, равным ста процентам. – Создание теплового двигателя с коэффициентом полезного действия, равным ста процентам, явилось бы опровержением данной концепции... Если же некоторая концепция (POSSИБИЛИЗМ) утверждает «все возможно», то ее невозможно фальсифицировать (опровергнуть). Действительно, поскольку она ничего не запрещает, ее в некотором смысле подтверждает «все». Иначе говоря, ее подтверждают (и всегда будут подтверждать) любые «регионы» и виды человеческого опыта. – Такая – POSSИБИЛИСТСКАЯ – концепция, как видим, всеобъемлюща и беспредметна (бессодержательна) одновременно.

Логично предположить также, что не работающей будет и концепция, абсолютизирующая роль невозможного. Другими словами, круг невозможного в некоторой («работающей») концепции может быть очень широк. Но, наверное, и он не может быть всеобъемлющим. Это так хотя бы потому, что в противном случае данной концепции нечего будет описывать: в ней будут запрещены (невозможны «по определению») любые объекты, любые качества, любые процессы и т.д.

Применительно к религиозному POSSИБИЛИЗМУ к сказанному можно добавить, что утверждение «для Бога все возможно», в некотором смысле разрушительно и по отношению к самому Богу. Дело в том, что если «для Бога все возможно», то Бог (как субъект), можно сказать, теряет всякую определенность: такому субъекту невозможно присвоить ни одно качество, не присваивая Ему противоположного качества. Мы видели выше, что такой Бог теряет качество всеблагости, поскольку для Него «все возможно» – в том числе созидание какого угодно зла. Но точно также он в указанном смысле теряет всякое другое

качество. Действительно, Он теряет качество всеведения, поскольку Он *может* (ведь для Него «все возможно») чего-то не знать и заблуждаться (то есть, Он *может* быть не всеведущим). Он теряет качество вечности, поскольку Он *может* быть временным (то есть, Он *может* быть не вечным) и т.д. Таким образом, Бог, как субъект, характеризуется противоположными, исключаящими друг друга характеристиками. Он одновременно всеблаг и не всеблаг; Он одновременно всеведущ и не всеведущ; Он одновременно вечен и не вечен (временен) и т.д. Иначе говоря, казалось бы, естественное и очень привлекательное для теизма утверждение «для Бога все возможно» делает содержание понятия «Бог» внутренне противоречивым.

Разумеется, приведенные только что рассуждения опираются на предположение, согласно которому к такому специфическому субъекту, как Бог, применима категория возможности (невозможности). Эти рассуждения предполагают также, что к Богу применимы законы логики (закон тождества, закон противоречия). Многие философы принимали эти предположения как очевидные и само собой разумеющиеся. Соответственно, они приходили к выводу, согласно которому и для Бога есть нечто невозможное.

Так, Аристотель был вполне согласен с афинским трагиком Агафоном, писавшим: «Ведь только одного и богу не дано: не бывшим сделать то, что было сделано»². Фома Аквинский в «Сумме теологии» указывал: «Все, что содержит противоречие, не подпадает под всемогущество Бога»³. Р. Декарт исходил из того, что Бог не может лгать. «Первейший из атрибутов Бога, – подчеркивал в связи с этим французский мыслитель, – его высочайшая правдивость: он – даритель всех светочей истины, так что полностью немислимо, чтобы он вводил нас в заблуждение»⁴. Б. Спиноза утверждал, что Бог только однажды повелел, а далее подчиняется своим первоначальным установлениям (повелениям). Он доказывал, что «Бог не может не сделать того, что он делает; именно он создал все так совершенно, что оно не может быть совершеннее»⁵. Спиноза доказывал также, что невозможно вочеловечение Бога, ибо невозможно, чтобы субстанция (Бог) стала модусом (человеком). Г.В. Лейбниц настаивал на том, что Бог не может нарушить законы логики и математики. Он был убежден в том, что Бог «не может действовать нелепо и противно разуму». Так, например, Бог не может создать четырехугольный круг. Бог, утверждает Лейбниц в «Теодице», не является творцом собственного разума. А поскольку разум подчинен законам логики, постольку этим законам в некотором смысле подчинен и сам Бог. Именно в связи с этим немецкий философ развивает свое учение о нашем мире как наилучшем из возможных миров. Бог создает из возможных миров наилучший, «так как хороший в абсолютном смысле мир, мир без всяких несовершенств, вообще немислим, стало быть, невозможен также и у самого Бога»⁶. Хорошо известно также гегелевское «сближение» логики и Бога. По Гегелю, логика есть «изображение Бога, каков он в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа»⁷. Э. Гуссерль утверждал, что истинное для человека является истинным также и для Бога...

Конечно, для такого Бога («Бога философов») возможно далеко не все. Такой – рационализированный – Бог определен, то есть его возможности имеют пределы, границы. Он, очевидно, не всемогущ. Такой Бог (рационализированный «Бог философов»), конечно, устраивает далеко не всех религиозных мыслителей.

Яростными «борцами» за всемогущего Бога были в частности С. Кьеркегор и Л. Шестов. Они категорически не соглашались подчинить Бога каким-либо «необходимостям», в том числе и тем, которые Бог сам для себя установил. Только Бог, для которого «возможно все», есть для них настоящий, истинный Бог. Без такого – поистине всемогущего – Бога, по их убеждению, человек должен неотвратимо впасть в состояние отчаяния. Ибо только для всемогущего Бога и, соответственно, только для верующего в

² См.: Аристотель. Соч. в четырех томах. М., 1983, т. 4, с. 174.

³ Цит. по: Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М., 1992, с. 279.

⁴ Декарт Р. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., 1989, с. 325.

⁵ Спиноза Б. Об усовершенствовании разума: Сочинения. М., 1998, с. 48.

⁶ Фишер К. История новой философии: Готфрид Вильгельм Лейбниц: Его жизнь, сочинения и учение. М., 2005, с. 589-590.

⁷ См.: Гегель. Наука логики. М., 1998, с. 31.

Него человека нет неизбежного, нет неотвратимого, нет невозвратимых потерь, нет окончательной смерти.

С. Кьеркегор и Л. Шестов (см., например, указанную выше книгу Л. Шестова) обвиняли рационалистическую философию, в частности, и разум человеческий вообще в том, что они обрекают человека на рабскую покорность всевозможным «необходимостям»: законам природы, законам логики и математики и т.п. Для этих авторов разум, разграничивающий возможное и невозможное, есть источник бессилия человека. Разуму они противопоставляют веру, понимаемую как «безумная борьба за возможное». Они даже не боятся называть себя мисологами (разумоненавистниками). Они призывают человека к потере разума, ибо, по их убеждению, потерять разум, чтобы обрести всемогущего Бога, – это и есть «акт веры»⁸. Для верующего во всемогущего Бога «все возможно», в том числе «невероятное и невозможное». Бог Кьеркегора и Шестова, Бог религиозного попсибилизма, очевидно, стоит над любыми «необходимостями», над любыми установлениями разума.

Справедливости ради стоит сказать, что, конечно же, не Шестов и не Кьеркегор «изобрели» такого – всемогущего – Бога. Представления о таком Боге уходят к истокам христианской традиции. Широко известным свидетельством этого являются парадоксальные формулировки Тертуллиана: «Распят Сын Божий – не стыдно, потому что вынуждает стыдиться. И умер Сын Божий – оттого и заслуживает веры, что нелепо. И похороненный воскрес – достоверно, потому что невозможно» (О теле Христовом, У, 80б В). Петр Дамиани утверждал, что Бог не подчиняется никаким законам, в том числе и закону противоречия. Против рационализации Бога выступал Иоанн Дунс Скот, подчеркивавший примат божественной воли по отношению к любым законам. К безумию веры во всемогущего Бога призывал, как известно, М. Лютер. «Для Его воли, – указывал немецкий богослов, – нет причин или объяснений, которые приписывали бы Ему правила и меры, потому что нет ничего равного Ему, ни того, что превышает Его, но сам Он – правило для всего...»⁹.

Здесь следует зафиксировать очень важное, на мой взгляд, разграничение. Это – разграничение между, так сказать, «наивным попсибилизмом» и попсибилизмом, так сказать, «последовательным». «Наивным» может быть назван попсибилизм, который представляет собой скорее эмоционально фундированную, чем рационально обоснованную, позицию. Такой попсибилизм увлечен привлекательной стороной формулировки «все возможно», в частности тем, что она обещает возможность чуда и, даруя человеку надежду на спасение в любой ситуации, избавляет его от отчаяния. Такой попсибилизм не видит отрицательных, разрушительных следствий, вытекающих из обсуждаемой формулировки. Он не осознает иррациональности, противоречивости, абсурдности отстаиваемой им позиции. Он в большей мере прячется от такого осознания, чем стремится к нему. «Последовательный» попсибилизм вполне осознает свою иррациональность (даже – антирациональность) и абсурдность. Более того, антирациональность и абсурдность рассматриваются сторонниками такого попсибилизма в качестве сильной стороны проповедуемого ими мировоззрения. Дело в том, что они прекрасно осознают также, что без победы над разумом, без полного принятия абсурда невозможна полноценная вера во всемогущего Бога. Так, М. Лютер писал в этой связи: «Человеческий разум мелет одни только глупости и вздор тогда, когда принимается выказывать свою мудрость в делах священных... Исключив веру, разум хочет ощупать, увидеть, понять, каким это образом Бог добр, а не жесток... Но вера и дух судят иначе; они верят, что Бог добр, даже если Он погубил всех людей»¹⁰. И Кьеркегор и Шестов, по сути, одними и теми же словами провозглашают, что только «во тьме Абсурда произойдет чудо», и «и человек исцелится от бессилия пред тем, что знание называет «невозможным» или «необходимым»»¹¹. «Нужно, – пишет далее

⁸ См. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993, с. 274.

⁹ Лютер М. О рабстве воли // В кн.: Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986, с. 437.

¹⁰ Лютер М. О рабстве воли, с. 379, 430.

¹¹ См.: Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия, с. 138; Кьеркегор С. Страх и трепет, с. 275-277.

Л. Шестов, – отказаться от объективной истины, нужно отказать объективной истине в праве решать человеческие судьбы... Не значит ли это «требовать невозможного»? Вне всякого сомнения: это значит требовать невозможного»¹².

Важно отметить, что обретение человеком такой веры во всемогущего Бога должно, по всей видимости, рассматриваться не как психологическое, «ментальное» и т.п. изменение, а как онтологическое его (человека) изменение. Действительно, с точки зрения религиозного POSSИБИЛИЗМА, обретая такую веру, человек (через причастность к всемогущему Богу) становится онтологически иным: из слабосильного земного существа он превращается в существо в некотором смысле всемогущее. Как говорит своим последователям в связи с этим Иисус: «Если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смовнице сей: «исторгнись и пересадишь в море», то она послушалась бы вас» (Лук. 17, 6). И еще сильнее об этом в другом месте: «...Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мат. 17, 20). Вот только обрести такую веру и онтологически трансформироваться, как показывает история теизма, чрезвычайно трудно. По всей вероятности, такой веры не достигли даже самые последовательные религиозные POSSИБИЛИСТЫ. Так, М. Лютер, развивший учение о том, что только верой (*sola fide*) и может спасти человек, всегда был убежден в собственной виновности (*mea culpa*), греховности и ничтожности. С. Кьеркегор в своих произведениях неустанно твердит, что ему так и не удалось совершить «последнее движение веры», то есть уверовать по-настоящему и онтологически преобразоваться (превратиться в «рыцаря веры»). Л. Шестов предполагает, что датскому мыслителю это не удалось, поскольку тот, несмотря на постоянные призывы к вере, основанной на абсурде, все-таки пребывал в стихии мышления и слишком доверял разуму. Полагаю, что аналогичный упрек можно адресовать и самому Л. Шестову, книги которого полны весьма тонких и сложных рассуждений, очевидно невозможных без следования законам рассудка и разума. Можно предположить также, что этого «последнего движения веры» не может сделать никто из людей, ибо это требует, по сути, полного преодоления человеческого (земного) начала в человеке. Об этом, кстати, пишет и сам Л. Шестов. «Этого движения веры, – с горечью констатирует российский мыслитель, – ни он (С. Кьеркегор – В.Ф.), ни кто другой в мире не делает, не может сделать»¹³.

Отмечу, что любопытный анализ оснований религиозного POSSИБИЛИЗМА можно усмотреть в сочинениях авторов постмодернистской ориентации. Эти авторы (М. Бланшо, Ж. Батай, М. Фуко) оперируют понятием трансгрессии, означающим преодоление «непроходимой границы, и прежде всего барьера между возможным и невозможным»¹⁴. Так, например, Жорж Батай связывал трансгрессию с непреодолимо-страстным желанием человека обрести иной мир: мир божественный, священный. Трансгрессия у него, по сути, тождественна религиозному экстазу, посредством которого человек прорывается сквозь профанное к сакральному.

Очевидно, что понятия возможного и невозможного являются важнейшими категориями онтологии. Можно сказать, что то или иное соотношение между возможным и невозможным задает определенную онтологию, конституирует определенный мир. Справедливо и обратное утверждение: каждая онтология (каждый онтологически своеобразный мир) характеризуется определенным соотношением возможного и невозможного; каждая онтология задает определенную границу между возможным и невозможным. Так, например, онтология, развитая Б. Спинозой в «Этике», однозначно отрицает существование Бога, для которого «все возможно».

Как уже было отмечено, поставленная в общем виде задача разграничения возможного и невозможного в силу своей сложности и многоаспектности, по всей видимости, решена быть не может.

В связи с этим логичным и полезным представляется рассмотрение этой задачи применительно к некоторым «мирам» с заданной онтологией. В свое время мной была построена любопытная трехуровневая онтологическая модель. Она изложена в частности

¹² Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия, с. 219.

¹³ Там же, с. 158.

¹⁴ Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск. 2007, с. 665.

в книге: Финогентов В.Н. *Время, бытие, человек*. Уфа. 1992. Эта онтологическая модель представляет собой единство четырех миров (мир Парменида, мир Кратила, мир Лапласа, мир Бергсона). Она была построена для анализа темпоральности универсума, но может быть полезной при рассмотрении многих философских проблем. Поскольку указанный «набор» миров является в некотором смысле полным (исчерпывающим), постольку интересно разобраться, как соотносятся возможное и невозможное в названных мирах. Иначе говоря, эти онтологически своеобразные миры выступают здесь, по сути, в качестве концептуальных рамок, определяющих соответствующие границы между возможным и невозможным.

Кратко (подробнее я пишу об этом в названной книге и некоторых других своих работах) напомним, что эти миры фиксируют особенности трех уровней бытия универсума. Первый из уровней бытия универсума – уровень бытия бесконечного как такового – описывается одновременно двумя из указанных миров: миром Парменида и миром Кратила. Второй уровень бытия универсума – уровень бытия конечного как такового – описывается миром Лапласа. Наконец, третий уровень бытия универсума – уровень бытия конечного, неразрывно связанного с бесконечным, – описывается миром Бергсона.

Мир Парменида представляет собой застывший, мертвый мир, лишенный какой бы то ни было процессуальности. Это – мир абсолютной самотождественности. Это – мир бытия в полном смысле слова: в нем отсутствует становление (возникновение и исчезновение), в нем нет переходов прошлое-настоящее-будущее. Все его состояния «стянуты» в одно, единственное состояние. Его бытие – это бытие вечного, не преходящего настоящего. Понятно, что такой мир представляет собой царство уже осуществленного (действительного). К нему, по сути, не применимы категории возможного и невозможного, поскольку в нем нет осуществления. Это – мир пребывания.

Гораздо интереснее в рассматриваемом плане мир Кратила. Этот мир представляет собой абсолютную противоположность миру Парменида и, как это ни парадоксально, по сути, – тождествен ему. Мир Кратила – это полный хаос. Каждое его состояние мгновенно. Между его состояниями отсутствуют какие бы то ни было связи, в том числе и закономерные. В некотором смысле в этом мире все возможно, поскольку на смену данному его состоянию приходит абсолютно произвольное, любое («всякое») его состояние. Таким образом, казалось бы, мир Кратила – это мир possibiliзма. Для того чтобы понять, почему этот мир только «в некотором смысле» является миром possibiliзма, необходимо принять во внимание то обстоятельство, что мир Кратила представляет собой мир абсолютной несамотождественности. Следовательно, он является чрезвычайно специфическим субъектом бытия. Он существует всего лишь мгновение, он каждое мгновение становится абсолютно иным. Причем, поскольку связи между его состояниями отсутствуют, невозможно установить, чем именно следующее его состояние отличается от предыдущего. Поэтому, строго говоря, с внутренней (собственной) для этого мира точки зрения, оно («следующее состояние») ничем не отличается от предыдущего; оно тождественно ему. Поэтому, как уже было отмечено, мир Кратила до неразличимости сближается с миром Парменида. Как видим, весь необъятный круг его возможностей (возможных его преобразований), по сути, «стягивается» в точку. И, следовательно, эти возможности тождественны невозможностям.

Мир Лапласа представляет собой мир однозначной, «жесткой» детерминации (лапласовской детерминации). Это – мир полной, абсолютной упорядоченности. Каждое его состояние однозначно определяет все остальные его состояния (как последующие, так и предшествующие). Правомерно утверждение: в таком мире все его состояния, по сути, содержатся в любом из его состояний. Это так, поскольку связи между состояниями, образуемые законами функционирования такого мира, позволяют однозначно вывести все его состояния из данного (любого) его состояния. Можно также сказать, что мир Лапласа процессуален только поверхностно, а сущностно (глубинно) он неизменен, а потому близок родствен миру Парменида. «Парменидовский» уровень его бытия задается упомянутыми непроцессуальными законами функционирования. Указанная «поверхностная» процессуальность обсуждаемого мира сводится к перебору его (предзаданных) состояний. Сказанным определяется и круг возможного в этом мире. В каждый данный момент времени возможно одно и только одно (предзаданное) после-

дующее его состояние. Поскольку же все его состояния предзаданы, то возможность здесь, по сути, тождественна действительности. Соответственно, все, что лежит за пределами круга презаданных его состояний, относится к разряду невозможного в этом мире. В частности, в мире Лапласа невозможно появление каких бы то ни было инноваций, случайностей, проявлений творчества и свободы.

Если в мирах Парменида и Кратила, очевидно, не может осуществляться человек, то свойства мира Лапласа вполне позволяют осуществиться в нем некоторой редуцированной субъектности. Поэтому применительно к этому миру правомерно поставить вопрос: каковы возможности осуществленного в нем субъекта? Или, проще говоря, что возможно для человека, помещенного в мир Лапласа? Понятно, что деятельность этого человека будет вплетена в однозначно детерминированную процессуальность такого мира. Такой человек будет буквально «раздавлен необходимостями». Как уже отмечено, свобода и творчество являются здесь чисто иллюзорными феноменами. Человек ничего не может изменить в таком – механистически-фаталистическом – мире. Будучи фрагментом этого мира, человек не может распоряжаться и самим собой, поэтому он, по сути, теряет право называться субъектом. Используя метафору Б. Спинозы, можно сказать, что человек, помещенный в мир Лапласа, превращается в «мыслящий (наделенный рассудком) камень». Он равнодушно движется по замкнутой фатально-предопределенной орбите. Такой – редуцированный (одномерно рассудочный) субъект – не является проблемой для самого себя. Да и мир, в который он погружен, не является для него проблемой: мир Лапласа, построенный по законам рассудка, прозрачен для субъекта-рассудка. Такой редуцированный субъект может осуществлять (точнее говоря, воспроизводить) только редуцированные ценности и смыслы. В частности, его жизненная стратегия может быть передана с помощью максимы Спинозы: не плакать, не смеяться, не проклинать, но понимать. Иначе говоря, одномерно рассудочному обитателю мира Лапласа не остается ничего иного, кроме рассудочного познания и смиренного принятия этого царства необходимости.

Общим для всех охарактеризованных миров (в том числе и для мира Лапласа) является то, что по отношению к ним возможно, по сути, однозначное и, так сказать, глобальное решение проблемы разграничения возможного и невозможного в них. Совсем иначе дело обстоит с миром Бергсона.

Мир Бергсона представляет собой мир инновационной процессуальности. Каждое последующее его состояние, конечно, связано с предшествующим состоянием. Но эта связь не является однозначной. Характер этой связи определяется многообразными формами памяти (в широком смысле этого слова), свойственными этому миру. Так, одной из этих форм являются законы развития, присущие некоторым фрагментам мира Бергсона. К формам памяти этого мира должны быть отнесены также разновидности памяти в узком смысле этого слова: генетическая память; память существ, обладающих психикой; различные формы социальной памяти. Связи между состояниями некоторых («высших») фрагментов мира Бергсона определяются также различными видами предвосхищения будущего (в частности – целеполаганием), свойственными этим фрагментам. Таким образом, если говорить в самом общем плане, круг возможного (соответственно, – невозможного) в мире Бергсона определяется, во-первых, наличным состоянием рассматриваемого его фрагмента и, во-вторых, формами памяти-предвосхищения, ему свойственными. Более точное проведение границы между возможным и невозможным в этом мире обязательно требует конкретизации. А именно: указания рода (вида) того фрагмента, о котором идет в данном случае речь. Далее необходимо описать наличное состояние этого фрагмента и условия, в которых он находится, а также свойственные ему формы памяти-предвосхищения. При этом необходимо иметь в виду, что фрагменты мира Бергсона чрезвычайно многообразны. Используя выражение, примененное мною выше, можно сказать, что мир Бергсона является бесконечномерным. Поэтому, как уже сказано, в общем виде задача проведения границы между возможным и невозможным применительно к этому миру (в отличие от миров Парменида, Кратила и Лапласа) не решается.

Впрочем, два существенных момента, касающихся решения поставленной в общем виде задачи разграничения возможного и невозможного в мире Бергсона, может быть установлен вполне определенно.

Первый «момент» связан с инновационным характером процессуальности рассматриваемого мира. Каждое состояние мира Бергсона не выводимо полностью из предшествующего состояния и «не перетекает» полностью в последующее. Иначе говоря, каждое его состояние уникально, неповторимо и самоценно. Процессуальность такого мира несет в настоящее его состояние нечто новое и одновременно вытесняет из него нечто старое. Тем самым, эта – необратимая, созидающе-разрушающая – процессуальность «размывает» любой фрагмент этого мира, делает его временным. Отсюда следует принципиально важный в практическом и теоретическом планах вывод, согласно которому в мире Бергсона невозможно существование каких бы то ни было вечных его фрагментов.

Второй из упомянутых «моментов» состоит в констатации: поистине инновационный процесс является в сущности непредсказуемым. Поясню это очень ответственное высказывание. Прежде всего, следует расшифровать словосочетание «поистине инновационный». Оно необходимо потому, что оценка чего-то в качестве нового или не являющегося таковым определяется не только объектом оценки, но и ее субъектом. Иначе говоря, нечто может быть новым для одного субъекта и неновым для другого. Так, например, вступающий в жизнь ребенок сталкивается с огромным объемом нового. Но это новое является новым именно для него. Для других людей, для сообщества, в котором данный ребенок социализируется, оно является по большей части неновым. В свою очередь, новое для данного сообщества может быть неновым для другого сообщества (и, следовательно, для человечества). Таковым новым было, например, в свое время огнестрельное оружие для народов Африки и Америки. Для отличия того, что является новым только для «частичного субъекта» (индивида, социальной группы, этнополитической общности), от нового, являющегося новым для всего человечества, и вводится понятие «поистине новое». Поистине новым (инновационным) мы будем называть то, что является новым для всего человечества, для человечества как целостности. Поистине новое – это то, чего еще не было в истории человечества. К новому такого рода относятся эпохальные научные и технологические достижения, возникновение неизвестных ранее типов религиозности и философствования, политических и экономических форм. В качестве примеров такого нового (поистине нового) можно указать такие события: становление философии, возникновение христианства, становление правового государства, открытие внутриядерной энергии, создание космической техники. Такие достижения вызывают лавины инноваций, они определяют «сильную» необратимость в общественном развитии. Появление такого нового непредсказуемо для субъекта процессуальности, осуществляющего это новое (для человечества). Комментируемое высказывание можно сформулировать и так: поистине инновационный процесс (процесс, осуществляющий поистине новое) является непредсказуемым для субъекта этого процесса. Предсказание поистине нового было бы равносильно совершению научного, технологического, социального открытия до того, как оно состоялось. Каждое такое событие, как и любой акт творчества, имеет своим истоком некую форму спонтанности, каждое из них «подпитывается» хаотической процессуальностью, свойственной любому фрагменту универсума. Ясно, что существенная роль спонтанности (хаоса, случайности) в осуществлении поистине инновационной процессуальности делает ее, в сущности, непредсказуемой.

Впрочем, предсказание появления поистине нового может быть сделано. Но оно может быть сделано другим, более мощным в гносеологическом плане субъектом: субъектом, для которого это новое уже не будет поистине новым. Я имею в виду в данном случае некоего гипотетического субъекта, который был бы знаком не только с историей человечества, но и с опытом многих других (внеземных) цивилизаций, в том числе – с опытом цивилизаций, опередивших человечество в своем развитии. Такой субъект, анализируя эволюционные пути различных цивилизаций, мог бы выявить определенные общие для этих путей моменты (например: на некотором этапе развития цивилизации «изобретают» монотеистические религии, на другом этапе начинают использовать ядерную энергию). После этого такой субъект мог бы прогнозировать наступление подобных «моментов» применительно к развитию земной цивилизации. Можно сказать, что такой прогноз основан на превращении поистине нового в новое только для «частичного» субъекта (человечества в данном случае). Можно сказать также, что прогноз такого рода основан на использовании «законов общего», т.е. законов, устанавливаемых путем сравне-

ния эволюционных путей многих однотипных систем. Это путь – тот самый путь генерализации, о котором писали в свое время В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Очевидно, что прогнозы, основанные на законах такого рода, всегда являются вероятностными и «близкодействующими». Иначе говоря, адекватность прогнозов такого рода будет катастрофически падать при попытках использовать их для описания более отдаленного от времени их составления будущего.

Поскольку мир Бергсона описывает уровень бытия конечного, неразрывно связанного с бесконечным, постольку фрагментами этого мира являются целостные системы самых разных уровней и видов. Это в частности – системы неживой природы, системы живой природы, социальные системы. Применительно к каждому уровню и виду целостных систем задача разграничения возможного и невозможного должна ставиться и решаться в значительной мере самостоятельно. Надо сказать, что во многих случаях такая задача решается достаточно строго средствами нынешней науки. К примеру, современной астрофизикой поставлена и в основном решена задача о возможных путях эволюции звезд в зависимости от их «начальной» массы, химического состава и некоторых других характеристик звезд. Современная космология все более уверенно прорисовывает возможные сценарии будущего нашей Вселенной... Разумеется, за редчайшими исключениями эти решения не имеют той однозначности, которой обладают решения лапласовского типа. Как правило, современная наука способна предсказывать только вероятности возможных траекторий развития целостных систем. Это продемонстрировала уже квантовая теория. В еще более отчетливой форме это показала синергетика.

К сожалению, средства современной науки и философии не позволяют прочертить более или менее точно границу между возможным и невозможным применительно ко многим уровням и видам целостных систем. В особенности рассматриваемая задача сложна применительно к системам, обладающим хотя бы зачатками целеполагания и свободы, в частности, – применительно к человеку и обществу. Решение такой задачи требует, очевидно, «конкретного анализа конкретной ситуации».

Список литературы

1. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. М., Наука, 1989.
2. Аристотель. Соч. в четырех томах. Т. 4. М., Мысль, 1983.
3. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М., Прогресс-Гнозис, 1992.
4. Декарт Р. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., Мысль, 1989.
5. Спиноза Б. Об усовершенствовании разума: Сочинения. М., «Фолио», 1998.
6. Фишер К. История новой философии: Готфрид Вильгельм Лейбниц: Его жизнь, сочинения и учение. М., АСТ, 2005.
7. Гегель. Наука логики. М., Мысль, 1998.
8. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., Республика, 1993.
9. Лютер М. О рабстве воли // В кн.: Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., Наука, 1986.
10. Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск. Современный литератор, 2007.

ON POSSIBLE AND IMPOSSIBLE

V. N. Finoghentov

Orel State Agrarian University

e-mail: v-fin@mail.ru

The problem of delimiting of the possible and the impossible is considered in various ontological contexts. Methodological principles of a well-posed solving of this problem are formulated. Special attention in the paper is given to the critical analysis of the religious possibilism.

Key words: possible, impossible, possibilism, religious possibilism, ontological context, processuality, innovative processuality.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 330.59:353(470.325)

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРОЙ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ОСНОВЕ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА

Б. В. Заливанский¹
Е. В. Самохвалова²
Ж. А. Шаповал³

*Белгородский
государственный
университет*

¹*e-mail:*
Zalivansky@bsu.edu.ru

²*e-mail: Samokhvalova@bsu.edu.ru*

³*e-mail: Shapoval@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности организации управления социальной сферой региона на основе кластерного подхода. Описывается структура социального кластера, определяются преимущества использования кластерного подхода в региональном управлении.

Ключевые слова: социальная сфера, регион, управление, кластерный подход, социальный кластер.

Социальная сфера, будучи одной из фундаментальных областей общественной жизни, характеризуется сложностью и многообразием, обладает относительной самостоятельностью, имеет специфические закономерности функционирования и развития. Зачастую при анализе протекающих в ней процессов исходят из отраслевого определения, когда в состав социальной сферы включают совокупность отраслей, предприятий и организаций, непосредственно оказывающих влияние на качество и уровень жизни населения – культуру, образование, здравоохранение, социальное и пенсионное обеспечение, жилищно-коммунальное хозяйство. Иногда социальная сфера сводится к социальной защите, социальному обеспечению, социальной помощи. Однако, данные подходы представляются довольно ограниченными, поскольку не учитывают функционального назначения социальной сферы. По мнению Г.И. Осадчей, «...субстанциональной основой социальной сферы является социальная деятельность по воспроизводству действительной жизни и регулированию социальных отношений между субъектами данной деятельности. Только социальная сфера в отличие от других сфер жизнедеятельности общества имеет в качестве основной функции воспроизводство целостной совокупности дифференцированных субъектов в рамках общества как единой социальной системы»¹.

---

¹ Осадчая Г.И. Социология социальной сферы. М., 2003. С. 14.

Результативность функционирования социальной сферы определяется множеством факторов, наиболее важными из которых являются ресурсная обеспеченность и действенность организации социальными процессами. Учитывая, что в настоящее время децентрализация полномочий в сфере государственного управления достигла в России самого высокого за всю ее историю уровня, можно утверждать, что решение социальных проблем требует не только адекватной политики федерального центра, но и совершенствования управления социальной сферой на региональном уровне.

Следует отметить, что регион представляет собой не просто ограниченную часть территории, характеризующуюся особыми природно-климатическими условиями, уровнем развития производственного потенциала. Важно учитывать, что регион – это социум, форма организации совместной жизнедеятельности людей, вступающих в сети социальных отношений, социальных общностей, групп и организаций, социальных институтов. Жизнь индивидов и социальных общностей протекает в определенных экономических, культурных, социальных, политико-правовых условиях, которые в совокупности образуют социальную среду.

В этой связи, можно говорить, что социальная сфера региона – это целостная, сложноорганизованная подсистема регионального социума, основной функцией которой является воспроизводство жизни социальных субъектов (индивидов, семей, трудовых коллективов, различных социальных слоев и групп) путем *обеспечения их материального и духовного благополучия, создания возможностей для самореализации.*

Управление социальной сферой региона представляет собой процесс активного организующего воздействия субъекта управления (многоуровневой структуры органов управления) на объект управления (социальную сферу региона) с применением специфических принципов, технологий и методов для обеспечения устойчивого развития отраслей социальной сферы и, таким образом, эффективного воспроизводства жизни регионального социума.

Процесс управления социальной сферой характеризуется информативностью, комплексным характером принятия решений, и включает многоуровневый анализ, диагностику жизненных проблем и потребностей населения, прогнозирование, планирование, программирование, мониторинг социально-экономического развития региона, оценку эффективности управленческих воздействий. В целом, от организации и координации конкретных действий органов управления зависит состояние социальной сферы региона, решение наиболее актуальных социальных проблем, особенно обострившихся в период финансово-экономического кризиса – снижение уровня жизни граждан, доходов, рост безработицы, низкое качество услуг здравоохранения и образования.

В настоящее время развитие социальной сферы является одной из важнейших стратегических задач развития регионов России, о чем свидетельствуют разрабатываемые и принятые концепции долгосрочного развития. Более того, как на федеральном, так и на региональном уровнях, в том числе и в Белгородской области, реализуется довольно большое количество проектов и программ социальной направленности. Это, с одной стороны, свидетельствует о государственной значимости и необходимости улучшения качества жизни населения, а с другой – косвенно указывает на неразрешенность многих организационных и теоретико-методологических проблем управления социальной сферой, на недостаточную эффективность существующей системы управления социальным развитием региона.

В органах исполнительной власти региона нередко применяется практика, в соответствии с которой исполнение тех или иных программ социального развития закрепляется за ведомством, которое самостоятельно, с использованием исключительно собственных административных ресурсов, не в состоянии решить поставленную задачу. Традиционно используемый ведомственный (отраслевой) подход даже в сочетании с программно-целевым часто не обеспечивает достижения поставленных целей управления, препятствует развитию социальной сферы, поскольку недостаточно ориентирован на интегральный эффект воздействия на население и, соответственно, на межведомственную координацию, что подтверждается наличием комплекса неразрешенных социальных проблем.

Очевидно, что существующая модель организации управления социальной сферой региона нуждается в обновлении, связанном, прежде всего, с интеграцией, объединением

усилий органов управления, социально ответственного бизнеса и населения региона для решения важнейших задач, касающихся повышения качества человеческих ресурсов региона, создания комфортной и безопасной среды жизнедеятельности человека.

Данное обстоятельство обусловило необходимость поиска новых подходов к организации регионального управления социальной сферой, основанных на научных, адаптивных, инновационных принципах. Одним из перспективных в данном отношении является *кластерный подход*. Как отмечает В.П. Бабинцев, внедрение кластерных технологий является одним из условий повышения эффективности организации управленческих процессов на уровне региона, а их применение предполагает рассматривать основные составляющие регионального управления – государственную, муниципальную, хозяйственную и общественно-политическую как единую систему (самостоятельный кластер), целостность которой поддерживается общими целями, единством нормативной базы, кадровой ротацией².

Кластерный подход, более всего разрабатываемый в экономической науке и использующийся как инструмент, альтернативный отраслевому управлению экономикой региона, может изучаться и в рамках социологии управления как способ организации управления сложными объектами, к числу которых и относится социальная сфера.

Основоположники кластерного подхода – экономисты, исходили из того, что кластер представляет собой «сконцентрированную по географическому признаку группу взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, а также торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем ведущих совместную работу»³. Компании внутри кластера и связанные с ними организации характеризуются общностью деятельности, объединены географически и взаимно дополняют друг друга.

В представлении М. Портера, кластер – это не просто новая форма организации производства, а объект проведения государственной политики по повышению конкурентоспособности экономики. Данный аспект способствовал довольно быстрой популяризации кластеров в научных и административных кругах.

Кластерная теория основывается на «детерминантах» (или факторах), формирующих конкурентоспособность экономики:

- 1) факторные условия, в которых фирма пытается конкурировать (наличие поставок природных ресурсов и рабочей силы или знаний и технологий);
- 2) условия спроса (нужды и желания потребителей товаров и услуг, существование местного спроса на продукцию);
- 3) родственные и поддерживающие отрасли, включающие поставщиков и удачливых конкурентов (и те и другие стимулируют кооперацию, последние также стимулируют конкуренцию);
- 4) стратегии фирм, их структура и соперничество (отношение к конкуренции, рыночным институтам, уровню местной конкуренции и другим культурным и историческим факторам, влияющим на взаимодействие фирм друг с другом, своими работниками и правительством).

М. Портер считал, что конкурентоспособность государства в полной мере может быть обеспечена только при условии развитости и активного взаимодействия (усиливающего влияния) указанных факторов. Он изобразил детерминанты в виде ромба (модель «Diamond»). Однако функционирование экономики как система находится в прямой зависимости от всех входящих в ее состав элементов. Именно комплекс взаимодействий в этом ромбе определяет эмерджентность системы и обеспечивает ее конкурентоспособность⁴.

² См.: Бабинцев В.П., Захаров В.М. Совершенствование институциональных оснований регионального управления в Белгородской области // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика». 2008. №5(45). Вып. 7. С. 190.

³ Портер М.Э. Конкуренция. М., 2006. С. 258.

⁴ Там же. С. 273 – 275.

С нашей точки зрения, модель кластера может быть использована не только в управлении экономикой. Применительно к социальному кластеру региона в роли факторных условий выступают нормативная база, обеспеченность процесса функционирования кластера материальными, техническими, технологическими, кадровыми, информационными ресурсами; в качестве условий спроса – наличие потребности населения региона в различных социальных благах и услугах; в роли родственных и поддерживающих отраслей – учреждения социальной сферы и организации, обеспечивающие их деятельность. Стратегией для участников кластера является создание благоприятных условий для достойной жизни населения.

Можно утверждать, что *социальный кластер региона* представляет собой группу взаимосвязанных локально сконцентрированных органов управления, организаций и учреждений различных форм, оказывающих социальные услуги населению, объединенных общими интересами и стратегической целью обеспечения материального и духовного благополучия населения региона.

Опыт формирования кластеров был заимствован некоторыми российскими регионами при определении стратегических приоритетов преимущественно в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, туризме. Так, Стратегия социально-экономического развития Белгородской области до 2025 года предполагает формирование и развитие горно-металлургического кластера, кластеров по развитию птицеводства, свиноводства, молочного животноводства, строительного кластера, транспортно-логистического и туристско-рекреационного кластеров, а также многокомпонентного социального кластера как основы развития человеческого потенциала.

Разработчиками Стратегии социально-экономического развития Белгородской области до 2025 года было определено, что социальный кластер имеет следующие особенности:

- завершенность и целостность, соединение различных компонентов социальной сферы в организованную систему;
- территориальная размещенность, так как любой комплекс охватывает определенное социальное пространство и имеет свою конфигурацию;
- сложность состава кластера, его структуры, условий функционирования и развития⁵.

К этому списку представляется необходимым добавить такие особенности как:

- наличие ведущей организации, определяющей стратегию кластера;
- локализация основной массы участников кластера, являющаяся необходимой для установления прямых продолжительных связей;
- устойчивость связей между элементами кластера;
- долговременная координация взаимодействия участников кластера в рамках основных систем управления;
- широкий спектр участников: в структуру кластера входят органы государственного и муниципального управления, организации и учреждения социальной сферы, предоставляющие услуги, потребители услуг (население региона), бизнес, общественные организации.

Важной чертой кластера является его инновационная ориентированность. Центром кластера могут быть несколько организаций, при этом между ними сохраняются конкурентные отношения. По мнению А.А. Миграняна, «объединение в кластер на основе вертикальной интеграции формирует не спонтанную концентрацию разнообразных научных и технологических изобретений, а определенную систему продвижения знаний и технологий. При этом важнейшим условием эффективной трансформации изобретений в инновации, а инноваций в конкурентные преимущества является формирование сети устойчивых связей между всеми участниками кластера»⁶.

⁵ Стратегия социально-экономического развития Белгородской области до 2025 года // Режим доступа: http://www.belregion.ru/docs/svod_str.doc. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

⁶ Мигранян А.А. Теоретические аспекты формирования конкурентоспособных кластеров в странах с переходной экономикой // Режим доступа к изд.: http://www.subcontract.ru/Docum/DocumShow_DocumID_171.html. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

Кластеры, с одной стороны, характеризуются прочными технологическими или финансовыми взаимосвязями между участниками, с другой – напоминают ассоциации, поскольку позволяют участникам не только сохранять юридическую самостоятельность, но и конкурировать между собой. Сходство с ассоциациями подчеркивается также возможностью участия всех основных экономических субъектов – бизнеса, государства и населения. Другими словами, в кластерах формируется сложная комбинация конкуренции и кооперации. Они находятся как бы в разных плоскостях и дополняют друг друга, особенно в инновационных процессах. В свою очередь, указанная форма объединения требует высокого доверия, устойчивых, особых взаимоотношений между организациями.

Таким образом, можно утверждать, что кластер является формой сети, поскольку близкое расположение учреждений и организаций обеспечивает наличие определенных общностей и повышает частоту и силу взаимодействия. Кроме того, результативно функционирующие кластеры выходят за пределы иерархических сетей и превращаются в «решетки» многочисленных перекрывающихся и подвижных взаимосвязей между индивидуумами и организациями⁷.

С нашей точки зрения, структура социального кластера региона может быть представлена следующим образом (рис. 1).

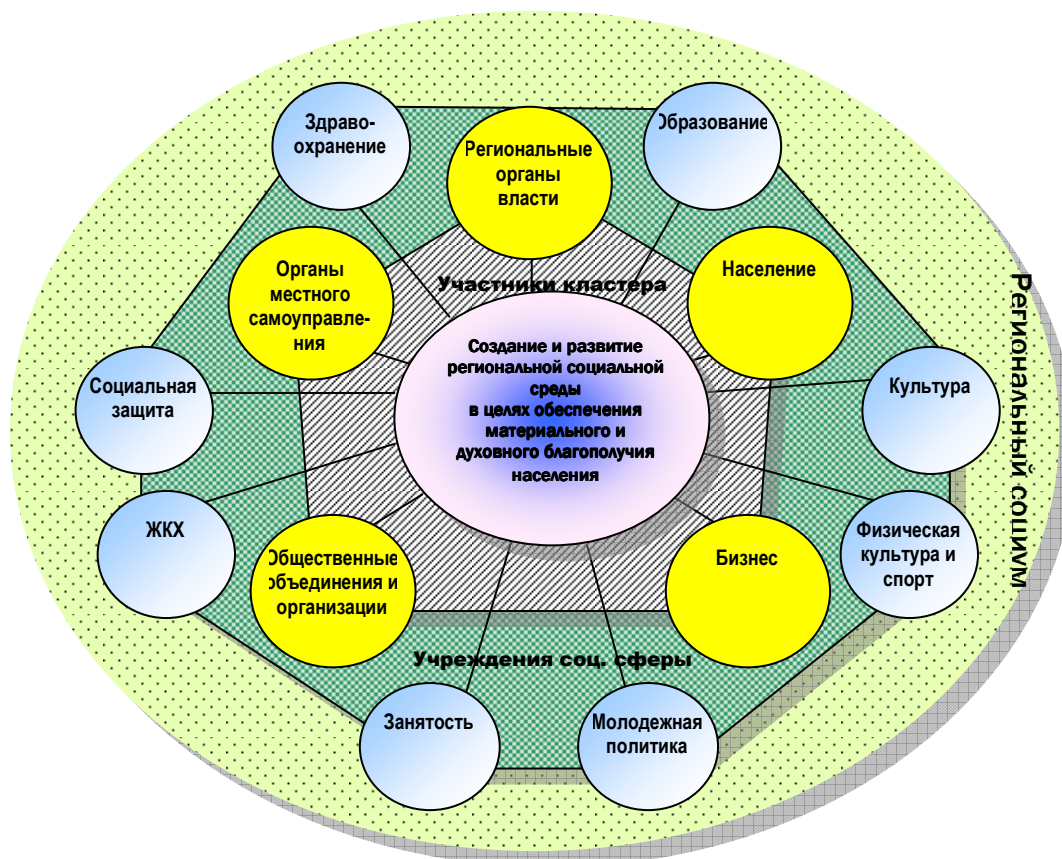

Рис. 1. Структура социального кластера Белгородской области

Роль лидера, ведущей организации в данном случае выполняют, прежде всего, органы законодательной (представительной) и исполнительной власти области, поскольку именно они непосредственно устанавливают общие для всех участников стратегические ориентиры, соответствующие целям федеральной социальной политики, а также осуще-

⁷ См.: Ускова Т.В. Развитие региональных кластерных систем // Режим доступа к изд.: <http://jn.vscs.ac.ru/content>. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

ствляют оперативное управление и координацию совместной деятельности участников кластера в тесном взаимодействии с органами местного самоуправления.

Нормы и ценностные ориентации регионального сообщества, воплотившиеся в общей стратегической цели – обеспечении материального и духовного благополучия населения, в описываемой структуре являются своеобразным ядром, вокруг которого концентрируются усилия всех участников социального кластера.

Основной формой деятельности социального кластера региона является оказание услуг населению для удовлетворения разнообразных потребностей, а оказание социальных услуг – задача организаций и учреждений образования, культуры, спорта, здравоохранения, социальной защиты, жилищно-коммунального комплекса, которые могут быть как государственными (муниципальными), так и частными.

Для получения максимального синергетического эффекта в реализации поставленной цели улучшения качества жизни населения к реализации программ и проектов социального развития необходимо привлечение бизнеса, крупных, средних и малых предприятий и организаций, общественных объединений.

Бизнес может участвовать в работе социального кластера в различных формах: благотворительность, меценатство; участие в реализации социальных программ в качестве соисполнителей; осуществление социальной политики в отношении своего персонала, направленной на улучшение качества жизни; предоставление услуг населению в сферах образования, здравоохранения, спорта, жилищно-коммунального хозяйства.

Участие в работе кластера общественных объединений и организаций в зависимости от направленности прямо связано с основной целью их деятельности – защитой общих интересов определенных социальных групп – национальных, профессиональных, религиозных и других.

Осознание необходимости сотрудничества для повышения своей конкурентоспособности и достижения поставленных целей приводит всех участников сетевого взаимодействия – бизнес, органы власти, общественные организации к необходимости объединения в кластер.

Ключевыми кластерообразующими аспектами, по мнению разработчиков стратегии развития Белгородской области, являются единая социальная политика на областном и местном уровнях; интеграция организаций социальной сферы на основе целевых программ и проектов; ресурсное обеспечение за счет средств, выделяемых из бюджетов всех уровней и внебюджетных источников; единая региональная система информационно-аналитического обеспечения⁸.

Таким образом, основной идеей социального кластера является повышение качества жизни населения региона и эффективности деятельности его участников на основе кооперации и сотрудничества. Благодаря использованию ресурсного, управленческого и интеллектуального потенциалов элементов, входящих в кластер, и механизма взаимоотношений между его участниками проявляется синергетический эффект, позволяющий увеличить результативность работы каждой структуры.

Сетизация, связанная с формированием кластера, выражается в отказе от вертикальной иерархии в управлении и переходе к горизонтальным взаимосвязям, в использовании вместо функциональных структур независимых хозяйственных единиц и в этой связи – в замене административных отношений контрактными (договорными)⁹. Но, безусловно, отказ от ведомственного подхода в системе государственного и муниципального управления социальной сферой невозможен в силу специфики бюрократической организации власти. Следовательно, необходимо рациональное сочетание в практике управления региональной социальной сферой как традиционного ведомственного, так и кластерного подходов.

В качестве эффектов от использования кластерного подхода в управлении социальной сферой области в стратегии развития Белгородской области определены систем-

⁸ Стратегия социально-экономического развития Белгородской области до 2025 года // Режим доступа: http://www.belregion.ru/docs/svod_str.doc. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

⁹ См.: Жданова О.И. Кластерная стратегия управления промышленными предприятиями как фактор повышения конкурентоспособности: автореф. дис. ... кандидата экон. наук. М., 2008. С. 9.

ные изменения по основным направлениям развития образования, здравоохранения, физкультуры и спорта, социальной защиты населения, культуры и молодежной политики, содействие становлению институтов гражданского общества, а также повышение эффективности управления в целом за счет концентрации усилий в «точках развития» – выбранных направлениях деятельности.

Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что в результате формирования социального кластера в регионе будет обеспечено качественное продвижение в подготовке кадров, развитие наукоемких производств, широкое внедрение новейших научных исследований и разработок в производство и медицину; повышение доступности и качества образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры, раскрытие творческого потенциала большинства жителей области.

Несмотря на то, что кластерный подход является довольно эффективным инструментом реализации целей социально-экономического развития, существует ряд проблем управленческого и финансового характера, ограничивающих формирование и развитие кластеров в целом на территории России. В частности, не созданы механизмы методической, информационно-консультационной и образовательной поддержки развития кластеров; отсутствует необходимая координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, объединений предпринимателей, общественных организаций по реализации кластерной политики; ограничен набор инструментов финансовой поддержки кластерных проектов из бюджетных источников¹⁰.

Следует отметить, что задача государства на современном этапе – не обеспечение минимальных социальных стандартов жизни, а создание оптимальной социальной среды, способствующей реализации потенциала человека, его духовному и материальному благополучию. Поскольку ведомственный подход в управлении недостаточно ориентирован на получение такого интегрального эффекта, перспективным является использование кластерного подхода, основанного на горизонтальной кооперации и сотрудничестве управленческих структур, учреждений социальной сферы, некоммерческих организаций, предпринимательства, населения. Объединение организаций в кластер происходит вследствие осознания ими собственных интересов, и на этой основе – понимания необходимости взаимодействия.

Несмотря на то, что в Белгородской области уже в определенной степени сформированы кластеры в отраслях экономики, социальной инфраструктуре сельских муниципальных образований, говорить о завершенности социального кластера региона преждевременно, поскольку еще не достигнут необходимый для этого уровень кооперации и взаимодействия составляющих элементов, дающий желаемый «синергетический эффект». Имеются все основания, чтобы охарактеризовать социальный кластер в регионе как потенциальный, то есть имеющий весьма фрагментированную структуру и нечеткие границы, но, одновременно, и выраженные преимущества, способствующие его дальнейшему развитию.

Список литературы

1. Осадчая Г.И. Социология социальной сферы. – М.: Акад. проект, 2003.
2. Бабинцев В.П. Совершенствование институциональных оснований регионального управления в Белгородской области / В.П. Бабинцев, В.М. Захаров // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика». – 2008. – №5(45). – Вып. 7. – С. 190.
3. Портер М.Э. Конкуренция. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2006.
4. Стратегия социально-экономического развития Белгородской области до 2025 года // Режим доступа: http://www.belregion.ru/docs/svod_str.doc. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.
5. Миграция А.А. Теоретические аспекты формирования конкурентоспособных кластеров в странах с переходной экономикой // Режим доступа к изд.: http://www.subcontract.ru/Docum/DocumShow_DocumID_171.html. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

¹⁰ Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации // Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru>. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

6. Ускова Т.В. Развитие региональных кластерных систем // Режим доступа к изд.: <http://jn.vsscc.ac.ru/content>. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

7. Жданова О.И. Кластерная стратегия управления промышленными предприятиями как фактор повышения конкурентоспособности: автореф. дис. ... кандидата экон. наук. М., 2008.

8. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации // Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru>. – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.

ORGANIZATION OF SOCIAL SPHERE MANAGEMENT IN BELGOROD REGION ON THE BASIS OF CLUSTER APPROACH

B. V. Zalivansky¹⁾
E. V. Samokhvalova²⁾
Z. A. Shapoval³⁾

¹⁾ *e-mail:*
Zalivansky@bsu.edu.ru

²⁾ *e-mail:*
Samokhvalova@bsu.edu.ru

³⁾ *e-mail:*
Shapoval@bsu.edu.ru

The aim of the article is to present the features of organization regional social sphere management on the basis of cluster approach. Social cluster structure and advantages of using cluster approach in regional management are described in paper.

Key words: social sphere, region, management, cluster approach, social cluster.

УДК 316.346.32-053.6(470.325)

МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ И ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ

Т. И. Морозова*Белгородский
государственный
университет**e-mail: lilipon@yandex.ru*

Исследуется процесс функционирования молодежных организаций в Белгородской области. Доказывается, что участие молодых людей в организациях с позитивной программой деятельности в настоящее время носит преимущественно мобилизованный характер, то есть иницируется «сверху» руководством учебных заведений, государственными структурами. Обосновывается, что главными мотивами неучастия молодежи в общественных объединениях являются: отсутствие интереса к деятельности существующих организаций и сформировавшаяся убежденность в манипулятивном характере действующих объединений, в использовании их деятельности в неясных и чуждых целях борьбы за власть.

Ключевые слова: молодежь, молодежные организации, молодежные объединения, самоорганизация.

В средствах массовой информации федерального и регионального уровней в последнее время все чаще появляется информация о тех или иных акциях молодежных объединений. У неискушенного наблюдателя на основе ее вполне может сложиться вывод о почти тотальной молодежной активности, о включении молодежи в различного рода формальные и неформальные движения и союзы. Между тем, ситуация в молодежной среде далеко не столь проста.

Участие молодых людей в организациях с позитивной программой деятельности (многих политических, волонтерских, профсоюзах и др.) носит преимущественно мобилизованный характер, то есть иницируется «сверху» руководством учебных заведений, государственными структурами, «взрослыми», общественными организациями, либо же основано на сугубо карьерных соображениях и рассматривается самими участниками исключительно как социальный лифт. Последняя мотивация все более выдвигается на первый план в силу усиления утилитарно-прагматической ориентации части молодежи, относящейся к так называемому «среднему классу», разумеется, в его российском варианте. Она нетипична для большинства молодых людей из низших слоев, продолжающих в своей жизни руководствоваться аффектами, интуицией. Но претенденты на включение в элиту апробируют различные варианты продвижения с помощью членства в «модных» объединениях, сравнительно безболезненно переходя из одного в другое по мере изменения конъюнктуры. Поэтому большое количество действующих в настоящее время молодежных организаций не должно вводить в заблуждение (а на настоящий момент в России действует более 400 тыс. молодежных и детских общественных объединений).

В целом, отношение молодежи к деятельности различного рода организаций и движений (как молодежных, так и не имеющих ярко выраженного возрастного характера) может быть определено на трех уровнях: информированность, поддержка, участие. Оценить эти аспекты молодежного сознания мы попытались в ходе исследования «Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии» (2008 год). В частности, респондентам был задан ряд вопросов, касающихся их отношения к общественным молодежным организациям и политическим партиям.

Во-первых, это вопросы, характеризующие степень информированности молодежи о деятельности политических и неполитических организаций. В результате достаточно большое количество респондентов (38,71%) заявило о своем интересе к современным молодежным движениям (задавался вопрос об интересе к ряду объектов, представляющих гипотетическую значимость для респондентов).

Как следует из полученного распределения ответов, интерес к молодежным движениям находится на четвертом месте из шести предложенных вариантов, но, тем не менее, немного опережает довольно ярко выраженный интерес к современному искусству (а музыка и кино явно не находятся на периферии молодежных интересов). Здесь, конечно, необходимо иметь в виду, что под современными молодежными движениями респондентами в первую очередь понимаются не общественно-политические инициативы, а различные субкультуры. Но это, по крайней мере, характеризует определенный уровень самоидентификации молодежи.

Затем молодым людям был предложен обширный перечень молодежных организаций, действующих в настоящее время в России, и представлена возможность высказаться о том, знают ли они о них и отражают ли указанные организации интересы респондентов, действуют ли они в регионе и в месте, где проживают респонденты. Вопрос был построен так, чтобы определить (конечно, с известной долей условности), является ли информированность респондентов результатом деятельности средств массовой информации – федеральных и региональных или же личного опыта.

Более всего респонденты оказались информированными о «России молодой» – о ней слышала почти половина (46,0%) опрошенных. Однако эта информированность является результатом широкого освещения деятельности данной организации в федеральных СМИ. Что-либо о деятельности организации в Белгородской области знают всего 3,71% респондентов, а в месте своего проживания – совсем незначительное количество – 0,86%, которых, скорее всего, просто подвела память. По крайней мере, на веб-сайте молодежного движения «Россия молодая» (rui101.ru) нами не обнаружено информации, касающейся деятельности организации в регионе.

На втором месте по уровню известности – движение «Наши» – о нем информированы 40,14% респондентов. Несмотря на то, что эта организация обладает значительным большим объемом административных, финансовых, коммуникационных ресурсов по сравнению с «Россией молодой», о ее деятельности в Белгородской области знают (или считают, что знают) 8,86% респондентов, о деятельности в месте своего проживания – 4,29%. Но, в отличие от «России молодой», у «Наших» в области действительно были реальные проекты. Некоторые молодые белгородцы, в частности, участвовали в лагере «Наших» на Селигере.

На третьем месте – «Идущие вместе» – провластный проект, предшествующий «Нашим» и отодвинутый ими на второй план, но, как видно, не забытый молодежью. Об их деятельности в Белгородской области знают 2,29%, в месте собственного проживания – 1,0% респондентов. На четвертом месте следует Молодежное «Яблоко». О нем знают 37,57%, об его деятельности в регионе – 2,86%, в месте проживания – 0,71%. На пятом месте – казалось бы, забытые «Соколы Жириновского». О них знают, точнее, помнят 36,86%, об их деятельности в регионе – 2,29%, в месте проживания – 1,29%. На шестом – «Красная гвардия», но не исключено, что часть респондентов перепутала ее с «Молодой гвардией» «Единой России». О ней знают 35,57%, о ее деятельности в регионе – 2,86%, в месте проживания – 1,0%. На седьмом месте с незначительным отрывом – «Молодая гвардия» «Единой России», о которой информированы 35,29%, об ее деятельности в регионе – целых 13,0%, в месте проживания – 6,0%. На восьмом месте – Союз Коммунистической молодежи (СКМ) – фактически молодежное крыло КПРФ. Он известен 34,43% респондентов, об его деятельности осведомлены в регионе – 2,86%, в месте проживания – 1,0%. На девятом месте оказалась «Ура» – одна из молодежных организаций, аффилированных со «Справедливой Россией». Ее знают 34,0% респондентов. Об ее деятельности в регионе (скорее всего, несуществующей) информированы 1,71%, в месте собственного проживания – 1,57%. На десятом месте – еще один молодежный «отряд» «Справедливой России» – «Победа» – 33,57%, 2,0%, 1,29%. На одиннадцатом – Национал-большевистская партия (НБП) – 32,71%, 1,14%, 1,29%.

Двенадцатое место в рейтинге упоминаний заняло «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ) – 31,57%, 2,14%, 1,14%; тринадцатое – «Оборона» – 30,43%, 1,43%, 1,0%. Наконец, на четырнадцатом месте оказался достаточно представленный в информационных сюжетах центральных СМИ «Авангард Красной молодежи» (АКМ) – 30,29%, 1,0%, 1,14%.

Таким образом, фактически все наиболее упоминаемые в СМИ (а в вопрос были включены именно они) молодежные организации известны от трети до половины респондентов, но эта известность – результат, прежде всего, деятельности центральных масс-медиа. Единственные исключения, хотя и их рейтинг известности также весьма невелик – «Молодая гвардия» «Единой России» и «Наши».

И если о деятельности ряда молодежных организаций молодежь информирована достаточно хорошо, то поддержка их идеологии, целей и программ среди молодежи выражена крайне слабо. Максимальная доля респондентов, считающих, что организация выражает их интересы, – 8,57% – относится к «Молодой гвардии» «Единой России». На втором месте по уровню поддержки – «Наши» (4,43%). Характерно, что на третьем месте с 4,0% сочувствующими – движение с националистическими, близкими к экстремистским, лозунгами – «Движение против нелегальной иммиграции». Всем остальным организациям сочувствуют не более 3% молодежи.

Как указывалось выше, подавляющее большинство респондентов (приблизительно от 91 до 99%), оценивая деятельность конкретных молодежных организаций, указали, что те не выражают их интересы. При этом 10,57% респондентов (то есть, не так уж мало) заявили, что являются участниками молодежных организаций; 89,14% дали ответ «нет» и 0,29% не дали никакого ответа.

Полученные данные показывают, что членство в молодежных организациях более свойственно средней возрастной подгруппе молодежи – 19 – 24 года. В ее составе 13,23% являются участниками молодежных объединений, тогда как в группе 14 – 18 лет их доля составляет 9,47%, 25 – 29 лет – 7,07% (таблица 47). Это вполне объяснимо, учитывая, во-первых, что подавляющее большинство молодежи 19 – 24 лет является студентами средних и высших учебных заведений, которые представляют наиболее удобную и привлекательную группу с точки зрения рекрутирования новых участников (массовость, высокий образовательный уровень). В этом возрасте молодые люди также характеризуются наличием вполне осознанных артикулированных интересов, и, в отличие от более старших групп, не отягощены, как правило, грузом бытовых проблем, более мобильны и обладают большим количеством свободного времени.

Группировка по роду занятий показывает, что студенты вузов и ссузов, хотя и составляют существенную часть участников молодежных организаций (по данным исследования – 40,54%), не являются, тем не менее, группами с самым высоким удельным весом членов молодежных объединений. Среди студентов колледжей участниками молодежных организаций являются 14,81%, среди студентов вузов – 10,08%. Среди школьников членов молодежных организаций – 11,70%, среди учащихся лицеев, профессиональных училищ – 16,42%, а среди государственных (муниципальных) гражданских служащих – 18,18%. Но больше всего, по данным исследования, участников молодежных организаций среди работников государственных предприятий – 22,22%. Однако эта группа в целом не столь многочисленна, как учащаяся молодежь.

Распределение участников молодежных объединений в зависимости от уровня образования показывает, что среди лиц с высшим и незаконченным высшим – участников молодежных организаций несколько меньше (9,44%), чем среди молодежи со средним и неполным средним (10,24%) и средним профессиональным образованием (13,77%). Видимо, к старшим курсам обучения в вузах участие в молодежных организациях во многом теряет свою привлекательность, так как начинают доминировать другие ориентации и интересы, связанные с профессиональным самоопределением.

Тем, кто дал положительный ответ об участии в молодежных объединениях, был задан вопрос о характере молодежных организаций, в которые они входят. Большинство (4% от выборки и 32,56% от вовлеченных в деятельность организаций) охарактеризовало направленность своей организации, как «политическую». 3,14% (25,58% от вовлеченных) являются участниками спортивных организаций. 1,86% (15,12%) входят в «общественные (неполитические)» организации; 1,71% (13,95%) – в «неформальные». Остальные – многочисленные участники экологических, религиозных, военно-патриотических организаций. Два человека (0,29% от выборки и 2,33% от вовлеченных) признали себя участниками «националистической» организации.

Таким образом, организации политической направленности рекрутируют большинство молодежи, вовлеченной в деятельность молодежных организаций. Хотя, в принципе, должно быть наоборот – поскольку сфера молодежных интересов намного шире политики. Такой «перекос» следует признать искусственным. Скорее всего, повышенная представленность среди вовлеченных в деятельность молодежных ассоциаций членов именно политических организаций свидетельствует просто о недостаточно сформированном пространстве коллективного действия в молодежной среде и в российском обществе в целом. Принципиально изменить данную ситуацию вряд ли возможно, поскольку запрос на коллективную деятельность, на создание гражданских ассоциаций в молодежной среде не выражен. Выше мы уже вели речь о предпочтении молодежью преимущественно индивидуализированных практик адаптации к социальной ситуации, преодоления возникающих жизненных проблем.

Показательно в данной связи, что из 89,14% не вовлеченных в деятельность молодежных организаций респондентов лишь 16,86% респондентов высказали желание стать их участниками. 54,86% – абсолютное большинство – высказались отрицательно.

Мобилизационный потенциал общественных организаций, а именно на его формирование и использование рассчитывает современная российская элита, выстраивая свои отношения с молодежью, таким образом, невелик и ненамного превосходит их актуальный состав. Но, интерпретируя эти данные, следует помнить о том, что речь идет о включении молодежи в действующие в настоящее время организации, авторитет которых у молодежи низок (доверяют молодежным организациям, как указывалось выше, всего 5,29% респондентов). Что же препятствует массовому вовлечению молодежи в деятельность этих организаций? Значительная часть (26,71%) противников вступления в объединения молодежи утверждает, что у них просто нет времени. Существенная доля респондентов (14,57%) утверждает, что ни одна из известных организаций им не интересна. Многие респонденты (13,57%) также убеждены в том, что «такие организации – лишь инструмент манипулирования молодежью». 9,43% убеждены в том, что в состоянии сами защитить свои интересы.

Таким образом, причины для отказа от участия в деятельности общественных молодежных организаций многообразны, но к числу наиболее существенных относятся: отсутствие интереса к деятельности существующих организаций (можно предположить – из-за их формализма и несоответствия субъективным интересам молодежи) и сформировавшаяся убежденность в том, что задачей создаваемых «взрослыми» молодежных организаций является исключительно манипулирование их участниками, использование их деятельности в неясных и чуждых целях борьбы за власть.

В конечном же счете, как нам представляется, за всеми этими мотивациями лежит более или менее ясное осознание того факта, что реально действующие молодежные организации, защищающие интересы различных молодежных групп не востребованы в современном российском социуме.

Но если часть молодежи, не вовлеченной в деятельность молодежных организаций, все-таки хотела бы в них участвовать (16,86% от выборки в целом и 18,91% от тех, кто не является членом молодежных организаций), что же препятствует этому? Причины сводятся самими респондентами, прежде всего, к трем позициям: собственная пассивность (9,86%), отсутствие в месте проживания респондента таких организаций или же их неизвестность (9,57%), несоответствие имеющихся организаций интересам респондента (8,14%). Часть респондентов (7,0%) указывает также на отсутствие авторитетных лидеров. По-видимому, основным объяснением все-таки следует признать первый и третий пункты. Имеющиеся (по крайней мере, известные респондентам) организации не соответствуют субъективным интересам и потребностям потенциальных участников, а собственная инертность препятствует в поиске удовлетворяющих требованиям или в объединении единомышленников на основе действительно актуальных интересов.

В данной связи следует ответить на вопросы – какие же интересы представляются наиболее существенными для участников опроса? Что, в наиболее значительной степени, востребует самоорганизацию молодежи, ее объединение в рамках общественных организаций? Показательно, что относительное большинство респондентов на вопрос о том, какие молодежные организации нужны сегодня, называет, в первую очередь, не досуговые объединения по интересам (они лишь на втором месте – 18,86%), а юридические, правовые (22,0%).

Необходимость правовой защиты своих интересов, в принципе, вообще четкое представление об объеме своих прав, по-видимому, является для молодежи весьма актуальной проблемой. Напомним, к числу наиболее существенных негативных характеристик современного российского общества респонденты отнесли «правовой беспредел» (15,0%) – четвертый по степени значимости фактор неудовлетворенности состоянием современного российского социума.

На третьем месте по степени востребованности находятся спортивные молодежные объединения (11,57%). Далее следуют: экологические (9,71%), «общественные, не политические», позволяющие, по-видимому, удовлетворить потребность молодежи в гражданском участии, общественно-полезной деятельности (8,29%), политические (6,0%), националистические (4,57%), религиозные (2,0%). 14,0% считают, что никакие организации молодежи не нужны.

Итак, реальный и мобилизационный потенциал общественных молодежных организаций невелик – считают себя участником какой-либо организации 10,57% респондентов и еще 16,86% хотели бы ими стать – в совокупности это составляет около четверти опрошенных. Аналогичный вопрос, касающийся отношения к членству в политических партиях, дал несколько неожиданные результаты. Исходя из крайне низкого уровня доверия к политическим партиям (им доверяют, напомним, 1,43% респондентов), казалось бы, доля участников политических партий и тех, кто стремится ими стать, должна быть значительно ниже по отношению к общественным молодежным организациям. Тем не менее, к членам политических партий себя отнесли не так уж мало респондентов – 5,57%.

Результаты исследования показывают, что наиболее массовой группой среди молодежи – участников политических партий – являются студенты вузов, которые составляют 43,59% членов. Однако в относительном исчислении доля участников политических партий среди студенчества достаточно невелика – всего 6,59%. Наибольшей представленностью среди участников политических партий отличаются следующие профессиональные группы молодежи: работники государственных предприятий (11,11%), работники бюджетной сферы (12,96%) и государственные (муниципальные) гражданские служащие (27,27%). Значительно меньше участников политических партий среди военнослужащих, работников МВД (9,09%), работников частных предприятий (5,26%), домохозяек (4,55%), студентов колледжей (3,70%), учащихся профессиональных училищ, лицеев (1,49%), школьников (1,06%). Среди участников партий вообще не представлены безработные.

Результаты опроса показывают, что у политических партий, как и у молодежных организаций, есть определенный резерв потенциальных участников, но он также, как и в случае с молодежными организациями, невелик – 15,86% респондентов высказывают желание стать членами политических партий. Правда, следует обратить внимание и на довольно значительную группу тех, кто не выражает такого желания, но и не отрицает категорично этой возможности – 18,14%. Удельный вес молодежи – реальных и возможных (на уровне установок) участников политических партий составляет пятую часть опрошенных – 21,43%.

Исследование показывает, что вузовское студенчество является самой перспективной с точки зрения рекрутирования участников политических партий группой. 18,22% студенческой молодежи декларируют свое желание стать членом политической партии. И если иметь в виду высокий удельный вес студенчества в структуре молодежи, то это весьма большая в абсолютном исчислении группа. Хотя еще в большей степени желание участвовать в деятельности политических партий свойственно студентам колледжей (22,22%), работникам государственных предприятий (22,22%), учащимся лицеев, профессиональных училищ (23,88%). В меньшей степени подобный интерес выражают школьники (14,89%), работники бюджетной сферы (14,81%), работники частных предприятий (10,53%), государственные (муниципальные) гражданские служащие (9,09%), военнослужащие, работники МВД (9,09%), безработные (5,26%) и домохозяйки (4,55%).

В определенной степени запрос на участие в политических партиях, видимо, объясняется не столько гражданской позицией или потребностью в расширении круга общения, как в случае с общественными организациями, сколько более прагматичными, возможно, карьерными соображениями. То есть стремление к членству в политической партии не следует, скорее всего, интерпретировать как проявление самоорганизационных

процессов в молодежной среде. Это в большей степени карьерная стратегия, имеющая индивидуализированный характер. Увеличение объема социального капитала является в этом случае инструментом личного успеха.

К сожалению, современное российское общество в лице своей элиты пока не сформировало реального запроса на объединения, которые не имитируют участие, но, действительно, защищают интересы своих членов и сторонников. И молодежь более или менее адекватно понимает это, предпочитая внеинституциональные жизненные практики. Но такого понимания недостаточно для формирования успешной жизненной стратегии, поскольку оно основывается на убеждении в возможности «сделать свою жизнь», не меняя социальной среды, но лишь адаптируясь к ней. Подобная «адаптация в одиночку» в обществе повышенного риска, характеризующегося высоким уровнем коррупции и авторитаризма, всегда сомнительна, ибо предполагает согласие с деформированными, асоциальными моделями организации жизни. В исторической перспективе они непродуктивны и обрекают обратившегося к ним человека на социальное аутсайдерство в глобализирующемся мире. Однако подобная перспектива не учитывается большинством молодых людей, стремящихся к успеху «здесь и сейчас». Такой успех в некоторых случаях, действительно, может быть достигнут индивидуально. Создание организаций здесь излишне, а, возможно, даже и вредно. Потребность в них возникает по мере того, как молодые люди осознают неполноту индивидуализма и представляют возможности синергетического потенциала объединения единомышленников.

YOUTH ASSOCIATIONS IN BELGOROD REGION: LEVEL OF THE CONFIDENCE AND PROBLEM OF THE PARTICIPATION

T. I. Morozova

Belgorod State University
e-mail: lilipon@yandex.ru

The process of the functioning of youth associations in Belgorod region is researched. At the present time the participation of the young people in organizations with positive activity is mainly mobilized, initiated by leaders of the educational organizations, state structures. The principal causes of the non participation of youth in the public associations are indifference to the activity of the legacy public associations, the generated conviction in manipulation character of the activity and vague aims of the struggle for power of public associations.

Key words: youth, youth organizations, youth associations, self-organization.

УДК 316.346.

СТРАТЕГИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ

И. Э. Надуткина
И. В. Конев

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: nadutkina@bsu.edu.ru

Изложена определенная позиция по формированию стратегии информационной поддержки инновационной политики региона, которая должна носить комплексный характер и охватывать все стороны инновационной деятельности. Обосновывается тезис о том, что отсутствие в настоящее время развитого информационно-аналитического обеспечения инновационных процессов требует разработки его концепции, цель которой – создание условий для использования всего спектра информационных ресурсов при подготовке, принятии и реализации управленческих решений в области распространения инновационных технологий в регионе.

Ключевые слова: информация, инновация, инновационная политика, регион, информационное обеспечение, инфраструктура, управление.

В России за последние несколько лет региональная проблема стремительно выросла в одну из самых острых проблем общественного развития. Эта проблема не ограничивается вопросами экономической, культурной или политической жизни, но пронизывает все стороны нашей жизни. Региональная политика будет тем активнее, чем четче будет отражать действительные региональные интересы, способы и методы их реализации. Региональное развитие, региональные проблемы долгое время "рассматривались с точки зрения материального подхода. На данный момент времени наиболее значимым является нематериальный подход. Концепция регионального развития, ориентированная на знания и инновации, доминирует не только в научной, но также и в практической сфере. Важнейший аспект данной проблемы – региональная составляющая инновационного механизма. Именно в региональном разрезе механизма хозяйствования и управления способны вызревать достаточно действенные и гибкие институциональные формы поддержки инновационной активности, основанной на принципах рыночных отношений.

Под региональной инновационной политикой понимается совокупность установленных целей и приоритетов развития научно-инновационной деятельности в регионе, путей и средств их достижения на основе взаимодействия региональных и федеральных органов управления. В основе формирования региональной инновационной политики лежит так называемая теория создания благоприятных условий среды для нововведений. Её центральным моментом является динамичная эффективность региональной производственной структуры, а основным инструментом – создание оптимальных управленческих коммуникационных условий передачи инноваций и технологий (так называемый трансфер технологий).

Региональная инновационная политика, представленная в виде программы, может содержать следующие разделы:

1. Анализ состояния научно-инновационной сферы с целью выявления уровня и степени использования инновационного потенциала; перспективности и направлений инновационной деятельности, её масштаба и влияния на конкурентоспособность продукции региона; структурных и институциональных изменений; условий повышения инновационной активности.

2. Цели и приоритеты развития научно-инновационной деятельности в регионе. Система и структура целей должна быть разработана на основе следующих принципов:

региональные цели должны вытекать из общей концепции научно-технического развития страны и не противоречить стратегическим федеральным целям;

региональные цели должны быть сформулированы с учетом специфики и потребностей региона;

цели региональной программы должны исходить не из наличия ресурсов и возможностей, наоборот, ресурсная программа должна формироваться из установленных целей;

конкретная разработка структуры целей и в целом целевой программы должна осуществляться на уровне современных методик с широким использованием независимых экспертов и системы экспертных оценок;

должны выдерживаться принципы международного научно-технического сотрудничества;

региональные цели должны вытекать из государственных (федеральных) программ ускорения научно-технического прогресса; собственно региональной (муниципальной) политики развития научно-технического потенциала;

цели программ отдельных промышленных предприятий и научных учреждений государственной и муниципальной форм собственности должны быть ориентированы на нужды, в том числе, и региона, также как и отдельных приватизационных промышленных и научно-технических фирм;

цели региональных программ должны быть ориентиром в деятельности конкретных научных коллективов (групп) и отдельных ученых, самостоятельно решающим приоритетные научно-технические задачи.

Отметим, что уровни региональной инновационной политики должны устанавливаться в системе долгосрочного и краткосрочного планирования и прогнозирования регионального социально-экономического развития. Главная задача органов регионального управления при этом состоит в создании благоприятной экономической среды и условий для повышения инвестиционной активности в научно-инновационной сфере.

3. Третий раздел программы или третья цель региональной инновационной политики формируется следующим образом: пути и средства достижения целей дифференцируются в зависимости от уровня и масштаба инновационной сферы в данном регионе. К ним относятся: структурные и институциональные перемены в научной сфере.

4. Четвёртый раздел программы включает в себя виды обеспечения разработки региональной инновационной политики: это организационное, информационное, правовое, кадровое, социально-психологическое (в том числе мотивационное), обеспечение инновационной деятельности. В условиях общеэкономического кризиса активизация инновационной деятельности в регионе может быть обеспечена только при поддержке на региональном и муниципальном уровнях на основе разработки эффективной программы региональной инновационной политики¹.

Региональным органам управления необходимо поддерживать беспрепятственный выход предприятий региона, активно работающих с инновациями в различных спектрах, на мировой рынок, в том числе путем развития международных связей, инфраструктуры инновационной деятельности и финансовой поддержки НИОКР, так фондовые рынки, как правило, положительно реагируют на увеличение расходов компаний на научные исследования.

Следовательно, если регионы стремятся к устойчивости рынка и подъему промышленного производства, то другого пути, кроме развития работ по увеличению инновационной (наукоемкой) продукции объема и активизации инновационной деятельности нет.

Для эффективного функционирования рынка научной и научно-технологической продукции, привлечения серьезных инвестиций в данную область необходимо создание ясной, полной и практически применимой нормативно-правовой базы, создание целостной системы информационного сопровождения, позволяющей разработчикам технологий и научной продукции найти инвесторов, которые в свою очередь смогут выбирать из мно-

---

¹См.: Бабинцев В.П. Противоречия и проблемы процесса технологизации государственного и муниципального управления в регионе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2007. – №2. – Вып. 1.; Дятченко Л.Я. Социально-технологическая культура как универсальное основание эффективной общественной практики в XXI столетии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2007. – №2.

жества вариантов и адекватно оценивать возможные прибыли и риски с максимальным учетом возможных негативных последствий. При этом государство должно не только участвовать в финансировании наиболее важных инвестиционных проектов, но и создавать условия для успешной коммерциализации результатов НИОКР, трансферу технологий, способствовать тому, чтобы малые предприятия научно-технической сферы могли получать кредитное финансирование, кооперироваться для выполнения совместных инновационных проектов, организовывать профессиональную экспертизу инновационных проектов.

Информационная поддержка инновационной политики должна носить комплексный характер и охватывать все стороны инновационной деятельности – от анализа научно-технической и патентной информации и выбора конкретных технологий, анализа и оценки их рыночного потенциала до поиска инвесторов, подбора персонала и сертификации новой продукции. Инновационная политика региона выступает проводником общероссийских интересов в данной сфере деятельности с учетом, разумеется, его специфики.

Оптимальная реализация региональной инновационной политики во многом определяется эффективностью информационного обеспечения, основной целью которого является создание условий для использования всего спектра информационных ресурсов при подготовке, принятии и реализации управленческих решений в области распространения инновационных технологий².

Отсутствие в настоящее время развитого информационно-аналитического обеспечения в этой области требует разработки его концепции, учитывающей особенности инноваций как специфического товара, проблемы их распространения в современных условиях на внутреннем и мировом технологических рынках, новейшие достижения в области информационных технологий, а также обеспечивающей максимальное использование уже имеющейся информационной инфраструктуры.

В последнее время мнение о том, что сейчас невозможны серьезные прорывы в науке и технике без соответствующего информационного обеспечения стало определяющим, поскольку подкреплено многочисленными примерами из мировой практики – основная масса прибыли в производстве получается за счет реализации инновационной продукции (в развитых странах она составляет более половины экспорта). Это обусловлено тем, что в основе инновационного процесса лежит анализ отечественных научно-технических достижений, сравнение их с зарубежными аналогами для определения конкурентоспособности, определение возможностей распространения с учетом научно-технических и политических аспектов, непосредственная организация и управление процессом распространения инноваций с целью получения запланированного экономического эффекта.

Таким образом, возникает необходимость решения крупной информационной задачи связанной с формированием и управлением информационными потоками внутри региона между различными субъектами системы распространения инноваций на всех стадиях создания и реализации соответствующих научно-технических достижений.

С точки зрения информационных аспектов в создании инновационной (наукоемкой и высокотехнологичной) продукции, в настоящее время используются три основные модели: инженерная, инженерно-маркетинговая и инновационная. Развитие процесса производства наукоемкой продукции идет от инженерной к инновационной модели. Следовательно, в этом же направлении осуществляется движение основных потоков первичной информации, что обеспечивает постепенное обогащение структуры производства новыми подразделениями, обеспечивающими продвижение идей от их зарождения до коммерческой реализации с проведением маркетинговых мероприятий и отслеживанием рыночной конъюнктуры. Указанные модели отличаются ориентацией в работе аппарата управления, специализацией и квалификацией управленческого персонала, организацией производства и сбыта продукции, отношением к рекламе и юридической защищенности прав предприятия на наукоемкую продукцию, структурой и семантикой информационных потоков.

---

²См.: Надуткина И.Э. Проект как стратегия социального управления: Материалы Международной науч.-практ. конференции «Социально-технологическая культура как феномен XXI века». – Белгород: БелГУ, 2006.

Масштабность задач создания и распространения инноваций, участие в этих процессах организаций и органов регионального управления требуют участия региона прежде всего в части четкой регламентации информационного обмена информацией об инновациях в рамках организационных структур, ведающих вопросами технологической политики и распространения передовых технологий, разрабатываемых при финансировании из регионального бюджета. Об этом свидетельствует опыт стран, достигших высоких результатов в области распространения таких технологий, особенно США и Японии.

Анализируя информационные аспекты отечественного и зарубежного опытов создания и распространения инноваций, можно отметить общие черты и различия, сделать выводы относительно перспективной отечественной научно-технической, информационной, а также экономической политики в инновационной сфере.

Для того, чтобы информационное обеспечение сыграло отведенную ему роль в создании и распространении инноваций, должен быть решен комплекс информационных проблем и созданы соответствующие условия. К формированию таких условий, как свидетельствует анализ опыта стран, уже стоящих на пороге “информационного общества”, ведет путь широких преобразований в области автоматизации и компьютеризации всех без исключения комплексных, сложных задач³. К таким задачам, как указывалось выше, без сомнения относятся и проблемы, связанные с разработкой, внедрением и распространением инноваций.

Их информационное обеспечение должно подчиняться, прежде всего, задаче оперативного сбора, обработки и обобщения информации по инновациям на всех стадиях создания и реализации наукоемкой продукции. Рассматривая на более детальном уровне связи между “элементами” организационной структуры и информационными технологиями, можно увидеть, что информационный механизм или “технологическая цепь” обработки информации должна характеризоваться гибкостью и определенной мерой распределенности, сроками разработки и внедрения, уровнем сложности, масштабностью и т.п.

В связи с этим серьезной проблемой является объединение локальных баз данных в единый информационно-технологический комплекс, в решении которой большую роль играют средства связи – телекоммуникационного доступа. Очевидно, что единый регламент обработки информации, в том числе по результатам инновационной деятельности, может поддерживаться за счет хорошо продуманного механизма обеспечения совместности технических и программных средств, единого распорядка во взаимодействии звеньев организационной сети. Без централизации управления этим механизмом вряд ли можно связать все области внедрения инноваций в единый комплекс.

Отметим, что проблемой в области информационного обеспечения является вопрос о соотношении ресурсоемких “составных частей” информационного механизма, какими являются кадры, здания и сооружения, техническая база и новые информационные технологии⁴. Здесь сказывается общее отставание России в использовании новых информационных технологий, в насыщенности ими всех участков “технологической цепи”. Это объясняется тем, что в информационных структурах присутствуют, прежде всего, элементы организации среднего звена, которые решают одновременно технологические и управленческие (статистические) задачи. Поэтому необходимо объединить различные информационные структуры в единую цепь, в начало которой будут поступать первичные данные об инновациях, а в конце – складываться общая картина объектов наблюдения, основных тенденций их развития. Этого сделать без связующей роли центральных организаций, без единого технологического регламента и централизованного управления (в рамках разумного) всем информационным механизмом невозможно, поскольку вся система информационного обеспечения будет находиться под воздействием граничных условий: с одной стороны, на нее оказывает мощное воздействие объект наблюдения, с другой – ожидания потребителей информации.

Исходя из вышесказанного, основными чертами региональной информационной политики в инновационной сфере, которые позволят создать современное информационное обеспечение работ по реализации инновационной политики, должны быть следующие:

³ Кедровский О.В. Информация и культура // Информационные ресурсы России. – 1998. -№3. – С. 2.

⁴ Кривко, О.Б. Информационные технологии – М.: СОМИНТЭК. 2001. – С. 47.

- создание оптимальных условий для сбора, накопления, хранения, обработки и распространения информации в инновационной сфере;
- принципиальное решение на законодательном и исполнительном уровнях вопросов информационного взаимодействия относительно инновационных процессов;
- создание действенной информационной инфраструктуры обеспечения распространения инноваций;
- разработка и реализация принципов единой инновационной политики, обеспечивающей ослабление информационных, технических и экономических барьеров для частного сектора;
- сохранение и развитие научного потенциала региона, способствующего созданию информационных ресурсов в области инновационной деятельности;
- развитие методов экономической и коммерческой оценки инноваций;
- внедрение перспективных информационных компьютерных технологий.

В целом приведенная логика рассуждений показывает, что:

- региональная политика будет тем активнее, чем четче станет отражать действительные региональные интересы, способы и методы их реализации;
- концепция регионального развития, ориентированная на знания и инновации, доминирует не только в научной, но также и в практической сфере во все возрастающем числе стран;
- в основе формирования региональной инновационной политики лежит так называемая теория создания благоприятных условий среды для нововведений. Если регионы стремятся к устойчивости рынка и подъему промышленного производства, то другого пути, кроме активизации инновационной деятельности нет;
- для формирования региональной политики в инновационной сфере необходима комплексная информационное обеспечение, основной целью которого является создание условий для использования всего спектра информационных ресурсов при подготовке, принятии и реализации управленческих решений в области распространения инновационных технологий. Масштабность задач создания и распространения инноваций, включение в эти процессы организаций и органов регионального управления требуют участия региона, прежде всего, в части четкой регламентации информационного обмена в инновационной сфере;
- для того, чтобы информационное обеспечение сыграло отведенную ему роль в создании и распространении инноваций, должен быть решен комплекс информационных проблем и созданы соответствующие условия;
- в настоящее время для создания информационной системы обеспечения региональной инновационной политики требуется разработка ее стратегии, учитывающей особенности инноваций как специфического товара, специфику региона, проблемы распространения инноваций в современных условиях на внутреннем и мировом рынках, новейшие достижения в области информационных технологий, а также обеспечивающей максимальное использование уже имеющейся информационной инфраструктуры.

Таким образом, информационное обеспечение является базой, на которой строится управленческая деятельность государственного аппарата. Информацию здесь следует рассматривать как некую совокупность различных сообщений, сведений, данных о соответствующих предметах, явлениях, процессах, отношениях и т.д. Эти сведения, будучи собранными, систематизированными и преобразованными в пригодную для использования форму играют в управлении исключительную роль. Жизнь человека теснейшим образом связана с получением из окружающего мира, переработкой и обменом информацией. Следует отметить, что одно из наиболее мощных современных течений интеллектуального анализа связано с происходящей в мире глобальной трансформацией от индустриальной к информационной стадии развития.

В современных условиях перехода к информационному обществу роль информационного обеспечения возрастает во всех сферах управленческой деятельности. Качество регионального управления во многом зависит от того, каким образом информационные потоки регулируются органами управления, насколько качественна и достоверна используемая в процессе их работы информация, насколько возможно ее своевременное предос-

тавление возможным потребителям (государственным и муниципальным структурам, общественным организациям, предприятиям, населению), а так же и насколько высок уровень ее защиты от уничтожения и несанкционированного использования. И, следовательно, при выборе регионами инновационного пути развития необходимо должно внимание уделять формированию региональной информационной инфраструктуры инновационной деятельности.

Развитию информационной инфраструктуры инновационной политики в регионах должно уделяться соответствующее внимание. Это вызовет повышение результативности работы научных и проектных организаций и спроса на новые технологии, рост востребованности актуальных инновационных разработок. Как показывает опыт, информационное обеспечение является основным элементом целостного механизма распространения инноваций.

Проведенный анализ показал, что в целом состояние инновационной сферы в регионе, что судя по всему характерно бизнес-сообщества в целом, можно охарактеризовать следующими чертами: невысокая информированность потенциальных инвесторов об инновационных разработках и, как следствие, низкая эффективность инвестиционной деятельности; свертывание производства за счет не применения инновационных технологий в жизненно важных отраслях промышленности и усиление топливно-сырьевой направленности экономики; отставание разведки запасов полезных ископаемых от их добычи; несогласованность научных исследований и разработок и их практической реализации; повторная обработка однотипных данных в инновационной области органами научно-технической информации; стратегическое отставание от ведущих стран мира по уровню информатизации; не достаточно эффективное межотраслевое распространение информации о высоких технологиях; нарушение технологических связей между предприятиями отдельных регионов.

В регионах правовая поддержка информационного обеспечения должна способствовать решению сложившихся проблем и гармоничному развитию информационных ресурсов, информационных услуг и средств информационного производства в процессе ее движения к информационному обществу. Основу этой поддержки составляет федеральное законодательство в сфере информации и информатизации, которое можно разделить на следующие блоки. В-первый блок необходимо включать базовые или системообразующие законы, регулирующие базовые отношения в сфере информации и информатизации.

Ко второму блоку относятся видовые законы, регулирующие информационные отношения субъектов в сферах создания и использования отдельных видов информационных продуктов или в отдельных составляющих информационного производства.

В третий блок входит отраслевое информационное законодательство, регулирующее информационные отношения в отдельных сферах жизни общества.

В Белгородской области приняты региональные нормативно правовые акты, уточняющие федеральное законодательство с учетом специфики развития нашего региона. Осуществляется поддержка с помощью законодательных мер и путем поддержки создания организационных структур (как во властных структурах, так и в независимых), следующих направлений деятельности: содействие реализации научно – технической и инновационной политики Белгородской области, координация деятельности научных, проектных и проектно – изыскательских организаций на территории области; сохранение существующего научного потенциала, создание условий для оптимального осуществления научно-исследовательской деятельности, развитие научного комплекса; развитие малого и среднего бизнеса; выработка предложений по развитию инфраструктуры научно – технической и инновационной деятельности в области. Особой задачей выделяется – реализация единой государственной политики в части создания и развития рынка интеллектуальной собственности в Белгородской области и информационное обеспечение и активизация патентно-лицензионной работы, а также формирование, ведение и организацию использования региональных информационных фондов, баз и банков данных; разработка системного и прикладного программного обеспечения.

С целью совершенствования информационного обеспечения инновационных процессов в Белгородской области предлагаются провести проработку следующих составляющих, при этом очевидно сохраняя позитивные наработки и применяя следующие организационные меры:

- контроль за информационными потоками, соблюдение мер информационной безопасности, исключение информационной перегрузки посредством фильтрации поступающей информации;

- открытость в реализации функций органов региональной власти, предусматривающая информирование общества об их деятельности с учетом ограничений, установленных законодательством, генерация баз данных по важнейшим инновационным направлениям и создание информационно-поисковых систем по государственным информационным ресурсам;

- обеспечение равенства всех участников процесса информационного взаимодействия вне зависимости от их политического, социального и экономического статуса, основывающееся на их конституционных правах;

- проведение важнейших исследований и разработок в информационной сфере, поддержка производства технических и программных средств, способных обеспечить совершенствование региональных телекоммуникационных сетей, их подключение к глобальным информационным сетям в целях соблюдения жизненно важных интересов региона, объединение локальных баз данных;

- введение тендера на закупку оборудования и поставку нестандартных программных средств;

- статистика науки и инноваций, включая данные по составу организаций, выполняющих исследования и разработки, кадрам, финансированию науки, научным кадрам, результативности науки;

- решение научно-методических и организационно-технологических вопросов, связанных с разработкой, созданием и освоением автоматизированных интегрированных проектно-производственных систем, осуществляющих в автоматизированном режиме сквозной “безбумажный” цикл и объединяющих в одной системе инновационно направленные научно-исследовательские, опытно-конструкторские работы, процессы технологической подготовки и планирования производства, направленные, в конечном итоге, на создание инновационной продукции, организация процесса переноса на электронные носители всей информации об инновационном потенциале региона;

- создание экономических, организационных и правовых условий, стимулирующих научную и инновационную деятельность, повышающих заинтересованность хозяйствующих субъектов независимо от форм собственности в использовании современных достижений науки и новейших технологий;

- стимулирование и создание режима наибольшего благоприятствования для проведения научных исследований и получения наукоемких технологий, а также защита прав авторов и потребителей отечественных технологий;

- автоматизированный мониторинг структурных преобразований в регионе, охватывающий непрерывный анализ текущих и конечных результатов инновационной деятельности, экономической, социальной, экологической, научной и инновационной обстановки в регионе с целью подготовки управленческих решений и рекомендаций, направленных на улучшение и развитие инновационной деятельности.

При информационном сопровождении инновационных процессов в регионе необходимо также особое внимание уделять сохранению и развитию научного потенциала региона, способствующего созданию информационных ресурсов в области инновационной деятельности; развитию методов экономической и коммерческой оценки инноваций; внедрению перспективных информационных компьютерных технологий.

Список литературы

1. Абросимова И., Марченко Г., Мачульская О. Активная инновационная политика – приоритетный путь развития экономики региона // Инновации. – 2001. – № 3.
2. Бабинцев В.П., Гармашев А.А., Ушамирская Г.Ф. Устойчивое развитие региона и задача улучшения качества жизни населения // Регионоведение. – 2003. – № 1 – 2.
3. Луков В.А. Социальное проектирование. М.: Издательство: Флинта, 2004. – 239 с.
4. Ушамирская Г.Ф. Устойчивое развитие региона и задача улучшения качества жизни населения // Регионоведение. – 2003. – № 1 – 2.

INFORMATION STRATEGY SUPPORT OF INNOVATIVE PROCESSES IN REGION

I. E. Nadutkina

I. V. Konev

Belgorod State University

e-mail: nadutkina@bsu.edu.ru

The certain position on formation information strategy support of an innovative region's policy which should have complex character is stated and cover all parties of innovative activity. The thesis that absence the developed information-analytical maintenance innovative processes demands now working out of its concept which purpose creation of conditions for use all spectrum information resources by preparation, acceptance and realization administrative decisions in the field innovative distribution innovative technologies to region is proved.

Key words: Information innovates, innovation politic, region, information technologies ,infrastructure, management.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

ПРИНЦИП «НЕДЕЯНИЯ» (НЕДЕЛАНИЯ) КАК ИММОРАЛИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА «ДУХОВНО-МОНИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ»

А. Ю. Каширин*Тульский государственный
педагогический университет
им. Л.Н.Толстого**e-mail: tula-phil@yandex.ru*

В данной статье представлена попытка реконструкции принципа «недеяния» в философии Духовно-монистического мировоззрения П.П. Николаева, а также выделена имморалистическая интенция в обосновании принципа «недеяния». Также в статье указывается, что толстовство, в лице Николаева, продолжает и развивает метафизику и этику учения Л.Н. Толстого, где этика носит сугубо онтологический характер. Для философии П.П. Николаева, как и для учения Л.Н. Толстого, объективной реальностью обладают лишь «истинные» нравственные взаимосвязи. Абсолютизация морали представлена как реформа онтологии и гносеологии, которые в свою очередь, выполняют по отношению к морали вспомогательные функции.

Ключевые слова: принцип «недеяния», мораль, толстовство.

Целью данной работы является попытка реконструкции принципа «недеяния» в философии духовно-монистического мировоззрения П.П. Николаева, а также выделение имморалистической интенции в обосновании принципа «недеяния». Мы выдвигаем гипотезу, что принцип «недеяния», как один из центральных мировоззренческих принципов толстовства, утверждает «истинную мораль» в качестве *абсолютного морального бытия* через «деятельное недеяние».

Мы предполагаем, что толстовство, в лице Николаева, продолжает и развивает метафизику и этику учения Л.Н. Толстого, где этика носит сугубо онтологический характер. Считается, что метафизический, философско-религиозный характер учения Толстого не был адекватно понят толстовцами, поэтому навсегда остался вне их мировоззренческих пристрастий и интересов¹. Эту установку опровергает книга П.П. Николаева «Духовно-монистическое понимание мира», где автор, будучи убежденным толстовцем, на базе

---

¹ «Толстовцы-сектанты, смотрят на гр. Льва Толстого как на своего религиозного учителя и даже пророка, по каковой причине собственно философский момент его творчества отстает для них в некоторой степени на задний план или, во всяком случае, не имеет философской самоценности». Ильин В.Н. Мирозерцание гр. Л.Н. Толстого. С. 54.

теоретического материала, обосновывает учение Л.Н. Толстого в качестве «духовно-монистического мировоззрения». Одна из причин, побудившая обратиться к этой работе для теоретического обоснования принципа «недеяния» заключается в том, что эта этическая категория непосредственно связана с представлением о мире как о единой духовной субстанции. Однако в книге Николаева не встречается термин, аналогичный понятию «недеяния». Тем не менее, этот принцип выражается в стремлении автора продемонстрировать, что фрагментарность и статичность как феноменального, так и морального бытия есть иллюзия. Поэтому нами вводится понятие имморализма, представленное в качестве обоснования принципа «недеяния» в нравственной жизни человека.

Как термин и самостоятельная этическая категория, «недеяние» восходит к древнекитайскому принципу поведения мудреца-даоса (у вэй). В этом контексте «недеяние» рассматривается как один из фундаментальных аспектов «Дао»² (пути – А.К.), следование которому предполагает отказ от целенаправленной деятельности, что приводит к установлению всеобщей гармонии и утверждению принципа «Дэ» (добродетель, один из аспектов Дао). Третий аспект, присущий «Дао», «Цзы-жань»³ (самоестественность – спонтанность Дао) содержит метафизическую сущность единства мира, вещей и человека⁴, а также придает метафизический смысл единству «У вэй» и «Дэ», где добродетель отождествляется с недеянием. Лао-цзы в своем трактате «Дао-дэ цзин» говорит об этом следующее: «Человек с высшим дэ бездействен и осуществляет недеяние; человек с низшим дэ деятелен и его действия нарочиты»⁵. «Осуществление Недеяния всегда приносит спокойствие»⁶. Гуань-Цзы, в приписываемом ему трактате «Искусство сердца», представляет человека, достигшего истинного совершенства, ставшего воплощением идеи блага (Настоящего Человека), как человека абсолютно бездейственного: «В Великом Пути (Дао – А.К.) можно пребывать, но о нем ничего нельзя сказать. Речи же Настоящего Человека ничему не учат, ни на что не указывают, не сходят с уст, не проявляются на лице»⁷. «Цзы жань по отношению к себе не требует никакого словесно понятийного толкования, поэтому Лао-цзы с «недеянием» проповедует «молчание» бу янь⁸»⁹.

Следуя легенде, можно предположить, что Лао-цзы предпринял путешествие в Индию, где его проповедь привела к появлению буддизма. Однако хронологические рамки возникновения даосизма и индийской философии¹⁰ позволяют говорить об обратном. Скорее, речь может идти об обоюдной преемственности идей. Автор одной из работ по «Истории Религий Востока», Л.С. Васильев, замечает: «Трудно отделаться от впечатления, что концепция Дао во многом, вплоть до второстепенных деталей, напоминает многократно зафиксированную в упанишадах индо-арийскую концепцию великого Брахмана, безликого Абсолюта, эманация которого сотворила видимый феноменальный мир и слиться с которым (уйти от феноменального мира) было целью древнеиндийских фило-

² «У основоположника даосизма Лао-цзы дао рассматривается как естественный путь вещей, не допускающий какого-либо внешнего вмешательства. У позднейших даосистов дао трактуется как «небесная воля», «чистое небытие» и т. д.». Антология мировой философии: Древний восток. – Мн.: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2001 г. С. 604.

³ «Лучшим практическим исполнением цзы жань является «недеяние» у вэй» Лукьянов А.Е Становление философии на Востоке (Древний Китай Индия): Монография. – М.: Изд – во УДН, 1989. С. 110.

⁴ Там же С. 111.

⁵ «Дао дэ цзин» Текст печатается по изданию: Антология мировой философии: Древний восток. – Мн.: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2001 г С.619

⁶ Высшей целью (высшей добродетелью) древнекитайских даосов-философов было уйти от страстей и суетности жизни к первобытности прошлого, к простоте и естественности. Там же С. 604.

⁷ Гуань-Цзы Искусство сердца. Даосские главы из трактата. Перевод В. В. Малявина. http://www.philosophy.ru/library/asiatica/china/guan_tzi.html

⁸ «На многие важнейшие вопросы сам Будда предпочитал отвечать молчанием. ...«Знающие не говорят, говорящие не знают», – предупреждал Лао-цзы, и это предупреждение было воспринято Востоком настолько серьезно, что в некоторых направлениях буддизма говорение стало ассоциироваться с отсутствием знания». Буддизм. Четыре благородных истины: - М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000. С. 8.

⁹ Лукьянов А.Е Становление философии на Востоке (Древний Китай Индия): Монография. – М.: Изд-во УДН, 1989. С. 110. Формула молчания представлена в первых строках «Дао дэ цзин»: «Дао, которое может быть выражено словами, не есть настоящее дао».

¹⁰ Веданта, Упанишады, где были заложены основы буддийской мистики и схоластики.

софов, брахманов, отшельников и аскетов. Если прибавить к этому, что и высшей целью древнекитайских даосов-философов было уйти от страстей и суетности жизни к первобытности прошлого, к простоте и естественности, что именно среди даосов были первые в древнем Китае отшельники-аскеты, о чьем подвижничестве с уважением отзывался и сам Конфуций, то сходство покажется еще более очевидным и загадочным»¹¹.

Как в идее философской абстрактной всеобщности «Дао» и «Ом», так и в их востепенных принципах прослеживается ряд параллелей. Принцип «недеяния» представляет собой мистический аспект «Дао»; бездеятельный мудрец позволяет снять противопоставление своего «Я» и «Космоса», проникая, таким образом, в суть мироздания. Это проникновение возможно лишь с условием отказа мудреца не только от противопоставления в физическом мире, но и в мире духовном. «На высшей ступени мистического опыта происходит метафизическое отстранение, снятие этического: душа больше не нуждается в различении добра и зла»¹². Для мудреца-даоса нет больше не только доброго и злого, но нет также жизни и смерти¹³. Говоря словами Экхарта, мудрец «утверждается на полном Ничто»¹⁴. Так принцип «недеяния» ставит мудреца в позицию имморализма¹⁵ в отношении доминирующих, конвенциональных моральных норм и обязательств¹⁶. Несмотря на то, что впервые термин «имморализм» стал активно использовать Ф. Ницше, нам кажется целесообразным выбрать его в качестве одной из обобщающих характеристик двух восточных религиозно-философских доктрин (буддизм и даосизм). Так как понятие «недеяния» в качестве самостоятельной этической категории встречается лишь в даосизме, понятие имморализма, имеющее непосредственную связь с мистикой индуистских верований, в частности буддизма¹⁷, будет выступать в качестве связующего концептуально базиса для рассмотрения практики недеяния в буддизме. Сложно ответить на вопрос, почему в буддизме не сложилось столь емкого определения практики аскетизма как «недеяние» у даосов, здесь возможны лишь предположения, что рационализм на китайской почве придал понятию недолжного (злого) абстрактно-понятийный характер, где злым (недолжным) является любое деяние, так как оно противостоит естественному ходу вещей. Буддизм же, склоняющийся в большей степени в сторону мистического обоснования морали¹⁸, вырабатывает понятие «ахимса» (непричинения вреда живому на основе единения со всем живым), предписывающего воздержание от злонамеренных действий, в противовес действиям, созидающим гармонию космоса. Однако как в буддизме, так и в даосизме, общие моральные предписания носят негативную (запретительную) окраску, что позволяет нам отнести принцип «недеяния» также и к буддистской морали. Откровенно выступая против ведического ритуализма и кастовой системы, Будда видит брахманом того «кто здесь избежал привязанностей и к доброму и злему, ...победившего все миры, того кто отказался от приятного и неприятного, ...кто совершил все, что возможно совершить»¹⁹. Эта мысль получила свое законченное рациональное обоснование в дзэн-буддизме²⁰; так, «опыт абсолютного может быть описан только *via negative*, «через от-

¹¹ Васильев Л. С. История Религий Востока. 1983 г. <http://istina.rin.ru/cgi-bin>.

¹² Назаров В.Н. Этика: - энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 266.

¹³ Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1989. С. 145.

¹⁴ См. Назаров В.Н. Этика: - энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 266.

¹⁵ С помощью категории Дао, даосизм описывает невыразимость и *нравственную нейтральность* «путей природы». См. Ткаченко Г.А. Этика: - энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 101.

¹⁶ Однако в дальнейшем, как и в рамках буддийского имморализма, неприятие норм общественной морали постепенно приводит к формированию морали избранных или посвященных. «С религиями всегда случается так, что те возвышенные объяснения жизни, которые давали различные основатели религий, затемнялись в сознании массы последователей, которые обоготворяли основателей и окружали религию плотной шелухой своего непонимания. Так было с браманизмом, с буддизмом, с учением китайского философа Лао-Цзы, с маздеизмом, с нашим христианством». Николаев П.П. Духовно-Монистическое понимание мира. М.: книгоиздательство «зеленая палочка». Выпуск VIII – а. 1914. Стр. 12 – 13.

¹⁷ См. Скворцов А.А. Этика: энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 164.

¹⁸ Это обоснование в первую очередь свойственно традиции «махаяны» в буддизме.

¹⁹ Буддизм. Четыре благородных истины: - М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000. Стр. 89 – 90.

²⁰ Дзэн-буддизм является порождением махаянской буддистской традиции.

рицание» того, чем он не является. ...Сокрализуя все, дзэн не сакрализует ничего»²¹. «Свершение всего», таким образом, указывает на отсутствие свершений и целеполагающих действий.

Чуждые любых дихотомий²² (бинарных оппозиций) буддизм и даосизм стремятся выйти за рамки противопоставления добра и зла, что приводит к устранению рационально – утилитарной компоненты в постижении законов Космоса (Дао, в случае даосизма, Нирвана – буддизм) и дает возможность сверхрационального (идеально – рационального) постижения; посвященный соединяется с универсумом на интуитивном уровне. Любое действие по искусственному упорядочиванию бытия приводит лишь к умножению вещей, представляемых как самостоятельные сущности. Тем самым утверждается единичная воля, воля моего «Я»²³, входящая в диссонанс с волей Космоса. Нарушается связь человека и природы, человека и закона спонтанного бытия космоса. Таким образом, любое деяние, пусть даже направленное на утверждение «блага», есть действие, противоречащее гармонии природы. Данный подход позволяет мудрецу-бхикшу и даосскому монаху-отшельнику воплотить принцип имморализма посредством «бездеятельного» следования космической воле.

В приведенных выше положениях, несомненно, видны параллели с целым рядом религиозно-философских учений, рассматривавших мир в качестве проявлений единой духовной сущности или субстанции, что позволяет нам свести принцип «недеяния», со свойственным ему имморалистическим основанием²⁴, к позиции «духовного монизма» или спиритуализма.

«Стремление к духовно-монистическому объяснению мира присуще человечеству с глубокой древности и составляло потенциальный замысел великих восточных религий: браманизма, буддизма, учений Лао-Цзы и Конфуция, а также греческой философии и христианства в его изначальном виде»²⁵. Характерный имморалистический мотив встречается уже во введении к объяснению П.П. Николаевым духовно-монистического мировосприятия, где за «ограниченными существами» (человечеством в целом – А.К.) закрепляется представление о «благе» (являющимся «глубиной их бытия») как о «стремлении уяснить, что абсолютной реальностью для существ является лишь *Совершенное и Неограниченное* (курсив мой – А.К.) чувство и сознание мира»²⁶. Нам приходится заключить из этого утверждения, что представление о «благе» базируется, в первую очередь, на представлении о человеке как о конечном существе, где «благо» есть лишь *стремление* (средство по достижению) к «неограниченному мировосприятию». Однако, приобщение к «неограниченному мировосприятию» должно устранить и представление о «благе», как представление, призванное разделять и дифференцировать наше восприятие.

Под духовным монизмом, П.П. Николаев понимает проявление «высшего Сознания, призванного расширить наши понятия и представления о мире»²⁷; каждый в отдельности должен уверовать, что в действительности «вовсе не может существовать никаких материальных образов, ничего *разделяющего* (курсив мой – А.К.) жизнь существ, скрытую теперь от нас субъективно-порождаемыми нами образами»²⁸. Несмотря на мис-

²¹ Буддизм. Четыре благородных истины: - М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000. Стр. 12 – 13.

²² См. Там же С. 12., Ткаченко Г.А. Этика: - энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 104.

²³ «Самое понятие личности («Я» -А.К.) всегда предполагает собою ограниченность: личность всегда ограничена телом, что не есть эта личность, т.е. другими существами и видимой материальной природой». Николаев П.П. Духовно-Монистическое понимание мира. М.: книгоиздательство «зеленая палочка». Выпуск VIII – а. 1914. С. 14.

²⁴ Имморалистического пафоса, также не бала лишена традиция апофатического богословия, где утверждалось отсутствие как их бы-то ни было объективных качеств Бога, в том числе и моральных.

²⁵ Николаев П.П. Духовно-Монистическое понимание мира. М.: книгоиздательство «зеленая палочка». Выпуск VIII – а. 1914. С. 7.

²⁶ Там же. С. 5.

²⁷ Воззрения Николаева на духовный монизм, во многом напоминают представления о высшем Сознании свойственные так называемой традиции солипсизма в индийской философии: виджняна-вада (реальна лишь скандха сознания «виджняна»), адвайта-веданта (учение о реальности высшего *Брахмана*, который понимается как чистое сознание «джняна»),

²⁸ Там же. С. 8.

тическую подоплеку учения (единство человека и космоса, духа и материи и т.д.) П.П. Николаев, в духе толстовского рационализма, видит свою задачу в том, чтобы дать философское обоснование «Духовно-монистическому» мировоззрению. «У основателей великих религий духовно-монистический замысел вытекал прежде всего из их высокого чувства, которое *инстинктивно* открывало им, что в душе нашей проявляется сознание Совершенное, Единое для всех существ, избавляющее нас от ложных представлений «мира сего». ...Напротив того, духовно-монистическое учение, как учение философское, всецело опирается на исследование нашего сознания и на анализ тех материальных образов, которые мы себе создаем, и только на этом пути подходит к объяснению мира»²⁹. Как пишут издатели «Духовно-монистического понимания мира», Толстой, знакомясь с этим трудом, «очень интересовался им и много говорил о нем окружающим в самых сочувственных выражениях. Покидая «Ясную Поляну» навсегда, он захватил это сочинение с собою и имел его в Астапове».

Несомненным является тот факт, что Толстому были очень близки идеи, высказанные в этой работе, где автор раскрывает глубинную, метафизическую связь всех духовных исканий человечества, начиная с античности и заканчивая новым временем. Как говорит П.П. Николаев, Толстой, в 80-х годах раскрыл «чисто-спиритуалистический замысел нашего христианства»³⁰. «Нет ничего реального, кроме Бога, Совершенного Сознания, к которому мы стремимся, – эта, высказанная Толстым, высокая мысль поразила меня, и только впоследствии, – пишет Николаев, – я убедился, что мысль эта присуща вообще разуму людей и с глубокой древности более или менее ясно выражается во многих великих религиозно-философских учениях, составляя их общий потенциальный замысел. ...Знакомясь с ходом развития философской мысли, я убеждался, что, чем глубже философия заглядывала в нашу душевную жизнь и чем настойчивее анализировала создаваемые нами материальные образы, тем более накопляла она материала для духовно-монистического объяснения мира»³¹.

Николаев, предпринимая попытку анализа «духовно-монистического мировоззрения», начинает свою работу с критики европейского рационализма и прояснения духовно-монистических аспектов, присущих пусть и в латентном состоянии, западноевропейской философии. Свою работу Николаев видит как состоящую из двух частей: первая часть посвящена критике «основных положений материализма и дуализма, а также некоторых современных попыток освободиться от этих мировоззрений». Во втором отделе первой части, «духовно-монистическое мировоззрение» обосновывается путем самостоятельного исследования человеческого сознания, призванного «окончательно утвердить мысль, что вся осознаваемая нами материальность мира, разъединяющая жизнь существ, есть не что иное, как иллюзорные образы которые существа сами себе создают, пока не проявили в себе *сознание Совершенное, Истинное и Единое* (курсив мой – А.К.)». Вторая, заключительная часть, задумывалась автором как проект духовно-монистического синтеза, основу которого составили восточные религиозно-философские учения. Однако эта часть, предполагающая отдельный тираж, так и не была опубликована.

Обращаясь к первой части работы, мы видим что Николаев, реализуя свой критический подход к европейскому рационализму, обращается в первую очередь к именам Бруно, Кампанеллы, Декарта, Спинозы. По мнению Николаева, заслуга этих философов состоит в том, что они одни из первых обратились к критике, господствовавшего в то время дуализма схоластики³². В частности Декарт, оставаясь однако, на позициях дуализма, все же выдвинул, «как критерий всякой реальности, внутреннюю жизнь существ – «мыслью, следовательно существую», тем самым подорвав, как пишет Николаев, «в последующей философии доверие ко всему материальному»³³.

²⁹ Там же С. 6.

³⁰ Николаев П.П. Духовно-Монистическое понимание мира. М.: книгоиздательство «зеленая палочка». Выпуск VIII – а. 1914. С. 76.

³¹ Там же С. 76.

³² Там же С. 18 – 19.

³³ Там же С. 19.

Вслед за Декартом, анализируя философию Спинозы, Николаев, обнаруживает духовно-монистические аспекты философского учения Спинозы в его пантеизме. Однако и в этом учении Николаев видит недостаточность «спиритуалистического монизма». По его мнению, любое представление об объективированной материи, пусть даже объективированной в качестве «особых атрибутов божества или как его объективное творение», есть представление, утверждающее иллюзию в качестве высшей реальности. «Согласно этому учению видимая нами материальность мира существует как-то объективно, независимо от того, как различные субъекты рисуют, себе эту материальную картину; объективная материальность эта как бы проникнута некоторой Божественной душой, которая также существует по этому воззрению не только, как внутренняя истинная Основа сознания всех субъектов, но и как-то вне их жизни в какой-то объективной материи»³⁴.

Более близким «спиритуалистическому монизму» по духу является монадология Лейбница, различающего сознание по двум «типам»: сознание низшее, еще не раскрывшее в себе возможность самосознания («недоразвившаяся часть его сознательной способности»), и сознание высшее, разумное, вырвавшееся из рамок материальной обусловленности. Вследствие этого Николаев рассматривает философию Лейбница как описание процесса «саморазвития нашей (человеческой) души». И все же в претензии на «абсолютный духовный монизм» Николаев отрицает монадологический плюрализм Лейбница. «В его (Лейбница) учении сказываются попытки говорить о Боге, как причине порождающей эту ложную познаваемую существами картину мира. А так как совершенная причина (Бог) не может иметь несовершенные следствия [...], то отсюда вытекали неудачные попытки Лейбница оправдать предполагаемое творение Богом материального мира, иначе сказать, представить ложно рисуемый существами мир, как лучший из миров»³⁵.

На данном этапе анализа, Николаев пытается устранить любое представление об объективированном начале мира, вследствие чего он обращается к точке зрения солипсизма, выражающей логику «той субъектоцентристской установки, которая была принята в классической западной философии Нового времени после Декарта»³⁶.

Локк, признающий вторичность и иллюзорность внешних проявлений феноменального бытия, все же не может, по мнению Николаева, абстрагироваться от «мира самого по себе», выступающего в качестве материального субстрата бытия. Этот дуализм также несовместим с «духовным монизмом». Лишь Беркли и Юм смогли, по мысли Николаева, заложить фундамент философии Канта, Шопенгауэра и всей традиции «духовного монизма» в целом. Анализируя философию Локка, Беркли, по Николаеву, подвергает критике «первичные качества» предметов (материальность, протяженность, количество, движение и т.д.), представляя их «объективное существование» лишь во взаимосвязи с объектом. «Само понятие о материи, как о чем-то объективном, существующем независимо от сознания субъектов, для Беркли есть абсурд»³⁷. Далее руководствуясь явно Кантовской критикой систем Локка и Беркли, Николаев обнаруживает недостаточность последовательного «монизма» Беркли. В частности, утверждение объективно существующих образов сознания (пространство, время), по Николаеву, есть попытка придать этим образам абсолютную значимость, а стало быть, наделить их самостоятельной реальностью.

«Значительно дальше, – пишет Николаев, – от идей духовного монизма, чем учение Беркли, стоит философия шотландского мыслителя Юма»³⁸. Признание объективно, независимого от сознания существования материи, следствием которого явился агностицизм Юма, не может служить обоснованием «духовного монизма». И все же, «несмотря на то, что учение Юма в самой основе своей отдалается от идей духовного монизма, в процессе его рассуждения мы открываем много материала, пригодного для обоснования духовно-монистического мировоззрения»³⁹.

³⁴ Там же С. 20.

³⁵ Там же С. 22.

³⁶ Лекторский В.А. Новая философская энциклопедия. В четырех томах. М.: «Мысль» 2001, Т. 3. С. 594.

³⁷ Николаев П.П. Духовно-Монистическое понимание мира. М.: книгоиздательство «зеленая палочка». Выпуск VIII – а. 1914. С. 23.

³⁸ Там же С. 30.

³⁹ Там же С. 31.

Прибегая к юмовскому агностицизму, Николаев выделяет его положительные моменты: «так называемые законы природы, как прекрасно выражает Юм, – замечает Николаев, – не что иное, как наш *навык* в «сознавании» явлений, навык происходящий от того, что мы более или менее постоянно видим чередование в нашем сознании одних и тех же образов и явлений»⁴⁰. Еще один положительный момент учения Юма Николаев обнаруживает в отождествлении Юмом свойств сознания и свойств явлений. Тем самым, по мнению Николаева, Юм указывает на единую структуру (структурную однородность) субъективных образов и образов «объективной реальности».

Очень показательным на наш взгляд является попытка Николаева преодолеть юмовский солипсизм и агностицизм. Выделяя у Юма понятие внешней, объективно существующей причины, Николаев заменяет его представлением о внутренней изначально присущей субъекту причине. Ограниченность же нашего сознания, как полагает Николаев, определяется недостатком нравственной рефлексии (нравственного самочувствия). «Нравственное самочувствие», составляющее фундамент всей нашей душевной жизни, а стало быть, и основу «духовно-монистического мировоззрения», для Николаева есть тот истинный выход за пределы субъективной обусловленности, представляющий объективно существующие взаимосвязи между субъектами. Подобную попытку преодоления солипсизма предпринял в 20-х годах М. М. Бахтин, показав, что солипсизм возможен лишь как «самопереживание» – то есть в том случае, когда человек рассматривает себя вне отношения к другим. Однако в рамках такого солипсизма мы не соглашаемся с тем же солипсизмом, предложенным от лица другого. Лишь *в отношении к другому*⁴¹ возможна истинная жизнь «Я», а если таковым отношением является всегда нравственное чувство, то нравственность, как ее понимает Николаев, получает свое реальное существование как плацдарм или субстрат истинного бытия⁴².

Юм, однако, по мнению Николаева, не видел этой абсолютной, постоянной причины, «возвышающейся над изменчивыми состояниями», вследствие чего Юм и приходит к абсолютному скептицизму и релятивизму.

Переходя от критики философии Юма к раскрытию «духовно-монистического» содержания в философии И. Канта, Николаев, закладывая тем самым пролегомены к рассмотрению учения Канта, замечает: «Доказательства бытия Бога надо искать не вне нас, не в несовершенной области нашего внешнего чувствования, т.е. не в образах, которые мы себе рисуем, но в том что есть совершенного внутри нас. Бога мы можем понимать только, как то Совершенное, Неограниченное Сознание, которое мы стремимся проявить в себе и по мере осуществления которого исчезают из нашего сознания и перестают оказывать влияние на нашу волю все *несовершенные явления* (курсив мой – А.К.), которые мы вследствие нашей душевной ограниченности себе рисуем»⁴³. Эта мысль, во многом напоминает обоснование принципа «недеяния» у Лао-цзы, с той лишь разницей, что «спонтанность бытия», по Николаеву, присуща лишь человеку, как подателю этого (морального) бытия. Спонтанное бытие и моральное бытие есть по сути одно и то же. «Спонтанность» это и есть моральность бытия.

Выделяя «духовно-монистическую» составляющую в философии Канта, Николаев отмечает отсутствие абсолютной обусловленности воли, миром явлений, и ее свободное

⁴⁰ Там же С. 32.

⁴¹ Сравнить у Николаева: «Согласно Фихте, все познаваемые нами материальные образы суть то, что наше сознание обособляет от себя как нечто несознательное; такое представление является продуктом ограниченности нашего сознающего я; для сознания же неограниченного вовсе не может быть материального мира. Однако развивая эту верную мысль, Фихте недостаточно подчеркивает, что субъективно-порождаемые нами ложные, материальные образы всегда скрывают за собою нечто в основе своей реальное, т.е. жизнь или «я» *других* (курсив мой – А.К.) бесчисленных существ». Там же С.47.

⁴² На наш взгляд кажется целесообразным поместить указанный абзац работы П.П. Николаева в приложение к главе. В этом отрывке Николаев закладывает основы своего видения «морального солипсизма». По его мнению, истинной реальностью связывающей всех субъектов, является моральная реальность. Эта мораль есть своего рода априорная форма созерцания. Мораль, таким образом, есть истинная основа существования всех многообразных феноменов бытия. См. приложение.

⁴³ Николаев П.П. Духовно-Монистическое понимание мира. М.: книгоиздательство «зеленая палочка». Выпуск VIII – а. 1914. С 36.

проявление в нравственном законе. Это, в свою очередь, позволяет говорить о «нравственном законе» как объективно существующем субстрате бытия. Этот субстрат бытия, представленный в «нравственном законе», не должен быть познан, но существует (осуществляется, то есть объективно познается только лишь через осуществление), в отличие от мира явлений, которые познаются, но объективно не существуют. Нравственный закон в жизни человека проявляется в чувстве долга.

«Чувство долга не зависит от того, что было, есть или будет, оно указывает то, что *должно* быть»⁴⁴. Таким образом, долг назначает (означивает) должное, выступает в значении должного; где долг есть принцип поведения (осуществления), а должное – осуществляющийся принцип (но никогда не осуществленный). Мораль и морально-значимое действие, т.е. мораль как принцип и осуществление принципа, никогда не могут быть одним и тем же, поскольку то, что осуществляется (означивается), никогда не присутствует в «принципе осуществления» (знаке), т.е. в нравственности. Сама возможность понятия морали (нравственности) как принципа осуществления, предполагает замещение «осуществления» «принципом», что выражается в невозможности «схватывания» осуществившегося, как постоянного стремления к идеалу. Таким образом, говоря об *истинном сознании*, можно говорить о панморалистическом характере этого сознания (абсолютного, истинного «Я»), постоянно осуществляющемся и откладываемом в будущее для схватывания. В рамках такого сознания снимаются дихотомии: осуществляемое / осуществленное, должное / долженствующее.

Так как, по Канту «нравственная деятельность человека, чтобы быть совершенной, должна вытекать только из чувства нравственного долга, но не должна основываться на соображениях страха, или выгоды, или награды ни в этой земной, ни в будущей жизни»⁴⁵, можно предположить, что деятельность человека, носящая панморалистическую окраску, выходит также за пределы дихотомий: должное / сущее, доброе / злое, осуществляя, таким образом, принцип «деятельного недеяния».

Рассматривая образы вещей и человека как образы иллюзорные⁴⁶, Николаев, демонстрирует *равенство человека всем вещам* (тождество субъекта и объекта) на уровне их «формальной», «образной» эфемерности. Соотнося принцип «единства человека и мира» и принцип «недеяния» можно заключить, что бездействовать (неосуществляться), то есть быть равным всему миру, действовать (осуществляться), то есть «назначать» должное и стремиться к нему, отсюда дихотомия: должное / долженствующее – децентрируется, смещая примат в область должного, где долженствование долженствует в долге и через долг. Таким образом, «деятельное недеяние» есть действие абсолютно-нравственное, тотально-нравственное. Человек в этом деянии снимает дихотомию осуществляемого / осуществленного, выходя за рамки оппозитивного разума.

«Чем глубже удавалось философии заглянуть в нашу душевную жизнь,- пишет Николаев,- чем более разоблачала она нереальность субъективно порождаемых нами образов нашего тела и материального мира, тем больше накапливала она материала, подтверждающего тот замысел, который потенциально был заложен в великих религиях»⁴⁷. И далее, замечает Николаев, «учение Канта является главным источником всей последующей спиритуалистической философии. Как ни кажутся различны по своему строению системы Фихте, Шеллинга и Гегеля, они представляют переработку тех же мыслей»⁴⁸. Однако, вся эта послекантовская традиция «монизма», как и сама философия Канта, по мысли Николаева, страдала отсутствием четко выраженной установкой понимания «вещей в себе» (вещей самих по себе). Большинство мыслителей отождествляли «вещь в себе» с «материей самой по себе», что приводило к очередному дуализму в понимании сущности *истинной жизни*. Осознавая на интуитивном уровне то, что в последствии Ж. Деррида назовет принципом «дополнительности», Николаев не соглашается с парадок-

⁴⁴ Там же С. 40.

⁴⁵ Там же С. 42.

⁴⁶ «...картины нашего тела, тел других существ и всего мира суть всецело только образы, которые мы себе временно создаем, ...образы эти нереальны». Там же С. 42.

⁴⁷ Там же С. 44.

⁴⁸ Там же С. 45.

сальностью существования двух абсолютных, абсолютно равных сущностей. Так в своей попытке гносеологического обоснования «духовно-монистического мировоззрения» Николаев пишет: «все атомы, электроны и т.п. суть только субъективно порождаемые нами образы, требующие совершенного разложения в мыслимом нами пространстве; не уясняется (учеными) что все эти образы суть только *иллюстрация* (курсив мой – А.К.) в нашем сознании того процесса жизни, который кроется за этими образами»⁴⁹. «Единственная «вещь в себе», заключает Николаев, это наша воля и воля *других* (курсив мой – А.К.) существ»⁵⁰. Мир явлений существует лишь вследствие пересечения моей воли и воли других существ, предпринимающих активные действия по утверждению своего «абсолютного» (только для них) «Я» что является следствием, по мысли Николаева, недостатка «Истинного Сознания» в их жизни. Лишь жизнь в долге, то есть для других и через других, может открыть горизонты Абсолютного знания и абсолютного смысла бытия; здесь гносеология получает свое обоснование по средством этики. «Истинная реальность, как мы убедимся, только в жизни существ и реальность эта тем больше, чем существа *сознают* (курсив мой – автор) совершенное, т.е. чем более они объединены в некоторое единое и совершенное сознание»⁵¹. Раскрывая сущность метафизики как науки о сверхчувственной основе нашего бытия, Николаев отмечает: «метафизика должна выяснить основную зависимость материального мира, как фабрикуемого нами представления, от состояния нашей *нравственной* (курсив мой – А.К.), душевной жизни»⁵². Метафизика, рассматриваемая Николаевым как гносеология⁵³, в свою очередь, будучи наукой раскрывающей и содержащей суть этой зависимости, должна быть имманентной этой взаимосвязи, содержать ее, быть идентичной на структурном уровне, по существу быть нравственностью в ее непрестанном длении как поиска Себя в Других.

По существу в этом двустороннем⁵⁴ этическом обосновании гносеологии, мы опять обнаруживаем переключку эпох и идей, Николаев как бы предвосхитил мысль, испанского философа Б. Хюбнера, об истинной жизни «Я» через «Другого».

Таким образом, в философии религиозно-философского синтеза П.П. Николаева было раскрыто содержание и характер принципа «недеяния» с характерной имморалистической основой. Духовный монизм П.П. Николаева чуждый любых противопоставлений, «дуализмов», выделил положительное начало гносеологии в качестве этики, а также свел понятие «активного субъекта» к субъекту, обладающему внутренней – истинной активностью. П.П. Николаев, обосновывает «деятельное недеяние» в качестве принципа устраняющего «ложное представление о мире» как бесконечном ряде обособленных явлений. Вследствие этого нравственность представлена Николаевым в качестве единой духовной основы, чуждой любых противопоставлений внутри себя и устраняющей эти противопоставления вовне, что характеризуется философской позицией имморализма, выводящей человека за «сковывающие рамки общественной морали».

Список литературы

1. Антология мировой философии: Древний восток. – Мн.: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2001 г.
2. Лукьянов А.Е Становление философии на Востоке (Древний Китай Индия): Монография. – М.: Изд – во УДН, 1989.
3. Гуань-Цзы Искусство сердца. Даосские главы из трактата. Перевод В. В. Малявина. http://www.philosophy.ru/library/asiatica/china/guan_tzi.html
4. Буддизм. Четыре благородных истины: – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000.

⁴⁹ Там же С. 48.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же С.55.

⁵² Там же С. 66.

⁵³ «В своем истинном значении метафизика есть не что иное, как *теория нашего познания себя и мира* или *гносеология*». Там же.

⁵⁴ В работе П.П. Николаева мы встречаем не только и не столько обосновании гносеологии посредством этики, но непосредственное их отождествление, представленное Николаевым как этико-гносеологический модус человеческого существования.

5. Веданта, Упанишады, где были заложены основы буддийской мистики и схоластики.
6. Васильев Л. С. История Религий Востока. 1983 г. <http://istina.rin.ru/cgi-bin>.
7. Назаров В.Н. Этика: – энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001.
8. Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1989.
9. Ткаченко Г.А. Этика: – энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001.
10. Николаев П.П. Духовно-Монистическое понимание мира. М.: книгоиздательство «зеленая палочка». Выпуск VIII – а. 1914.
11. Скворцов А.А. Этика: энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001.
12. Лекторский В.А. Новая философская энциклопедия. В четырех томах. М.: «Мысль» 2001, Т. 3.

THE PRINCIPLE OF “NOT-DOING” AS THE IMMORALISTIC BASIS OF “THE SPIRITUAL AND MONISTIC WORLD OUTLOOK”

A. Y. Kashirin

*Tula State
L. Tolstoy Pedagogical
University*

e-mail: tula-phil@yandex.ru

In this article an attempt to reconstruct the principle of “not-doing” in the philosophy of P.P. Nikolaev’s spiritual and monistic world outlook is presented, and the immoralistic intention in the basing of the principle of “not-doing” is allocated too. It is also underlined in the article that Tolstoy-doctrine, on behalf of Nikolaev, continues and develops the metaphysics and ethics of L.N. Tolstoy’s studying, where ethics has a special ontological character. For P.P. Nikolaev’s philosophy, as well as for L.N. Tolstoy’s studying, only “true” moral interrelations possess an objective reality. The absolutization of the moral is presented as the reform of ontology and gnosiology that, in their turn, carry out auxiliary functions in relation to the moral.

Key words: “not-doing” principle, morality, Tolstoy paradigm

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

УДК 343.721

НЕЗАКОННОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Н. И. Архипцев
И. Н. Архипцев

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Arhiptsev@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу преступности иностранных граждан и лиц без гражданства при незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации. Проводится исследование элементов состава преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, рассматриваются квалифицирующие признаки данного посягательства, формулируются условия нераспространения указанного деяния, обосновывается предложение по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: иностранные граждане, лица без гражданства, незаконное пересечение государственной границы России, въезд в РФ, выезд из РФ, объект посягательства, объективная сторона преступления, субъект преступления, субъективная сторона деяния, торговля людьми, совершенствование законодательства.

Сегодня, несмотря на довольно значительный интерес к теме преступности иностранных граждан и лиц без гражданства со стороны отечественных ученых в области уголовного права и криминологии, она по-прежнему относится к числу наименее исследованных и, пожалуй, более всего мифологизированных. В научной литературе, можно встретить полярные оценки, связанные с криминогенным воздействием со стороны данной категории граждан, однако статистические данные убедительно показывают их неуклонный рост в последние годы.

Заметим, что по данным МВД России в стране в 2008 году правоохранительными органами было зарегистрировано 3 209 862 преступлений (что составляет 89,6% к 2007 году), в том числе, тяжких и особо тяжких 851 392 преступлений (98,9%)¹. В свою очередь,

---

¹ Эл. ресурс <http://www.mvd.ru/stats/10000148/10000230/6166/?print>.

с января по сентябрь 2009 года в России было зарегистрировано 2 320 974 преступления, что на 6,1 процента меньше, чем за аналогичный период прошлого года².

На Белгородскую область в 2008 году пришлось 19 138 преступлений (снижение на 9,7%), из них тяжких и особо тяжких 4 521 (снижение на 9,4%). Причем, уровень преступности на 100 000 населения на территории региона, остается одним из самых низких в ЦФО и составляет 1 259,8 преступления (в Центральном федеральном округе данный показатель равен 1 863,7, а в целом по России – 2 260,3)³.

По официальной статистической информации МВД России иностранными гражданами и лицами без гражданства в Российской Федерации было совершено в 2000 году – 65 120 преступлений, в 2001 – 37 166, 2002 – 35 712, 2003 – 40 570, 2004 – 48 927, 2005 – 51 225, 2006 – 53 014, 2007 – 50 139, а в 2008 году – 53 876 (прирост к 2007 году – 7,5%), из них, гражданами государств-участников СНГ 48 801 преступлений (прирост – 7,6%), за январь-сентябрь 2009 года – 43 473 (прирост по сравнению с аналогичным периодом 2008 года на 11,8%)⁴. В тоже время, преступления, совершенные иностранными гражданами и лицами без гражданства составляли в 2008 году 3,1 процента от всех раскрытых в стране преступлений, а за первый квартал 2009 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года эта цифра немного возросла и составляет 3,8 процента⁵.

Как видно, начиная с 1993 года, преступность иностранцев в России увеличилась в три раза (до 311,4 %). В свою очередь, преступность россиян против иностранцев тоже увеличилась, но лишь на 37 %, вместе с тем, за январь-сентябрь 2009 года рост составил 0,3 %⁶.

Кроме того, преступность граждан СНГ и других стран, образовавшихся после распада СССР, против россиян увеличилась более чем в три раза (324,2 %). Бывшие «советские» сограждане составили 88,5 % в структуре всех преступлений иностранцев. В то же время граждане России совершили преступлений против иностранцев, включая жителей СНГ, в 3,4 раза меньше, чем иностранцы против наших граждан⁷.

Вместе с тем считаем, что показатели официальной статистики в полном объеме не отражают реальной ситуации с преступностью иностранцев и лиц без гражданства. В частности, по своей структуре преступность анализируемой группы лиц не совпадает с ее официально зарегистрированной частью. Анализ практики выявил группы как хорошо раскрываемых и регистрируемых преступлений, так и группы, выявление которых значительно затруднено, а регистрация отражает лишь определенную часть от реально совершенных посягательств. Например, реальный уровень самых распространенных в регистрации преступлений, связанных с незаконным пересечением Государственной границы РФ намного превосходит зарегистрированную их часть. Это связано, в первую очередь, с тем, что данные преступления сложно выявляются и раскрываются по сравнению с иными, характерными, именно, для рассматриваемой категории граждан. Так, по данным ФМС России за январь-сентябрь 2009 года было зарегистрировано 11 миллионов 200 тысяч въездов в страну и около шести миллионов выездов. Однако по информации указанной службы около 30 процентов людей из этого числа пересекают границу по нескольку раз, не проходя соответствующей регистрации⁸.

Это, в частности, и предопределило направленность нашего исследования, связанного с преступностью иностранцев и лиц без гражданства при незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации. Кроме того, проведенный нами анализ практики показал, что правоохранительные органы испытывают определенные

² См. Голубкова М. Воруют всюду, но меньше // Российская газета. 2009. 10 октября.

³ См. Шаповалов В. На приоритетных направлениях // Белгородские известия. 2009. 28 января.

⁴ Эл. ресурс <http://www.mvd.ru/stats/10000148/10000230/6166/?print>

⁵ См. Графова Л. Не сотвори себе врага // Российская газета. 2009. 4 июня.

⁶ Лунеев В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 3.

⁷ Лунеев В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 3, с.20.

⁸ См. Горяинов А.В. Методика расследования «незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации» в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 173; Зарипова А. Виртуальный ФМС // Российская газета. 2009. 23 октября.

трудности при квалификации деяния, предусмотренного ст. 322 УК РФ, например, в установлении отдельных признаков посягательства и разграничении со смежными составами преступлений, объективная сторона которых может содержать действия, связанные с незаконным пересечением Государственной границы России, в том числе, и при осуществлении посягательства, квалифицируемого по п. «г» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ.

Как показывает судебная практика, в последние годы участились факты незаконного пересечения Государственной границы России гражданами сопредельных государств. Так, по России в 2001 г. число осужденных по ст. 322 УК РФ составило 376 человек, в 2002 г. – 455 человек, в 2003 г. – 485 человек, в 2004 г. – 830 человек, в 2005 г. – 1043 человека⁹.

Исследуя вопрос о сфере общественных отношений, терпящих ущерб при совершении анализируемого преступления, заметим, что *непосредственным объектом* посягательства является *неприкосновенность государственной границы Российской Федерации* как составляющая порядка управления, в соответствии со ст. 1 Закона РФ «О государственной границе Российской Федерации». Как известно, государственная граница Российской Федерации – это линия и проходящая: по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории Российской Федерации (суши, вод, недр и воздушного пространства), т.е. пространственный предел действия государственного суверенитета.

В юридической литературе сложилось мнение, что непосредственным объектом указанного преступления является иные общественные отношения, охраняемые уголовным законом.

Так, некоторые юристы считают, что при пересечении Государственной границы Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, нет посягательства на неприкосновенность границы, так как линия границы остается неизменной, незыблемой. В этом случае нарушается установленный порядок передвижения людей через государственную границу Российской Федерации, и именно этот порядок следует считать непосредственным объектом преступления¹⁰.

Нельзя не согласиться с тем, что при совершении рассматриваемого преступления нарушается установленный порядок пересечения границы. Однако нельзя не считаться и с тем, что этим одновременно нарушается и неприкосновенность границы, хотя фактического изменения ее на местности и не происходит. Тем не менее, неприкосновенность государственной границы нарушается и в случае ее незаконного пересечения.

Объективная сторона данного преступления характеризуется действием – пересечением Государственной границы Российской Федерации: а) *без действительных документов на право въезда в РФ или выезда из РФ* либо б) *без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством РФ*.

Порядок пересечения государственной границы Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (в ред. от 04 декабря 2007 г.)¹¹ и Законом Российской Федерации от 01 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации»¹².

⁹ См. Асмандиярова Н.Р. Борьба с незаконной миграцией на региональном уровне: Уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам Республики Башкортостан): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008, с. 119.

¹⁰ См., например Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М., 1981, с. 221; Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: коммент. Судеб. Практики и доктрин. толкование / А.В. Наумов. – М., 2005, с. 841; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / отв. ред. О.Г. Ковалев. М., 2007, с. 888; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.Д. Гаухмана и С.В. Максимова. М., 2005, с. 632.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 34. – Ст. 4029; 1998. – № 30. – Ст. 3606; 1999. – № 26. – Ст. 3175; 2003. – № 2. – Ст. 159; – № 27. – Ст. 2700; 2006. – № 3 (ч. 1). – Ст. 3420; 2007. – № 50. – Ст. 6240.

¹² См. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 17, – Ст. 594; Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 16. Ст. 1861; 1996. – № 50. – Ст. 5610; 1999. – № 23. – Ст. 2808; 2003. – № 27. – Ст. 2700; 2004. – № 27. – Ст. 2711; 2005. – № 10. – Ст. 763; 2006. – № 27. – Ст. 2877.

Пропуск через государственную границу граждан и транспортных средств производится в специальных пунктах пропусков, под которыми понимается территория в пределах железнодорожного, автомобильного вокзала (станции), морского, речного порта, аэропорта (аэродрома), открытого для международных сообщений (международных полетов), а также иное специально оборудованное место, где осуществляется пограничный, а при необходимости и другие виды контроля. В настоящее время в России существует 417 пунктов пропуска через государственную границу, а для решения насущных проблем въезда и выезда создано Федеральное агентство по обустройству государственной границы РФ (Росграница)¹³.

Иностранцы граждане или лица без гражданства обязаны при въезде в Российскую Федерацию и выезде из Российской Федерации предъявить действительные документы, удостоверяющие их личность и признаваемые Российской Федерацией в этом качестве, и визу, выданную соответствующим дипломатическим представительством или консульским учреждением Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации либо органом внутренних дел или Министерством иностранных дел Российской Федерации (российская виза), если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Надлежащее разрешение означает, что у лица, выезжающего из Российской Федерации или въезжающего в нее, имеется действительный документ на право выезда или въезда.

Пересечение государственной границы Российской Федерации без установленных документов или надлежащего разрешения не образует состава преступления в случаях: а) вынужденного пересечения государственной границы лицами, транспортными средствами на суше, захода иностранных невоенных судов и военных кораблей в территориальные воды, вынужденного влета в воздушное пространство воздушных судов, осуществляемых в силу чрезвычайных обстоятельств – несчастного случая, аварии, стихийного бедствия, ледовых условий, угрожающих безопасности судна, буксировки поврежденных судов, доставки спасенных людей, оказания срочной медицинской помощи членам экипажа и пассажиров, а также в силу других чрезвычайных обстоятельств¹⁴; б) прибытия в Российскую Федерацию с нарушением правил пересечения государственной границы иностранных граждан и лиц без гражданства для использования права политического убежища, если в их действиях не содержится состав иного преступления (последнее основание сформулировано в примечании к ст. 322 УК РФ). Пересечение государственной границы РФ без установленных документов регламентируется также Положением о порядке предоставления политического убежища в Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 6 марта 1995 г. N 245.

В случае захвата и угона за пределы Российской Федерации через ее Государственную границу воздушного или водного судна либо железнодорожного подвижного состава такое деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных данной статьей и ст. 211 УК РФ.

Важное значение для квалификации деяний, предусмотренных анализируемой статьей, имеет вопрос отграничения преступных действий от неприступных. Это связано с необходимостью различать приготовление к данному преступлению, что является ненаказуемым (см. содержание ч. 2 и 3 ст. 15 и ч. 2 ст. 30 УК РФ).

Покушением на совершение данного преступления следует считать начало выполнения конкретных действий, связанных с решением пересечь Государственную границу Российской Федерации тем или иным избранным способом, объективно и (или) субъективно оцениваемых достаточными для доведения преступления до конца (например, укрытие на иностранном судне вне зависимости от его вида).

¹³ См. Куликов В. Евроокна на границе // Российская газета. 2009. 29 октября.

¹⁴ См. ч. 12 ст. 9 Федерального закона от 01 апреля 1993 года № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993, – № 17, – Ст. 594; Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 16. – Ст. 1861; 1996. – № 50. – Ст. 5610; 1999. – № 23. – Ст. 2808; 2003. – № 27 – Ст. 2700; 2004. – № 27. – Ст. 2711; 2005. – № 10. – Ст. 763; 2006. – № 27. – Ст. 2877.

Преступление считается оконченным в момент пересечения линии государственной границы Российской Федерации без установленных документов или надлежащего разрешения (пешеходным способом, на любом виде транспорта, тайно или открыто, в местах пропуска через границу или вне мест такого пропуска).

Состав преступления отсутствует, если лицо не знало и по обстоятельствам дела не могло знать, что оно пересекает Государственную границу РФ (например, охотник заблудился в тайге и оказался на территории сопредельного государства). В том случае, когда умысел виновного был направлен на незаконное пересечение границы с проникновением в сопредельное государство для сбора дикорастущих, ягод, грибов, охоты и т.п. с последующим возвращением, такие действия следует рассматривать как единое продолжаемое преступление.

Если лицо несколько раз пересекает Государственную границу РФ и каждое последующее пересечение сопровождается возникновением самостоятельного умысла, то все факты пересечения образуют самостоятельные деяния, которые квалифицируются по совокупности преступлений.

Как уже было сказано, пересечение Государственной границы РФ признается незаконным и содержит состав преступления, предусмотренный ст. 322 УК РФ, в том случае, если оно совершается с прямым умыслом без действительных документов на право въезда или выезда из Российской Федерации, либо без надлежащего разрешения. Состав преступления альтернативный. Преступным считается любое из указанных в диспозиции ст. 322 УК РФ деяний.

Преступление считается оконченным в тот момент, когда лицо физически пересекло Государственную границу. Предъявление, к примеру, подложных документов сотруднику пограничной службы для последующего получения разрешения на пересечение границы должно рассматриваться как покушение на совершение преступления. Использование подложных документов дополнительно квалифицируется по ч. 2 ст. 327 УК РФ, если лицо изготовило их само, и они выступают в качестве средства, облегчающего незаконное пересечение Государственной границы. Использование подложного документа, изготовленного иными лицами, надлежит дополнительно квалифицировать по ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Все иные действия, совершаемые до момента непосредственного пересечения границы или предъявления подложных документов, при установлении на это умысла виновного, должны рассматриваться как приготовление к совершению преступления. Но, в соответствии с действующим законодательством, приготовление наказуемо только к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 30 УК РФ). Преступления, предусмотренные ст. 322 УК РФ, относятся к категории преступлений небольшой (ч. 1) и средней тяжести (ч. 2), поэтому приготовительные действия к ним ненаказуемы. В тех случаях, когда пересечение границы осуществляется вне пунктов пропуска, но при наличии действительных документов (общегражданских паспортов или иных документов), такие действия следует квалифицировать по ст. 18.1 КоАП РФ «Нарушение режима Государственной границы Российской Федерации». В этой норме КоАП предусмотрена ответственность за нарушение правил пересечения Государственной границы, согласно которым ее пересекают в специально отведенных местах. По данной статье КоАП следует также квалифицировать, например, перемещение через Государственную границу транспортных средств, грузов, товаров и животных без соответствующих документов (ст. 11 Закона РФ от 01 апреля 1993 г. «О Государственной границе Российской Федерации»). В тех случаях, когда используются подложные документы (или они вовсе отсутствуют) для перемещения через таможенную границу контрабандных товаров, то содеянное образует состав преступления, предусмотренный ст. 188 УК РФ.

Под пунктом пропуска через Государственную границу РФ понимается территория в пределах железнодорожного, автомобильного вокзала, станции, морского речного порта, аэропорта, аэродрома открытого для международных сообщений (международных полетов), а также иное, специально оборудованное место, где осуществляются пограничный, а при необходимости и другие виды контроля, и пропуск через границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных¹⁵.

¹⁵ См. ст. 9 Федерального закона от 01.04.1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета

Если субъект пересекает границу без действительных документов в транспортном средстве, принадлежащем другому лицу, с его ведома и согласия, такое деяние квалифицируется по ст. 322 УК. Действия владельца транспортного средства или лица, которое имеет к нему доступ в силу служебных обязанностей, образуют соучастие в преступлении и квалифицируются как пособничество пересечению государственной границы (ч. 5 ст. 33, ст. 322 УК РФ).

Если транспортное средство любого вида используется правонарушителем для незаконного выезда из Российской Федерации без ведома для лица, управляющего транспортным средством и осуществляющего перевозку, состав уголовно наказуемого деяния в действиях последнего отсутствует. Но наступает административная ответственность по ст. 18.14 КоАП РФ «Незаконный провоз лиц через Государственную границу Российской Федерации». В этой статье установлена ответственность за непринятие мер по предотвращению незаконного проникновения лиц на транспортное средство и использования его для незаконного выезда из Российской Федерации, если это повлекло незаконное пересечение или попытку незаконного пересечения границы.

На практике вызывает определенную сложность отграничение приготовления к незаконному выезду из РФ или переходу границы от покушения на данное преступление. Покушением являются действия, непосредственно направленные на переход границы, и когда такие действия совершаются вблизи линии границы (например, преступник преодолевает систему заграждений), то сомнений в их юридической оценке не возникает. Но дело в том, что подобные действия могут совершаться и на значительном удалении от линии государственной границы (например, в электропоезде, следующим из России на Украину).

Представляется, что для правильного решения вопроса о характере стадий данного преступления следует исходить из следующих положений. Покушение на незаконный въезд в РФ или выезд из РФ будет в том случае, когда лицо выполнило часть действий, входящих в объективную сторону преступления, когда неприкосновенность границы ставится непосредственно под угрозу нарушения как по времени, так и с точки зрения реальности, и когда субъект охватывает сознанием объективные моменты и стремится довести преступление до конца¹⁶.

Субъектом преступления может быть *гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин или лицо без гражданства, достигшие 16-летнего возраста*. Не являются субъектами незаконного пересечения Государственной границы РФ согласно примечанию к ст. 322 УК РФ иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие на территорию РФ для использования права политического убежища (ст. 5 Положения о порядке предоставления политического убежища в Российской Федерации)¹⁷, при условии отсутствия в их действиях состава иного преступления (например, против жизни или здоровья).

Субъективная сторона исследуемого посягательства характеризуется *прямым умыслом*. Лицо осознает, что осуществляет пересечение государственной границы Российской Федерации без установленных документов и надлежащего разрешения, и желает этого.

Часть 2 ст. 322 УК РФ устанавливает повышенную ответственность за незаконное пересечение охраняемой государственной границы, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или с угрозой его применения.

Следует иметь в виду, что преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, понимается в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 35 УК РФ.

Российской Федерации. – 1993. – № 17. – Ст. 594; Собрание законодательства Российской Федерации, – 1994. – № 16. – Ст. 1861; 1996. – № 50. – Ст. 5610; 1999. – № 23. – Ст. 2808; 2003. – № 27. – Ст. 2700; 2004. – № 27. – Ст. 2711; 2005. – № 10. – Ст. 763; 2006. – № 27. – Ст. 2877.

¹⁶ См. Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Карпушин М.П. Ответственность за государственные преступления / общ. ред. и введение Л.И. Баркова. М., 1988, с. 152.

¹⁷ См. Указ Президента РФ № 763 от 26 июля 1995 г. «Об утверждении Положения о порядке предоставления политического убежища в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 31. Ст. 3095.

Под насилием по смыслу настоящей нормы следует понимать физическое или психическое насилие как неопасное, так и опасное для жизни и здоровья, в том числе и причинение смерти в отношении лиц, препятствующих или сочтенных за могущих воспрепятствовать незаконному пересечению Государственной границы Российской Федерации. Наиболее частым является вооруженное насилие.

Под угрозой насилия следует понимать угрозу ограничения физической свободы, причинения физической боли, любого вреда здоровью или жизни.

Применение указанных форм насилия, при наличии в таких случаях признаков другого состава преступления, влечет за собой квалификацию деяния по совокупности фактически совершенных преступлений. В указанную совокупность могут входить преступления, предусмотренные ст. 105, 109, 111, 112, 117, 127, 205, 206, 209, 211, 222, 317, 318 УК РФ и др.

Если насилие или угроза насилием при пересечении Государственной границы Российской Федерации не применялись непосредственно для облегчения незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации либо преодоления сопротивления представителей власти или уклонения от ответственности, то такое деяние следует квалифицировать по ч. 1 ст. 322 (при отсутствии иных квалифицирующих признаков) и одной из статей Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления против жизни и здоровья.

Законодатель исключил из ч. 2 ст. 322 УК РФ слово «охраняемой», чем усилил уголовную ответственность за незаконное пересечение Государственной границы РФ.

Как отмечалось нами ранее, *примечание* к данной статье содержит исключение из общего правила пересечения Государственной границы Российской Федерации для иностранных граждан и лиц без гражданства для использования ими права политического убежища в соответствии со ст. 63 Конституции РФ, если в действиях этих лиц не содержится иного состава преступления. В указанном случае такие лица не подлежат уголовной ответственности.

Политическое убежище в Российской Федерации не предоставляется, если лицо:

- 1) преследуется за пределами Российской Федерации за деяние, признаваемое в Российской Федерации преступлением, или виновно в совершении действий, противоречащих целям и принципам ООН;
- 2) привлечено в качестве обвиняемого по уголовному делу либо в отношении него имеется вступивший в законную силу и подлежащий исполнению приговор суда на территории Российской Федерации;
- 3) прибыло из «третьей страны», где ему не грозило преследование;
- 4) представило заведомо ложные сведения;
- 5) имеет гражданство «третьей страны», где ему не грозило преследование (см. ст. 5 Положения о порядке предоставления политического убежища в Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 1995 г. № 763)¹⁸.

Целесообразно провести разграничение анализируемого преступления от иных деяний, ответственность за которые была введена в уголовное законодательство сравнительно недавно.

Так, один из квалифицированных составов торговли людьми включает в качестве обязательного признака перемещение потерпевшего через Государственную границу РФ (п. «г» ч. 2 ст. 127.1 УК), которое может выражаться в незаконном ее пересечении, т.е. с использованием поддельных документов, удостоверяющих личность преступника или без визы). Считаем, что содеянное должно квалифицироваться одновременно по п. «г» и «д» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, а дополнительной квалификации действий по ст. 322 УК не требуется, так как нарушение установленных правил въезда или выезда в этом случае выступает в качестве способа осуществления квалифицированного состава торговли людьми. Как известно, в одних случаях людей провозят через границу нелегальным путем или без законного разрешения на проживание, в других – легальным, в качестве туристов, буду-

¹⁸ См. Указ Президента РФ № 763 от 26 июля 1995 г. «Об утверждении Положения о порядке предоставления политического убежища в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 31. Ст. 3095.

щих жен, артистов, домашней прислуги, а также соискателей убежища – в зависимости от законодательства того или иного государства.

В заключении заметим, что международное законодательство предусматривает меры по защите таких пострадавших лиц. Например, международные правовые документы призывают государства предусмотреть в своем законодательстве возможности, не допускающие судебного преследования, заключения под стражу или наказания ставших предметом торговли людей в связи с незаконным въездом или проживанием. Согласимся с мнением Т. Устиновой, которая предлагает пострадавших от рассматриваемого преступления не привлекать к уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы РФ и считает целесообразным дополнить примечание к ст. 322 УК новым пунктом, включив в него положение, в соответствии с которым лица, ставшие жертвами торговли людьми, не подлежали бы уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы РФ¹⁹.

Конец XX – начало XXI вв. характеризуется не только высокой криминальной активностью российского общества, но и активным творческим поиском со стороны специалистов как причин такой активности, так и эффективных мер по ее нейтрализации. Данное обстоятельство привело к формированию внутри российской криминологической науки новых отраслей и частных научных направлений (криминологических теорий), изучающих отдельные виды преступности. Изменения коснулись не только отечественной криминологической теории, но и практики противодействия преступности. Этими изменениями ставятся под сомнение устоявшиеся взгляды на базовые криминологические явления: преступность, ее причины и условия, личность преступника и предупреждение преступности, образующие основной предмет отечественной криминологии. Поэтому данная публикация, посвященная особенностям уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства, как представляется, внесет соответствующий вклад в противодействие преступности указанной категории граждан.

Список литературы

1. [Эл. ресурс] <http://www.mvd.ru/stats/10000148/10000230/6166/?print>
2. См. Голубкова М. Воруят всюду, но меньше // Российская газета. 2009. 10 октября.
3. См. Шаповалов В. На приоритетных направлениях // Белгородские известия. 2009. 28 января.
4. См. Графова Л. Не сотвори себе врага // Российская газета. 2009. 4 июня.
5. Лунеев В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 3.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. -- 1996. -- № 34. - Ст. 4029; 1998. - № 30. - Ст. 3606; 1999. - № 26. - Ст. 3175; 2003. - № 2, - Ст. 159; - № 27. - Ст. 2700; 2006. - № 3 (ч. 1). - Ст. 3420; 2007. - № 50, - Ст. 6240.
7. См. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. -- 1993. -- № 17, -- Ст. 594; Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 16. Ст. 1861; 1996. - № 50. - Ст. 5610; 1999. -- № 23. -- Ст. 2808; 2003. - № 27, -- Ст. 2700; 2004. -- № 27. -- Ст. 2711; 2005. -- № 10. -- Ст. 763; 2006. -- № 27. -- Ст. 2877.
8. См. ч. 12 ст. 9 Федерального закона от 01 апреля 1993 года № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. -- 1993, -- № 17, -- Ст. 594; Собрание законодательства Российской Федерации. -- 1994. -- № 16. -- Ст. 1861; 1996. -- № 50. - Ст. 5610; 1999. -- № 23. -- Ст. 2808; 2003. - № 27 -- Ст. 2700; 2004. -- № 27. -- Ст. 2711; 2005. - № 10. -- Ст. 763; 2006. -- № 27. -- Ст. 2877.
9. См. ст. 9 Федерального закона от 01.04.1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. -- 1993. -- № 17. -- Ст. 594; Собрание законодательства Российской Федерации, -- 1994. -- № 16. -- Ст. 1861; 1996. - № 50. - Ст. 5610; 1999. - № 23. -- Ст. 2808; 2003. - № 27. -- Ст. 2700; 2004. -- № 27. -- Ст. 2711; 2005. -- № 10. -- Ст. 763; 2006. -- № 27. -- Ст. 2877.
10. См. Устинова Т. Незаконное пересечение Государственной границы РФ // Законность. -- 2006, -- № 4, -- С. 17-18.

¹⁹ См. Устинова Т. Незаконное пересечение Государственной границы РФ // Законность. -- 2006, -- № 4, -- С. 17-18.

11. См. Горяинов А.В. Методика расследования «незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации» в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 173; Зарипова А. Виртуальный ФМС // Российская газета. 2009. 23 октября.

12. См. Куликов В. Евроокна на границе // Российская газета. 2009. 29 октября.

13. См., например Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М., 1981, с. 221; Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: коммент. Судеб. Практики и доктрин. толкование / А.В. Наумов. – М., 2005, с. 841; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / отв. ред. О.Г. Ковалев. М., 2007, с. 888; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.Д. Гаухмана и С.В. Максимова. М., 2005, с. 632.

14. См. Дьяков С.В., Игнатъев А.А., Карпушин М.П. Ответственность за государственные преступления / общ. ред. и введение Л.И. Баркова. М., 1988, с. 152.

15. См. Указ Президента РФ № 763 от 26 июля 1995 г. «Об утверждении Положения о порядке предоставления политического убежища в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 31. Ст. 3095.

16. См. Асмандиярова Н.Р. Борьба с незаконной миграцией на региональном уровне: Уголовно-правовой и криминологический аспекты (по материалам Республики Башкортостан): Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008, с. 119.

RUSSIAN FEDERATION STATE BORDER'S ILLEGAL CROSSING: PECULIARITIES OF THE CRIMES OF THE FOREIGNERS AND PERSONS WITHOUT CITIZENSHIP

N. I. Arhptsev

I. N. Arhptsev

Belgorod State University

e-mail:

Arhptsev@bsu.edu.ru

The article is devoted to the analysis of the crimes of the foreigners and persons without citizenship during illegal crossing of Russian Federation state border. The elements research of the constitution of the crimes provided for the paragraph 322 of the Criminal Code of Russian Federation is conducted; the signs of the attempting on person's life are looked for; the causes of the unspeaking of this crime are formulated; the proposal of improving or the acting legislation is substantiated.

Key words: foreigners, persons without citizenship, Russian Federation state border's illegal crossing, entry in Russian Federation, departure from Russian Federation, object encroachment, objective aspect crime, subject crime, subjective aspect crime, trade people, perfection legislation.

УДК 343.79

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОТНЕСЕНИЯ БЕЗ ДОКУМЕНТАРНОЙ ЦЕННОЙ БУМАГИ К ПРЕДМЕТУ СТ. 186 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

А. С. Бурцев*Белгородский
государственный
университет**e-mail: burtsev@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с отнесением бездокументарных ценных бумаг к предмету преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ. Автор приходит к выводу о том, что перспектива окончательного решения вопроса о возможности (невозможности) отнесения бездокументарных ценных бумаг к предмету ст. 186 УК РФ зависит от выбора соответствующей теоретической концепции права собственности на объекты гражданского права и отражения ее в действующем российском законодательстве (как гражданском, так уголовном).

Ключевые слова: бездокументарная ценная бумага, акция, реестр, депозитарий, предмет преступления, информация.

Развивающийся фондовый рынок России, насчитывающий не многим более десяти лет воспринял англо-американскую модель правового регулирования рынка ценных бумаг, где преимущественное развитие получили ценные бумаги бездокументарной формы выпуска¹. Несовершенство законодательной базы, отсутствие наработанной практики борьбы с преступлениями в рассматриваемой сфере породило ряд вопросов имеющих принципиальный характер в правоприменительной деятельности.

Поэтому неслучайно многих исследователей интересует вопрос: может ли быть предметом преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ (изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (в ред. Федерального закона от 28.04.2009 г. №66 – ФЗ)) бездокументарная ценная бумага?

В специальной литературе мнения на этот счет радикально расходятся. Ряд авторов считают, что бездокументарные ценные бумаги являются предметом фальшивомонетничества и их подделка технически возможна². Например, Е.П. Фирсов считает, что «...подделка бездокументарных ценных бумаг, ведущихся в электронной памяти ЭВМ, осуществляется путем внесения изменений в запись»³. Другие авторы категорически отрицают принадлежность бездокументарной ценной бумаги к предмету ст. 186 УК РФ, а следовательно и возможность ее подделки⁴. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к ряду положений теории уголовного и гражданского права, отраслевому законодательству.

Бездокументарная форма ценных бумаг предусмотрена ФЗ от 22 апреля 1996 г. №39 – ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 28 декабря 2002 г.). Как в документарной, так и в бездокументарной форме могут выпускаться именные эмиссионные ценные бумаги. Форма эмиссионных ценных бумаг выбирается эмитентом и должна однозначно определяться в его учредительных документах и (или) решении о выпуске ценных бумаг и проспекте эмиссии. При бездокументарной форме эмиссионных ценных бумаг решение о выпуске является документом, удостоверяющим права, закрепленные ценной бумагой.

Названным Законом было впервые введено легальное определение бездокументарной формы ценных бумаг. Это форма, при которой владелец устанавливается на осно-

¹ Степанов Д.И. Современное российское понимание ценных бумаг // Журнал российского права, 2000, №7. С. 130.

² Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. – М., 1998. С. 74.

³ Фирсов Е. П. Расследование изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов / Монография под науч. ред. докт. юрид. наук, профессора Комисарова В.И. - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2004. С. 48.

⁴ Ясинов О.Ю. Уголовная ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (фальшивомонетничество). Автореф. Дис. Канд. Юрид. Наук. – М, 2006. С. 12.

вании записи в системе ведения реестра владельцев ценных бумаг или в случае депонирования ценных бумаг – записи по счету депо (ст. 3). Соответственно осуществление прав по именованным эмиссионным ценным бумагам производится эмитентом в отношении лиц, указанных в системе ведения реестра.

Права владельцев на эмиссионные ценные бумаги бездокументарной формы выпуска удостоверяются в системе ведения реестра записями на лицевых счетах у держателя реестра или в случае учета прав на ценные бумаги в депозитарии – записями по счету депо в депозитариях (ст. 4).

То, что, то или иное лицо обладает определенным количеством бездокументарных ценных бумаг свидетельствует выписка из реестра. Последняя, представляет собой документ, выдаваемый держателем реестра и подтверждающий записи по счету зарегистрированного лица в реестре. Выписка не является ценной бумагой, а ее передача не влечет перехода прав на указанные в ней ценные бумаги. Запись в реестре помимо документарной формы (в журнале) может вестись с помощью электронно-вычислительной техники. В этом случае система ведения реестра именных ценных бумаг представляет собой совокупность данных, зафиксированных не только в бумажной форме, но и на электронных носителях. Равно как и бумажные носители, электронный способ обеспечивает идентификацию зарегистрированных лиц и учет их прав в отношении ценных бумаг, зарегистрированных на их имя. Проще говоря, такая запись содержит сведения о владельце бездокументарных ценных бумаг, их количестве, номере. В этой ситуации, ни о какой индивидуализации (размер, содержание и пр.), характерной для документарных ценных бумаг речи быть не может.

Общепризнанно, что документарные ценные бумаги являются вещами, т.е. объектами вещного права (п. 1 ст. 302 ГК РФ). Возможности подделки эмиссионной документарной ценной бумаги, при современном уровне развития техники не ограничены, хотя правоприменитель с такими подделками не знаком. Объясняется это особым порядком удостоверения права на эмиссионную ценную бумагу. Гораздо больше вопросов вызывает бездокументарная ценная бумага, т.к. она нематериальна, бестелесна.

В связи с этим следует обратиться к теории уголовного права, которая давно выработала систему признаков, как обязательных элементов состава хищения: фактический, экономический и юридический⁵. Применительно к фактическому признаку (а нас он интересует в данном случае, прежде всего) следует отметить, что предмет хищения всегда материален, т.е. он должен обладать вещными признаками. Иными словами предмет хищения – это всегда вещь. Думается, что эти признаки в полном объеме распространяются на предмет фальшивомонетничества.

Действительно до появления бездокументарных ценных бумаг, уголовно – правовая наука и практика говоря о фальшивомонетничестве подразумевали, что предмет подделки всегда носит материальный, вещный характер.

Однако объективная тенденция развития производительных сил общества в XIX – XX в.в. была такова, что в гражданский оборот стали вовлекаться новые объекты, которые по своим признакам не относились к вещам в их обычном понимании. Развитие рыночных отношений, научно – технический прогресс привели к существенным изменениям, в т.ч. и в системе объектов права собственности. К имуществу, как объекту права собственности стали относить электроэнергию и газ, а затем и другие виды энергии и сырья, выходящие по своим характеристикам за границы традиционного понимания вещи⁶. Важным объектом права собственности становится информация, в т.ч. и та, что хранится в памяти ЭВМ⁷.

Поскольку, как уже отмечалось, правовая система России тяготеет к романо – германской семье, из которой она вышла, гражданское право России придерживается кон-

⁵ Борзенков Г. Новое в уголовном законодательстве о преступлениях против собственности // Законность. 1995. №2. С. 24.

⁶ Свядосц Ю.В. Гражданское и торговое право капиталистических государств. Ч. 1. – М.: Международные отношения, 1993. С. 218.

⁷ Давид Р., Жоффре – Спиноза К. Основные правовые системы современности / Пер. с франц. В.А. Туманова. – М.: Международные отношения, 1998. С.55.

цепции права собственности романо – германской системы права, которая в свое время была предназначена для оборота вещей – материальных предметов окружающего мира. Однако данная концепция зачастую оказывается неприемлимой по отношению к новым объектам гражданского права и ставит порой уголовное законодательство в тупик, как например, в случае с бездокументарной ценной бумагой. Гражданское законодательство в схожей ситуации оказалось более динамичным и гибким.

Так, например, совсем недавно в практике арбитражных судов стали возникать ситуации, когда выяснялось, что при совершении операции по внесению изменений в реестр, в связи с переходом права собственности на бездокументарные ценные бумаги «лжепродавцами» были представлены поддельные документы. В дальнейшем восстановить прежнее положение уже было невозможно, т.к. акции уже были перепроданы. Тогда пострадавшие владельцы обращались сначала в правоохранительные органы, а затем в арбитражный суд с виндикационным иском к конечному владельцу акций и реестродержателю. Арбитражный суд отказывал в удовлетворении исковых требований. При этом суд исходил из того, что виндикация бездокументарных ценных бумаг в принципе невозможна, т.к. из особенностей фиксации прав, закрепляемых бездокументарной ценной бумагой, вытекает ее нематериальность. А в соответствии с российским гражданским правом виндцировать можно только вещь – некий материальный предмет⁸.

Тем не менее, постепенно судебная практика распространила на бездокументарные ценные бумаги правовой режим вещей. Так, в п. 7 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 апреля 1998 г. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» сказано, что требование собственника (уполномоченного собственником лица) о возврате акций, предъявленное к добросовестному приобретателю, носит виндикационный характер и может быть удовлетворено лишь при наличии условий, предусмотренных ст. 302 ГК РФ если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество у такого приобретателя лишь в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому собственник передал его во владение, либо похищено у кого – либо из них, либо было из их владения иным путем помимо их воли.

Это же положение закреплено в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 декабря 1999 г. №1293/99.

Как видно, арбитражная практика исходит из того, что бездокументарные акции являются вещами, следовательно, на них следует распространять правовой режим вещей со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вместе с тем в юридической литературе до настоящего времени не получил окончательного разрешения вопрос о правовом режиме бездокументарных ценных бумаг: одни авторы относят их к вещам⁹, другие считают, что это имущество¹⁰; есть позиция, согласно которой бездокументарные ценные бумаги – имущественное право (право требования) или совокупность имущественных прав¹¹. Разнообразие точек зрения вызвано наличием специфических способов фиксации права собственности на ценные бумаги как документальной, так и бездокументарной форм выпуска.

При этом следует отметить, что во всем мире бездокументарные ценные бумаги приравниваются к документальным, при этом в бездокументарных ценных бумагах в отличие от документальных меняется только форма фиксации соответствующей записи, хранящейся в реестре ценных бумаг, на счете депо¹².

⁸ Хамидуллина Э. Виндикационный иск и проблема защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг // *Хозяйство и право*. 2005, №9. С. 46.

⁹ Крылова М. Ценная бумага-вещь, документ или совокупность прав? // *Рынок ценных бумаг*. 1997. №5. С. 29.

¹⁰ Сергеев А.П. *Гражданское право: Учебник*. В 2 – х т. Ч. 1 Изд. 3 – е, перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ПРОСПЕКТ, 1998. С. 219.

¹¹ Суханов Е.А. *Гражданское право: Учебник*. В 2 – х т. Т. 1/ Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК. 2004. С. 322.

¹² *Ценные бумаги: Учебник*/ Под ред. В.И. Колесникова, В.С. Торхановского. – М.: Финансы и статистика, 1998. С. 231.

В связи с этим интересна точка зрения Л. Добрыниной, согласно которой «бездокументарные ценные бумаги – информация о правах, закрепляемых именной или ордерной ценной бумагой, зафиксированная особым образом (с помощью средств электронно – вычислительной техники и т.п.) на специфическом материальном носителе, легальным держателем которой является лицо, получившее в установленном порядке специальную лицензию»¹³.

Изложенное соответствует понятию бездокументарной ценной бумаги, содержащемуся в п. 1 ст. 149 ГК РФ: «В случаях, определенных законом или в установленном им порядке, лицо, получившее специальную лицензию, может производить фиксацию прав, закрепляемых именной или ордерной ценной бумагой, в том числе в бездокументарной форме (с помощью средств электронно – вычислительной техники и т.п.)», т.е. бездокументарная ценная бумага это суть зафиксированная информация о правах того или иного владельца бездокументарной ценной бумаги, в т.ч. и имущественные права¹⁴.

Информация традиционно считается особым объектом права, обособленным как от материальных благ, так и от личных неимущественных благ. Это положение зафиксировано в ст. 128 ГК РФ, которая наряду с такими материальными благами, как вещи (включая деньги и ценные бумаги), иное имущество (в том числе имущественные права), работы и услуги, а также результаты интеллектуальной деятельности (в том числе исключительные права на них), отдельно называет информацию в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

В правоведении имеется множество определений понятия информации, однако нормативно закреплено лишь одно. Оно содержится в ст. 2 ФЗ от 20 февраля 1995 г. №24 – ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (с изм. от 10 января 2003г.): «Информация – это сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления». Специфичность информации, как в качестве объекта нормального гражданского оборота, так и в качестве предмета преступления, определяется рядом характерных только для нее свойств:

1) информация как таковая является благом нематериальным и в этом своем качестве неосязаемым и не потребляемым, т.е. подвергается только моральному старению;

2) она может практически неограниченно дублироваться, копироваться, распространяться, воспроизводиться, преобразовываться в различные формы фиксации. В отличие от вещей, каждая из которых уникальна, информация может быть доступна одновременно множеству субъектов. Именно поэтому неправомерное получение информации, как правило, не приводит к уменьшению ее объема у законного пользователя, чего не может быть при изъятии других предметов преступления;

3) несомненно обладая свойствами товара, экономическая информация крайне тяжело поддается стоимостной оценке: величина ее стоимости зависит не столько от затрат на изготовление информационного продукта, сколько от актуальности, адресности, размера потенциальных потерь от незаконного присвоения информации.

Информация в зависимости от возможности доступа к ней делится на две группы: общедоступная информация и информация ограниченного доступа (ст. 10 ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»). Последняя группа сведений в первую очередь может стать предметом преступного посягательства¹⁵.

Поэтому следует поддержать позицию, высказанную Н.А. Лопашенко о том, что бездокументарные, находящиеся в памяти ЭВМ ценные бумаги (именные и ордерные, ст. 149 ГК РФ) не могут быть предметом фальшивомонетничества. Их подделка и присвоение влекут уголовную ответственность по ст. 159 и ст. 272 УК РФ¹⁶. Это подтверждается п. 12

¹³ Добрынина Л. Понятие и признаки бездокументарных ценных бумаг// Хозяйство и право, 1999, №6. С. 52.

¹⁴ В ст. 29 ФЗ «О рынке ценных бумаг» сказано, что запись в реестре акционеров фиксирует право собственности лица на соответствующее количество акций. Внесение изменений в эту запись без ведома и указаний акционера является нарушением его права собственности.

¹⁵ Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико – правовой анализ. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. С. 116.

¹⁶ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). – М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 495.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. №51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», где говорится следующее «...В случаях, когда указанные деяния сопряжены с неправомерным внедрением в чужую информационную систему или с иным неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации кредитных учреждений либо с созданием заведомо вредоносных программ для электронно-вычислительных машин, внесением изменений в существующие программы, использованием или распространением вредоносных программ для ЭВМ, содеянное подлежит квалификации по статье 159 УК РФ, а также, в зависимости от обстоятельств дела, по статьям 272 или 273 УК РФ, если в результате неправомерного доступа к компьютерной информации произошло уничтожение, блокирование, модификация либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети». Сомнение остается в части возможности подделки бездокументарной ценной бумаги, учитывая то, что это запись в памяти.

Смоделируем ситуацию, когда злоумышленник смог внедриться в информационную систему реестродержателя или регистратора. Он может изменить запись о количестве ценных бумаг или о их владельце. Можно ли отнести эти действия к изготовлению поддельной ценной бумаги? Если обратиться к разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 П «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (в редакции от 17.04.2001г.), то необходимо будет устанавливать ряд обстоятельств, в т.ч. «существенное сходство» бездокументарных ценных бумаг, уже существовавших в виде электронной записи и вновь возникших в результате ее изменения. Учитывая то обстоятельство, что данные ценные бумаги не имеют признаков индивидуализации (форма, размер, цвет и другие основные реквизиты) о подделке говорить не приходится.

Поэтому перспектива окончательного решения вопроса о возможности (невозможности) отнесения бездокументарных ценных бумаг к предмету ст. 186 УК РФ зависит от выбора соответствующей теоретической концепции права собственности на объекты гражданского права и отражения ее в действующем российском законодательстве (как гражданском, так уголовном).

Список литературы

1. Степанов Д.И. Современное российское понимание ценных бумаг// Журнал российского права, 2000, №7.
2. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. – М., 1998.
3. Фирсов Е. П. Расследование изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов /Монография под науч. ред. докт. юрид. наук, профессора Комисарова В.И. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2004.
4. Ясинов О.Ю. Уголовная ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (фальшивомонетничество). Автореф. Дис. Канд. Юрид. Наук. – М, 2006.
5. Борзенков Г. Новое в уголовном законодательстве о преступлениях против собственности // Законность. 1995. №2.
6. Святоц Ю.В. Гражданское и торговое право капиталистических государств. Ч. 1. – М.: Международные отношения, 1993.
7. Давид Р., Жоффре – Спиноза К. Основные правовые системы современности/Пер. с франц. В.А. Туманова. – М.: Международные отношения, 1998.
8. Хамидуллина Э. Виндикационный иск и проблема защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг// Хозяйство и право. 2005, №9.
9. Крылова М. Ценная бумага- вещь, документ или совокупность прав?// Рынок ценных бумаг. 1997. №5.
10. Сергеев А.П. Гражданское право: Учебник. В 2 – х т. Ч. 1 Изд. 3 – е, перераб. и доп. /Под ред. А.П. Сергеева, Ю.Ж. Толстого. – М.: ПРОСПЕКТ, 1998.
11. Суханов Е.А. Гражданское право: Учебник. В 2 – х т. Т. 1/ Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК. 2004.
12. Ценные бумаги: Учебник/ Под ред. В.И. Колесникова, В.С. Торхановского. – М.: Финансы и статистика, 1998.
13. Добрынина Л. Понятие и признаки бездокументарных ценных бумаг// Хозяйство и право, 1999, №6.

14. В ст. 29 ФЗ «О рынке ценных бумаг» сказано, что запись в реестре акционеров фиксирует право собственности лица на соответствующее количество акций. Внесение изменений в эту запись без ведома и указаний акционера является нарушением его права собственности.

15. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006.

16. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). – М.: Волтерс Клувер, 2006.

ONCE AGAIN TO THE MATTER OF ASCRIPTION OF BOOK-ENTRY SECURITIES TO THE SUBJECT OF ARTICLE 186 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. S. Burtsev

Belgorod State University

e-mail: burtsev@bsu.edu.ru

The article discusses issues of ascription of book-entry securities to the subject of article 186 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author claims that the perspective of the final decision on the ascription of book-entry securities to the subject of crime depends on the choice of a relevant theoretical conception of propriety rights for objects of civil law and its implement in the actual Russian codes (both civil and criminal).

Key words: book-entry securities, share, register, depositarium, subject of crime, information.

УДК 343.976

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И БОРЬБЫ С НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ, НАРКОТИЗМОМ И НАРКОМАНИЕЙ

Н. Ю. Жилина

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: zhilina@bsu.edu.ru

В статье уделяется внимание анализу правового регулирования борьбы с незаконным оборотом наркотиков в различных странах, рассматривается роль сотрудничества с зарубежными правоохранительными органами и международными организациями в сфере борьбы с наркопреступностью.

Ключевые слова: наркопреступность; наркотизм; наркомания; международно-правовой опыт, государство; предупреждение; правовое регулирование; антинаркотическое законодательство.

Система любого государства имеет конкретные социально-исторические координаты и выражает политику данного государства. Правовая система государств как часть общей системы отражает отношение к проблемам преступности, в том числе связанной с наркоманией и наркотизмом. Как представляется, совершенно справедливо утверждение, что в иерархии базовых отношений правовой системы первичными являются не столько экономические, сколько духовно-нравственные ценности¹. Духовно-нравственные ценности определяют идеологию, в том числе тот ее блок, который называется правовым. Правовая идеология, в свою очередь, оказывает влияние на правовую культуру, правосознание, реализуется в правовой политике и находит соответствующее отражение в законодательных актах².

Сравнительное исследование наркопреступности в различных государствах позволило выделить особенности законодательного решения борьбы с наркоманией и наркотизмом в странах Ближнего и Дальнего зарубежья, связанные с национальными особенностями правовой системы государства, наличием международно-правовых обязательств на уровне межгосударственных отношений и зависящие от того, является ли государство в большей степени экспортером (страна-производитель), импортером (страна-потребитель) либо страной-транзитом наркотиков.

Указанная специфика правовых систем не могла не сказаться на диспозициях и санкциях за совершение наркодеяний. Законодательство большинства европейских стран, пройдя путь становления антинаркотического законодательства через либеральное или, напротив, жесткое отношение к незаконному обороту наркотиков, взвешенно и дифференцированно.

К государствам, наиболее терпимо относящимся к незаконному потреблению и связанному с ним обороту, относятся Германия, Голландия, Италия, Испания, Швейцария. Однако законодательство указанных стран дифференцирует виды ответственности в зависимости от вида наркотического средства или психотропного вещества. Для них характерно достаточно суровое наказание за изготовление и распространение «жестких», (таких как ЛСД, героин, кокаин, опиум т.д.) наркотиков, менее суровые меры за действия с «мягкими» (марихуана, гашиш и т.д.) наркотиками.

Германия. В основу Германского уголовного уложения (1871 г.) было положено Прусское уголовное уложение (1851 г.). При его разработке и совершенствовании учитывались юридические конструкции, сформулированные на основе философии И. Канта и Г. Гегеля. Отличительными чертами германского УК являлись закрепление принципа законности, установление наказуемости только тех деяний, которые были законодатель-

¹ См.: Клейменов И. М. Борьба с преступностью в государствах различных правовых систем (сравнительное исследование): Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.ю.н. Омск, 2002. С. 10.

² Там же. С. 14.

но запрещены до момента их совершения. В кодексе нашли свое отражение основные положения классической школы уголовного права о свободе воли, о формах и видах вины, взаимозависимости свободы личности и ответственности, а также концепция возмездия³.

Безусловно, кодекс неоднократно дополнялся, особенно после второй мировой войны, в связи с разделением Германии на два независимых государства – ГДР и ФРГ, а также после воссоединения указанных государств в одно – ФРГ. Необходимо отметить, что систему источников уголовного права Германии составляют Основной закон ФРГ, Уголовный кодекс ФРГ 1871 г. (в редакции от 10 марта 1987 г.) и уголовные законы. Подзаконные акты не являются источниками уголовного права.

ФРГ, Испания, Италия относятся к странам – потребителям наркотиков. В ФРГ имеется комплексный Закон об обороте наркотических средств от 28 июля 1981 г. (с изменениями и дополнениями 1986 г.), которым предусмотрена уголовная ответственность за ряд деяний, классифицированных в зависимости от их степени общественной опасности⁴.

В частности, уголовно наказуемы незаконное производство наркотиков (в том числе в крупных размерах, представляющих опасность для здоровья или жизни людей либо членами преступных объединений, либо с целью сбыта); сбыт наркотиков; ввоз и хранение наркотиков в крупных размерах и др. За хранение наркотиков предусматривается лишение свободы на срок от 1 года до 4 лет или штраф⁵. Если же виновный хранил наркотики в крупных размерах, он может быть лишен свободы на срок от 1 года до 15 лет⁶.

Интересны нормы, направленные на смягчение наказания и даже отказ от него в отношении лиц, совершивших правонарушения, не представляющие значительной опасности для общества, если при этом имеется возможность избавить их от физической наркотической зависимости. Суть их в том, что суд может не назначать такое наказание, если виновный хранит наркотики в небольшом количестве и только для личного потребления, либо отложить исполнение наказания виновному на срок до 2 лет, если за совершенное преступление предусматривается лишение свободы на срок до 2 лет⁷.

Кроме того, в законодательство ФРГ внесены дополнения, касающиеся борьбы с отмыванием финансовых средств, полученных преступным путем. В частности, введено «правило облегченного доказательства», расширившее возможности конфискации правоохранительными органами собственности, полученной преступным путем. В 1992 г. в УК ФРГ введена норма, предоставляющая возможность взыскания (наряду с лишением его свободы) так называемого «имущественного штрафа», соответствующего причиненному ущербу.

В сентябре 2006 г. на территории ФРГ был проведен эксперимент. На улицах Берлина, Лейпцига и некоторых других городов, с санкции правительства, выездные лаборатории предлагали лицам, незаконно потребляющим наркотики, принимать их на законном основании, при наличии документа, подтверждающего зависимость от наркотических препаратов. При этом предлагались даже инъекции героина. В течение трех месяцев, по данным полиции, резко сократилось количество преступлений, связанных с незаконным приобретением наркотиков (в основном, краж). Однако данный эксперимент был прекращен достаточно быстро (к началу 2007 г.). С одной стороны, наблюдалось незначительное снижение фактов преступлений, совершенных для приобретения наркотиков. С другой стороны, резкий рост лиц, незаконно потребляющих наркотики, количества преступлений, совершенных под воздействием наркотиков и негативная реакция со стороны общественности⁸.

В **Италии** уголовно-наказуемыми признаются незаконное обращение (предложение, сбыт, передача и др.) наркотических средств в небольшом размере для потребления другим лицом, хранение наркотиков для потребления другим лицом, также незаконное производство наркотических веществ (с выделением квалифицирующих признаков – «в крупном размере» и «организованное незаконное производство наркотических веществ»)⁹.

³ Введение. Уголовный кодекс ФРГ. М.: Эксмо, 2003.

⁴ «Deutsches Polizeiblatt». ФРГ, 2000. № 1. ГИЦ МВД России, 2001. С. 3-5.

⁵ Закон ФРГ об обороте наркотических средств от 28 июля 1981 г. (с изм. и доп. 1986 г.) СПб., 2001.

⁶ Там же.

⁷ Закон ФРГ об обороте наркотических средств от 28 июля 1981 г.

⁸ Информация НТВ. Февраль 2007 г.

⁹ См., например: Андропов А. Г. Использование зарубежного опыта с «отмыванием» доходов

В отличие от российского законодательства, в Италии предусматривается повышенная уголовная ответственность членов вооруженных мафиозных группировок (преступные группы, члены которых имеют при себе огнестрельное оружие или взрывчатые вещества либо скрывают их в тайниках) за незаконные действия в сфере оборота наркотиков. К таким преступным сообществам предусмотрено наиболее строгое наказание – лишение свободы на срок до 24 лет¹⁰.

Испанское законодательство наиболее показательное в сфере дифференциации ответственности за совершение незаконных действий с различными видами наркотиков. После введения в Испании в 1985 г. голландской модели (легальное потребление наркотиков в немедицинских целях) количество только зарегистрированных наркоманов увеличилось с 200 тыс. до 1,5 млн., а страна превратилась в перевалочную базу наркотиков со всего мира¹¹. Это существенным образом повлияло на размеры наказаний. В настоящее время испанское законодательство наказывает деяния с «мягкими наркотиками» сроком до 17 лет 4 месяцев (вместо 6-ти лет, как ранее) лишения свободы, а за жесткие до 23 лет 4 месяцев (вместо 12-ти лет, как ранее)¹².

Особое место в этой группе занимают **Нидерланды**, где разрешен сбыт и употребление «мягких» наркотиков (марихуана, гашиш) в специально отведенных местах. Однако вне этих мест в формально юридическом смысле даже продажа марихуаны является незаконной. Следует обратить внимание на то, что часто публикуемые сведения об отмене в Нидерландах уголовного наказания за хранение «легких» наркотиков или даже легализацию торговли марихуаной, не соответствуют действительности. Уголовная ответственность без всяких изъятий предусмотрена только за сбыт и хранение так называемых «жестких» наркотиков (героин, кокаин, опиум, ЛСД и др.). Однако многие голландские криминологи вынуждены признать, что разрешение употреблять «легкие» наркотические средства провоцирует употребление «сильнодействующих» наркотиков.

Хотелось бы отметить, что в Германии, Италии и Швейцарии отсутствует законодательный запрет на употребление наркотиков без назначения врача¹³.

Законодательство большинства европейских стран, пройдя путь становления антинаркотического законодательства через либеральное или, напротив, жесткое отношение к незаконному обороту наркотиков, взвешенно и дифференцированно (например, Швеция, Австрия, Франция, Бельгия, Люксембург).

Австрия. Австрия в силу географического положения является территорией транзита наркотиков. С юга, востока и юго-востока, из Словении, Венгрии, Чехии и Словакии в страну поступает идущий по «балканскому маршруту» героин, а также опиаты, гашиш и иные наркотики каннабисной группы. С северо-запада и севера – синтетические наркотики типа «экстази», в основном польского и голландского производства, и кокаин. Кроме того, в южных и юго-восточных регионах страны выявлялись случаи незаконных посевов конопли с высоким содержанием тетрагидроканнабинола (ТГК)¹⁴.

В последние годы в Австрии отмечается осложнение обстановки, связанной с незаконным оборотом и распространением наркотиков. С 1998 г. в Австрии действует Закон о наркотических средствах, приведенный по сравнению с аналогичным, действовавшим до этого, в соответствие с конвенциями ООН. Указанный Закон не только определяет основные принципы противодействия незаконному обороту наркотиков, но и содержит конкретные нормы, определяющие незаконные деяния, связанные с наркотиками, и санкции за их совершение¹⁵.

наркобизнеса в России. Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел в свете новой Конституции Российской Федерации. М., 1995.

¹⁰ Цит. по: Рыжиченков В. И. Преступления, совершаемые в сфере незаконного оборота наркотиков: Теория и практика: Дис. ...к.ю.н. М., 1999. С. 122.

¹¹ См.: Рыжиченков В. И. Указ. соч. С. 123.

¹² Там же. С. 129.

¹³ Бориневич И. И. Антинаркотическая политика и права человека в Российском обществе. СПб., 2005. С. 59.

¹⁴ Федеральное министерство внутренних дел. Австрия, 2000. ГИЦ МВД России, 2001.

¹⁵ Параграфы 27–32. Закон о наркотических средствах 1998 г. Австрия. М.: Юрид. лит., 2004.

Законом предусматривается административная и уголовная ответственность за незаконные операции с наркотиками. В Австрии наиболее суровые санкции предусматриваются за организованную преступную деятельность, создание и руководство преступной организацией, а также участие в ней, которые определены в отношении руководителей и членов преступных организаций, занимающихся незаконным сбытом наркотиков в крупном размере.

Закон реализует два основных принципа: строгое наказание в отношении лиц, занимающихся наркобизнесом (10–20 лет лишения свободы, вплоть до пожизненного заключения) и стимулирование наркоманов к лечению, смягчение наказания для лиц, больных наркоманией. Хранение и потребление наркотиков запрещено. Если наркоман соглашается на лечение, то вместо реального лишения свободы суд назначает ему двухгодичный испытательный срок¹⁶.

В целях борьбы с нелегальным хранением наркотиков, определено два вида хранения наркотиков: в небольшом и крупном размерах, с соответствующей дифференциацией, весьма схожей со ст. 228 УК РФ. Уголовная ответственность наступает при превышении размеров чистого вещества обнаруженных наркотиков, которые определяются Министерством здравоохранения Австрии (например, героин – от 3 г, кокаин – от 15 г, каннабис – от 20 г).

Закон о наркотических средствах определяет ответственность за незаконные операции с наркотиками. Например, за приобретение и хранение наркотиков для собственного потребления предусматривается лишение свободы до 6 месяцев с возможным испытательным сроком до 2 лет, за единичный факт распространения наркотиков – лишение свободы до 3 лет (для больных наркоманией – до 6 месяцев)¹⁷.

За профессиональную торговлю наркотиками, а также при их обнаружении в особо крупном размере (25-кратное превышение крупного размера, определяемого распоряжением Минздрава) определяется более строгое наказание (с более мягкими санкциями в отношении лиц, больных наркоманией)¹⁸. Наиболее жесткое наказание (до 20 лет лишения свободы) предусмотрено для членов преступных сообществ, а для их руководителей и организаторов – вплоть до пожизненного заключения¹⁹.

Параграф 29 Закона закрепляет ответственность (до 6 месяцев лишения свободы или штраф в размере до 360 ежедневных доходов осуждаемого) за пропаганду потребления наркотических средств, в том числе в средствах массовой информации²⁰. Принцип определения наказания за незаконные операции с психотропными веществами и прекурсорами такой же, что и за незаконные операции с наркотиками, но санкции ниже²¹.

Законом предусматривается возможность лечения от наркомании исключительно в добровольном порядке, поскольку считается, что излечение от этой болезни без воли и желания наркомана невозможно. Национальной программы противодействия распространению наркомании и незаконному обороту наркотиков в стране нет, вся работа в этом направлении осуществляется в рамках текущего планирования министерств и ведомств. Проблем ресурсного обеспечения антинаркотической деятельности не имеется.

Гонконг (КНР). Правительство Специального административного района Гонконг КНР осуществляет многосторонний подход к решению проблемы борьбы с наркотиками, заключающийся в сочетании подготовки и принятия эффективного законодательства, деятельности правоохранительных органов, активного международного сотрудничества, лечения и реабилитации лиц, употреблявших наркотики, предупреждения распространения наркомании и правительственных исследований в данной области. Наркотические и психотропные вещества в соответствии с гонконгским законодательством подпадают под строгий режим контроля.

¹⁶ Параграф 27. Закон о наркотических средствах 1998 г. Австрия.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Параграф 27. Закон о наркотических средствах 1998 г. Австрия.

¹⁹ Параграф 28. Там же.

²⁰ Параграф 29. Закон о наркотических средствах 1998 г. Австрия.

²¹ Параграфы 30–32. Там же.

Одним из основных законодательных актов, регулирующих отношения в этой сфере и предусматривающих строгую ответственность за незаконный ввоз, вывоз, транзит, распространение и потребление наркотических веществ и их прекурсоров в Гонконге, является Закон об опасных лекарственных препаратах²². Указанным Законом максимальное наказание предусматривается за незаконный ввоз, а также производство таких препаратов в виде штрафа в размере 5 млн. гонк. долл. (625 тыс. долл. США) и пожизненного тюремного заключения²³. Наказания за другие преступления, связанные с наркотиками, являются также суровыми.

Например, за обладание запрещенными препаратами предусматривается штраф в 1 млн. гонк. долл. и лишение свободы на семь лет, за открытие или содержание курильни – штраф в 5 млн. гонк. долл. и заключение на 15 лет, за выращивание конопли или опийного мака – штраф в 100 тыс. гонк. долл. и заключение на 15 лет²⁴.

Закон об опасных лекарственных препаратах предписывает также практикующим врачам вести строгий учет хранения и выдачи наркотических и других контролируемых веществ. Невыполнение Закона в части, касающейся их учета, может повлечь наказание в виде штрафа до 450 тыс. гонк. долл. и лишение свободы на три года.

Закон о фармацевтических и ядовитых веществах в главе 138 содержит требование о контроле за медицинским использованием лекарств в виде системы лицензирования производителей, оптовых и розничных торговцев, импортеров и экспортеров²⁵. За незаконный импорт, экспорт, производство, поставку или обладание прекурсорами может быть применено максимальное наказание в виде штрафа в сумме 1 млн гонк. долл. и лишения свободы на 15 лет²⁶. Ответственность за лицензирование и контроль за исполнением данного Закона возложена на Департамент таможи и сборов.

Еще одним важным направлением борьбы с наркопреступностью является предотвращение «отмывания» денежных средств, полученных преступным путем. Закон о возмещении доходов от незаконного оборота наркотиков и Закон об организованных и серьезных преступлениях устанавливают порядок выявления, замораживания и конфискации средств от наркоторговли, а также действий по предотвращению «отмывания» этих средств. Максимальное наказание за преступные действия с доходами от незаконной деятельности штраф в размере 5 млн. гонк. долл. и 14 лет лишения свободы. Кроме этого, финансовые средства, движимое и недвижимое имущество, приобретенное с использованием «отмытых» денег, по решению суда могут быть заморожены либо конфискованы²⁷.

Указанные законы обязывают компании, банки, финансовые организации и частных лиц докладывать о любых сделках или вкладах с использованием денежных средств, в отношении которых имеются подозрения об их незаконном происхождении. Невыполнение данного требования влечет за собой максимальное наказание в виде штрафа в размере 50 тыс. гонк. долл. и тюремное заключение на 3 месяца. При наличии у обвинения обоснованных подозрений о сокрытии или несообщении властям о подозрительном характере средств, обязанность доказывать обратное лежит на обвиняемой стороне.

Близость Гонконга к мировым центрам производства наркотиков в Центральной и Юго-Восточной Азии, его статус крупного торгового и транспортного узла, облегченное сообщение с южными провинциями КНР делают территорию достаточно уязвимой для осуществления преступных целей международных и местных наркосиндикатов.

²² Закон об опасных лекарственных препаратах. Гонконг. М.: Эксмо, 2003.

²³ Глава 134. Обладание запрещенными препаратами. Закон об опасных лекарственных препаратах. Гонконг.

²⁴ Глава 135. Открытие или содержание курильни для потребления наркотиков. Там же.

²⁵ Цит. по: Даниэлян А. А. Международно-правовые основы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ: Дис. ...к.ю.н. М., 2006. С. 156.

²⁶ Цит. по: Даниэлян А. А. Международно-правовые основы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ. С. 158.

²⁷ Цит. по: Князев В. В. Правовые и организационные проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков за рубежом: Дис. ...к.ю.н. М., 1998. С. 106.

Поэтому в политике правоохранительных органов актуально расширение сотрудничества с национальными и международными организациями по борьбе с наркотиками. Эффективными действиями осуществляется затруднение незаконного оборота наркотиков, предусмотрены показательно суровые наказания для преступников, проводятся рейды против уличной нелегальной торговли.

Гонконгское правительство уделяет самое серьезное внимание сотрудничеству с зарубежными правоохранительными органами и международными организациями в сфере борьбы с наркопреступностью.

Великобритания. Основными источниками права являются судебные прецеденты, имеющие обязательную силу для вышестоящих и нижестоящих судов, статуты – законодательные акты британского парламента и издаваемые исполнительными органами акты так называемого делегированного законодательства²⁸. Как и в других государствах, проблема распространения наркотиков является актуальной и в Великобритании. В 1964 г. был принят Закон о предупреждении злоупотребления наркотическими средствами. При этом производственные и сбытовые предприятия, специализирующиеся в этой области, обязаны были ограничивать ввоз и вывоз наркотических средств. Законом от 2 июня 1965 г. утверждались Основные положения об уголовной ответственности за незаконное распространение наркотических средств, с подробным перечнем и определением видов наркотиков, запрещающие ввоз и вывоз без специального разрешения²⁹.

В 1967 г. в связи с широким распространением употребления героина и галлюциногенных веществ типа ЛСД, принят Закон о контроле за распространением опасных видов наркотиков. Закон об уголовном правосудии 1982 г. внес значительные изменения в систему уголовных наказаний в отношении женщин-правонарушителей, главным образом, это коснулось порядка назначения и исполнения лишения свободы. С мая 1983 г. в стране начала пересматриваться также уголовная политика в отношении правонарушений несовершеннолетних. В соответствии с новым законодательством лица обоих полов, не достигшие совершеннолетия (21 года) и совершившие уголовно наказуемые деяния, в том числе связанные с наркотиками, подлежат направлению на определенный срок в центры принудительного перевоспитания (в случае, если срок не менее 4-х месяцев).

Лицу, не достигшему 17-ти лет, как правило, назначается наказание сроком лишения свободы не более 1 года. Молодые люди могут направляться в центры временного заключения, если суд сочтет возможным назначить наказание в виде лишения свободы менее чем на 4 месяца. Если же уголовное деяние совершили женщины до 17 лет, то суд, признав их виновными, не назначает наказание в виде лишения свободы³⁰. Женщинам в возрасте от 17 до 21 года установлен минимум содержания в местах лишения свободы – 3 недели, то есть срок, равный минимальному сроку содержания мальчиков в местах временного заключения. Кроме того, реформа уголовной политики Англии в отношении несовершеннолетних предусматривает расширение всякого рода образовательных программ. Например, установление двухчасового недельного минимума для общеобразовательной подготовки и часового минимума для физической подготовки³¹.

С целью повышения эффективности борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков Ассоциацией офицеров полиции Великобритании была создана специальная рабочая группа по планированию борьбы с распространением наркотиков на национальном и местном уровнях. Сама служба по борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков работает в тесном контакте с информационным отделом Скотланд-Ярда³².

²⁸ Давид. Р. Основные правовые системы современности. М., 1997. С. 84.

²⁹ См.: Уолкнер Р. Английская судебная система. М., 1980. С. 98.

³⁰ Хачатурян К. О. Уголовная ответственность за деяния в сфере незаконного оборота наркотиков: международно-правовые аспекты: Дис. ...к.ю.н. М., 2002. С. 152.

³¹ Там же. С. 154.

³² Давид Р. Указ. соч. С. 102.

Законодательство большинства европейских стран, пройдя путь становления антинаркотического законодательства через либеральное или, напротив, жесткое отношение к незаконному обороту наркотиков, взвешенно и дифференцированно (например, Швеция, Австрия, Франция, Бельгия, Люксембург).

К странам с наиболее жестким законодательством, направленным на борьбу с незаконным оборотом наркотиков и предусматривающим суровые меры наказания вплоть до смертной казни, относятся Франция, Китай, Иран, Пакистан, Таиланд, Малайзия, Нигерия и др.

Франция, являющаяся одной из основных стран-производителей маковой соломки, осуществляет эффективный контроль над производством на основе введенных систем лицензирования и уголовных наказаний, ограничивающих масштабы утечки и незаконного использования не только данного, но и иных видов наркотиков. В соответствии со ст. 222-41 УК Франции наркотическими средствами признаются вещества и растения, указанные в ст. Л.627 Кодекса здравоохранения Франции. В отличие от уголовного законодательства Российской Федерации, где субъектом преступления может быть только физическое лицо, во Франции привлекаются к уголовной ответственности не только физические, но и юридические лица.

К физическим и юридическим лицам, виновным в совершении преступного деяния, связанного с незаконной торговлей наркотиками, наряду с основными видами наказаний, суд может вынести решение о назначении дополнительного наказания в виде конфискации установок, оборудования и всего имущества, служившего, непосредственно или косвенно, для совершения преступного деяния; конфискации всего или части имущества осужденного; лишения лицензии 5 лет или закрытия заведения, если владельцем или с его соучастием были совершены уголовно-наказуемые незаконные операции с наркотиками.

Преступления, связанные с незаконной торговлей наркотиками, имеют ряд общих признаков:

1. Общий предмет посягательства – наркотические средства, то есть вещества и растения, классифицируемые как наркотические средства, согласно перечня статьи Л.627 Кодекса законов о здравоохранении Франции.

2. С объективной стороны все преступления (ст.ст. 222-34 УК и 222-35 УК) и проступки (ст.ст. с 222-36 УК по 222-40 УК) данной категории характеризуются активными действиями.

3. Преступные деяния считаются оконченными с момента совершения одного из действий по незаконной торговле наркотиками, а также руководства или организации группы для незаконной торговли наркотиками и легализации доходов от этой преступной деятельности.

4. Субъектом преступных деяний являются как физические, так и юридические лица (ст.ст. 121-2 УК, 121-4 УК).

5. Субъективная сторона преступного деяния характеризуется виной только в виде прямого умысла.

6. Обязательное наложение штрафа наряду с заточением или тюремным заключением.

7. Каждая норма содержит указание на срок периода надежности, то есть срок, после которого возможно уменьшение или смягчение наказания (в ст. 222-34 УК период надежности – от 18 до 22 лет, в остальных случаях – период надежности составляет половину срока наказания (ст. 131-23 УК).

Классифицировать преступные деяния, предметом которых являются наркотические средства, можно следующим образом.

Первую группу составляют действия, направленные на организацию или руководство группой с целью совершения незаконных операций с наркотическими средствами (ч. 1 ст. 222-34 УК Франции).

Вторая группа – руководство или организация группы с целью незаконного использования наркотических средств (ч. 2 ст. 222-34 УК).

В третью группу входят незаконные импорт или экспорт наркотических средств, включая их перевозку, хранение, передачу (ст.ст. 222-36 и 222-37 УК).

Четвертая группа объединяет деяния, имеющие своей целью приобщение лиц к потреблению наркотических средств (ч. 2 ст. 222-37, ст. 222-39 УК).

В пятую группу входят деяния, направленные на производство или изготовление наркотических средств (ст. 222-35 УК).

В шестую группу можно отнести любые действия, направленные на легализацию доходов от незаконной торговли наркотическими средствами (ст. 222-38 УК).

Одной из основных особенностей законодательства Франции является установление аналогичных пределов наказаний как за оконченное преступление, так и за покушение на преступление.

К физическим и юридическим лицам, виновным в совершении преступного деяния, связанного с незаконной торговлей наркотиками, наряду с основными видами наказаний, суд может вынести решение о назначении дополнительного наказания.

К видам дополнительных наказаний, общих для физических и юридических лиц, относятся следующие:

1. Конфискация установок, оборудования и всего имущества, служившего, непосредственно или косвенно, для совершения преступного деяния, а также любой его продукт, какому бы лицу они не принадлежали и в каком бы месте они не находились, если владелец не мог не знать об их происхождении или незаконном использовании (ч. 1 ст. 222-49 УК).

2. Конфискация всего или части имущества осужденного, какой бы характер оно не носило, мебели или недвижимого имущества, делимого или неделимого (ч. 2 ст. 222-49 УК).

3. Если в питейном заведении, ресторане, любом другом заведении, открытом для публики или используемым публикой, владельцем или с его соучастием были совершены уголовно-наказуемые незаконные операции с наркотиками (ст. 222-50 УК), то:

а) владелец питейного заведения или ресторана окончательно (ч. 1 ст. 222-50 УК) или на срок не более пяти лет лишается лицензии (ст. 222-51 УК);

б) владелец заведения, открытого для публики или используемого публикой, должен закрыть его окончательно или на срок не более пяти лет (ч. 2 ст. 222-50 УК).

Для физических лиц дополнительные наказания состоят в следующем:

1. Запрещение проживать в определенных местах – означает запрещение появления в местах, определенных судом. Кроме того, оно включает меры по наблюдениям за поведением и содействию по социальному обустройству. Перечень запрещенных мест, а также меры по наблюдению и содействию могут быть изменены судьей по исполнению наказаний в условиях, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Франции. Срок запрещения проживания не может превышать десяти лет в случае осуждения за преступления (ст.ст. 222-34 УК и 222-35 УК) и пяти лет, в случае осуждения за проступки (ст.ст. с 222-36 УК по 222-39 УК).

2. Запрещение на срок не более пяти лет покидать территорию Франции, если субъектом преступного деяния является гражданин Франции (ст. 131-30 УК).

3. Если преступление или проступок совершили иностранные граждане, то суд, в дополнение к основному наказанию, выносит решение о запрещении этим лицам находиться на территории Франции окончательно или на срок не более десяти лет, в зависимости от тяжести содеянного, после отбытия основного наказания (ст. 222-47 УК).

В качестве отягчающих обстоятельств признано совершение преступления организованной бандой³³. Как видим, у французского законодательства свой, характерный только для него подход в установлении форм и признаков соучастия. Под *организованной бандой* понимается любая сформированная группа или любой сговор с целью подготовки одного или нескольких конкретных действий, одного или нескольких преступных деяний³⁴.

Как уже отмечалось выше, если субъектом преступного деяния является физическое лицо, то обязательными признаками служат вменяемость и возраст на момент совершения преступления (совершеннолетие)³⁵.

³³ Часть 2. Ст. 235-2; Ч. 2. Ст. 236-2. УК Франции

³⁴ Статья 132-71. УК Франции.

³⁵ Статья 121-4. Там же.

К несовершеннолетним, признанным виновными в их преступных деяниях, применяются меры защиты, помощи, меры по осуществлению надзора и принудительные меры воспитательного характера в условиях, определенных специальным законом³⁶. Этот закон определяет условия, при которых могут назначаться наказания несовершеннолетним старше тринадцати лет³⁷.

Подводя итоги анализа правового регулирования борьбы с незаконным оборотом наркотиков в различных странах, следует отметить, что уголовное законодательство подавляющего большинства стран мира руководствуются международными правовыми актами. Вместе с тем правовое законодательство и исполнительная система воздействий и наказаний разных государств в области борьбы с наркопреступностью специфичны, что обусловлено не столько национальными особенностями страны, сколько конкретно сложившейся криминогенной ситуацией в этой сфере. При существующих особенностях правовых систем, регламентирующих ответственность за наркотизм и наркоманию в различных странах, общей тенденцией является резкое усиление наказаний за организованные формы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (что, к сожалению, не нашло отражения в действующем Уголовном кодексе РФ 1996 г.).

Список литературы

1. Клейменов И. М. Борьба с преступностью в государствах различных правовых систем (сравнительное исследование): Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.ю.н. Омск, 2002. – С. 10.
2. Введение. Уголовный кодекс ФРГ. М.: Эксмо, 2003.
3. «Deutsches Polizeiblatt». ФРГ, 2000. № 1. ГИЦ МВД России, 2001. – С. 3-5.
4. Закон ФРГ об обороте наркотических средств от 28 июля 1981 г. (с изм. и доп. 1986 г.) СПб., 2001.
5. Закон ФРГ об обороте наркотических средств от 28 июля 1981.
6. Информация НТВ. Февраль 2007г.
7. Андропов А. Г. Использование зарубежного опыта с «отмыванием» доходов наркобизнеса в России. Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел в свете новой Конституции Российской Федерации. М., 1995.
8. Рыжиченков В. И. Преступления, совершаемые в сфере незаконного оборота наркотиков: Теория и практика: Дис. ...к.ю.н. М., 1999. – С. 122.
9. Рыжиченков В. И. Указ. соч. – С. 123.
10. Бориневич И. И. Антинаркотическая политика и права человека в Российском обществе. СПб., 2005. С. 59.
11. Федеральное министерство внутренних дел. Австрия, 2000. ГИЦ МВД России, 2001.
12. Параграфы 27–32. Закон о наркотических средствах 1998 г. Австрия. М.: Юрид. лит., 2004.
13. Параграф 27. Закон о наркотических средствах 1998 г. Австрия.
14. Параграф 28. Закон о наркотических средствах 1998 г. Австрия.
15. Параграф 29. Закон о наркотических средствах 1998 г. Австрия.
16. Параграфы 30–32. Закон о наркотических средствах 1998 г. Австрия.
17. Закон об опасных лекарственных препаратах. Гонконг. М.: Эксмо, 2003.
18. Глава 134. Обладание запрещенными препаратами. Закон об опасных лекарственных препаратах. Гонконг.
19. Глава 135. Открытие или содержание курильни для потребления наркотиков.
20. Даниэлян А. А. Международно-правовые основы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ: Дис. ...к.ю.н. М., 2006. – С. 156.
21. Князев В. В. Правовые и организационные проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков за рубежом: Дис. ...к.ю.н. М., 1998. – С. 106.
22. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1997. – С. 84.
23. Уолкнер Р. Английская судебная система. М., 1980. – С. 98.
24. Хачатурян К. О. Уголовная ответственность за деяния в сфере незаконного оборота наркотиков: международно-правовые аспекты: Дис. ...к.ю.н. М., 2002. – С. 152.
25. Давид Р. Указ. соч. – С. 102.
26. Часть 2. Ст. 235-2; Ч. 2. Ст. 236-2. УК Франции
27. Статья 132-71. УК Франции.

³⁶ Часть 1. Ст. 122-8. Там же.

³⁷ Часть 1. Ст. 122-8. УК Франции.

28. Статья 121-4. УК Франции.
29. Часть 1. Ст. 122-8. УК Франции.
30. Часть 1. Ст. 122-8. УК Франции.

FEATURES OF INTERNATIONAL LEGAL PREVENTION AND WAR ON DRUGS, NARCOTISM AND DRUG-RELATED CRIMES

N. Yu. Zhilina

Belgorod State University

e-mail: zhilina@bsu.edu.ru

This article is devoted to legal regulation of war on drug-trafficking in different countries. The author considers the role of cooperation with foreign law-enforcement authorities and international organizations in the sphere of combating drugs.

Key words: drug -related crime, narcotism, drug addiction, international legal experience, state, prevention, legal regulation, anti-narcotics legislation.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТАКТИКИ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

И. М. Комаров

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Komarov@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются исторические аспекты тактики поддержания государственного обвинения в суде, обосновывается необходимость дальнейшей разработки этой проблемы, дается определение тактики судебного следствия и приводится определение содержания ее структуры.

Ключевые слова: государственное обвинение, тактика судебного следствия.

Возникновение криминалистики и формирование ее предмета изначально было связано с необходимостью отыскания и научного обоснования способов и средств, обеспечивающих эффективное собирание доказательств преступления и виновности подозреваемого в нем лица на стадии досудебного производства по уголовному делу. В этой связи криминалистическое знание развивалась исключительно для обеспечения целей присущих следственным действиям в процессе предварительного расследования преступлений.

Однако динамика преступности, основанная на постоянно изменяющихся способах, средствах и формах преступной деятельности, процессы демократизации уголовно-процессуального законодательства и изменения процедур уголовного судопроизводства, уже в середине прошлого столетия поставили перед криминалистикой новую задачу, связанную с необходимостью обоснования научного знания, использование которого в судебном производстве могло обеспечить цели уголовного преследования.

Фактически это означало необходимость обоснования общих и специальных криминалистических положений производства по уголовным делам в судах первой и второй инстанции, разработки на их основе системы частных криминалистических рекомендаций (криминалистические характеристики судебного производства), дополняющих известные методики расследования отдельных видов и групп преступлений, научно-практическими знаниями для поддержания государственного обвинения в суде.

Пионером постановки проблемы по известным нам публикациям можно считать саратовского криминалиста А.Л. Цыпкина, который еще в 1938 году в статье «Судебное следствие и криминалистика» (Социалистическая законность №12, 1938 г.) писал, что криминалистика важна и там, где имеет место в судебной обстановке собирание, проверка и оценка доказательств и даже там, где производится кассационный и надзорный контроль за этой работой, то есть на всем протяжении уголовного процесса.

Первыми исследователями проблемы, обосновавшими принципы криминалистического обеспечения поддержания государственного обвинения в суде выступили известные отечественные криминалисты Л.Е. Ароцкер (Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1964; Методика расследования преступлений. М., 1976), С.П. Митричев (Митричев С.П. Теоретические основы советской криминалистики / С.П. Митричев. – М., 1965), И.А. Возгрин (Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976), Г.А. Воробьев (Воробьев Г.А. Планирование судебного следствия Г.А. Воробьев. – М., 1978.), В.К. Гавло Теоретические проблемы и практик применения методики расследования отдельных видов преступлений. / Под ред. А.Н. Васильева. Изд-во Томский университет, Томск, 1985.) и другие.

Неоднократно к этой проблеме обращались и ученые процессуалисты, рассматривая ее с позиций предмета своей науки. В этой связи большой научно-практический интерес представляют труды М.С. Строговича, И.Д. Перлова, Р.Д. Рахунова, В.М. Савицкого, Т.Б. Чеджемова.

Необходимость разработки криминалистических рекомендаций для судебного производства, в настоящее время, на наш взгляд, уже не является дискуссионной научной проблемой. Она снята нуждами практики судебного производства и достаточным числом опубликованных научно-практических и диссертационных исследований (См.: например, Воробьев Г.А. Тактика и психологические особенности судебных действий / Г.А. Воробьев. – Краснодар, 1996; Кореневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. / Ю.В. Кореневский. – М., 2001; Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве / В.Г. Ульянов. – М., 2001; Кисленко С.Л. Судебное следствие: состояние и перспективы / С.Л. Кисленко, В.И. Комиссаров. – М., 2003; Возгрин И.А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003; Рубис А.С. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в борьбе с преступностью / А.С. Рубис. – Минск, 2005; Бозров В.М. Процессуальные, криминалистические и психологические аспекты судебного следствия. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Свердловск, 1991; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном процессе. Дисс. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001; Лебедев Н.Ю. Теоретические проблемы и практика расследования незаконного производства спиртосодержащей алкогольной продукции. Дисс. канд. юрид. наук. Барнаул, 2004; Шкурихина Н.В. Расследование преступлений, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Барнаул, 2007; Бойко Ю.Л. Особенности методики расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Барнаул, 2007.).

Редкий учебник криминалистики, изданный в последнее десятилетие, в разделе методики расследования преступлений не обращается к вопросам судебного разбирательства по уголовному делу (См.: например, Криминалистика. Учебник для вузов / Под ред. Н.П. Яблокова М., 1995; Криминалистика. Учебник для ВУЗов / Под ред. Р.С. Белкина. М., 1999; Криминалистика. Учебник для ВУЗов / Под ред. А.Ф. Вольнского. М., 2000; Криминалистика: Учебник / Под ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. М.: Изд-во «Юридическая литература», 2004.).

Вместе с тем, отсутствие острой научной дискуссии по проблеме криминалистического обеспечения судебного производства еще не означает, что все составляющие ее вопросы решены. На наш взгляд, требуют детального исследования вопросы тактики поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции, причем применительно к условиям различных криминалистических ситуаций.

Правильное определение понятия и содержания (структуры) тактики данного вида обеспечит государственному обвинителю ориентиры качественного уголовного преследования подсудимого в суде за совершенное преступление.

Криминалистике известно достаточно определений «судебной» тактики, правда, все они касаются только одного этапа судебного производства – судебного следствия.

Обратимся к анализу некоторых из них, на основе выделяемых авторами существенных признаков данного понятия. Так, Л.Е. Ароцкер полагает, что криминалистическая тактика судебного следствия это «система приемов и методов проведения судебного следствия»¹, Г.А. Воробьев связывает судебное следствие «с линией поведения суда и участников судебного разбирательства»², а С.П. Сухов с «организацией наиболее эффективного разбирательства уголовных дел»³. По мнению В.Г. Ульянова тактика судебного следствия основана на «линии поведения всех лиц, осуществляющих проверку, оценку и использование доказательств, и используемых ими тактических приемов следственных действий, осуществляемых для установления истины по уголовному делу»⁴. С.Л. Кислен-

¹ Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел / Л.Е. Ароцкер. – М., 1964. С. 29.

² Воробьев Г.А. Тактика и психологические особенности судебных действий / Г.А. Воробьев. – Краснодар, 1996. С. 8–9.

³ Сухов С.П. К вопросу о структуре и содержанию криминалистической тактики / С.П. Сухов // Теоретические проблемы криминалистической тактики. – Свердловск, 1981. С. 24.

⁴ Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве / В.Г. Ульянов. – М., 2002. С. 109.

ко и В.И. Комиссаров дают определение на основе подхода к тактике судебного следствия как к разделу криминалистической тактики, связанному с изучением закономерностей взаимоотношений участников судебного следствия в типичных ситуациях исследования и оценки доказательств, на основе которых формируются системы криминалистических рекомендаций по решению задач криминалистики в уголовном процессе⁵

Одно из последних, известных нам определений этого ряда, дано А.Ю. Корчагиным. Он полагает, что судебная тактика это «система криминалистических научно-практических рекомендаций по оптимизации судебного следствия, рациональных способах производства судебных действий с целью установления истины по уголовному делу»⁶

Не трудно заметить, что все авторы выделяют в определениях несколько существенных признаков связанных с субъектами, тактическими способами и средствами, а также достигаемыми на основе их применения целями.

Однако, исходя из смысла действующего уголовно-процессуального законодательства, по нашему мнению, судья не может быть субъектом тактики судебного следствия, как об этом пишут Г.А. Воробьев, В.Г. Ульянов, С.Л. Кисленко, С.П. Сухов, так как на него закон возложил обязанности арбитра уголовно-правового спора между участниками уголовно-процессуальных отношений со стороны обвинения и защиты. Фактически субъектами «судебной» тактики, могут быть только профессиональный государственный обвинитель и защитник, как две спорящих стороны.

Определение тактики судебного следствия через систему криминалистических научно-практических рекомендаций (А.Ю. Корчагин) или основанных на уголовно-процессуальном законе приемов и методов проведения судебного следствия (Л.Е. Ароцкер, С.П. Сухов) представляется не достаточно полным.

С чем в приведенных определениях можно согласиться, так это с тем, что оптимальная тактика судебного следствия действительно обеспечивает установление истины по уголовному делу в суде.

Однако для того, чтобы дать определение понятия тактики поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции первоначально следует определиться с общим понятием, которым является тактика судебного производства по уголовному делу.

На наш взгляд, это система научно-практического знания основанная на положениях уголовно-процессуального законодательства и криминалистических рекомендациях, оптимальное использование которых участниками уголовного судопроизводства в суде первой инстанции, апелляционном, кассационном и надзорном производствах обеспечивает установление истины по делу.

Данное определение является общим для всех этапов и стадий судебного производства по уголовному делу. Оно может быть трансформировано по своему содержанию в соответствии с субъектом (государственный обвинитель, защитник и пр.), целями и задачами стадии (этапа) судебного производства, особенностями криминалистической судебной ситуации и характером рассматриваемого в суде уголовного дела.

Исходя из этого тактика поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции есть деятельность государственного обвинителя на этапах подготовки к судебному заседанию, проведения предварительного слушания и судебного разбирательства по уголовному делу, обусловленная криминалистической судебной ситуацией, основанная на системе научно-практического процессуально-криминалистического знания и соотносенная с результатами предварительного расследования преступления, в целях установления судом истины по делу.

Далее возникает вопрос, какие компоненты образуют структуру понятия тактики поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции по уголовному делу?

В соответствии со сложившимися в криминалистике общими и частными подходами к данной криминалистической категории, на наш взгляд, тактика поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции должна включать в свое содержание следующие элементы.

⁵ Кисленко С.Л. Судебное следствие: состояние и перспективы / С.Л. Кисленко, В.И. Комиссаров. – М., 2003. С. 77–78.

⁶ Корчагин А.Ю. Основы тактики и методики судебного разбирательства уголовных дел / А.Ю. Корчагин. – Краснодар: ООО «Качество», 2007. С. 53.

1. Субъекта государственного обвинения – профессионального работника прокуратуры имеющего практический опыт поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции, обладающего необходимой системой общих уголовно-процессуальных и криминалистических знаний для этого вида деятельности, а также соответствующей системой знаний связанных с конкретным досудебным производством по уголовному делу, обвинение по которому ему надлежит поддерживать в суде.

Для реализации этого компонента на практике особое значение будут иметь факторы специализации в поддержании государственного обвинения прокурорским работником по конкретной категории уголовных дел, а также знания о конкретном уголовном деле, подлежащем рассмотрению в суде первой инстанции. Эти знания могут быть получены на основе ознакомления государственного обвинителя с материалами досудебного производства и собеседования со следователем, осуществившим процедуры предварительного расследования преступления о проблемных вопросах в материалах уголовного дела.

2. Знание государственным обвинителем содержания конкретной криминалистической характеристики преступления, подлежащего рассмотрению в суде первой инстанции, то есть версии досудебного производства о расследованном преступлении и лице его совершившем.

Данная система знаний обеспечивает государственному обвинителю в процессе соответствующей деятельности систему тактических и стратегических целей, связанных с прогностическими результатами окончания рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции.

3. Планирование государственным обвинителем своей деятельности на этапах подготовки к судебному заседанию, проведения предварительного слушания и судебного разбирательства.

На этапе судебного разбирательства особое внимание должно быть уделено планированию судебного следствия, как основной составляющей части указанного этапа.

4. Система мер обеспечения информационной безопасности подготовки к судебному заседанию, проведения предварительного слушания и судебного разбирательства.

5. Оценка характера криминалистической ситуации подготовки к судебному заседанию, проведения предварительного слушания и судебного разбирательства (отдельно судебного следствия).

6. Система уголовно-процессуальных и криминалистических способов и средств проверки в процессе производства в суде первой инстанции следственных доказательств, добытых следователем в ходе досудебного производства по уголовному делу.

7. Система уголовно-процессуальных и криминалистических способов и средств получения в ходе судебного следствия новых доказательств преступления и виновности в нем подсудимого.

8. Средства фиксации результатов поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции (ходатайства, протокол судебного заседания, речь государственного обвинителя).

Данная структура элементов является универсальной для решения государственным обвинителем задач поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. С учетом особенностей досудебного производства по конкретному уголовному делу государственный обвинитель может изменять приведенный алгоритм по своему усмотрению сообразно возникшей криминалистической судебной ситуации.

Список литературы

1. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел / Л.Е. Ароцкер. – М., 1964.
2. Воробьев Г.А. Тактика и психологические особенности судебных действий / Г.А. Воробьев. – Краснодар, 1996.
3. Кисленко С.Л. Судебное следствие: состояние и перспективы / С.Л. Кисленко, В.И. Комиссаров. – М., 2003.
4. Сухов С.П. К вопросу о структуре и содержанию криминалистической тактики / С.П. Сухов // Теоретические проблемы криминалистической тактики. – Свердловск, 1981.

5. Корчагин А.Ю. Основы тактики и методики судебного разбирательства уголовных дел / А.Ю. Корчагин. – Краснодар: ООО «Качество», 2007.

6. Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве / В.Г. Ульянов. – М., 2002.

GENERAL PROVISIONS OF TACTICS OF MAINTENANCE OF THE STATE CHARGE IN COURT OF THE FIRST INSTANCE

I. M. Komarov

Belgorod State University

e-mail: Komarov@bsu.edu.ru

In the article historical aspects of tactics of maintenance of the state charge in court are considered, necessity of the further development of this problem is proved, defines tactics of judicial consequence and definition of the contents of its structure is resulted.

Key words: the state charge, tactics of judicial consequence.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 349.2

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

В Трудовом кодексе Российской Федерации (ч.5 ст.11) указывается, что особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников, (в том числе и государственных служащих) устанавливаются настоящим Кодексом и иными федеральными законами.

И. А. Грабовский*Белгородский
государственный
университет**e-mail:**Grabovskiy@bsu.edu.ru*

Вместе с тем часть 5 ст. 11 ТК РФ, определяя пределы воздействия трудового законодательства по кругу лиц, не включает в число своих субъектов военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы, лиц, работающих по договорам гражданско-правового характера и некоторых других лиц, если это установлено федеральным законом. Таким образом, можно сделать вывод, что особенности регулирования труда отдельных категорий работников регулируются нормами ТК РФ и распространяет свое действие на гражданских служащих в полном объеме.

Ключевые слова: трудовые отношения, принципы правового регулирования трудовых отношений, правовое положение гражданского служащего в сфере труда.

Регулирование отношений, связанных с трудом, (службой) гражданских служащих, должно осуществляться, прежде всего, на основе принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, указанных в ст. 2 ТК РФ. Эти принципы основаны на общепризнанных нормах международного права в сфере труда, а также Конституции Российской Федерации (ст. 37) и других нормативных актах. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 58-ФЗ от 27 июля 2004 г. устанавливает правовые, организационные и финансово-экономические основы государственной гражданской службы Российской Федерации. Указанный нормативный акт определяет систему законодательства, структуру, источники, предмет ведения и полномочия между федеральными органами и актами субъектов Российской Федерации.

Законодательство о гражданской службе в отличие от трудового законодательства образуют нормативные правовые акты, регулирующие организацию гражданской службы РФ и правовое положение гражданских служащих, в т. ч. условия и порядок прохож-

дения службы, виды поощрений и ответственность, основания прекращения государственно-служебных отношений и др. Законодательство о государственной гражданской службе строится как двухуровневая система, оно состоит из Конституции РФ, федеральных конституционных законов, Закона № 58-ФЗ, федеральных законов и иных нормативных правовых актов РФ о государственной и гражданской службе, а также Конституций, законов, уставов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ. Конституция РФ (п. "т" ст. 71) устанавливает, что федеральная государственная служба находится в ведении РФ, тем самым, предпреля, что государственной службой в субъектах РФ ведает она сама.

Важно подчеркнуть, что правовое регулирование и организация федеральной государственной гражданской службы находятся в ведении РФ. Что касается гражданской службы субъекта РФ, то ее правовое регулирование находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ, а ее организация – в ведении субъекта РФ.

Необходимо отметить, что между Трудовым кодексом РФ. и вышеназванным нормативным актом существует взаимосвязь, которая обусловлена необходимостью внутреннего единства трудового законодательства и законодательства о государственной гражданской службе. В законе прямо не говорится о регулировании отношений гражданской службы нормами ТК РФ, но существует прямая связь и взаимозависимость между отдельными статьями в трудовых и служебных отношениях.

В данном случае необходимо отметить приоритет законодательства о гражданской службе, относящейся по своей правовой природе к системе публичного права, перед законодательством о труде, регулирующим сферу частного права. Вместе с тем ТК. РФ и другие акты законодательства о труде применяются к отношениям гражданской государственной службы не в полном объеме, а исключительно в случаях, не урегулированных Законом и другими актами федерального законодательства о гражданской службе.

Эти случаи касаются: порядка поступления и прохождения государственной службы; проведения конкурса на замещение вакантной должности гражданской службы; порядка и условий проведения аттестации гражданских служащих, установления иного срока испытания по сравнению с нормами трудового права. Помимо оснований увольнения предусмотренных законодательством РФ о труде, в законодательстве о государственной гражданской службе устанавливаются и иные основания прекращения гражданским служащим своих должностных обязанностей. Кроме того, определяются гарантии правовой и социальной защиты гражданских служащих.

Наиболее существенные особенности по сравнению с законодательством о труде Российской Федерации касаются прав и обязанностей (ст. 13,15 Закона), а также ограничений и запретов для гражданских служащих (ст. 16,17 Закона).

ТК РФ закрепил специфику статуса гражданских служащих в связи с отдельными условиями реализации их прав на труд лишь в области социально-партнерских отношений и порядка разрешения коллективных трудовых споров. Таким образом, следует констатировать, что принципиальный вопрос о пределах регулирования отношений гражданской службы законодательством о труде и законодательством о государственной службе до конца еще не решен.

Субъекты РФ согласно ч. 1 ст. 5 вправе иметь свое законодательство о гражданской службе, что позволяет создать многообразие в системе государственной гражданской службы, сохраняя единство принципов, как ее организации, так и правового статуса гражданских служащих.

Конституции некоторых республик признают, что федеральная государственная служба находится в ведении Российской Федерации, а государственная служба республики – в ведении республики (Конституция Республики Бурятия, ст. 61, 63).

Иногда уставы краев, областей содержат самостоятельные разделы о государственной и муниципальной службе (Устав Липецкой области, гл. XI; Устав Свердловской области, гл. IX; Устав Курганской области, гл. V и др.). В указанных документах определяется, что государственная служба в области осуществляется гражданами, занимающими должности в государственных органах и реализующими от имени РФ и области их задачи и функции.

Любая государственная должность включается в реестр (перечень), учреждается и ликвидируется в порядке, предусмотренном федеральными и областными законами.

В уставах предусматривается, что требования для занятия государственных должностей определяются федеральными и областными законами и содержанием должностных обязанностей служащего. В областях действуют федеральные гражданские служащие и гражданские служащие области. Правовой статус первых определяется законодательством РФ, вторых – федеральным и областным законодательством. В уставах предусматривается, что гражданские служащие ответственны за свои решения и действия. Мера их ответственности устанавливается федеральным и областным законами. Ущерб, причиненный неправомерными решениями и действиями гражданских служащих, возмещается государственным органом, в котором состоит служащий, на основании решения суда или арбитражного суда.

Важное место в уставах краев, областей занимают гарантии осуществления гражданскими служащими своих обязанностей. Например, в Уставе Свердловской области (ст. 85) предусматривается, что в области гарантируются условия, необходимые для сохранения достоинства и успешного выполнения государственным служащим должностных обязанностей, включая защиту служащего и членов его семьи от насилия, угроз, оскорблений и других неправомерных действий, связанных с его служебными полномочиями; обязательное государственное страхование от ущерба здоровью, имуществу, связанного с осуществлением служебных функций.

Гражданским служащим краев, областей за счет их бюджета и внебюджетных фондов производятся компенсационные выплаты и надбавки за особые условия службы, транспортные расходы и иные выплаты, определяемые федеральными и областными законами (см., например, ст. 141 Устава Курганской области, ст. 17 Закона Белгородской области) и т.д.

Гражданские служащие субъектов РФ имеют право обращаться в суд за защитой своих прав, связанных с выполнением должностных обязанностей.

В настоящее время субъекты РФ принимают законы о гражданской службе, что позволяет значительно упростить законодательство и обеспечить удобство его применения.

Сравнительный анализ законодательства, регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем, с одной стороны, и государственным гражданским служащим и представителем нанимателя, с другой стороны, позволяет сделать вывод о том, что государственный гражданский служащий является особым субъектом трудового права. Правовое регулирование служебной деятельности, которого регулируется специальным законодательством и как нам представляется, государственные гражданские служащие на любом уровне являются специальными субъектами трудового права. При этом необходимо руководствоваться тем, что правовой статус гражданского служащего должен выводиться из правового статуса работника, трудовые права и обязанности которого определены не только Конституцией РФ, (ст.37.), но и ст.21 ТК.РФ. Правовой статус гражданского служащего регламентируется и конкретизируется в Законе о государственной гражданской службе, в котором закреплены такие основные трудовые права как свобода труда, право распоряжаться своими способностями к труду, ограничение рабочего времени, право на отдых, оплачиваемый ежегодный отпуск, а также право на индивидуальные трудовые споры.

Правовой статус гражданских служащих отражает дифференциацию регулирования труда. Она осуществлена законодателем по такому устойчивому фактору, как характер и значение их труда (службы) в осуществлении государственного управления, а следовательно, повышенные требования к моральным качествам, профессионализму и ответственности за осуществление властных полномочий. Поэтому все нормы указанного Закона о гражданских служащих в отличие от общих норм, регулирующих труд работника, являются специальными нормами. Эти нормы и определяют, особенности в правовом регулировании труда государственных гражданских служащих.

Мы полагаем, что предмет исследования правового положения гражданского служащего в сфере труда отличается широтой содержания и можно сделать вывод о том, что законодательство о государственной гражданской службе во многих случаях напрямую связано с нормами трудового права.

LABOUR RELATIONS IN STATE CIVIL SERVICE

The Labour code of the Russian Federation (p.5 art.11) specifies that the particularities of labour regulation of separate workers categories (including public servants) become established by the present Code and other federal laws.

Along with it part 5 article 11 LC RF, defining the framework of impact of general public labour legislation, doesn't include into the number of its parties the military servants during their fulfillment of military service, persons working under civil contracts and some other persons, if it is stated by the federal law. Thus, we can come to the conclusion that the particularities of labour regulation of separate workers categories are handled by LC RF standards and apply to civil servants in corpore.

Key words: Labour relations in state civil service, labour relations legal regulation principles, legal position of a civil servant in the sphere of labour.

I. A. Grabovsky

Belgorod State University

e-mail:
Grabovskiy@bsu.edu. ru

ДОЛИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

О. В. Котарева

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
Kotareva@bsu.edu.ru*

Изложена возможность доли земельного участка выступать в качестве объекта гражданских правоотношений путем вовлечения в гражданско-правовые сделки. Исследована правовая природа земельной доли в гражданском праве. Проведен сравнительно-правовой анализ понятий «часть земельного участка» и «доля земельного участка». Определено, что земельная доля представляет собой долю в праве собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения. Рассмотрены способы возникновения права собственности на земельные доли. Исследованы наиболее эффективные и прогрессивные формы распоряжения земельными долями.

Ключевые слова: объект гражданских правоотношений, доля земельного участка, земельный участок, выдел земельного участка, сделки с земельной долей.

Земельный кодекс Российской Федерации (п. 1 ст. 6) определяет, что земля, земельные участки и части земельных участков являются объектами земельных отношений. Понятие «земля» в современном российском праве не наделяется какими-либо индивидуализирующими характеристиками, не может вовлекаться в имущественные отношения и поэтому не может быть использовано для обозначения объекта гражданских правоотношений. Земельные участки, напротив характеризуются индивидуализирующими признаками, активно включаются в гражданский оборот и потому являются полноценными объектами гражданских правоотношений. Что же касается определения возможности части земельного участка быть самостоятельным объектом гражданских прав, то до принятия Федерального закона № 118-ФЗ часть земельного участка существовала в качестве объекта гражданских прав и объекта налогообложения до преобразования существующего земельного участка. В настоящее время части земельных участков рассматриваются только как объект земельных отношений.

В этой связи представляет интерес определение возможности доли земельного участка, активно используемой в земельном законодательстве, выступать в качестве объекта гражданских правоотношений путем вовлечения в гражданско-правовые сделки.

В юридической теории и на практике, к сожалению, довольно часто путают делимость и раздел объектов недвижимости с определением долей в праве общей собственности, руководствуясь теорией «реальных и идеальных долей», смешивают понятия «части недвижимой вещи» и «доли в праве общей собственности».

Так, В.Н Литовкин указывает, что «деление права собственности в границах конкретного жилого помещения соответствует материальному делению его объекта, а при отсутствии технических, санитарных и иных потребительских возможностей дальнейшего деления материального объекта деление права все равно может быть продолжено, отражая в этом случае уже не конкретную часть площади жилого помещения, а идеальную (арифметическую) долю – 1/2, 1/3, 1/4 и т.п. части права общей собственности на данный жилой дом, квартиру, комнату. Эта часть, доля права общей собственности на жилое помещение проецируется на какую-либо часть, долю площади помещения по закону или соглашению между собственниками, а в случае спора – по судебному решению»¹.

¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) (постатейный) / Под ред. О.П. Садикова. М., 1997. С.89.

По мнению М. Пискуновой, такого объекта вещных прав как «земельная доля» не существует. Доля в праве – умозрительная, идеальная конструкция, призванная регулировать отношения, возникающие при поступлении в собственность нескольких лиц одной неделимой или неразделенной вещи – квартиры, дома, участка (п. 4 ст. 244 ГК РФ). Доли определяются в праве общей собственности (п. 2 ст. 244 ГК РФ), но не в самой неделимой вещи. Доля в праве и выражается в виде простой дроби и не может быть выражена в виде частей имущества (комнат, помещений, квадратных метров площади и т.п.). Напротив, часть недвижимости как индивидуально определенная вещь не может быть описана дробью². Если речь идет о доле, то объект недвижимости (например, земельный участок) принадлежит нескольким сособственникам с определением их долей в праве общей собственности. Если же речь идет о части объекта недвижимости, то субъекту права единолично принадлежит вещь – конкретная часть земельного участка определенной площади.

М. Пискунова определяет, что типичным примером смешения идеальной конструкции и реальной вещи стало введение в земельном законодательстве периода аграрной реформы понятия «земельная доля». Выраженная в сотках, гектарах и балло-гектарах земельная доля без выдела в натуре, на местности должна была при фактическом установлении коллективного землевладения создать иллюзию получения крестьянами реальных земельных наделов. Но это привело к столь серьезной правовой путанице, что в ст. 15 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 № 101-ФЗ (в ред. от 8 мая 2009 г.)³ потребовалось установить, что земельная доля – это доля в праве общей собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения. Хотя на самом деле положения данной статьи являются не новеллой земельного законодательства, а разъяснением, «переводом» понятий гражданского законодательства, которому должен соответствовать имущественный оборот всех объектов недвижимости, в том числе и земельных участков⁴.

Следует отметить, что понятие «земельная доля» и «земельный пай» идентичны. В ходе земельной реформы термин «доля» стал применяться преимущественно к земле, а «пай» – к имуществу.

В составе сельскохозяйственных предприятий России на 1 января 2001 года насчитывалось 11,9 млн. собственников земельных долей, на которых приходилось 117,6 млн. га сельскохозяйственных угодий. Средний размер земельной доли в РФ составлял 9,9 га⁵.

Таким образом, 90 процентов сельскохозяйственных угодий были поделены на условные земельные доли без определения их границ на местности с передачей земли в собственность граждан. Право на получение земельной доли в собственность получили работники сельскохозяйственной организации, пенсионеры этой организации, а также работники предприятий здравоохранения, культуры, быта, связи, торговли, питания, образования, расположенных на территории этой сельскохозяйственной организации. Пенсионеры – бывшие служащие предприятий социальной сферы на селе – прав на земельную долю не получили⁶.

Около 1,65 млн. «потенциальных собственников» фактически проигнорировали этот «дар», так и не оформив права собственности на земельные доли и, соответственно, не став фактическими (юридическими) собственниками. Из числа граждан, оформивших права собственности на землю, около 35% так и не решились, как эти земельные доли использовать и фактически не получают от них никакой пользы. То есть около 40% граждан, которые стали или могли бы стать собственниками земельных долей, ничего не выиграли от земельной собственности.

² Пискунова М. О делимости недвижимых вещей // Бизнес-адвокат. 2003. № 9. С.17.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3618.

⁴ Пискунова М. Указ. соч. С.17.

⁵ Ионов Ч.Х., Трухачев В.И., Рязанцев И.И. Земельный пай и становление частно собственности на землю. Монография. Ставрополь, 2004. С. 71.

⁶ Калинин Н.И., Удачин А.А. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (с измен. и доп.). Международная академия оценки и консалтинга, 2004. С. 43.

Это произошло по многим причинам, однако в основном из-за неинформированности граждан и, как следствие, непонимания возможностей практического использования этих долей, скрытого сопротивления руководства хозяйств, а также трудностями извлечения экономической выгоды из земельных долей⁷.

Важным показателем «полезности» земельной доли для населения является способ распоряжения земельной долей. Мало иметь свидетельство на земельную долю, надо еще и «пристроить» ее, чтобы соответствующая ей земля использовалась в сельскохозяйственном производстве. Именно от этого зависит прямой или косвенный доход, который может получить собственник⁸.

Правовая природа земельных долей как на всем протяжении реформы, так и по сей день, вызывает многочисленные научные дискуссии и неоднозначную судебную и арбитражную практику.

Так, О.И. Крассов определяет земельную долю как суррогат права собственности на землю, которая использовалась как средство приватизации земель сельскохозяйственного назначения в начале земельной реформы для упразднения колхозов и совхозов⁹. Он рассматривал земельную долю в виде «земельного ваучера». Право на земельную долю не может быть квалифицировано как право собственности на землю, пока эта доля не выделена на местности, а право на земельную долю – лишь право выдела вещи – земельного участка, т.е. обязательственное право.¹⁰ Его точку зрения поддерживает Е.В. Балашов. Он также считает, что земельная доля имеет обязательно-правовую природу¹¹.

На основе анализа положений законодательства, принятого в период аграрной реформы, А.Е. Черноморец приходит к убеждению, что по своей правовой природе земельную долю (пай) члена колхоза или работника совхоза нельзя отождествлять с самим правом собственности на приходящийся в счет этой доли конкретный земельный участок. Речь в данном случае идет об обязательственных, а не о вещных правоотношениях¹². Его точку зрения поддерживает и М.И. Козырь, отмечая, что правом собственности на пай, так же как и на все имущество хозяйства в целом, обладает колхоз, иной сельскохозяйственный кооператив, как юридическое лицо. Члены колхоза по поводу земельного и имущественного паев находятся с колхозом в обязательственных правоотношениях, но в случае выхода из колхоза работник становится собственником паев¹³.

Однако, по нашему мнению, указанный подход не отражает сущности земельной доли, т.к. она является объектом вещного, а не обязательственного права. Подтверждением этому служит норма ст. 15 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», определяющая земельную долю как долю в праве собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, а также документ, который выдается «потенциальному собственнику» при юридическом оформлении прав на земельную долю. Таким документом является «Свидетельство на право собственности на землю», выданное собственникам земельных долей до введения в действие ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Форма свидетельства была утверждена Указом Президента РФ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» от 29 октября 1993 г. № 210¹⁴. После вступления в силу указанного выше закона документом, удостоверяющим право собственности на землю, стало

⁷ Алакоз В.В., Васильев И.В., Киселев В.И. и др. Общая долевая собственность на землю. М., 2001. С. 62.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Крассов О.И. Комментарий к земельному кодексу Российской Федерации. М., 2002. С. 309.

¹⁰ Эта концепция легла в основу земельного законодательства Республики Казахстан. См.: Пресняков М.В. Особенности оборота долей в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения // Вестник СГАП. 2004. № 2. С. 100-101.

¹¹ Балашов Е.В. Правовое регулирование земельных долей в аграрной сфере экономики. Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа. 2003. С. 15.

¹² Черноморец А.Е. Право собственности в сельском хозяйстве РФ. М., 1993. С. 26.

¹³ Козырь М.И. Актуальные правовые проблемы развития сельскохозяйственных кооперативов в условиях проведения аграрной реформы // Сельскохозяйственная кооперация и право. 1998. № 2. С. 30.

¹⁴ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 44. Ст. 4191.

«свидетельство о государственной регистрации права на землю», форма которого была утверждена Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Правил ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 18 февраля 1998 г. № 219¹⁵.

ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и Федеральный закон «О землеустройстве» от 18 июля 2005 г. № 87-ФЗ (в ред. от 13 мая 2008 г.)¹⁶ существенно изменил возможности участника общей долевой собственности распорядиться своей долей. Если до внесения изменений сособственник вправе был распорядиться своей долей в любой предусмотренной законом форме без выделения доли в натуре, то ФЗ установил исчерпывающий перечень тех действий, которые сособственник вправе совершить в отношении принадлежащей ему доли без выделения земельного участка в счет земельной доли¹⁷: завещать свою земельную долю; внести ее в уставный (складочный) капитал сельскохозяйственной организации, использующей земельный участок, находящийся в долевой собственности; передать свою земельную долю в доверительное управление; продать или подарить ее другому участнику долевой собственности, а также сельскохозяйственной организации или гражданину-члену крестьянского (фермерского) хозяйства, использующим земельный участок, находящийся в долевой собственности (при этом, извещать других участников долевой собственности о намерении продать свою земельную долю не требуется).

Все иные действия, определяющие юридическую судьбу земельной доли, участник долевой собственности вправе совершать лишь после выделения земельного участка в натуре в счет земельной доли.

Ст. 13 Закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» предоставляет право участнику долевой собственности по своему усмотрению требовать выдела земельного участка в счет доли в праве общей собственности для создания либо расширения личного подсобного хозяйства или крестьянского фермерского хозяйства, а также для передачи земельного участка в аренду или распоряжения им иным образом. При этом участник долевой собственности не связан обязательством представлять какие-либо обоснования другим участникам долевой собственности о причинах, побудивших его это сделать, и сообщать им о способах последующего распоряжения своим земельным участком.

Выдел земельного участка в счет доли в праве общей собственности – это переход части земельного участка, находящегося в общей собственности, в собственность участника долевой собственности и прекращение для этого лица права на долю в общей собственности¹⁸.

Для этого участник долевой собственности должен письменно известить остальных участников долевой собственности о своем намерении выделить свою долю или сообщить об этом через средства массовой информации. В своем сообщении он обязан описать, где находится данный участок земли (предположительно), а также указать на необходимость направления в письменной форме возражений остальных участников долевой собственности относительно местоположения этого земельного участка.

Такое опубликование позволяет считать, что остальные участники общей собственности извещены о предстоящем выделе земельного участка в счет доли в праве общей собственности.

При отсутствии возражений относительно местоположения выделяемого в счет земельной доли земельного участка от участников долевой собственности в течение тридцати дней со дня надлежащего уведомления, предложение о местоположении такого земельного участка считается согласованным.

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 8. Ст. 963.

¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (часть 1). Ст. 3098.

¹⁷ Ильюшихин И. Комментарий к федеральному закону от 18 июля 2005 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и Федеральный закон «О землеустройстве» // Право и экономика. 2005. № 10, 11, 12.

¹⁸ Комментарий к Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (из книги «Комментарий к земельному законодательству Российской Федерации» // Рук. авт. коллектива М.В. Бархатов. М., 2002. С. 37.

В настоящее время законодательство, как уже отмечалось выше, не содержит ограничений относительно способов распоряжения земельными долями. Соответственно, земельной долей можно распорядиться так же, как и земельным участком, за исключением сдачи в аренду: в аренду можно сдать только земельный участок, а не идеальную долю; последняя должна быть выделена в натуральном выражении (на местности) для того, чтобы появилась возможность передать ее в аренду¹⁹.

Таким образом, Закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (ст.ст. 12-18) установил, что сделки с земельными долями осуществляются в соответствии с правилами ГК РФ, но с учетом особенностей, определенных этим законом.

К таким особенностям, в частности, относятся:

- 1) установление упрощенного порядка извещения участников долевой собственности о предстоящей продаже земельной доли (через средства массовой информации);
- 2) преимущественное право субъекта РФ или муниципального образования на покупку земельной доли, если другие участники долевой собственности откажутся от ее покупки;
- 3) принятие решений о порядке владения, пользования и распоряжения земельным участком, находящимся в долевой собственности, общим собранием участников долевой собственности, а не по соглашению всех ее участников. При этом общее собрание считается правомочным, если на нем присутствует не менее 20 процентов участников долевой собственности;
- 4) заявительная процедура выдела земельного участка в счет земельной доли;
- 5) признание юридической силы ранее выданных документов, удостоверяющих права на земельную долю;
- 6) изменение отношений договоров аренды земельных долей (в случае их несоответствия законодательству) на отношения договоров доверительного управления²⁰.

В настоящее время наиболее эффективной и прогрессивной формой распоряжения земельными долями является сдача их в аренду. Свыше 70% собственников земельных долей в Псковской, Орловской, Нижегородской, Белгородской, Саратовской, Ульяновской, Ростовской, Челябинской, Новосибирской областях, Ставропольском крае поступили именно так.

Однако там, где директорский корпус бывших колхозников и совхозников был силен и пользовался активной поддержкой региональных властей, основной формой распоряжения земельной долей было внесение ее в уставной капитал хозяйственного товарищества или общества. Так, в Ленинградской, Московской, Смоленской областях менее 5% земельных долей были сданы в аренду, однако в них существенно выше средне-российского уровня, составляющего 4,2%, доля земельных долей, внесенных в уставной капитал сельскохозяйственных организаций, а в Рязанской и Астраханской областях эта доля составила 46,5% и 58%²¹.

Причинами низкого уровня купли-продажи, мены, выделения земельных долей в натуре являются сложность, а также очень высокая стоимость оформления сделок.

В настоящее время аграрная реформа еще не завершилась, потому что участники долевой собственности не чувствуют себя хозяином. В этой связи необходимо постоянно вести информационно-разъяснительную работу среди собственников земельных долей по вопросам наиболее приемлемого варианта распоряжения земельной долей и помощи в документальном оформлении взаимоотношений при заключении договора на использование конкретной земельной доли.

Земельные доли, которые находятся в пределах земельных участков, являются объектом общей долевой собственности и представляют собой самостоятельный объект земельных прав²². Такого мнения придерживаются большинство ученых-правоведов (на-

¹⁹ Комментарий к Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (постатейный) / Под. ред. С.А. Боголюбова М., 2003. С. 51.

²⁰ Калинин Н.И., Удачин А.А. Указ. соч. С. 45.

²¹ Алакоз В.В., Васильев И.В., Киселев В.И. и др. Указ. соч. С. 64.

²² Дегтев А.В. Земля – объект земельных и гражданских правоотношений // Право и экономика. 2005. № 8. С. 19.

пример, С.А. Боголюбов, Ю.Г. Жариков, Е.А. Галиновская и др.)²³. Они считают, что норма ст. 6 ЗК РФ необходимо истолковывать расширительно, т.е. круг объектов земельных отношений шире, чем в ЗК РФ. Данный подход, как представляется, правильный. Однако, следует отметить, что земельные доли являются не только объектами земельных отношений. Они являются полноценными объектами и гражданских правоотношений, поскольку активно вовлекаются в гражданский оборот, посредством совершения различных сделок, правила совершения которых, содержатся, в основном, в ГК РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 № 101-ФЗ (в ред. от 8 мая 2009 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3618.
2. Федеральный закон РФ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и Федеральный закон «О землеустройстве» от 18 июля 2005 г. № 87-ФЗ (в ред. от 13 мая 2008 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (часть 1). Ст. 3098.
3. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 18 февраля 1998 г. № 219 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 8. Ст. 963.
4. Указ Президента РФ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» от 29 октября 1993 г. № 210 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 44. Ст. 4191.
5. Алакоз В.В., Васильев И.В., Киселев В.И. и др. Общая долевая собственность на землю. М., 2001. С. 62.
6. Балашов Е.В. Правовое регулирование земельных долей в аграрной сфере экономики. Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа. 2003. С. 15.
7. Галиновская Е.А., Жариков Ю.Г. и др. Комментарий действующего земельного законодательства РФ // Законодательство и экономика. 2001. № 4. С. 5-155.
8. Дегтев А.В. Земля – объект земельных и гражданских правоотношений // Право и экономика. 2005. № 8. С. 19.
9. Ильюшихин И. Комментарий к федеральному закону от 18 июля 2005 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и Федеральный закон «О землеустройстве» // Право и экономика. 2005. № 10, 11, 12.
10. Ионов Ч.Х., Трухачев В.И., Рязанцев И.И. Земельный пай и становление частной собственности на землю. Монография. Ставрополь, 2004. С. 71.
11. Калинин Н.И., Удачин А.А. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (с измен. и доп.). Международная академия оценки и консалтинга, 2004.
12. Козырь М.И. Актуальные правовые проблемы развития сельскохозяйственных кооперативов в условиях проведения аграрной реформы // Сельскохозяйственная кооперация и право. 1998. № 2. С. 30.
13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) (постатейный) / Под ред. О.П. Садикова. М., 1997. С. 89.
14. Комментарий к Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (из книги «Комментарий к земельному законодательству Российской Федерации» // Рук. авт. коллектива М.В. Бархатов. М., 2002. С. 37.
15. Комментарий к Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (постатейный) / Под. ред. С.А. Боголюбова М., 2003. С. 51.
16. Крассов О.И. Комментарий к земельному кодексу Российской Федерации. М., 2002. С. 309.
17. Пискунова М. О делимости недвижимых вещей // Бизнес-адвокат. 2003. № 9. С.17.
18. Пресняков М.В. Особенности оборота долей в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения // Вестник СГАП. 2004. № 2. С. 100-101.
19. Черноморец А.Е. Право собственности в сельском хозяйстве РФ. М., 1993. С. 26.

²³ Галиновская Е.А., Жариков Ю.Г. и др. Комментарий действующего земельного законодательства РФ // Законодательство и экономика. 2001. № 4. С. 5-155.

SHARES OF THE GROUND AREAS AS OBJECTS OF CIVIL RELATIONS

O. V. Kotareva

Belgorod State University

e-mail: Kotareva@bsu.edu.ru

Possibility of a share of the ground area to represent itself as object civil by involving in civil-law transactions is stated. The legal nature of a ground share in civil law is investigated. The rather-legal analysis of concepts «a ground area part» and «a ground area share» is carried out. It is defined that the ground share represents a share in the property right to the ground areas from the agricultural purpose earths. Ways of occurrence of the property right to ground shares are considered. The most effective and progressive forms of the order are investigated by ground shares.

Key words: object civil, a ground area share, the ground area, allocation the ground area, the transaction with a ground share.

ФОРМЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ

В. Л. Михайликов

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: MVL101978@mail.ru

Интеллектуальная собственность является объектом охраны во всем мире. В Российской Федерации, в условиях развития рыночных отношений, право на интеллектуальную собственность постепенно становится одним из самых конкурентоспособных товаров на внешнем и внутреннем рынке. В связи с этим возрастает актуальность формирования эффективного механизма правовой охраны интеллектуальной собственности. В статье исследуются основные положения, касающиеся защиты авторских прав на современном этапе развития правового государства. Дается подробная характеристика форм и способов защиты авторских прав, акцентируется внимание на специфике применения правовых норм в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: право, защита, охрана, автор, суд, самозащита.

Защита авторских и смежных прав и охраняемых законом интересов осуществляется в предусмотренном законом порядке, т.е. посредством применения надлежащей формы, средств и способов защиты.

Под защитой авторских и смежных прав понимается совокупность мер, направленных на восстановление и признание этих прав при их нарушении или оспаривании¹.

Следует проводить различие между такими понятиями, как охрана авторских прав и их защита. Под охраной понимается установление всей системы правовых норм, направленных на соблюдение прав авторов и их правопреемников. Тогда как защита – это совокупность мер, целью которых является восстановление и признание этих прав в случае их нарушения. Защите подлежат как нарушенные личные неимущественные, так и исключительные права.

Нарушение прав может произойти как в рамках авторского или иного договора, имеющего дело с творческим произведением или объектом смежного права, так и вне рамок заключенных договоров. Если нарушены условия договора о передаче авторских прав, применяются санкции, предусмотренные данным договором. При внедоговорном нарушении, а также тогда, когда в договоре не указаны конкретные санкции, потерпевший может воспользоваться теми мерами защиты, которые установлены действующим законодательством.

При этом следует иметь в виду, что когда речь идет о защите авторских прав, защищаются также права не только авторов, но и их правопреемников. Это обусловлено тем, что исключительные (имущественные) и личные (неимущественные) права авторов могут нарушаться как при жизни авторов, так и после их смерти. Кроме того, сами исключительные права авторов могут переходить другим лицам еще при жизни автора.

Нарушенные авторские права могут защищаться с помощью норм различных отраслей права. Однако основным способом защиты нарушенных авторских прав является применение норм гражданского права. Это обусловлено тем, что административная и уголовная ответственность предусмотрена не за все виды правонарушений в области авторского права. Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что авторское право является частью гражданского права. В этом случае защита осуществляется с помощью предъявления иска в суд.

В случае нарушения авторских прав государственными организациями возможен и административный порядок защиты, то есть путем обращения в вышестоящие органи-

¹ Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т.3. Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева (и др.); под. ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2009. 800 с.

защиты по отношению к организации-нарушителю. В данном случае речь идет об обращении авторов и их правопреемников в государственные органы, в ведении которых находятся учреждения, использующие произведения. Указанные органы могут осуществить защиту авторских прав и по собственной инициативе или по просьбе творческих союзов.

Большинство норм о защите интеллектуальных прав сосредоточено в гл. 69 ГК «Общие положения». В главе 70 ГК РФ, посвященной авторскому праву, имеется лишь ст. 1301, которая предусматривает единственный специальный вид ответственности – компенсацию за нарушение исключительного права на произведение. В соответствии с пунктом 3 статьи 1252 ГК РФ компенсация может взыскиваться вместо возмещения убытков по выбору правообладателя только в случаях, предусмотренных ГК РФ для отдельных видов интеллектуальной собственности. В настоящее время она предусмотрена в ГК в отношении произведений науки, литературы и искусства, а также в отношении товарных знаков и наименований места происхождения товаров.

Базой защиты исключительных прав как прав гражданских являются методы частного права. Использование методов публичного права – уголовного или административного – является дополнительным. Попытка их конструирования как самостоятельных обусловлена специальными интересами. Защита методами гражданского права направлена, прежде всего, на восстановление нарушенного права или на компенсацию, позволяющую произвести такое восстановление, в то время как борьба с нарушениями методами публичного права в основном направлена на профилактику и предотвращение нарушений в будущем.

Право на защиту нарушенных прав утрачивается, если обладатели авторских прав приобрели их с нарушением установленного законом порядка либо осуществляют их исключительно с намерением причинить вред другому лицу или допускают злоупотребление ими в иной форме. Так, например, суд может отказать в защите авторских прав тем из соавторов или наследников, которые не дают своего согласия на переиздание произведения, руководствуясь при этом исключительно желанием причинить вред другим соавторам или наследникам.²

Защита авторских и смежных прав и охраняемых законом интересов осуществляется в предусмотренном законом порядке, т.е. посредством применения надлежащей формы, средств и способов защиты.

Под формой защиты понимается комплекс внутренне согласованных организационных мероприятий по защите субъективных прав и охраняемых законом интересов. Различают две основные формы защиты – юрисдикционную и неюрисдикционную.

Юрисдикционная форма защиты есть деятельность уполномоченных государством органов по защите нарушенных или оспариваемых субъективных авторских и смежных прав. Эта форма защиты права интеллектуальной собственности является наиболее эффективной. Суть ее выражается в том, что «лицо, права и законные интересы которого нарушены неправомерными действиями, обращается за защитой к государственным или иным компетентным органам, например, в суд, в третейский суд, в вышестоящий орган и т.п., которые уполномочены принять необходимые меры для восстановления нарушенного права и пресечения правонарушения»³. В рамках юрисдикционной формы защиты, в свою очередь, выделяются общий и специальный порядки защиты нарушенных авторских и смежных прав. По общему правилу, защита авторских и смежных прав и охраняемых законом интересов осуществляется в судебном порядке. Основная масса авторско-правовых споров рассматривается районными, городскими, областными и иными судами общей компетенции. Если обоими участниками спорного правоотношения являются юридические лица, возникший между ними спор относится к подведомственности арбитражного суда. По соглашению участников авторского правоотношения спор между ними может быть передан на разрешение третейского суда. В качестве «средства судебной защиты авторских и смежных прав и охраняемых законом интересов выступает иск, т.е. обращенное к суду требование об отправлении правосудия, с одной стороны, и обращенное к ответчику материально-правовое требование о выполнении лежащей на нем

² Дозорцев А. Интеллектуальные права. - М., 2008. С. 416.

³ Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Ч. 4 / Под ред. О.Н. Садикова. - М., 2008. С. 105.

обязанности или о признании наличия или отсутствия правоотношения, с другой стороны»⁴. Судебный, или, как его еще называют, исковой порядок защиты применяется во всех случаях, кроме тех, которые прямо указаны в законе.

Дела о признании авторства рассматриваются в порядке особого производства, поскольку они относятся к делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение. При этом суд устанавливает факт авторства лишь при невозможности получения заявителем в ином порядке документов, удостоверяющих этот факт, либо при невозможности восстановления утраченных документов. Если было нарушено право на авторство, то автор может потребовать признания авторства путем совершения специальных действий. Например, такое признание может быть осуществлено с помощью специального сообщения в печати. В публикации о допущенном нарушении должно быть указано, где и когда было допущено нарушение и каким образом.

Неюрисдикционная форма защиты охватывает собой действия граждан и организаций по защите авторских и смежных прав и охраняемых законом интересов, которые совершаются ими самостоятельно, без обращения за помощью к государственным или иным компетентным органам. В рассматриваемой области спектр неюрисдикционных мер защиты достаточно узок и, по сути, сводится к возможности отказа совершать определенные действия в интересах неисправного контрагента: например, автор вправе отказаться от внесения в произведение изменений и дополнений, не предусмотренных авторским договором, либо от исполнения договора в целом в случае его недействительности⁵.

К неюрисдикционной форме защиты относится и самозащита прав. Не давая определения этого понятия, ГК РФ все же содержит требования к способам самозащиты (ст. 14 ГК РФ). Во-первых, эти способы должны быть соразмерны нарушению и, во-вторых, они не должны выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Наиболее распространенными примерами самозащиты прав являются действия, совершенные в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости.

Именно свойство универсальности и позволяет говорить о том, что самозащита действительно применима как в договорных, так и во внедоговорных отношениях.

Говоря о неюрисдикционной форме защиты прав, нельзя не упомянуть о мерах оперативного воздействия. По мнению Э.П. Гаврилова, эти меры имеют правоохранительный характер. Он проявляется в том, что, во-первых, оперативные меры применяются исключительно в связи с фактом нарушения контрагентом договорных обязательств, который по времени непременно должен предшествовать применению названных мер, и, во-вторых, «применение управомоченным лицом данных мер в значительной степени направлено на устранение возможных убытков в будущем»⁶.

Меры оперативного воздействия можно определить как предусмотренные законом и (или) соглашением сторон юридические средства правоохранительного характера, которые при наличии нарушения обязательства (иногда угрозы его нарушения) применяются к должнику самим управомоченным лицом как стороной договорного правоотношения без обращения к компетентным государственным органам за защитой своего нарушенного права. Таким образом, меры оперативного воздействия имеют следующие отличия от самозащиты:

- являются действиями юридического, а не фактического характера;
- они применяются при условии, что это предусмотрено в законе и (или) договоре сторон;
- при использовании оперативных мер лицо, их применяющее, не должно оценивать ни наличие вины контрагента в нарушении тех или иных обязательств по договору, ни свои действия, с точки зрения их соответствия соразмерности нарушения, как это надлежит делать в случае самозащиты.

⁴ Сенников Н.Л. Об ответственности в праве интеллектуальной собственности // Российский судья. - 2008. № 2. С. 19-21.

⁵ Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т.3 /Е.Н.Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева (и др.); под. ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2009. – 800.

⁶ Гаврилов Э. П. Защита авторских прав // Российская юстиция. 2007. № 10. С. 43.

Особым образом регулируются охрана и защита прав российских авторов при использовании созданных ими произведений за рубежом. Авторское право имеет территориальный принцип охраны. Это значит, что произведение российского автора, созданное и обнародованное на территории России, будет охраняться на территории другой страны только в том случае, если эта страна является участницей соответствующего международного соглашения. Охрана предоставляется в соответствии с нормами национального законодательства.

Следует отметить, что некоторые страны предоставляют правовую охрану независимо от того, является ли автор гражданином страны-участницы международных соглашений (иногда действует принцип взаимности: одно государство охраняет произведения авторов другого государства, если последнее предоставляло охрану авторам-граждан этого государства).

По нашему мнению, наибольшую практическую значимость и эффективность среди названных форм защиты имеет гражданско-правовая защита авторских прав, реализуемая в рамках юрисдикционной формы. Она обеспечивается применением предусмотренных законом способов защиты. Большая роль в регулировании вопросов защиты авторских прав, на наш взгляд, должна отводиться правоохранительным органам. Во многих странах мира, в органах полиции и прокуратуры существуют специальные отделы, которые занимаются только вопросами охраны интеллектуальной собственности, что позволяет более эффективно защищать нарушенные права граждан в рассматриваемой сфере.

Список литературы

1. Комментарий к Гражданскому Кодексу РФ. Ч. 4 / Под ред. О.Н. Садикова. – М., 2008. С. 105.
2. Сенников Н.Л. Об ответственности в праве интеллектуальной собственности // Российский судья. – 2008. № 2. С. 19-21.
3. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т.3 /Е.Н.Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева (и др.); под. Ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2009. – 800.
4. Вайпан, В.А., Любимов, А.П. Новое регулирование охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности: / В.А. Вайпан, А.П. Любимов // Право и экономика. – 2008. – № 2.
5. Гаврилов Э. П. Защита авторских прав // Российская юстиция. – 2007.- № 10. С. 43.
6. Дозорцев А. Интеллектуальные права. – М., 2008. С. 416.

DEFENCE FORMS OF COPYRIGHTS

The intellectual property is an object of protection all over the world. In the Russian Federation, in conditions of development of market relations, the right on the intellectual property gradually becomes one of the most competitive goods on external and home market. In this connection the urgency of forming of the effective mechanism grows in legal protection of the intellectual property. This article investigates the basic regulations concerning copyrights defence at the present stage of development of a lawful state. The author of the article gives the detailed characteristic of forms and defence ways of copyrights, and pays attention to specific applications of law rules in examined sphere.

V. L. Mihajlikov

Belgorod State University

e-mail: MVL101978@mail.ru

Key words: law/right, defence, protection, the author, court, self-defence.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 2-426

ПРОБЛЕМА ТЕОДИЦЕИ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Г. В. Валеева*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н.Толстого**e-mail: philos.tula@yandex.ru*

Статья посвящена изучению проблемы теодицеи в русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв. В статье рассматриваются категории “добро” и “зло”, смысл и бессмысленность мира, Абсолют, а так же своеобразие учений о теодицеи русских религиозных философов в различной терминологии. Большое внимание уделяется антиномичности мира, который существует в двух противоположных, но в то же время неразрывных планах. Главной антиномией теодицеи является вопрос о существовании зла в обществе, о мере ответственности за зло человека и способах его преодоления. Специфичной чертой монистического мировоззрения русских философов является лишение зла онтологического статуса, наличие религиозной идеи всеобщего спасения и переход теодицеи в антроподицею.

Ключевые слова: теодицея, добро и зло, мировое зло, оправдание бога, грех, свобода выбора, антроподицея.

Проблема теодицеи (от греч. theos – Бог и dike – справедливость) – оправдание Бога¹, это попытка примирить существование зла и несовершенства в мире с благостью, премудростью, всемогуществом и правосудием Творца. В теодицее сконцентрированы узловые вопросы человеческого бытия и его взаимоотношения с миром – вопросы добра и зла, страдания, искушения, свободы личности, соотнесения смысла жизни отдельного человека со смыслом бытия мира, меры ответственности человека и Бога за существующее зло и многие другие. При этом дополнительную сложность проблеме придает то, что каждое из данных понятий является предельно общим обозначением фундаментальных явлений и характеристик бытия и имеет разнообразные оттенки в толковании.

В русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX вв. термин “теодицея” обозначал религиозно-философские учения, стремящиеся согласовать идеи благого и разумного божественного управления миром с наличием мирового зла, и оправдать это управление вопреки существованию темных сторон бытия.

---

¹ Термин “теодицея” – “оправдание Бога” – введен Г.В. Лейбницем (1646–1716) в трактате “Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла” (1710), где философ предпринимает попытку согласовать “идею благого и разумного управления миром с наличием мирового зла” и доказать с помощью различных логических построений, что существующий мир является наилучшим из всех возможных миров.

“Религиозная философия предполагает соединение теоретического и практического разума, достижение целостности в познании. Это есть познание совокупностью духовных сил, а не одним разумом. Русская религиозная философия особенно настаивает на том, что философское познание есть познание целостным духом, в котором разум соединяется с волей и чувством, и в котором нет рационалистической рассеченности”.² Поэтому, опыт теодицеи русских религиозных философов, опирающихся на конкретные исторические условия – это опыт постижения зла в совершенно конкретном обществе, с одной стороны. С другой стороны, представление о теодицеи – это пример глубокого философского обобщения перспектив развития человечества в контексте противостояния явлений добра и зла. А категории, составляющие теодицею, несут в себе не только общечеловеческие смысловые оттенки, но и отражают национальный менталитет.

Проблема теодицеи, явления добра и зла в мире, страдания человека, искупления вины и наказания волновали величайших мыслителей с древних времен. Особенный интерес проявлялся в периоды общественных кризисов и катаклизмов. Свидетельство тому, основные вехи осмысления проблемы в истории философии и, в частности, усиленное внимание религиозных философов конца XIX начала XX века. Результатом этого явилось значительное количество философских трудов, посвященных данной проблеме: Бердяев Н.А. “Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого”, “О назначении человека”, “Из размышлений о теодицеи”, “О свободе и теодицеи”; Лосский Н.О. “Условия абсолютного добра”, “Бог и мировое зло. Опыт теодицеи”; Соловьев В.С. “Оправдание добра: нравственная философия”; Трубецкой Е.Н. “Смысл жизни”; Франк С.Л. “Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии”, “С нами Бог. Три размышления”, “Смысл жизни”; Флоренский П.А. “Столп и утверждение православной истины. Опыт православной теодицеи”; Ильин И.А. “О сопротивлении злу силой”.

Главным предметом исследования проблемы теодицеи являются такие ключевые понятия как: добро и зло, справедливость и наказание, грех и добродетель, смысл и бессмысленность человеческой жизни, мира, страдание и искупление, смерть и бессмертие, свобода и ответственность. Мыслители определяют содержание этих понятий, выявляют диалектическую связь между ними, обозначают центральные вопросы теодицеи. Каждый из философов представляет свое видение проблемы, выстраивает свою теодицею.

Категории добро и зло являются ядром теодицеи. Как считает И.А. Ильин, зло – это не отвлеченное понятие, не результат субъективной оценки, не логическая возможность. Это, прежде всего, “живущее в нашей душе страстное тяготение к разнузданности, к разгулу дурных страстей, что ведет к духовному распаду личности, распаду духовного ее “костяка”. Примерами внутреннего зла могут служить агрессия в любых ее формах, ненависть, жесточение, своенравие, эгоизм, всякое отвращение от Божественного. Настоящее местонахождение зла (как и добра) – душевно-духовный мир человека”.³ Опасность непротивления злу И.А. Ильин видит в том (и с философом можно согласиться), что это непротивление можно понять как приятие зла, т.е. допущение его в себя и предоставление ему свободы. Пока в душе человека живо хотя бы смутное неодобрение зла, он ему еще сопротивляется. Но если всякое сопротивление злу полностью отсутствует, то рано или поздно в человеке возобладает его одобрение. И если зло это противодуховная вражда, то добро, утверждает И.А. Ильин, это одухотворенная любовь. Добро по своей природе религиозно, так как оно заключается в духовно зрячей и целостной преданности Божественному.

Зло есть обратная сторона добра. Добро не является добром по отношению к чему-нибудь; оно не есть высшее благо, нечто сравнительное, а простая позитивность. Личность не является ни доброй и не злой. Ее этическая сущность состоит, скорее в том, чтобы быть одинаково способной на добро и зло. Этически ценным (добрым) поступком является поступок того, кто предпочел добро злу. Добрым или злым является лишь человек, как целенаправленно действующее существо, имеющее в своем распоряжении свободу выбора определенного действия в определенной ситуации.

² Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX - н. XX в. Судьба России. - М., 1997. С. 183

³ Ильин И.А. О сопротивлении злу силой - М.: Республика, 1995. С. 19

Как считает В.С. Соловьев: “Зло — в широком смысле этот термин относится ко всему, что получает от нас отрицательную оценку, или порицается нами с какой-нибудь стороны; в этом смысле и ложь, и безобразие подходят под понятие зла. В более тесном смысле зло обозначает страдания живых существ и нарушения ими нравственного порядка”⁴.

Человек сталкивается с тремя видами зла. “Моральное зло, физическое зло и несправедливость миропорядка и невинность страдания. Моральное зло (грех) — не представляет собой цель, и не является средством, для достижения какой-либо цели. Физическое зло (страдания, боль) — так же не представляет собой цель, но может быть оправдано, как средство достижения конкретной цели. Наконец, третий вид зла — несправедливость миропорядка — заключается в несоответствии между моральным и физическим злом”.⁵ С одной стороны, с точки зрения совершенной гармонии миропорядка и высшей справедливости каждый поступок должен получить свое воздаяние, каждый грех должен быть наказан, за преступлением должна следовать расплата. Чем порочнее человек, чем большего страдания он заслуживает. Но с другой стороны, в нашем мире чаще всего страдают невинные, а виновные, напротив, живут в свое удовольствие. Этот вид зла является свидетельством торжества зла и реальной победе зла над добром.

Русский религиозный философ, Н.А. Бердяев, связывает проблему оправдания Бога со смыслом истории. В работе “Философия свободы”, в главе “Происхождение зла и смысл истории”, Бердяев констатирует факт увлеченности человечеством идеей прогресса и обнаруживает “пагубность” и “суетность” данной идеи: “Каждое поколение съедается поколением последующим, уваживает своими трупами почву для цветения молодой жизни”⁶. Как отмечает философ, понять мир, его творение и смысл его истории — значит оправдать Бога за наличное зло, особенно за зло греха, как начала мировой истории. Следовательно, мировая история является историей греха. Это предполагает ее движение по мере искушения этого греха к концу истории, который есть, поэтому, обязательный, смыслообразующий элемент истории. Бердяев говорит о некоем ощущении “какого-то страшного преступления”, свойственном всему живому, и что “все в этом преступлении участвовали и за него ответственны”⁷. Отметим, что опираться на такой шаткий аргумент трудно, и потому-то философ еще раз повторяет о необходимости признания первогреха и как результата его — зла, иначе пропадает смысл истории: “Если бы не было зла, поражающего наш мир, то человечество довольствовалось бы природным миром. Природный мир, свободный от всякого зла и страданий, стал бы единственным божеством для человека. Если бы не было зла и порожденного им горя, то не было бы и потребности избавления”⁸.

Грех, по Бердяеву, произошел в результате самоутверждения твари, в результате отпадения от Бога Мировой души, проявившей свою свободу воли. В результате, мировое зло предстает в трех обликах:

- 1) “зло есть отпадение от абсолютного бытия, совершенное актом свободы”
- 2) “зло есть творение, обоготворившее себя”
- 3) “зло есть нарушение иерархической соподчиненности”⁹.

Основным источником зла философ считает первое определение зла как отпадение от абсолютного бытия. Здесь акцентируется момент, связанный с самоутверждением твари, которое есть основная причина зла и состоит “в призрачном, ложном самоутверждении, в духовной гордости, полагающей источник жизни не в Боге, а в самости, в самом себе”¹⁰.

В труде “Экзистенциальная диалектика человеческого и божественного” Бердяев отдельно рассматривает феномен человеческого страдания: “Я страдаю, значит, я существую”¹¹. Но страдание является как бы трансцендирующим моментом бытия, прича-

⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия — М., 1988. С. 8.

⁵ Назаров В.Н. Введение в теологию — М.:Гардарика, 2004. С. 36.

⁶ Бердяев Н.А. Философия свободы — М., 2007. С. 115.

⁷ Там же С. 119.

⁸ Там же. С. 162.

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Там же. С. 164.

¹¹ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. — М., 2005. С. 394.

щающим к Мировой скорби, заставляющей почувствовать в страдании единство всего мира и даже Бога, который вынужден принять страдание. Как считает сам Бердяев, идея о страдании Бога в какой-то степени снимает вопрос о теодицее. Тут же Бердяев отвергает свои идеи о страдании как наказании за грехи и приходит к мысли, что есть не только бессилие человека перед злом, но есть еще и “бессилие и самого Бога как Творящей силы”¹². Тем не менее, своеобразным представляется новое доказательство бытия Бога, выдвинутое Бердяевым, – существованием зла. Вопрос о зле может стоять только в рамках религиозной системы. Без апелляции к религиозным понятиям и представлениям (особенно христианским) вообще невозможно говорить о каком-либо зле. В противном случае зло истончается, превращаясь в безликий факт, в природную необходимость.

Н.О. Лосский, к проблеме теодицее подходит через категории добро и зло. Это позволяет признавать и чувствовать, что одно заслуживает одобрения и достойного существования, а другое заслуживает порицания и недостойного существования. Однако, имея дело со сложным содержанием жизни, легко впасть в ошибку и не заметить зла, замаскированного примесью к нему добра, или не оценить добра, которое не лишено недостатков. Чтобы не совершить ошибку Лосский предлагает утвердить своеобразную “абсолютно совершенную и всеобъемлющую” меру добра, которая станет основой для всех остальных оценок. Таким высшим добром он называет Бога. “Бог есть само Добро во всеобъемлющем значении этого слова: Он есть сама истина, сама Красота, Нравственное Добро, Жизнь и т.д. Таким образом, Бог, и именно каждое лицо пресвятой Троицы, есть Всеобъемлющая абсолютная самооценочность”¹³. В работе “Бог и мировое зло” Н.О.Лосский утверждает: “Мир лежит во зле”.¹⁴ Философ ставит перед собой задачу дать ответ на вопрос, как возможно, чтобы Бог, будучи Всемогущим, Всеблагим и Всеведущим, сотворил мир, в котором совершается так много зла, как возможно, чтобы тем не менее Бог ни в какой мере не был причиной, творящей зло.

Лосский, рассматривая вопрос о сотворении мира, говорит о том, что Бог создал мир из “ничто” и не для себя, а для тварных существ, которые должны быть “действительными личностями”. Действительная личность характеризуется тем, что она осознает абсолютные ценности, к которым Лосский относит истину, нравственность, добро, свободу, красоту и, наконец, бога и руководствоваться ими в жизни. Но в жизни существуют и другие ценности – относительные. В отношении одних, такие ценности – добро, в отношении других – зло.

В философии Н.О. Лосского присутствует нематериальный, бессмертный, неделимый субстанциональный деятель, сотворенный богом, обладающий “сверхкачественной творческой деятельностью”, личным индивидуальным бессмертием и полной свободой деятельности. Субстанциональный деятель создается богом, но это пока не действительная личность, а лишь ее потенция. Действительная личность есть существо, свободно, сознательно и самостоятельно использующее свои силы, хотя бы отчасти, для осознания абсолютных ценностей и руководствующееся ими в своей жизни. Тварное существо должно самостоятельно и свободно использовать свои богом созданные свойства, чтобы оказаться действительной личностью. Если бы бог создал такую личность, то это вступило бы в противоречие со свободой ее воли. В зависимости от того, избирает человек абсолютные или относительные ценности, он принадлежит либо Царству божью, в котором процветают абсолютные ценности, либо Царству греха, населенному грешными эгоистическими существами, отпавшими от бога. Бог предвидел, что они изберут неправильный путь и обрекут себя на более или менее длительный процесс восхождения к Царству божью.

Многие тварные деятели неправильно использовали свою свободу и осуществили действительность зла. Мы сами создали свою несовершенную жизнь, мы сами – виновники зла и все страдания, испытываемые нами, есть печальное, но заслуженное нами следствие нашей вины. По словам Лосского, он выработал теорию свободной воли, опровергающую детерминизм и обстоятельно объясняющую, почему сотворенные богом существа могут быть только свободными деятелями.

¹² Там же. С. 400.

¹³ Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1994. С. 344.

¹⁴ Там же. С. 3.

Отвечая, на вопрос, почему Бог создал такой мир в котором может появиться зло, Лосский отвечает так: выбора создавать мировые существа свободными или несвободными у Бога не было. Он доказал, что мир, как бытие, сотворенное Богом или отличное от Бога может состоять только из существ, наделенных творческою силою, т.е. свободных. Таким образом, у Бога был выбор только между двумя путями: не создавать мир вообще, или создать мир, в котором возможно возникновение зла. И Бог, как существо всемогущие и всеблагое создал этот мир.

Созвучным с теодицеей Н.О. Лосского является творчество Ф.М. Достоевского. Достоевский отрицает, что зло необходимо для того, чтобы в природе была полная гармония или же для того, что посредством зла можно прийти к подлинному знанию о добре. Он исходит из того, что Бог не может быть причиной зла. Основная мысль классика русской литературы заключается в том, что источником зла может быть только свободный человек. “Ведь когда человек свободен, он несет непосредственную ответственность за совершенные им поступки. Ни в коем случае нельзя оправдывать преступления влиянием внешней среды и общества, потому что, принимая всерьез такое оправдание, с человека снимается всякая ответственность за его деятельность. Таким образом, согласно взглядам Достоевского, человек свободен, он может сам выбирать между добром и злом. Только он хозяин своего выбора, никто не может на него повлиять”¹⁵.

В произведении "Братья Карамазовы" появляется мысль о том, что без зла скучно было бы на земле. Только зло заставляет мир двигаться. Тем не менее, следуя логике мышления Достоевского, можно с уверенностью сказать о том, что творческий потенциал человека исключительно направлен на осуществления добра. Высшее проявление личности может быть только в творческой деятельности. Поэтому каждый человек, реализуя заложенные в него Богом возможности, может стать выразителем доброго начала в человеческой природе. Достоевский склонен верить в то, что у людей достаточно сил и желания, чтобы направить свою свободную волю исключительно на добрые поступки. Он полагает, что по своей сути зло слишком ничтожно, чтобы человеку оно могло нравиться, в конечном счете, оно вызовет разочарование у всех. Таким образом, Достоевский говорит о том, что человек может и должен рано или поздно прийти к добру, но только самостоятельно, без всякого принуждения. Извне человека нельзя сделать добрым и счастливым. Он должен стать выразителем всего лучшего, что было вложено в него Богом, изнутри своего существа. Испытывая страдания, человек не должен терять веру в то, что только Бог – Творец мира, и мира такого, в котором изначально не было заложено зла.

Также как и у Ф.М. Достоевского, в представлениях Н.О. Лосского личность, сконцентрированная непосредственно на себе, не может стать носителем положительных ценностей, так как она в таком состоянии воплощает нравственное зло. Когда личность выходит за пределы своего личного бытия и становится ближе к другим, только тогда появляются зачатки воплощения божественной жизни на земле. Отпадение от Бога есть отказ от выполнения своего предназначения, что по сути своей греховно. У Лосского тоже зло начинается со свободы человека. Все мировые катастрофы и борьбу за существование он объясняет себялюбием “деятелей”, которые созданы как существа сверхвременные и сверхпространственные и наделены огромнейшей творческой силой. Зло начинается тогда, когда их силы уходят на путь себялюбия и на путь отпадения от Бога. А они могут все вместе осуществить абсолютную полноту жизни не только для себя в отдельности, но и для всего мира посредством любви к Богу и друг другу. Лосский, также как и Достоевский, верит в перспективу победы добра, потому что зло все же неабсолютно и всемогуще. Взглянув на бедствия, причиной которых является существующее зло, люди все-таки должны отдать предпочтение высоким моральным ценностям и благим делам.

Попытку философского осмысления теодицеи предпринял Е.Н. Трубецкой. В труде “Смысл жизни” философ со всей отчетливостью и антиномичностью поставил проблему теодицеи. Главное противоречие теодицеи Трубецкого заключается в следующем: “с одной стороны искомый нами смысл мысли и смысл жизни есть всеединство; с другой стороны, сам факт нашего искания доказывает, что в нашей мысли и в нашей жизни нет

¹⁵ Лосский Н.О. Ценность и бытие. – М., 2000. С. 106.

этого всеединства, нет этого смысла”¹⁶. Таким образом, корень проблемы теодицеи заключается в противоречии, связанном с реальным существованием самого мира. Если Бог есть абсолют, понимаемый Трубецким прежде всего как абсолютное и всеединое сознание, то как Он может быть ограничен существованием тварного мира, существование которого зависимо от творца и, стало быть, не всецело действительно. Реальность этого “другого мира” Е.Н. Трубецкой обосновывает исходя из положения о всецелой полноте бытия всеединого: “если оно вообще есть, то есть воистину, а, следовательно, если есть некое “другое”, сомневающееся, “реальность грезящегося сознания”¹⁷, то само это уже доказывает реальность “другого”, так как в абсолютном и всеедином не может быть обмана.

Как считает Трубецкой, источник религиозных сомнений заключается не в страдании и не в несовершенстве, а в наличии греха, под которым понимается отдельное существование от Бога. Зло вводится именно через эту оппозицию твари и Творца. Но если Бог существует, существует “всеединое” бытие, по выражению Трубецкого, то как может что-то не быть единым с ним? Оппозиция Творца и твари двусмысленна: с одной стороны она вводит возможность, а значит, и необходимость греха, а, с другой стороны, она объединяет Творца и тварь суверенным актом свободы. Этот акт является атрибутом одновременно обеих “природ”, связывает божественное, и человеческое бытие.

Трубецкой указывает три противоречивых варианта теодицеи:

1) “греховная свобода нарушает Божий замысел о твари», но в таком случае «где же полнота божественного всемогущества?»

2) “грех твари включается в божий замысел о мире, но тогда бог является виновником зла”

3) “грех возникает помимо этого замысла, но тогда божественное всемогущество ограничено извне силой другого, злого начала”¹⁸.

По мнению Трубецкого, свобода дана человеку для того, чтобы он мог стать другом, соратником Бога. Без свободного волеизъявления человек не мог бы осуществить идеал дружбы-любви, благодаря которому снимается противоречие между тварью и творцом. “Условием возможности дружества между богом и человеком, – пишет Трубецкой, – является возможность самоопределения с обеих сторон – стало быть, и возможность выбора со стороны человека”¹⁹. Но если человеку даруется свобода, то рано или поздно он все равно согрешит. Трубецкой отчасти понимает это, поэтому признает, что попустив свободу твари и самоограничив свою божественную полноту, Бог допустил не только возможность зла, но и самую его действительность. Единственная возможность для Бога избежать вины, по его мнению, состоит в возложении ответственности за зло на тварь. Как показывает Трубецкой, христианство отвечает на этот довод учением о будущем всеобщем спасении.

Подводя итог своей теодицеи, Е.Н. Трубецкой ответил на важнейший для него вопрос: “Свобода твари, определившийся ко злу, не в состоянии нарушить полноту божественной жизни, потому что она не в состоянии произвести из себя ничего субстанционального, существенного, она рождает только пустые призраки”²⁰.

Своеобразную и парадоксальную трактовку проблемы теодицеи разрабатывает русский религиозный философ С.Л. Франк. Данную проблему он рассматривает как непостижимое.

Бытие как мир Франк рассматривает как “некое темное “покрывало” – нечто по своей природе иное, чем Бог сам, – именно нечто внутренне неосмысленное, безличное, чисто “фактическое”, что именно и конституирует существо “мирского” бытия”²¹. “Непостижимое” говорит о том, что есть то, что не постижимо, в этом смысле непостижимое есть знак самого себя. Это и есть “покрывало”, отсылающее дальше, за себя, за свою “безличную фактичность”. “Эта чистая безличная фактичность в ее индифферент-

¹⁶ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М., 2005. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 93.

¹⁸ Там же. С. 109.

¹⁹ Там же. С. 111.

²⁰ Там же. С. 129.

²¹ Франк С.Л. Непостижимое. – М., 2007. С. 468.

ности к “правде” и “ценности”, как мы видели, сама есть некий дефект бытия, некое зло. И эта индифферентность и неосмысленность мира дает в нем простор для господства всяческого зла”²². Таким образом, Франк выстраивает своеобразное пространство зла – это пространство тварного мира.

Наличие же зла не влияет на истину о существовании Бога, потому что реальность Бога более самоочевидна, чем реальность фактов; это есть реальность Бога как Всемогущего и Всемилостивого. Отсюда следует, что связь между Богом и, так сказать, плохим эмпирическим миром антиномична, трансрациональна и самоочевидна только как непостижимое. Иными словами, “проблема теодицеи абсолютно неразрешима рационально, и, по существу, неразрешима в принципе. Объяснить зло – значит найти его основание, его смысл, т. е. оправдать его. Но это противоречит самой сущности зла, как тому, чему не следовало быть”²³.

Кто виноват, что существует зло? Отвечая на этот вопрос, Франк отказывается объяснить происхождение зла свободой выбора, ибо выбор уже предполагает существование зла. Таким образом, существует антиномия между нашей собственной ответственностью за зло, с одной стороны, и силой зла, воздействующего на нас, с другой стороны. Ответственность за зло ложится на тот первоначальный элемент реальности, который, хотя и в Боге (ибо все, без исключения, пребывает в Боге), не есть сам Бог или нечто ему противоположное. Зло возникает из невыразимого хаоса, который находится как бы на рубеже между Богом и не Богом. Этот хаос дан мне как мое собственное я, как бездонная глубина, которая соединяет меня с Богом и вместе с тем отделяет меня от него. Вот почему осознается вина в грехе и за зло; это осознание ведет к преодолению и устранению зла путем восстановления нарушенного единства с Богом. Без страдания, – говорит Франк, – нет совершенства; есть страдание у самого Бога, у Богочеловека. Но отпадение от бытия, т. е. от Бога, и раскол всеединства существуют только в нашем человеческом аспекте. В божественном аспекте всеединство остается навсегда ненарушенным, ибо все его трещины немедленно наполняются положительным бытием, вытекающим из самого первоначального источника. В аспекте своей вечности Бог есть все во всем. Несмотря на все проблемы зла, мир в своей конечной основе и сущности есть преображенное бытие – Царствие Божие. Таким образом, Франк делает вывод: “всякое решение проблемы теодицеи есть, таким образом, сознательно или бессознательно отрицание зла как зла – неосуществимая и неправомерная попытка воспринять или понять зло как добро, мнимо увидеть смысл того, самое существо чего есть бессмысленность”²⁴.

Рассмотрим теодицею и антроподицию²⁵ П.А. Флоренского, которые должны были составить две области, каждая по-своему выражающая мистическую связь Бога и человека. Водной из ранних работ “Догматизм и догматика” Флоренский дает определения теодицеи и антроподицеи: теодицея понимается как “восхождение человека до Бога”, антроподицея – “нисхождение Бога к человечеству”²⁶. Позже, в речи “Разум и диалектика”, прочитанной перед защитой магистерской диссертации, теодицея трактуется как “восхищение нас к Богу” (“восхождение благодати в нас к Богу”), а антроподицея как “нисхождение Бога к нам” (“нисхождение благодати в наши недра”)²⁷. Мистическое отношение человека с Богом теперь мыслится на основе Божественной благодати; именно здесь необходимо искать ответ на основной вопрос антроподицеи: “какими путями человек принимает Божие спасение в себя и спасается своим Спасителем?”²⁸. Иначе говоря, антроподицея должно нести в себе идеи о категориях духовного сознания и об откровении Божиим в Священном Писании; о священных обрядах и о святых таинствах; о Церкви и ее

²² Там же. С. 468.

²³ Франк С. Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. – М., 1998. С. 139.

²⁴ Франк С.Л. Непостижимое. – М., 2007. С. 472.

²⁵ Антроподицея (греч.- человек и справедливость, букв, оправдание человека) содержание некоторых религиозно-философских учений, пытающихся объяснить противоречие между боготворением, богоподобием человека и наличием несовершенства и зла в нем и от него, доказывающих ценность существования и смысла человеческой жизни, выявляющих пути исправления человека.

²⁶ Флоренский П.А. Сочинения.: В 4 т. – М., 1999. Т. 1. С. 551.

²⁷ Флоренский П.А. Сочинения.: В 4 т. – М., 1999. Т. 2. С. 133.

²⁸ Там же. С. 133.

природе, о церковном искусстве и церковной науке и т. д. Все это должно заключаться в центральный вопрос антропологии – христологический, т. е. вопрос учения о Христе. Однако в поздних произведениях П.А. Флоренского смысл и направленность антропологии претерпели существенные изменения и были расширены в сторону философской и религиозной антропологии. Тем не менее, теодицея и антроподицея – "два пути религии". На первом пути человек пытается с помощью разума удостовериться в спасительности данных религии о Боге, а на втором – он испытывает себя, усматривает свое несоответствие правде Божией и идет путем очищения. Оба пути, согласно Флоренскому, теодицея, как путь вверх, восхождение нас к Богу и антроподицея как путь вниз, как нисхождение Бога к нам, – совершается энергией Божией в человеческой среде. Оправдание человека у Флоренского осуществляется в трех направлениях:

- 1) в строении (сущности) человека и его истинном пути
- 2) в освящении человека (соединение Божественной и человеческой энергий в молитве, иконе, кресте и др.)
- 3) в деятельности человека, когда сакральная (культовая, литургическая) деятельность освящает науку, философию, искусство, хозяйство.

В работе "У водоразделов мысли" Флоренский исходит из того, что "семь чувств... суть семь метафизических осей самого мира" и "микрокосм есть малый образ макрокосма"²⁹. Поэтому зрительное восприятие представляет собой как бы откровение, а воспринимаемое слухом – проникновение души вещи в душу слушающего человека. Кроме того, человека нужно "дедуцировать" из его идеи (т. е. из органического единства всех его органов и проявлений, из общей цели всего, что ни есть в человеке). Он критикует иллюзорную, чисто рассудочную деятельность, не считающуюся с реальностью, связывая ее с "возрожденским мирочувствием", которое перемещает человека в онтологическую пустоту, где господствует схематизм в словесности, отсутствует ощущение мировой реальности" и целостности личности человека. В свойственном этому мирочувствию научном мировоззрении теряется основной масштаб – масштаб самого человека. Однако Флоренский верит, что русло жизни пойдет помимо того, что считалось... заветным сокровищем цивилизации.

В. С. Соловьёв не употреблял термин "антроподицея", но рассуждал об оправдании добра. Вопрос о смысле жизни занимает центральное место в его философии и прослеживается в ряде сочинений ("Духовные основы жизни", "Оправдание добра" и др.). Для Соловьёва характерно убеждение, что земная жизнь человека, неизбежно завершающаяся смертью, может быть оправдана только в качестве вечной жизни, и только христианство, с его верой в распятого и воскресшего Господа Иисуса Христа, является залогом вечной жизни и спасения. В работе "Духовные основы жизни" Соловьёв рассматривает человека как сотворенного по образу и подобию Божию, связывает понимание истины жизни отдельного человека с Истиной всеединой, церковной, а в словах Иисуса Христа: "Я есмь путь, истина и жизнь" – видит непосредственное указание на онтологическое устройство самой человеческой жизни, ее цель и свободу, ее божественное предназначение и оправдание. Таким образом, у В.С. Соловьёва оправдание человека определяется прежде всего тем, что каждый человек своей сущностью коренится божественном мире и может избрать путь обожения, путь к Богочеловеку.

Теодицея в русской религиозной философии – учение, вновь поставившее вопрос о добре и зле в мире, о преобразовании общества посредством преобразования человеком своего внутреннего мира. Особенность теодицеи заключается в том, что все учения о проблеме представлены опосредовано через категории "Бог", "добро" и "зло". Теодицея в русской религиозной мысли встраивается в контекст всего этического учения и онтологического дискурса.

Исследования проблемы теодицеи русских религиозных философов имеют ряд общих черт: признание антиномичности мира, который существует в двух противоположных, но неразрывных планах; интерпретация человека как ответственной персоны за зло, но несущей в себе образ Бога. Своеобразие учений отечественных мыслителей заключается в различной терминологии и акцентах. Главный вопрос теодицеи о существо-

²⁹ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – М., 2008. С. 147.

вании зла в мире, о мере ответственности за зло человека и способах его преодоления. Характерной чертой мировоззрения русских философов является лишение зла онтологического статуса, наличие религиозной идеи всеобщего спасения и трансформации теодицеи в антроподицею.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX – н. XX в. Судьба России. – М., 1997.
2. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой – М.: Республика, 1995.
3. Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия – М., 1988.
4. Назаров В.Н. Введение в теологию – М.:Гардарика, 2004.
5. Бердяев Н.А. Философия свободы – М., 2007.
6. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. –М., 2005.
7. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.:Республика, 1994.
8. Лосский Н.О.Ценность и бытие. – М., 2000.
9. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М., 2005.
10. Франк С.Л. Непостижимое. – М., 2007.
11. Франк С. Л.Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. – М., 1998.
12. Флоренский П.А. Сочинения в 4-х томах. – М., 1999.
13. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – М., 2008.

THE PROBLEM OF THE THEODICY OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

G. V. Valeeva

*Tula State
L. Tolstoy Pedagogical
University*

e-mail: philos.tula@yandex.ru

The article is devoted to the investigation of the problem of the theodicy of Russian religious philosophy of the end of XIX – beginning of XX centuries. The categories of good and evil, the sense and senselessness of the world, the Absolute, the originality of theodicy doctrines of Russian religious philosophers in the various terminology are considered in the article. A great attention is paid to the nature of the contradictory world which exists in two opposite, but at the same time indissoluble plans. The main theodicy antinomy is the question the on existence of the evil in the society, about the measure of the responsibility for the harm of the person and the ways of its overcoming. The specific feature of the Russian philosophers' monistic world outlook is the deprivation of the evil of its ontological status, the presence of the religious idea of the general rescue and the transition of the theodicy into the antropodicy.

Key words: theodicy, good and evil, the world evil, the justification of the God, the sin, the freedom in choosing, antropodicy.

УДК 316.346.32

КОНФЛИКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СОБСТВЕННИКОВ И РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ПРИВАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В результате проведенной приватизации на 1 октября 2009 года доля предприятий частной формы собственности в России составляет 83,9¹%. Одновременно в российском обществе получили развитие различные виды социальных конфликтов.

С точки зрения автора самыми мощными социальными конфликтами, порожденными приватизацией собственности, являются конфликты между новыми собственниками и работниками предприятий. В настоящее время такие конфликты не просто существуют, а идет открытое противостояние сторон, что подтверждается недавними событиями в г. Пикалево Ленинградской области.

Большинство подобных фактов искусственно замалчивается и не афишируется в средствах массовой информации. Официальные же данные не отражают истинного состояния проблемы, поскольку Росстат регистрирует только забастовки, которые являются законными с точки зрения трудового законодательства РФ. Несанкционированных стачек и пикетов намного больше.

Конфликты, порожденные трансформацией собственности, не сошли на нет, а искусственное замалчивание ситуации с надеждой на самостоятельное угасание и разрешение социальных конфликтов вряд ли способно исправить ситуацию.

Ключевые слова: Приватизация, Конфликты, Частная собственность, Работники предприятий.

А. В. Горохов

*Финансовая Академия
при Правительстве РФ*

e-mail: andrilen7@yandex.ru

Непосредственно, перед анализом заявленной темы, хотелось бы отметить, что конфликт собственников и работников приватизированных предприятий в России, как социальная проблема, требующая серьезного осмысления, не возникла одномоментно, а имеет глубокую природу и достаточно длительный процесс своего формирования.

Социальные конфликты собственников и работников всегда находятся рядом и сопутствуют развитию института частной собственности, тем более, когда он заменяет ранее доминировавший институт госсобственности. В России, согласно данным Росстата, на 1 октября 2009 года доля предприятий частной формы собственности в России составила 83,9%. Следует напомнить, что еще в 1991 году перед проведением активной фазы приватизации, эта доля была всего 4,2%². В частном секторе экономики трудятся более 39 млн. человек или более 57,3 % от общего числа занятого населения России³.

На основании изложенных данных можно утверждать, что в настоящий момент Россия является страной с преобладающей формой частной собственности и давно имеет все предпосылки для развития социальных конфликтов, присущих этой форме собственности, в т.ч. между новыми собственниками и работниками приватизированных предприятий.

Если рассматривать социальные конфликты, порожденные российской приватизацией, то основные противоречия, которые сложились в результате столкновения интересов в российском обществе, по мнению автора можно объединить в четыре большие группы:

¹ Социально-экономическое положение России – 2009 (ежемесячный обзор) [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/bo9_01/Main.htm.

² Анализ процессов приватизации государственной собственности в РФ за период 1993-2003 годы: Экспертно-аналитическое мероприятие / Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты РФ; Рук. рабочей группы С.В. Степашин.-М.: Олита, 2004. – 232 с.

³ Россия в цифрах – 2009 г. – М.: Росстат, 2009. – 525 с.

- Конфликты собственников и работников приватизированных предприятий.
- Конфликты государства и собственников приватизированных предприятий.
- Конфликты между собственниками приватизированных предприятий.
- Конфликт государства и населения, пострадавшего от приватизации.

С точки зрения автора самыми сильными конфликтами, порожденными приватизацией собственности, являются конфликты первой группы – конфликты между новыми собственниками и работниками предприятий.

Приватизация, как явление, характеризовалась построением качественно новых отношений между работодателем и работниками приватизированного предприятия. С одной стороны – в результате приватизации собственности у нового собственника (работодателя) возникает меркантильный, экономический интерес, связанный с желанием получить максимальную прибыль при наименьших издержках. С другой стороны – желание работников сохранить свой достаток, свое рабочее место, социальные гарантии, возможность с уверенностью смотреть в будущее. Эти требования абсолютно обоснованы. В то же время никто не отрицает, что одним из отрицательных результатов приватизации стало изменение правового положения наемных работников. Система защиты прав работников на приватизированных предприятиях до сих пор остается несовершенной и оставляет много возможностей для злоупотреблений. Многочисленные нарушения законодательства по охране труда и безопасности производства, управление безопасностью на производстве практически утрачены.

В 2004 году по официальной оценке аудиторов Счетной палаты РФ, в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим требованиям, в промышленности было занято 3,7 млн. человек⁴. Мало что изменилось к настоящему времени. Согласно данным Роспотребнадзора РФ⁵ «последовательно возрастает число случаев профзаболеваний, зарегистрированных на предприятиях с частной формой собственности, удельный вес которых составил в 2008 г. – 68,9 %, в 2007 г. – 55,6 %».

Зарождение конфликтов между новыми крупными собственниками предприятий и работниками предприятий совпадает с периодом проведения активной фазы приватизации 1992-1999 гг. В результате приватизации, а по-народному – «прихватизации», новые владельцы получили в свои руки значительные материальные и финансовые ресурсы, а работники приватизированных предприятий зачастую либо ничего не ощутили от проведенных реформ, либо попросту были уволены и оставлены без средств существования⁶.

Наличие конфликтов, порожденных и получивших развитие в результате приватизации российской собственности, полностью подтверждается данными социологического исследования, проведенного автором⁷. На вопрос – «Как Вы считаете, имеется ли конфликт между новыми собственниками и работниками приватизированных предприятий?», абсолютное большинство респондентов (86,4%) отметили, что такой конфликт имеется (табл. 1).

Таблица 1

Мнение граждан о наличии конфликта между новыми собственниками и работниками приватизированных предприятий (в % опрошенных)

Нет никакого конфликта	13,7
Имеется, но в скрытой форме	64,7
Имеется открытый конфликт, но искусственно замалчивается и не освещается СМИ	21,7
ИТОГО	100,0

⁴ Анализ процессов приватизации государственной собственности в РФ за период 1993-2003 годы: Экспертно-аналитическое мероприятие /Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты РФ; Рук. рабочей группы С.В.Степашин.-М.: Олита, 2004. – 232 с.

⁵ О санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации в 2008 году: Государственный доклад.—М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2009.—467 с.

⁶ Макарова С. Кто противостоял прихватизации? /С. Макарова // Пенсионер и общество. – 2007. – № 6 [85].

⁷ Горохов А.В. Приватизация и ее социальные последствия (период 10.06.06 -01.08.06): Социологическое исследование /А.В. Горохов, Науч. рук. профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав.кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ Г.Г. Силласте.

Данные авторского исследования подтвердили высокий уровень социальной конфликтности⁸ отношений между работодателями – собственниками приватизируемых предприятий и наемными работниками.

Более одной пятой (21,7%) опрошенных считают, что конфликт не просто существует, а идет открытое противостояние сторон. Однако в связи с нежеланием властей «будоражить народные массы» подобные конфликты искусственно замалчиваются и не афишируются в средствах массовой информации, которые в настоящее время, по большей части вернулись и находятся под контролем государства, либо подвержены влиянию административного ресурса.

Респондентам, указавшим на наличие конфликтов собственников предприятий и наемными рабочими, был предложен вопрос, касающийся причин возникновения таких конфликтов (табл. 2). Можно было выбрать несколько вариантов ответов.

Таблица 2

Шкала оценок основных причин конфликтов между новыми собственниками и работниками приватизированных предприятий (в % опрошенных)

Место по шкале	Мотивация возможных конфликтов	
1	Пренебрежение новых собственников интересами работников	51,8
2	Произвол в установлении размера заработной платы	44,6
3	Несоблюдение социальных льгот и гарантий работников, в т.ч. по вопросам болезни и отдыха	43,0
4	Полная зависимость от воли собственника в вопросах труда и увольнения персонала	42,2
5	Несовершенство законодательства, позволяющее собственникам ущемлять (ограничивать) права работников	36,9
6	Эксплуатация работников «на износ»	30,5
7	Общее недовольство несправедливостью распределения общегосударственной собственности	23,3
8	Если другое – допишите	2,4

Как видим, ведущими мотивами конфликтов (от 52% до 43 %) являются:

- пренебрежение интересами работников приватизируемых предприятий;
- произвол в установлении размера заработной платы;
- несоблюдение социальных льгот и гарантий работников;

Очевидно, что новые собственники, стремясь к получению дополнительных доходов от своей деятельности, благополучие собственных работников ставят далеко не на первое место. Не вызывает сомнений факт, что приватизация общероссийской собственности проходила в отрыве от гарантий основных социальных прав и гарантий работников приватизируемых предприятий.

Неослабевающей остается конфронтация собственников и наемных работников. Распространено устойчивое мнение, что конфликты новых собственников и работников, несогласных с итогами приватизации своих предприятий и действиями новых хозяев, носили и носят латентный характер и быстро затухают, не имея какого-либо серьезного продолжения⁹. Однако, как бы это ни казалось странным, такие конфликты часто проявлялись и продолжают проявляться в открытой форме, путем проведения несанкционированных забастовок.

⁸ Конфликтогенность социальная – интегративный социологический показатель распространения последствий проявившегося конфликта, приводящего к усилению социальной напряженности / Г.Г. Силласте, Экономическая социология: Учебное пособие / Г.Г. Силласте.–М.:Гардарики, 2005. – 383 с.

⁹ Егоров М. Триумф работодателя. В 2007 году в стране, оказывается, не прошло ни одной законной забастовки / М.Егоров // Независимая газета.-2008. – 19 марта.

Официальные данные не отражают истинного состояния проблемы. Если открыть справочник Росстата – никакой видимой борьбы трудящихся не обнаруживается. Согласно Росстату, в год в России происходит максимум четыре забастовки¹⁰. При этом нужно учитывать одну особенность, – регистрируются только те забастовки, которые признаются законными с точки зрения трудового законодательства РФ. Несанкционированных забастовок и пикетов намного больше, но, несмотря на их массовость, их никто не регистрирует.

То что, конфликты подобного рода возникли одновременно с началом российской приватизации и не утихают до настоящего времени, можно проследить на примере одной из самых прибыльных и успешных отраслей российской экономики – нефтегазовой промышленности, где по логике, никаких конфликтов быть не должно, либо они должны быть минимальными и носить локальный характер¹¹. Изложенные факты не нашли широкой огласки и какого-либо открытого обсуждения в средствах массовой информации, но в своих регионах имели мощную силу открытых социальных конфликтов. Стоит также отметить что, что приведенные акции протеста имели место в период относительного благополучия и стабильного роста на мировых нефтяных рынках. В настоящее время (2009 год), когда речь идет о мировом финансовом и экономическом кризисе, ситуация может стать неконтролируемой.

В подтверждение незатухающего конфликта собственников и работников, обратимся к примеру самого последнего времени. Пикалёво – малый город в Ленинградской области. Здесь размещены три крупнейших предприятия: «Пикалёвский глинозёмный завод», «Пикалёвский цемент» и «Метаким», которые связаны единой технологической цепью. 2 июня 2009 г. около пятисот разгневанных рабочих города перекрыли автодорогу, проходящую через город. В результате демонстрации, которую побоялась разгонять милиция, образовалась гигантская 400-километровая пробка. Рабочие протестовали против закрытия трех основных заводов маленького городка с населением 23 тысячи жителей, из которых 4 тысячи потеряли работу в начале года и не получали заработную плату в течение нескольких месяцев¹². Все, как во времена хаоса 1990-х годов. Отметим, что, со-

¹⁰ Россия в цифрах – 2009 г.-М.: Росстат, 2009. – 525 с.

¹¹ Минаев М. Как бастовали российские нефтяники /М. Минаев // Коммерсант. – 2006. – 14 августа. – № 148/П. (№ 3479).

15 февраля 1992 года рабочие "Коминнефти" в Усинске начали снижение добычи и поставок потребителям. Они выступили с ультиматумом к Правительству РФ, требуя решения социальных проблем и помощи нефтяным предприятиям региона, оказавшимся на грани банкротства. Акция прекратилась 19 мая только после принятия властями мер по улучшению положения нефтяников.

22 ноября 1993 года началась забастовка рабочих нефтегазового комплекса Надымского района ЯНАО (АО "Роснефтегазстрой"). Акцию спровоцировала полугодовая невыплата зарплаты. 2 декабря после получения обещаний Правительства выплатить долги забастовка прекратилась.

27 октября 1998 года 300 представителей 11 нефтекомпаний из 23 регионов, объединенных «Нефтегазстройпрофсоюзом», пикетировали Белый дом. После кризиса и ухода Правительства Сергея Кириенко пикет перенесли. В октябре нефтяники ограничились требованиями погасить 3,5 млрд руб. долга по зарплате. Реакции Правительства не последовало.

21 ноября 2003 года 20 рабочих ЗАО "Нижневартовская буровая компания" в городе Югра начали забастовку и объявили голодовку. Их требования включали погашение годовой задолженности по зарплате в размере 10 млн руб. Забастовка прекратилась 24 ноября после начала погашения долга.

С 24 июня 2005 года в городе Мегион Ханты-Мансийского АО проходили митинги рабочих "Славнефть-Мегионнефтегаза" с требованием увеличения зарплаты и улучшения условий жизни. Руководство компании принять их отказалось, последовавший 9 марта 2006 года митинг остался без ответа.

16 июля 2006 года на площади г. Сургута собралось несколько тысяч недовольных. Забастовка работников ОАО «Сургутнефтегаз» началась, не взирая на препоны администрации. Основное требование работников ОАО «Сургутнефтегаз» - повышение гарантированной части оплаты труда. В результате Компания «Сургутнефтегаз» начала внутреннюю реформу.

Нужно отметить, что приведенные акции протеста имели место в период относительного благополучия и стабильного роста на мировых нефтяных рынках. В настоящее время (2009 год), когда речь идет о мировом экономическом кризисе, ситуация может стать неконтролируемой.

¹² По состоянию на 1 октября 2009 года официальная просроченная непогашенная задолженность в России по заработной плате составляет общую сумму – 5, 081 млрд.руб. Просроченная задолженность по заработной плате: Справочный Бюллетень Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/zzp1m.htm.

гласно исследованию ВЦИОМ от 21 июня 2009 года, россияне единодушно признали жителей Пикалево жертвами сложившейся ситуации и одобрили их действия (93%)¹³.

Прибывший премьер-министр, В.Путин, решил вмешаться и «отчитал» виновных в конфликте руководителей заводов; в первую очередь, «алюминиевого короля» О. Дерипаску (самого богатого россиянина 2008 года по версии журнала Форбс¹⁴). На совещании В.Путин в жесткой форме предупредил, что заводы будут национализированы, если в течение трех месяцев ситуация не нормализуется¹⁵. Опыт Пикалево теперь перенимают директора других заводов. Так, руководитель крупнейшего строительного предприятия Республики Алтай «Магистраль» в июле 2009 также призвал своих рабочих перекрыть федеральную трассу и объявить голодовку из-за отсутствия работы¹⁶.

Вышеперечисленные факты лишь подтверждают неослабевающую конфронтацию собственников и наемных работников. Социальные конфликты, порожденные приватизацией, продолжают до настоящего времени. Зачастую, они скрыты, протекают в неявной форме, часто недоступны для окружающих. Государство не заинтересовано в гласности достоверной статистики, регистрируя только те забастовки, которые проводятся в полном соответствии с Трудовым законодательством.

Для Российского общества, его социальной стабильности, массовые социальные конфликты не могут принести позитивных результатов – ни в политическом, ни в экономическом, ни тем более в социальном отношении. Однако искусственное замалчивание ситуации с надеждой на самостоятельное угасание и саморазрешение социального конфликта вряд ли способно исправить ситуацию.

Для их разрешения необходимо: оперативное вмешательство государства и профсоюзов; резкое повышение ответственности новых собственников, вплоть до передачи в юрисдикцию государства тех предприятий, на которых возникают массовые социальные конфликты. Зачастую, конфликты возникают лишь по вине заботящихся о своей прибыли российских собственников, которые управление социальными отношениями в трудовых коллективах подменяют управлением собственными доходами.

Список литературы

1. Социально-экономическое положение России – 2009 (ежемесячный обзор) [Электронный ресурс] /Федеральная служба государственной статистики Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_01/Main.htm.
2. Анализ процессов приватизации государственной собственности в РФ за период 1993-2003 годы: Экспертно-аналитическое мероприятие / Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты РФ; Рук. рабочей группы С.В. Степашин. – М.: Олита, 2004. – 232 с.
3. Россия в цифрах – 2009 г.-М.: Росстат, 2009. – 525 с.
4. О санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации в 2008 году: Государственный доклад.— М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2009. – 467 с.
5. Макарова С. Кто противостоял приватизации? /С.Макарова //Пенсионер и общество.- 2007. – № 6 [85].
6. Горохов А.В. Приватизация и ее социальные последствия (период 10.06.06 -01.08.06): Социологическое исследование /А.В.Горохов, Науч. рук. профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав.кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ Г.Г. Силласте.
7. Силласте Г.Г. Экономическая социология: Учебное пособие / Г.Г.Силласте. – М.: Гардарики, 2005. – 383 с.

¹³ Конфликт в Пикалево: причины, виновники и последствия: Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения № 1257 от 30.06.2009 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12055.html?no_cache=1&Hash=2068ca4478

¹⁴ По версии журнала Forbes («Золотая сотня» Forbes-2009 //Forbes.-2009.-Май.-№ 5) самый богатый россиянин и в американской, и в российской версиях - Олег Дерипаска (\$28,6 млрд)

¹⁵ Путин объединяет и национализировать заводы в Пикалеве [Электронный ресурс] /Деловой Петербург, 3 июня 2009 г. Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2009/06/03/Putin_obedinjaet_i_nacion<http://dp.ru/>

¹⁶ Ищенко Н. Директор вместе с рабочими выйдет на дорогу [Электронный ресурс] / Н.Ищенко /Портал деловых новостей ВФМ.Ru 30 июня 2009 г. Режим доступа: <http://pda.bfm.ru/articles/2009/06/30/altajskoe-pikalevo.html>

8. Егоров М. Триумф работодателя. В 2007 году в стране, оказывается, не прошло ни одной законной забастовки /М.Егоров //Независимая газета. – 2008. – 19 марта.
9. Минаев М. Как бастовали российские нефтяники / М. Минаев // Коммерсант. – 2006. – 14 августа. – № 148/П (№ 3479).
10. Просроченная задолженность по заработной плате: Справочный бюллетень Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/zpr1m.htm.
11. Конфликт в Пикалево: причины, виновники и последствия: Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения № 1257 от 30.06.2009 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/12055.html?no_cache=1&cHash=2068ca4478.
12. «Золотая сотня» Forbes-2009 //Forbes. – 2009. – Май. – № 5.
13. Путин объединяет и национализировать заводы в Пикалеве [Электронный ресурс] /Деловой Петербург, 3 июня 2009 г. Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2009/06/03/Putin_obedinjaet_i_nacionhttp://dp.ru/.
14. Ищенко Н. Директор вместе с рабочими выйдет на дорогу [Электронный ресурс] / Н. Ищенко / Портал деловых новостей BFM.Ru 30 июня 2009 г. Режим доступа: <http://pda.bfm.ru/articles/2009/06/30/altajskoe-pikalevo.html>.

CONFLICTS OF SOCIAL INTERESTS OF OWNERS AND COMPANY EMPLOYEES AS A RESULT OF RUSSIAN PROPERTY PRIVATIZATION

As of October 1, 2009 and following the privatization process share of privately owned enterprises accounted for 83,9%. Concurrently the Russian society revealed different forms of social conflicts.

The author believes that the most dramatic conflicts led to by the privatization are those between the new owners and workers/ employees. Not only are such conflicts visible, but they represent a straightforward confrontation, as it can be evidenced from the recent developments in Pikalevo (Leningradki area).

Most such precedents are artificially muffled and veiled by the mass media. Official data does not show the true situation since the Russian State Statistics Committee (Rosstat) only records strikes that are perceived to be legitimate under the acting Russian labor law. Actual precedents of unauthorized strikes and pickets are significantly more.

Conflicts bred by property remake have not faded away, while artificial muting with an aspiration that things will get sorted out by themselves is not likely to settle the situation.

Key workds: Privatization, Conflicts, Private Property, Employees.

A. V. Gorokhov

*Finance Academy
under the Government
of the Russian Federation*

e-mail: andrilen7@yandex.ru

УДК 008.45

УПРАВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ РЫНКА ТРУДА И РЫНКА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А. А. Горяйнов¹⁾
И. Н. Кищенко²⁾

*Белгородский
Государственный
университет*

*e-mail:
Goryainov@bsu.edu.ru*

В статье на примере Белгородской области рассматриваются актуальные проблемы управления взаимодействием региональных рынков труда и образования в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

Ключевые слова: региональный рынок труда, региональный рынок образования, мировой кризис, кадровая политика, управления, социальные службы, безработица.

Мировой финансово-экономический кризис отразился, прежде всего, на производительном индустриальном секторе государственных экономик, так как широкомасштабная финансовая поддержка, предпринятая правительствами различных государств в отношении смягчения кризисных ударов, была в основном (исключение составил, наверное, только Китай) направлена на спасение и поддержку банков, страховых компаний и крупных промышленных гигантов национального масштаба (типа ВАЗ, Опель и др.). Мелкий и средний бизнес, а также простые граждане были предоставлены сами себе.

Особенно сильно эти процессы проявились в России. Это сказалось в ощутимом ударе по промышленной и бюджетной сферам экономики, в обвальном распаде малого и среднего бизнеса, и, как следствие, привело к массовой безработице.

Разумеется, основное сокращение рабочих мест произошло в сфере промышленной. Как и во всем мире, пострадали крупные металлургические, автомобилестроительные гиганты. Пострадала в условиях мирового кризиса и российская бюджетная сфера. Особенно сфера образования, которая получила фактически несколько ударов. Во-первых, в самый разгар кризиса был осуществлен переход на новую систему оплаты труда преподавателей, которая ничего ни реально, ни номинально не изменила, а фактически снизила жизненный уровень большинства работников этой сферы. Во-вторых, в это время начался провал демографический, который привел к снижению уровня платных услуг в сфере образования. И, наконец, руководство оказалось в плену стереотипов прежних лет в подготовке кадров для рынка труда и занятости населения, ориентируясь на «модные» специальности, являющиеся продуктом симулятивных маркетинговых и рекламных технологий.

Но наиболее ощутимо у нас пострадал малый бизнес, так как он и до этого не имел поддержки со стороны государства, а теперь был предоставлен полностью самому себе. Банки, получив финансовые ресурсы на поддержку мелкого предпринимательства, фактически повели себя как безумные хищники, взвинтив процентные ставки и залоговые условия на небывалую высоту. Малый бизнес не только не смог обеспечить занятость увольняемых трудовых ресурсов из промышленной и бюджетной сфер, молодых людей, выброшенных на рынок труда в результате непродуманного предоставления образовательных услуг нашими вузами, но и сам свернулся, наподобие шагреновой кожи, еще больше усложнив ситуацию на рынке труда с безработицей.

Негативное влияние мирового финансово-экономического кризиса в 2009 году отрицательно сказалось на итоговых показателях социально-экономического развития Белгородской области, но в целом не смогло повлиять на его положительную динамику.

По оценке департамента экономического развития области в 2009 году объем валового регионального продукта (ВРП) в текущих основных ценах составит 306,1 млрд. рублей, что, в сопоставимых ценах, соответствует уровню 2008 года.

Индекс промышленного производства в 2009 году по сравнению с 2008 годом составил 105,1%, в том числе по видам экономической деятельности: "добыча полезных ископаемых" – 88,2%, "обрабатывающие производства" – 110,4%, "производство и распределение электроэнергии, газа и воды" – 96,6%.

По расчетам, в 2009 году всеми товаропроизводителями (включая хозяйства населения и фермеров) реализовано на убой (в живой массе) 923,5 тыс. тонн скота и птицы, или 127,2% к уровню 2008 года.

Объем работ, выполненных по виду деятельности "строительство", в 2009 году составил 27154 млн. рублей, или 69,8% к уровню 2008 года (в сопоставимых ценах). В 2009 году сдано в эксплуатацию 1097,3 тыс.м² жилья, что составляет 98,7% к уровню ввода 2008 года.

Объем перевозок грузов, выполненный транспортными организациями области в 2009 году, снизился по сравнению с 2008 годом на 3,4% и составил 44,6 млн. тонн, в том числе на железнодорожном транспорте перевозки снизились на 5,1%, на автомобильном – увеличились на 9,2%. Грузооборот организаций транспорта в 2009 году составил 11,5 млрд. тонно-километров и снизился по сравнению с 2008 годом на 14,5%, в том числе грузооборот железнодорожного транспорта сократился на 19,3%, автомобильного возрос на 39,2%. Пассажиروоборот транспорта общего пользования снизился на 13,7%, в том числе железнодорожного – на 20,4%, автобусного – на 6,1%.

Оборот розничной торговли в 2009 году составил 125594,4 млн. рублей, что в товарной массе составляет 100,8% к уровню 2008 года.

Объем платных услуг населению области в 2009 году составил 37900,2 млн. рублей, что на 10,2% больше, чем в 2008 году.

Сводный индекс потребительских цен на товары и услуги в декабре 2009 года составил 100,4%, в том числе: на платные услуги – 100,1%, на продовольственные товары – 100,5%, на непродовольственные товары – 100,6%.

В январе-ноябре 2009 года положительный финансовый результат крупных и средних организаций области составил 15,1 млрд. рублей (в январе-ноябре 2008 года – 73,5 млрд. рублей).

В январе-ноябре 2009 года 68% организаций области получили прибыль в объеме 22,2 млрд. рублей. Удельный вес прибыльных организаций снизился относительно января-ноября 2008 года на 12,5 процентных пункта, сумма полученной прибыли – на 70,7%. С отрицательным финансовым результатом одиннадцать месяцев отчетного года закончили 176 организаций области (32%).

Средняя номинальная заработная плата, начисленная работникам в ноябре 2009 года, по полному кругу организаций, без выплат социального характера, сложилась в размере 14454,8 рубля и по сравнению с ноябрем 2008 года увеличилась на 6,0%. Размер начисленной реальной средней заработной платы (рост заработной платы, скорректированный с учетом изменения сводного индекса потребительских цен) в ноябре 2009 года по сравнению с октябрём 2009 года уменьшился на 0,5%, с ноябрём 2008 года – на 2,5%.

По сведениям организаций (без субъектов малого предпринимательства) на 1 января 2010 года просроченная задолженность по заработной плате по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности составила 22,2 млн. рублей. В общем объеме просроченной задолженности по заработной плате на обрабатывающие производства приходится 71,1% от общей задолженности, на сельское хозяйство – 12,8%, на транспорт – 11,6%. Задолженность по заработной плате на 1 января 2010 года имела перед 908 работниками.

Величина прожиточного минимума в области в среднем на душу населения в IV квартале 2009 года составила 4172 рубля, для трудоспособного населения – 4480 рублей.

В январе-ноябре 2009г. по сравнению с январем-ноябрём 2008г. естественная убыль населения снизилась в области на 587 человек и составила 4700 человек. Коэффициент естественной убыли населения снизился на 10,5% и составил за январь-ноябрь 2009г. 3,4 против 3,8 в январе-ноябре 2008г.

Миграционный прирост населения составил за январь-ноябрь 2009 года 9443 человека, что на 905 человек, или на 8,7% меньше, чем за январь-ноябрь 2008 года. Сложившийся миграционный прирост в 2 раза превысил естественную убыль населения.

В общей численности занятого населения области в ноябре 2009 года 404,4 тыс. человек составляли штатные работники крупных и средних организаций (без учета совместителей). На условиях совместительства и по договорам гражданско-правового характера для работы в этих организациях привлекалось еще 19,2 тыс. человек. Число замещенных рабочих мест работниками списочного состава, совместителями и лицами, выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера, в организациях (без субъектов малого предпринимательства) в ноябре 2009 года составило 423,6 тыс. человек и было меньше, чем в ноябре 2008 года на 2,5%.

В январе–сентябре 2009 года в крупные и средние предприятия и организации области было принято на работу 83,6 тыс. человек, или 77,0 % к уровню предыдущего года. Выбыло по различным причинам 90,1 тыс. человек, или 89,8% к соответствующему периоду предыдущего года. Наблюдалось отрицательное сальдо ротации работников – число выбывших на 6,5 тыс. человек превышало число принятых.

Согласно спискам, поданным в органы службы занятости населения, в январе – декабре 2009 года из предприятий и организаций всех форм собственности было высвобождено в связи с сокращением численности штата 9906 человек, что на 3387 человек больше, чем в 2008 году. По сравнению с 2008 годом произошли некоторые структурные изменения высвобожденных – доля женщин в общем числе снизилась с 54,3% до 49,1%; доля мужчин увеличилась с 45,7 % до 50,9%; увеличилась доля молодых людей – с 9,9% до 12,0% и доля граждан с квалификацией рабочего – с 62,0% до 64,2%; доля специалистов и служащих сократилась с 38,0% до 35,8%.

По данным Белгородстата численность работников списочного состава в крупных и средних предприятиях и организациях области, работавших неполное рабочее время по инициативе администрации в январе – сентябре 2009 года составила 37,2 тыс. человек, что в 3 раза больше, чем в соответствующем периоде прошлого года; численность работников, имевших вынужденные административные отпуска – 7,6 тыс. человек (195,8% к соответствующему периоду 2008 года). Наиболее заметно эти явления проявились на предприятиях сельского хозяйства, обрабатывающих производств, транспорта и связи, а также, занятых добычей полезных ископаемых, производством и распределением электроэнергии, газа и воды, в строительных организациях.

В области действует 10869 малых предприятий, на которых трудятся 67,5 тыс. человек. Численность работников списочного состава (без внешних совместителей) составила 51,1 тыс. человек (91,3% от всех работавших на малых предприятиях). На условиях вторичной занятости было привлечено 4,9 тыс. человек, в том числе к работе по совместительству – 3 тыс. человек (5,4% от всех работающих на малых предприятиях) и по договорам гражданско-правового характера увеличилась 1,9 тыс. человек (3,3%).

По сравнению с 2008 годом численность работников списочного состава малых предприятий сократилась на 10,2%, привлеченных на условиях совместительства возросла на 13,1%, работавших по договорам гражданско-правового характера – на 19,3%.

Существенную роль для развития экономики региона играют малые предприятия с численностью работников от 16 до 100 человек включительно. По состоянию на 1 октября 2009 года в сравнении с прошлым годом их число сократилось вдвое и составило 2063 единицы (в 2008 году – 4007 единиц).

По-прежнему наиболее привлекательной для малого бизнеса является сфера торговли и ремонта автотранспортных средств, где сосредоточено 607 предприятий, или 29,4%; строительством занимались 426 предприятий, или 20,7%; продукцию обрабатывающих производств выпускали 349 предприятий, или 16,9%.

Среднемесячная зарплата на малых предприятиях всех видов экономической деятельности за девять месяцев 2009 года составляла 11154 рубля. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года она увеличилась на 1,1%, реальная заработная плата (с учетом инфляции) уменьшилась на 10,1%.

По данным выборочного обследования, проведенного территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области, численность экономически активного населения области в среднем за 2009 год составила 793,0 тыс. человек, из них 754,9 тыс. человек были заняты всеми видами экономической деятельности, а 38,1 тыс. человек не имели занятия, но активно его искали, и в соответствии с методологией Международной организации труда (МОТ) квалифицировались как безработные. Уровень общей безработицы составил 4,8 %.

В январе-декабре 2009 года в городские и районные центры занятости населения области за предоставлением государственных услуг обратились 136,4 тыс. человек, в том числе в целях поиска подходящей работы – 74,2 тыс. человек – это на 36,7 и 19,7 тыс. человек соответственно больше, чем в январе-декабре 2008 года. Предоставление государственных услуг населению в области содействия занятости осуществлялось в соответствии с Законом РФ «О занятости населения в Российской Федерации» и действующими административными регламентами.

Анализ структурного состава граждан, обратившихся в службу занятости по вопросу трудоустройства, показал, что в 2009 году по сравнению с 2008 годом удельный вес женщин в общей численности снизился с 58,7% до 48,5%; граждан в возрасте 14-29 лет – с 62,6% до 45,3%; учащихся желающих работать в свободное от учебы время – с 28,2% до 10,6%; лиц, ранее не работавших и ищущих работу впервые – с 52,2% до 26,7%; лиц, имеющих инвалидность – с 5,4 до 4,6%.

В январе-декабре 2009 года 3847 работодателей заявили сведения о потребности в работниках для замещения 85451 рабочих мест (вакантных должностей), а с учетом незаполненных вакансий, перешедших с прошлого года, их число составило 92127 единиц – это на 7128 единиц больше, чем в 2008 году.

В среднем по области на одну заявленную вакансию по состоянию на 1 января 2010 года претендовали 2 незанятых гражданина, состоящих на учете в службе занятости.

Содействие в трудоустройстве оказано 45,1 тыс. человек, или 60,8 % от числа обратившихся (в 2008 году – 64,4%), в том числе 20,7 тыс. женщин (57,5%); 21,0 тыс. человек в возрасте 14-29 лет (62,4%); 38,7 тыс. работников негосударственного сектора экономики (59,8%); 37,1 тыс. незанятых граждан (56,3%); 15,2 тыс. гражданам, ранее не работавшим, ищущим работу впервые (76,8%); 970 инвалидам (28,5%).

Официальный статус безработного в январе-декабре 2009 года получили 35,6 тыс. человек – это на 14,3 тыс. человек больше, чем в соответствующем периоде прошлого года. Рост численности безработных связан с продолжающимися процессами высвобождения работников на крупных и средних предприятиях области, а также ликвидацией некоторых мелких предприятий.

Пик роста числа зарегистрированных безработных был зафиксирован в марте 2009 года, когда количество безработных составило 14,7 тыс. человек – это в два раза больше, чем в соответствующем периоде прошлого года (7,3 тыс. человек). Уровень регистрируемой безработицы увеличился с 1,39% по состоянию на 1 января 2009 года до 1,94% по состоянию на 1 апреля 2009 года.

По состоянию на 1 января 2010 года численность зарегистрированных безработных составила 13951 человек, уровень регистрируемой безработицы – 1,76%. (По состоянию на 1 января 2009 года численность безработных составляла 10231 человек, уровень безработицы – 1,39%).

В структуре безработных граждане женщины составляют 58,3%; молодежь в возрасте 16 – 29 лет – 32,6%; инвалиды – 10,6%; жители сельской местности – 29,5%; высшее и среднее профессиональное образование имели 56,7% безработных; выпускники профессиональных учебных заведений всех уровней составили 4,2%.

Основная часть безработных (5,5 тыс. человек) находилась на учете и получала пособие в течение периода от 1 до 4 месяцев; 3,0 тыс. человек – от 4 до 8 месяцев; 2,6 тыс. человек – от 8 месяцев до 1 года; 676 человек – более года. Средняя продолжительность регистрируемой безработицы в 2009 году составила 4,9 месяца (в 2008 году – 4,8 месяца).

По прогнозам специалистов численность безработных, состоящих на учете в службе занятости населения Белгородской области, к концу 2010 года составит 13 тыс. человек. Уровень официальной безработицы будет находиться в пределах 1,6-1,7 процента¹.

Обвал рынка труда, таким образом, стал не только результатом обвала промышленных и финансовых рынков, но его кризис послужил катализатором дальнейшего обострения кризиса в экономике, а, тем самым, во всех других сферах социальной жизни, в

¹ Статистический материал приведен по данным «Отчета об осуществлении управлением по труду и занятости населения Белгородской области переданных полномочий Российской Федерации в области содействия занятости населения в 2009 году». – Белгород, 2009 (рукопись).

том числе и в социальном самочувствии людей. Как наше общество, так и вся мировая цивилизация оказались (и пока остаются) в ситуации ожидания не просто обострения финансово-экономического кризиса, а тотального культурно-цивилизационного надлома. Нарастание степеней хаоса в обществе заставляют нас пристальнее вглядываться как в методы исследования социальной сферы, так и в перспективные парадигмы управления обществом.

Результаты управленческих воздействий оказывает непосредственное воздействие на перспективы преодоления социальной нестабильности, а порой и хаоса, которые возникают в обществе в моменты нарастания непреодолимых кризисных процессов. Управленцы в этих условиях должны максимально учитывать специфику человеческого фактора (в том числе и кадрового), на который необходимо воздействовать крайне осторожно, активизировать, прежде всего, позитивные ценностные установки людей. Только так управление сможет стать тем ресурсом, который позволит направить те или иные структуры и институты, людей в русло созидания, преодоления кризисного хаоса в интересах социального порядка и стабильности. Для этого требуется и новая методологическая стратегия в социологических исследованиях, и новая парадигма управления социальными процессами на разных уровнях.

Это, собственно, и отмечает В.П. Бабинцев, когда пишет, что российские социальные реалии («смутное время») требуют и соответствующей эпистемологической парадигмы в социологии – *интуитивно-рациональной парадигмы*². Эта парадигма требует, прежде всего, обращения внимания на то, что преодоление тенденций хаоса и неустойчивости во всех сферах жизни общества требует тонкого сопряжения различных сфер общества, работы всех социальных структур, институтов, учреждений, управленческого аппарата разных уровней и степеней компетентности.

Приложение синергетической и интуитивно-рациональной методологии исследования и парадигмы управления требуется и в такой сложной области, как взаимодействие региональных рынков труда и образования в посткризисной России.

В настоящее время в государственной политике в сфере образования противостоят друг другу *две основополагающие тенденции*:

– первая предусматривает получение профессионального образования независимо от реальной потребности экономики в объеме и профессионально-квалификационной структуре подготавливаемых кадров,

– вторая направлена на упорядочение системы подготовки работников с учетом реальной потребности экономики и социальной сферы в квалифицированных кадрах.

Первая тенденция сейчас преобладает, ее негативные последствия крайне отрицательно влияют на развитие рынка труда.

Как известно, в области наблюдается дисбаланс рынка труда и рынка образовательных услуг. Подтверждение тому служат следующие цифры. Ежегодно в области по вопросу трудоустройства в службу занятости населения обращаются более 5 тысяч выпускников учебных заведений всех уровней, в том числе в 2006 году обратилось выпускников вузов – 1618, среднего профессионального образования – 1899, профессиональных училищ – 1191 человек.

Причем четко прослеживается тенденция увеличения числа безработных выпускников за последние 5 лет.

Начатая работа в области по целевой подготовке кадров для отраслей экономики направлена на устранение дисбаланса рынка труда и рынка образовательных услуг.

Наша главная цель на сегодняшний день *осуществить взаимодействие* двух рынков – труда и образования. Нас больше всего сейчас волнует ежегодное увеличение дисбаланса между этими рынками, в связи с чем, оба рынка нуждаются в тщательном, продуманном регулировании со стороны государства.

---

² В.П. Бабинцев. Социология государственного управления в России: проблемы и перспективы обоснования интуитивно-рациональной парадигмы // Наука и философия: классические, неклассические и постнеклассические парадигмы: колл. монография / под ред. В.П. Римского. – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 257-275.

В данный момент у нас имеется около 10 тысяч ежемесячно стоящих на учете граждан, которые осуществляют поиск работы; 37% из них имеют высшее образование и 34,5% – среднее специальное (в основном, это женщины). При этом можно отметить, что в службы занятости в прошедшем году поступило свыше 90 тысяч вакансий от работодателей, из них 83% требовались специалисты рабочих профессий. И, тем не менее, мы не смогли удовлетворить для экономики области около 35 тысяч заявок, где требовались квалифицированные рабочие кадры с достаточно высокой заработной платой.

В тоже время, мониторинг выпускников всех учреждений образования показал, что с каждым годом продолжается увеличиваться «перепроизводство» специалистов, особенно с высшим образованием, при этом можно отметить не только разрыв с текущими потребностями экономики, но и с перспективными, т.е. на 3-4 года вперед. С одной стороны, этот факт – рост образованности населения – можно рассматривать как положительную тенденцию, но с другой – настораживает изменение мотивации молодых людей, получающих высшее образование с целью приобретения социального статуса и не стремящихся в дальнейшем работать по полученной специальности. Из примерно 15 тысяч выпускников вузов и сузов в прошлом году по вопросу поиска работы обратилось около 3 тысяч человек или 20% от общего числа выпускников, а сколько не пожелали работать по полученной специальности неизвестно – пока такого учета не ведется.

Как же развивался до 2007 году областной рынок труда? Численность официально зарегистрированных безработных уменьшилась почти на 2 тыс. человек, а её уровень к экономически активному населению за последние 3 года с 1,5% снизился до 1,2%. Снижение безработицы происходило в основном за счет трудоустройства выпускников всех уровней и организацией безработных своего малого бизнеса.

По-прежнему, на основании данных мониторинга мало востребованы секретарь-референт – 32%, бухгалтер – 30%, оператор ЭВМ – 20%, лаборант-эколог – 18%.

Какие тенденции сложились в регионе в 2008-2009 гг., т.е. в условиях мирового кризиса?

Таким образом, на сегодняшний день взаимодействие двух рынков – труда и образования далеко от совершенства. Система образования не обеспечивает в полной мере потребности рынка труда ни по количеству, ни по качеству рабочей силы. На рынке образования может наступить *кризис системы начального профессионального образования*, т.к. данный уровень образования плохо востребован в среде молодежи, хотя потребность в профессиональных кадрах по рабочим профессиям, как никогда высока.

Необходимо как-то деликатно избавляться от парадокса, когда заказчиками подготовки являются не работодатели и экономика, а абитуриенты и их родители. В то время, когда формируется государственный заказ, необходимо учитывать итоговый показатель производства *образовательной продукции*, т.е. кадров той или иной специальности – уровень трудоустройства выпускников тех или специальностей и профессий.

Сейчас показатель реализации образовательной продукции, каковой и является трудоустройство выпускников учебных заведений на рынке труда, должен фиксировать возможность банкротства той или иной профессии и специальности, что должно автоматически на практике вести к лишению учебных заведений, допускающих перепроизводство тех или иных кадров, соответствующей части бюджетного финансирования. Необходимо повернуть работодателя лицом к профессиональному образованию разного уровня, и вовлечь предприятия в формирование планов набора на соответствующие специальности, а затем привлекать их к формированию учебных планов, включающих эксклюзивные курсы и специализации, ориентирование на потребности экономики региона и рынка труда.

Государство должно быть более эффективным регулятором рынка образовательных услуг: низкая конкурентоспособность большого количества выпускников профессиональных учебных заведений создает дополнительные трудности при их трудоустройстве.

Наша главная цель на сегодняшний день *осуществить взаимодействие* двух рынков – труда и образования. Нас больше всего сейчас волнует ежегодное увеличение дисбаланса между этими рынками, в связи с чем, оба рынка нуждаются в тщательном, продуманном регулировании со стороны государства.

Работа в нашем регионе по целевой подготовке кадров для отраслей экономики и направлена на устранение дисбаланса рынка труда и рынка образовательных услуг.

Список литературы

1. Статистический материал приведен по данным «Отчета об осуществлении управлением по труду и занятости населения Белгородской области переданных полномочий Российской Федерации в области содействия занятости населения в 2009 году». – Белгород, 2009 (рукопись).
2. В.П. Бабинцев. Социология государственного управления в России: проблемы и перспективы обоснования интуитивно-рациональной парадигмы // Наука и философия: классические, неклассические и постнеклассические парадигмы: колл. монография / под ред. В.П. Римского. – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 257-275.

**MANAGEMENT OF INTERACTION BETWEEN LABOUR MARKET
AND EDUCATION MARKET IN THE CRISIS CONDITIONS: REGIONAL ASPECT**

A. A. Goryaynov
I. N. Kischenko

Belgorod State University

*e-mail: Goryainov@
bsu.edu.ru*

The article observes actual issues of management of interaction between regional markets of labour and education in the conditions of world economic crisis. The analysis is lead by the example of Belgorod region.

Key words: regional labour market, regional education market, world crisis, personnel policy, management, social services, unemployment.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ

А. Ю. Квитко

*Московский
государственный
технический университет
гражданской авиации*

*e-mail:
sinekrasov@mail.ru*

В данной статье объясняется сущность феномена информационная культура, приводятся определения различных авторов, какими качествами необходимо обладать человеку в современном постиндустриальном обществе, описаны основные проблемы и возможные трудности от дальнейшей информатизации. Описано значение феномена культуры для личности и влияние её влияние на личность, а также трансформация культуры личности в традиционном её понимании под влиянием информатизационного процесса в обществе. В работе обозначены основные выводы касающихся этических и нравственных требований к личности.

Ключевые слова: информация, культура, личность, общество, информатизация.

Постиндустриальное состояние человеческой цивилизации правомерно связывают с развитием информационного общества – общества, уровень которого в решающей степени определяется количеством и качеством накопленной информации, её свободой и доступностью. Возникновение информационного общества неразрывно связано с осознанием фундаментальной роли информации в общественном развитии, рассмотрением в широком социокультурном контексте таких феноменов, как информационные ресурсы, новые информационные технологии, информатизация.

Сегодня есть все основания говорить о формировании новой информационной культуры, которая может стать элементом общей культуры человечества. Ею станут знания об информационной среде, законах её функционирования, умение ориентироваться в информационных потоках. Информационная культура пока ещё является показателем не общей, а, скорее, профессиональной культуры, но со временем станет важным фактором развития каждой личности.

Понятие «информационная культура» характеризует одну из сторон культуры, связанную с информационным аспектом жизни людей. Роль этого аспекта в информационном обществе постоянно возрастает; и сегодня совокупность информационных потоков вокруг каждого человека столь велика, разнообразна и разветвлена, что требует от него знания законов информационной среды и умения ориентироваться в информационных потоках. Иначе, он не сможет адаптироваться к жизни в новых условиях, в частности, к изменению социальных структур, следствием которого будет значительное увеличение числа работающих в сфере информационной деятельности и услуг. В настоящее время существует множество определений информационной культуры. Ниже представлены одни из наиболее удачных.

В широком смысле под информационной культурой понимают совокупность принципов и реальных механизмов, обеспечивающих позитивное взаимодействие этнических и национальных культур, их соединение в общий опыт человечества.

В узком смысле – оптимальные способы обращения со знаками, данными, информацией и представление их заинтересованному потребителю для решения теоретических и практических задач; механизмы совершенствования технических сред производства, хранения и передачи информации; развитие системы обучения, подготовки человека к эффективному использованию информационных средств и информации.

Точкой отсчёта логично признать момент смены формального отношения к сигналу ситуации, которое было свойственно животному миру, на содержательное, свойственное исключительно человеку. Обмен содержательными единицами послужил основой развития языка. До появления письменности становление языка вызвало к жизни об-

ширную гамму вербальных методик, породило культуру обращения со смыслом и текстом. Письменный этап концентрировался вокруг текста, вобравшего в себя всё многообразие устной информационной культуры.

По определению С.Д. Каракозова информационная культура личности представляет собой составную часть базисной культуры личности, как системной характеристики человека¹. Она позволяет человеку эффективно участвовать во всех видах работы с информацией (получении, накоплении, передаче, кодировании, преобразовании). В состав информационной культуры включены: компетентность в понимании природы информационных процессов; гуманистически ориентированная информационная ценностно-смысловая сфера личности (мотивы, потребности, цели, стремления, мировоззрение); развитая информационная рефлексия; отслеживание человеком своей деятельности по присвоению информационной культуры и осознание тех внутренних изменений, которые в нём происходят; творчество в информационном поведении.

Другими словами, информационная культура – это не только умение работать с прикладным программным обеспечением, и даже не умение программировать. Информационная культура – это, прежде всего, глубокое понимание сути процессов обработки информации. Она подразумевает наличие умений: выбирать и формулировать цели, осуществлять постановку задач; легко и быстро решать самые разнообразные задачи на компьютере, находить информацию в различных источниках; пользоваться автоматизированными системами поиска, хранения и обработки информации; выделять в информации главное и второстепенное; упорядочивать, систематизировать, структурировать данные и знания; видеть информацию в целом, а не фрагментарно; устанавливать ассоциативные связи между информационными сообщениями; интерпретировать информацию; переводить визуальную информацию в вербальную знаковую систему и наоборот; широко использовать моделирование для изучения различных объектов и явлений; производить анализ информационных моделей; применять различные виды формализации информации; использовать для анализа изучаемых процессов и явлений базы знаний, системы искусственного интеллекта и другие информационные технологии; разрабатывать эффективные алгоритмы и реализовывать их на компьютере; интерпретировать и анализировать полученные результаты; предвидеть последствия принимаемых решений.

Информационную культуру человечества в разное время потрясали информационные кризисы. Один из наиболее значительных количественных информационных кризисов привел к появлению письменности. Устные методики сохранения знания не обеспечивали полной сохранности растущих объёмов информации и фиксации информации на материальном носителе, что породило новый период информационной культуры – документный. В её состав вошла культура общения с документами: извлечения фиксированного знания, кодирования и фиксации информации; документографического поиска. Оперирование информацией стало легче, претерпел изменения образ мышления, но устные формы информационной культуры не только не утратили своего значения, но и обогатились системой взаимосвязей с письменными.

Очередной информационный кризис вызвал к жизни компьютерные технологии, модифицировавшие носитель информации и автоматизировавшие некоторые информационные процессы.

Современная информационная культура вобрала в себя все свои предшествующие формы и соединила их в единое средство. Как особый аспект социальной жизни она выступает в качестве предмета, средства и результата социальной активности, отражает характер и уровень практической деятельности людей. Это результат деятельности субъекта и процесс сохранения созданного, распространения и потребления объектов культуры.

В настоящее время создаётся база для формирования противоречия между категорией типов личностей, информационная культура которых формируется под влиянием информационных технологий и отражает новые связи и отношения информационного общества, и категорией типов личностей, информационная культура которых определяется традиционными подходами. Это создаёт разные уровни её качества при одинаковых

¹ Каракозов С.Д. Информационная культура в контексте общей теории культуры личности // Педагогическая информатика. 2000. №2. С. 41-55.

затратах сил и времени, влечёт объективную несправедливость, что связано со снижением возможностей творческого проявления одних субъектов по сравнению с другими.

Критерии информационной культуры человека: умение адекватно формулировать свою потребность в информации; эффективно осуществлять поиск нужной информации во всей совокупности информационных ресурсов; перерабатывать информацию и создавать качественно новую; вести индивидуальные информационно-поисковые системы; адекватно отбирать и оценивать информацию; способность к информационному общению и компьютерную грамотность.

Всё выше перечисленное должно базироваться на осознании роли информации в обществе, знании законов информационной среды и понимании своего места в ней, владении новыми информационными технологиями.

Уровни реализации информационной культуры:

1. когнитивный уровень – знания и умения;
2. эмоционально-ценностный – установки, оценки, отношения;
3. поведенческий – реальное и потенциальное поведение.

Информационная культура, являясь частью культуры вообще является делом творческих способностей человечества. Ни в какой другой области деятельности так сильно не проявился творческий характер человеческого разума деятельности, как в области культуры. Благодаря формированию культуры человек создал мир символов, который отображает окружающую действительность и в то же время выходит за её рамки. Мир символов нашёл выражение в такой чисто человеческой способности как речь, которая сыграла знаковую роль в эволюции человека. Создание мира символов – прерогатива человека в его культуротворческой деятельности, которое не менее значимо для развития человека, чем его орудийная деятельность.

Вместе с тем, только благодаря культуре человек стал тем, кем он есть сегодня. Культура – важнейшее средство развития человека как биологического существа и важнейшее средство его социализации, развития личности. Л. Мэмфорд, исследуя историю человеческой деятельности, справедливо утверждает, что обычно предпочтение в эволюции человека отдают его орудийной деятельности и оставляют в тени роль в этом процессе культурного фактора. Культура всегда была нацелена на самосовершенствование человека, самовыражение и формирование личности. «Человек, прежде всего, является животным, творящим собственный разум, обуздывающим себя и самопрограммирующим, – и первичным очагом всех видов его деятельности можно считать, прежде всего, его собственный организм и социальную организацию, в которой этот организм обретает более полное выражение. Пока человек не сделал чего-либо из самого себя, он немного мог сделать в окружающем его мире»².

Информационная культура выступает в своих различных аспектах – технико-технологическом и социальном. Эти аспекты информационной культуры по-разному воздействуют на развитие личности. В технико-технологическом аспекте информационная культура представляет собой знание о технических информационных средствах и оптимальных способах их использования для получения, обработки, хранения и выдачи информации. В таком понимании информационная культура характеризует не общую, а профессиональную культуру личности. Субъект имеет дело с технологией, как с инструментальным способом рационального действия. Понимая технологию в таком ключе, следует сказать, что в процессе технологического действия человек ставит перед собой определенные задачи и рационально использует технику для реализации поставленной цели. Следовательно, технология связана с рациональным использованием рациональных знаний. Не случайно технология в таком понимании определяется как применение научного знания для выявления способов совершать воспроизводимые действия.

Итак, человек должен обладать для своего рационального действия знанием ряда наук, уметь их променять в своей практической деятельности, уметь быстро и своевременно отобрать из всего массива информации нужную. В этом смысле, информационная культура в технико-технологическом аспекте оказывает позитивное воздействие на развитие личности. Уже само ознакомление с обширной информацией расширяет интеллектуальный простор личности, делает её сориентированной в происходящих событиях.

² Мэмфорд Л. Техника и привода человека. М., 1986, стр. 17

Вместе с тем, ограничение интеллекта человека рамками информационной культуры в её технико-технологическом аспекте оказывает негативное воздействие на его духовный мир, ведёт к формированию того «одномерного человека», о котором писал Г. Маркузе. Это воздействие на сознание человека формирует такие феномены, как ограничение мышления и деятельности их строго рациональными формами, технократизм мышления, ослабление межличностного общения людей. Отсюда их отчуждение и, как следствие всего этого, перерождение культуры в технологию.

Прежде всего, информационная культура в технико-технократическом варианте стимулирует ориентацию на рационализм. Работа с информационной техникой связана с подачей и приёмом информации при помощи искусственного машинного языка. Этот язык обладает большей точностью по сравнению с естественным человеческим языком, содержащем синонимы и омонимы. Однозначность искусственного языка выражает его рациональность но, к сожалению, в ущерб эмоциональности. Однако человек часто предпочитает мыслить рационально, что приносит ему определённую практическую пользу.

Возрастание роли рационального начала, что, безусловно, является важным положительным фактором, имеет, однако, и иную сторону, воздействующую негативно на мышление человека. Рационализация деятельности ограничивает свободу мышления и действий личности. Рациональная деятельность несвободна, свободная деятельность – нерациональна. Рациональная деятельность скована определёнными стандартами, нормами, которые диктуют субъекту его действия. Поэтому в процессе рациональной деятельности личность не находит возможности для своего самовыражения. «Мы должны заботиться о том, чтобы научное абстрактное мышление не распространялось на другие области, в которых оно не приложимо. Человеческие и этические ценности не могут целиком основываться на научном мышлении»³.

Нерациональная деятельность – один из важнейших условий свободы личности, особенно в случае его творческой деятельности. «Развитие технической рациональности в самом широком смысле (включая технику ведения экономических, административных, политических и иных дел) не только не привело к росту человеческой свободы, – пишет В.А. Лекторский, – а наоборот, выразилось в создании системы механизмов, имеющих собственную логику функционирования, отчужденных от человека и противостоящих ему и его свободе»⁴. Таким образом, технико-технологическая информационная культура, основанная на рациональных мыслях и действиях, сковывает мысли и действия личности, ограничивает его свободу.

Вместе с тем, рациональный характер информационной культуры ограничивает и эмоциональную сферу мышления личности. Рационализму чужды симпатии и антипатии, моральные нормы и эстетические переживания. Все эмоциональные страсти притупляются в угоду жесткой необходимости. Следовательно, из жизненной сферы личности исключается эмоциональная составляющая его жизнедеятельности. Точный расчёт, практическая полезность, экономическая выгода выходят на первый план. Деньги занимают место моральных ценностей, умаляя духовный мир человека.

Исследование негативного воздействия информационной технологии на личность является важнейшим условием анализа роли рациональной составляющей сегодняшнего сознания человека. Поэтому можно согласиться с мнением, что без пристального рассмотрения специфических моментов влияния новых информационных технологий на человеческое сознание любой разговор о рациональных и иррациональных составляющих этого сознания примет заведомо отвлеченный характер.

Абсолютизация рационализма в сознании и деятельности, в конечном счёте, приводит к формированию технократического мышления личности. В поле внимания человека попадают непривычные для него вещественно-энергетические характеристики, а данная в виде символов информация, и человек общается с машиной на искусственном языке. Он символизирует себя в информационной технологии, компьютер выступает системой, которая изоморфна человеку. Это может привести к потере индивидуальности и снижению общекультурного уровня личности и манипуляции людьми.

³ Борн М. Физика в жизни моего поколения, Иностранная литература, М., 1963, стр. 128.

⁴ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2009, стр. 86

Эмоции в познавательной деятельности человека имеют не меньшее значение, чем разум. Бергсон писал, что то обстоятельство, когда эмоции находятся у истоков великих творений искусства, науки и цивилизации в целом, не вызывает сомнения. Эмоции являются стимулирующим средством, которое побуждает ум к новым начинаниям, а волю – к упорству. Более того: существуют эмоции, порождающие мысль и, хотя изобретение принадлежит к явлениям интеллектуального порядка, оно может иметь своей субстанцией сферу чувств. Поэтому, заключает он, «творчество – это, прежде всего эмоция. Речь идёт не только о литературе и искусстве. Известно, что научное открытие заключает в себе сосредоточенность и усилие»⁵.

В современных условиях возникает противоречие между потребностями общества в культурно развитой личности и теми объективными процессами в обществе, которые не только не способствуют, но даже затрудняют это развитие. Невозможно игнорировать развитие техники и её воздействие на человека и общество в целом, поскольку она представляет собой материальное средство человеческой деятельности, а, следовательно, и культуры. Но и нельзя слепо следовать за развитием техники как бычок на верёвке, пытаться свести всё разнообразие жизни к технической составляющей. Пассивное потребление информации по радио, телефону, аудио, телевидению, компьютеру всё больше вытесняет активные формы творчества, досуга, познания, формирует жёсткость мышления, лишает людей непосредственного общения друг с другом, сужает персональное пространство, ведёт к отчуждению, к потере межличностного общения, так необходимого человеку, как коллективному, общественному существу.

Проблема отчуждения является в известном смысле слова традиционной для философии, социологии и психологии. Категория отчуждения является одной из центральных в философии Гегеля, согласно которой природа и общество есть отчуждение абсолютного духа. В наши дни М. Хайдеггер, Г. Маркузе и другие мыслители увидели феномен отчуждения в ситуации «одномерного человека», теряющегося в «обезличенном мире повседневности». Понятие отчуждения характеризует социальный процесс превращения деятельности человека и её результата в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Отчуждение – это определённый тип социальных отношений, который доминирует над остальными социальными отношениями. В процессе отчуждения человек отрывается от многих компонентов реальной действительности, строит фантомные миры, в которых он либо добровольно, либо вынуждено должен существовать. В философском плане – это конфликт между актуальным существованием человека и его потенциальным бытием, между наличным и потенциально возможным и несостоявшимся в человеке.

Жизнь современного человека протекает в лоне искусственно созданной им среды, человек отчуждается от естественной среды. Формируется отчуждённая от живого человека целиком созданная им искусственная среда, которая стремительно вытесняет и заменяет естественную. Пожалуй, ни одно живое существо не противопоставило так себя природе, как разумный человек, воодушевленный лозунгом овладения природными силами, подчинения природы.

Факты отчуждения людей друг от друга и от коллектива, поколений от поколений, людей от природы дают основание высказывать мнение о том, что сама культура в этой ситуации претерпевает глубокие качественные изменения, превращается в технологию. С одной стороны, культура превращается в технологию овладения природой и подчинения её человеческим потребностям. С другой – технологическая мысль разрушает в человеке твёрдую уверенность в своей уникальности, необходимости. Понятие технологии употребляется не только в техническом аспекте, но и в широком, социальном понимании – как совокупность правил, принципов рационального действия для реализации поставленной цели. В таком понимании говорят о технологии выборов, технологии манипулирования общественным сознанием, технологии политической борьбы и других, так называемых, социальных технологиях, каждый из которых обладает набором специфических средств, принципов и правил. Так, технология манипулирования общественным сознанием опирается на малопонятный и двусмысленный язык, эмоции, сенсационность и срочность,

⁵ Бергсон Анри. Материя и память. М., 1992, стр. 46

повторение, прикрытие авторитетом и на другие средства. Технология выборов широко использует рекламу, компрометирующие сведения и т.д. Технология в таком понимании является сложной реальностью, которая в функциональном отношении обеспечивает определённые цивилизационные завоевания, представляет собой сферу целенаправленных усилий, основанных на рациональном осмыслении действительности. «Постепенно под технологией стали подразумевать сложную реальность, которая в функциональном отношении обеспечивает те или иные цивилизационные завоевания (т.е. является механизмом новаций и развития), а по сути представляет собой сферу целенаправленных усилий (политики, управления, модернизации, интеллектуального и ресурсного обеспечения и т.д.), существенно детерминированных, однако, рядом социокультурных факторов»⁶. Однако даже при таком предельно широком понимании технологии, это понятие не охватывает всех видов человеческой деятельности, которая богаче, более разнообразна, не ограничивается только рационализмом и включает в себя и эмоциональное восприятие мира.

Рационально-технологичное отношение к миру беднее человеческо-деятельного, опирающегося на мощный пласт культуры. Не случайно, К. Поппер, выступая против социальной технологии – технологии постепенных заранее рационально выработанных социальных преобразований, сравнивает её с технологией инженерной или инструментальной. Он пишет, что технологический подход к преобразованию общества не учитывает многих факторов и заранее обречен на неудачу. Таким образом, в каком бы значении мы не понимали технологию – в инструментальном или социальном – она предполагает действия, основанные на рационализме и не включает в своё содержание всё богатство человеческой культуры.

Выше уже было сказано, что в социокультурном смысле информационная культура – это совокупность принципов и реальных механизмов, обеспечивающих принципиально новые формы связей без личного присутствия в режиме диалога, новый образ жизни на базе использования информации, построение новой, информационной, картины мира. В таком контексте информационная культура выступает как способ жизнедеятельности человека в информационном пространстве. Разнообразие форм жизнедеятельности не позволяет личности замкнуться в узкие рамки профессиональной информационной культуры, а предполагает не только усвоение определенных мировоззренческих ориентиров, но и разносторонние научные знания, усвоение эргономики, информационной безопасности. Более того, информационная культура в социокультурном аспекте предполагает формирование у личности определённых нравственных идеалов и эстетического освоения действительности. Следовательно, информационная культура в социальном аспекте предусматривает не только научные знания человека-личности, но усвоение определённых духовно-нравственных, политических, правовых и эстетических ценностей. Человек должен не только правильно отражать объективный мир и его изменять, но и эмоционально переживать, оценивать всё с точки зрения добра и зла, прекрасного и безобразного, гармоничного и негармоничного, гуманного и антигуманного. Это делает необходимым создание системы образования, соответствующий требованиям эпохи информатизации. Такое образование не может ограничиваться усвоением личностью научных знаний, оно должно быть духовным – философским и культурным. Дело в том, что процесс образования включает в себя не только обучение, но и воспитание. Современное образование должно иметь своей целью формирование нового типа личности как носителя информационной культуры. Для этого необходим весь огромный мир культуры – прошлый и современный – как средство для формирования «многомерного человека», способного овладеть миром современных проблем и свободно в нём ориентироваться.

Следующее требование – развитие творческих способностей интеллекта личности. Ныне от работника требуется умение как следует думать, а не просто следовать установившимся шаблонам. Тот, кто просто хорошо делает своё дело, является хорошим исполнителем и этим ограничивает свою деятельность, не может надеяться на коренное улучшение своего положения. Способность к инновациям, к риску, к прорыву существующего всё больше и больше ценятся в работнике.

---

⁶ Розин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. М., 2008, стр. 72

Важным требованием к личности в современную эпоху является её способность к адаптации в условиях быстрых перемен. В своей книге «Шок будущего» Тоффлер обрисовал тот шок, который может испытывать общество и отдельные личности перед лицом тех изменений, которые происходят в эпоху информатизации общества. Для избежания такого шока нужно себя заранее подготовить, выработать умение постоянно обновлять свои знания, которые устаревают с удивительной скоростью. «С началом дальнейшего ускорения развития мы можем сделать вывод о том, что знание становится всё более «скоропортящимся» продуктом, – пишет он. – Сегодняшний «факт» превращается завтра в «дезинформацию»⁷. Предпочтение будет отдаваться тем, кто умеет быстро думать. Производительность во времени будет цениться больше, чем тщательность исполнения. Следует учесть и то, что роль личности, как нравственной основы бытия человека, в эпоху информатизации усиливается. Многократно возрастают возможности влияния отдельного человека на информационные процессы всего общества. Это актуализирует у личности сочетание максимальной индивидуальной свободы с высокой мерой ответственности за свои поступки.

Необходимо также учитывать отрицательные последствия воздействия компьютера на здоровье человека. Компьютерная культура – это не только компьютерная грамотность. Она включает в себя и определенные гигиенические требования, предохраняющие пользователя от негативных физических факторов. В условиях информатизации общества каждое из диалектически взаимосвязанных начал человека – физическое, психическое и социальное требует внимания, бережного отношения и понимания. Это, в частности, достигается в процессе образования, которое следует понимать как единство обучения и воспитания.

Образование в наше время является важнейшей сферой жизнедеятельности общества. За вторую половину прошедшего века образование получило такое количество людей, которое больше, чем количество людей, получивших образование за всю предшествующую историю человечества. Успехи во многих областях нашей жизни – в демократизации, ликвидации тоталитаризма, успехах в познании окружающего мира, в небывалом за всю историю техническом прогрессе обязаны в огромной степени образованию. Вместе с тем, во всех странах все громче раздаются голоса о кризисе образования. Он выражается в том разрыве, который существует между научным познанием и образованием, не успевающим “переварить” всю научную информацию, в несовершенстве методики образования, в кризисе управления и финансирования образовательной сферы, в существовании огромного количества людей, не имеющих возможности получить образование. Безусловно, ликвидация кризиса образования – огромная по своей значимости социальная задача. Но в её решении может внести свою лепту и информационная технология, в частности, компьютеризация образования.

Список литературы

1. Каракозов С.Д. Информационная культура в контексте общей теории культуры личности // Педагогическая информатика. 2000. №2. С. 41 – 55.
2. Мэмфорд Л. Техника и природа человека. М., 1986.
3. Борн М. Физика в жизни моего поколения, Иностранная литература, 1963
4. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2009
5. Бергсон Анри. Материя и память. М., 1992
6. Розин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. М., 2008.
7. Поппер К. Знание и психофизическая проблема. В защиту взаимодействия. М., ЛКИ, 2008 г.
8. Тоффлер Э. Шок будущего. М., АСТ, 2008.
9. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.
10. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М., 2000.
11. Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.
12. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество. М., 2000.

⁷ Э. Тоффлер. Шок будущего. М., АСТ, 2008, стр. 450.

PERSONAL INFORMATION CULTURE

A.Y. Kvitko

*Moscow State Technical
University
of civil aircraft*

*e-mail:
sinekrasov@mail.ru*

The article explains the matter of the phenomenon information culture, also it contains definitions of several authors, includes main characteristics of the personality in a modern society. In the article also describes main problems and potential difficulties connected with the further development of informatization; the meaning of the culture on a personality and it's influence on a development of personality; transformation of the personnel culture in a traditional meaning under the influence of informatization process in a society. This work shapes ethic and moral requirements of the personality.

Key words: information, culture, personality, society, informatization.

УДК 078.65

УЧАСТИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШАЯСЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

А. А. Костин*Пограничная академия РФ**e-mail:
kaa-05@mail.ru*

В статье рассмотрены исторические предпосылки и основные этапы формирования элементов системы участия населения приграничных районов в охране государственной границы.

Ключевые слова: историческая наука, охрана государственной границы СССР, историография привлечения населения к охране государственной границы, бригады содействия, добровольные народные дружины.

Современная историческая наука не может плодотворно развиваться без использования достижений предшествующих поколений ученых, накопленных ими знаний, выработанных исследовательских методов. Изучение опыта собственного развития, его сопоставление с современным состоянием отечественной историографии является непременной составляющей исторической науки как одной из ветвей гуманитарного знания. Раскрытие содержания этапов развития исторической мысли позволяет определить направленность ее движения, оценить достигнутые результаты и, отталкиваясь от них, наметить новые исследовательские горизонты. Особое место в самопознании отечественной исторической науки занимает советский период. Современное движение исторического знания требует осмысления этого этапа его развития, понимания сути происшедших процессов, которые самым непосредственным образом связаны с проблемами, решаемыми исторической наукой России сегодня.

Существует настоятельная необходимость дать объективную картину развития советской историографии, так как в современной исторической науке она нередко характеризуется крайне односторонне и преимущественно с политизированных позиций как однородный поток идеологизированного знания.

В этой связи, на наш взгляд, в рамках проводимого исследования важно обратить внимание на особенности исторического формирования системы привлечения населения приграничных территорий к охране границы государства, и на результат функционирования этой системы, собственно участия населения в охране границы. Обусловлено это тем, что привлечение населения приграничных районов к охране границы в современных условиях вызывает настоятельную необходимость исторического генезиса и выявления определенных закономерностей.

История деятельности пограничной охраны свидетельствует, что защита и охрана государственной границы страны является составной частью обеспечения пограничной безопасности и, в целом, национальной безопасности. В прошлом повышение эффективности охраны государственной границы напрямую зависело от увеличения плотности охраны, которая достигалась, в том числе и с помощью привлечения к охране границы местного населения. Четко отлаженная работа органов управления с местным населением по привлечению его к охране государственной границы государства позволяла создать необходимую плотность охраны государственной границы в условиях ограниченных возможностей применения войсковых и оперативных сил и средств.

Несмотря на устойчивый интерес учёных к проблеме привлечения населения приграничных территорий к охране государственной границы СССР, предметом специального научного исследования она не являлась, что еще раз подчеркивает ее актуальность.

В настоящее время возросшее внимание к истории участия населения приграничных районов в охране границы отражает, несомненно, и практический интерес. В защите рубежей Отечества возникают проблемы в организации службы, профессиональной подготовке и военно-патриотическом воспитании, как пограничников, так и гражданского

населения. Разобраться в этом помогают публикации по истории охраны государственной границы. Их поток с каждым годом увеличивается и тем, кто занимается исследовательской работой, все труднее ориентироваться в нем. Вот почему необходимы историографические исследования.

Охрана государственной границы всегда играла важную роль в обеспечении безопасности страны, поэтому эта сфера деятельности государства постоянно привлекала внимание политиков, должностных лиц, ученых, писателей, журналистов. И совсем не случайно «пограничная тема» представлена довольно широко на страницах печатных изданий, начиная еще со времен первых русских летописей. Наиболее же интенсивно работы по исследованию истории охраны государственной границы начались с середины XIX века. В этот период в России возрос интерес к своему прошлому, стали создаваться археологические, исторические, в т.ч. военно-исторические общества, развивается архивное дело. Достоянием читателей становятся труды многих талантливых историков России: Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других. Ни один из этих авторов не обошел в своем творчестве тему истории охраны государственной границы, однако специальных исследований в этой области указанные ученые не проводили.

Впервые осмысление вопросов истории охраны государственной границы России было осуществлено в работе действительного члена Императорского общества истории и древностей Российских, профессора Московского университета И.Д. Беляева. Его работа «О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича» вышла в 1846 году. В этой работе автор на основе архивных материалов показал условия, в которых осуществлялась охрана границы страны того времени, организацию самой пограничной службы, описал сложную систему расстановки основных элементов пограничной службы – сторож и станиц. Работа имеет богатое документальное приложение, так называемую «Сторожевую книгу», в которой содержатся документы по организации сторожевой и станичной службы, собрано множество примеров нападения кочевников на окраины Московского государства и борьбы с ними. Сложившаяся система тактических приемов борьбы с татарскими набегами при опоре на естественные препятствия, которыми являлись реки и на берегах которых выстраивалась «береговая» линия обороны русских рубежей, сохранила свое значение до конца XVI в. При этом важно отметить, что охрана «береговой» линии от набегов имела общегосударственное значение и носила характер общегосударственной повинности.

Кроме того, в работе помещен Устав сторожевой и станичной службы, принятый в 1571 году и утвержденный Иваном Грозным 16 февраля. Сам И.Д. Беляев назвал этот документ «драгоценнейшим памятником отечественного законодательства, в продолжении 275 лет пощаженного временем»¹.

Также в работе упоминается и Боярский приговор от 18 февраля 1571 года, который содержал специальное постановление «О Путивльских севрюках». Севрюки – жители Северной земли, несшие по найму сторожевую службу на сторожах, располагавшихся на левом берегу р. Северский Донец. По найму Московского правительства они постоянно выезжали для несения службы на 16 сторожах, в ходе которой следили за приближением татарских отрядов к русским землям и информировали об этом властные структуры. До 70-х гг. XVI в. воеводы активно использовали севрюков, которые держали под наблюдением участки порубежья Московского (Русского) государства протяженностью около 500 верст.

Впоследствии Боярским приговором участие севрюков в порубежной службе было признано небрежной («стояти на сторожах неусторожливо»), а сведения от них поступающие – ложными или неточными. К тому же отмечались факты незамеченных прорывов в пределы Московского государства отрядов грабителей. Вместо севрюков решено было нанять около тысячи городских казаков для несения постоянной сторожевой и станичной службы.

Помимо этого отмечается, что в составе станицы, выезжавшей для несения пограничной службы Московского государства, имелся проводник – вожа. Вожи нанимались

¹ Военно-историческая работа в Пограничной службе российской Федерации: Учебное пособие. М.: Академия ФПС России, 2003. С. 44.

из числа местных жителей, хорошо ориентировавшихся в степи, знавших обычные маршруты движения отрядов ордынцев, расположение мест укрытия, источников воды, пастбищ и, как правило, владели языком кочевников. Так, по Уставу о сторожевой и станичной службе 1623 года предписывалось иметь в составе каждой станицы по 2 вожей. Их отбором и подготовкой руководили воеводы приграничных городов. Отобранные для участия в охране рубежей Отечества вожи заносились в специальные списки, которые утверждались воеводами и регулярно отправлялись установленным порядком в Разрядный приказ.

Работа И.Д. Беляева имеет, безусловно, большую научную ценность. Благодаря ей создана целостная система знаний об организации охраны и обороны границы в Московском государстве, собраны, сохранены, опубликованы и стали достоянием широкой общественности чрезвычайно интересные и важные документы о борьбе русского народа за безопасность границ государства. Она имеет значительный воспитательный потенциал и заслуживает внимание как военно-патриотический материал.

Необходимо отметить, что И.Д. Беляев проанализировал охрану границы в Русском государстве лишь до середины XVII века. После него других исследований по данной проблеме не проводилось. В трудах ряда исследователей вопросы истории охраны государственной границы рассматривались в связи с разработкой проблем строительства Вооруженных Сил России. Среди них можно назвать работы В. Верходубова «Создание русской регулярной армии», Д. Богалея «Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» и некоторые другие. В целом они позволяют ученым-историкам по «крупницам» восстановить, хотя и не в полном объеме, довольно целостную картину охраны границы России в XVII–XVIII веках. Однако этот период до сегодняшнего дня остается малоисследованным в части касающейся участия местного населения в этом процессе.

Очевидно, что роль местного населения порубежных окраин Московского государства сводилась не только к участию в наблюдении за перемещением кочевников или же к роли проводников, – хотя это уже немаловажный аспект. Огромное значение населения приграничных территорий состояло как в защите, так и в непосредственном создании оборонительных сооружений.

При большой протяженности границ и острой необходимости защищать их от набегов враждующих соседей стали создаваться специальные приграничные оборонительные фортификационные сооружения, получившие название засечные черты. Засечные черты – система инженерных оборонительных сооружений на пограничных рубежах русских удельных княжеств и Русского государства в XVI–XVII вв.²

Засечные черты в значительной степени укрепили охрану и защиту пограничных рубежей Русского государства, а также способствовали заселению лесостепной полосы и освоению новых незаселенных территорий выходцами из русских земель.

Система инженерных оборонительных сооружений на южной границе Русского государства в XVI–XVII вв. получила название Большая засечная черта. Русское правительство придавало ей как стратегически важному сооружению особое значение. Так, с целью координации действий засечной стражи, своевременной починки и восстановления укреплений, привлечения к службе на них местного крестьянства в 1577 г. был создан Засечный приказ.

В целях защиты от набегов ногайских и крымских татар на юго-восточной границе Русского государства с середины XVII в. создается Белгородская черта, впоследствии обеспечившая дальнейшее экономическое развитие государства, а также давшая возможность осуществлению колонизации и заселения новых обширных территорий³.

К 1658 г. строительство Белгородской черты в основном завершилось: ее протяженность составила около 800 км. В этом же году было принято решение о создании по-

² Пограничная служба России: Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы / Г.Н. Симаков, К.Н. Маслов, В.И. Боярский и др.; Под общ. ред. В.Е. Проничева; Федер. Служба безопасности Рос. Федерации, Погранич. научно-исслед. Центр. – М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле, 2009. – С. 75.

³ См.: Загорский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. С. 61–167.

стоянного воинского формирования – Белгородского разрядного полка и военно-административного учреждения – Белгородского разряда. В подчинение белгородского воеводы поступали солдатские, рейтарские и драгунские полки, а также население данной территории.

Очень часто историки уделяли внимание при рассмотрении вопросов привлечения населения приграничных территорий к охране границы именно поселенным войскам, суть которых сводилась к следующему.

Как отмечал в 1858 г. Н. Обручев: «При соседстве государства с народами необразованными, не получившими еще правильного устройства или мало подчиняющимися власти своих правительств, – действующих войск для внешней безопасности бывает недостаточно; в этом случае границы обеспечиваются только тогда, как военная сила присутствует постоянно, и притом в равной мере по всему их протяжению. Здесь достояние и труд граждан приходится охранять от ничтожных хищничеств, от разорительных набегов. При таком условии действующие войска могут только служить для наказания хищников, а не имеют возможности поспевать всегда вовремя, чтобы оградить население от самого хищничества. Является, значит, необходимость развить вооруженную силу в самом населении пограничной полосы. Для этого ему дают правильное военное устройство и обязывают военной службою все подрастающее мужское население или же на границу переселяют людей, уже служивших в войске и изъявивших желание пользоваться землей, несмотря на предстоящие опасности. Таким образом, на границе образуется оседлая военная сила, обеспечивающая край от неприятеля без пособия регулярной армии, за исключением, конечно, особых случаев»⁴.

Но кроме этого частного явления поселенных войск история представляет нам примеры существования их не только в виде учреждения местного, а общего, примененного ко всему государственному устройству страны. Причины, которые производили подобное явление, были всегда одни и те же, именно желание не отнимать рук от обработки земли, не затруднять военной службою гражданственного развития народа и, не тратя огромных средств на содержание войск в мирное время, иметь на случай надобности достаточные вооруженные силы. На этом основании каждый из военных, несший службу на границе, был вместе с тем и земледелец. Однако непрерывные войны XVII–XIX вв., заставившие почти постоянно держать войска в сборе, и развитие военного искусства, требовавшее специального образования от некоторых родов оружия, вынудили почти все государства отказаться от этой системы.

В дальнейшем историография участия населения приграничных регионов в охране государственной границы не раскрыта. Все это требует активизации работы по восстановлению истории охраны государственной границы дореволюционного периода.

Таким образом, можно сделать вывод, что историография дореволюционного периода истории охраны границы государства довольно обширна, однако, она не раскрывает в полной мере опыта привлечения населения приграничья к охране границы, особенностей этой деятельности, а также эволюции форм и способов действий местных жителей по охране государственной границы.

Изучение советского этапа отечественной историографии в рамках исследования открывает новые возможности для выяснения степени ее зависимости от внешних и внутренних условий развития.

Первые послереволюционные годы характеризовались сложностью обстановки на границе, пограничная охрана переживала трудности с комплектованием кадровыми ресурсами, созданием пограничной инфраструктуры, всесторонним обеспечением служебно-боевой деятельности.

Историография советского периода охраны государственной границы представляет собой очень обширный пласт публикаций, которые можно распределить на несколько историографических этапов: 1917 – середина 30-х гг.; середина 30-х – середина 50-х гг.; середина 50-х – начало 90-х гг., начало 90-х – 2000-е гг.

⁴ См.: Н. Пестель, Н. Обручев, А. Медведев и другие военные писатели о Русской армии (1817–1917 гг.) // Российский военный сборник. Выпуск I. М., 1992. С. 48–49.

Каждый из этих этапов имеет свои особенности и свои характерные черты, поэтому целесообразно более обстоятельно остановиться на характеристике каждого из них.

Рассматривая вопрос о выделении периодов исторического развития привлечения населения приграничных районов к охране границы, следует отметить, что при анализе отдельных направлений этой деятельности современные исследователи неодинаково подходят к проблеме периодизации⁵. Некоторые авторы, что является абсолютно правомочным, рассматривают историю привлечения лиц к оказанию содействия в охране и защите государственной границы в неразрывной связи с историей становления и развития российской государственности, ее суверенитета и территориальной целостности⁶. Основываясь на принципе детерминированности, исторический процесс оказания гражданами содействия в пограничной деятельности (как разновидности выполнения ими своего гражданского долга) авторы рассматривают в непосредственной зависимости от конкретных исторических условий, в которых происходило развитие российского общества, объективных закономерностей и причинной обусловленности такого развития⁷.

Рассмотрим содержание первого этапа. Его можно определить как этап зарождения исторических знаний об охране границы государства советского периода. Особенностью данного периода является то, что он берет свое начало с момента установления новой политической власти в стране и проходит в период крушения старых государственных институтов и организации новых. Кроме того, начало этого этапа совпадает с началом организации и строительства охраны границы страны на новых принципах. Вполне естественно, что распространяющаяся большевистская идеология оказала определяющую роль на историческую науку, в которой был отвергнут принцип преемственности. Молодая марксистская историография нигилистически подходила к предшествующему научному опыту, руководствуясь идеей борьбы с буржуазной исторической школой и ее носителями.

Другим блоком источников, позволяющим исследователю изучать особенности историографического этапа, являются материалы, подготовленные и изданные политорганами. В них отражена многогранная деятельность военных комиссаров, политорганов и партийных организаций по воспитанию как личного состава войск, входящего в ведомство «обнаженного меча пролетариата», так и населения пограничья.

Несомненный интерес для историографии представляет изданное в 1935 году политическим отделом ГУПВО НКВД учебное пособие⁸, в котором излагалась история войск и органов ВЧК-НКВД в виде непрерывной и напряженной борьбы с классовыми врагами. Периоду массовых репрессий 1937-1938 гг. предшествовала идеологическая обработка исполнителей, проводимая правящим режимом.

Оценивая зарождение и развитие историографии охраны границы СССР с 1917 до середины 1930-х годов, необходимо подчеркнуть, что оно осуществлялось без опоры на

---

⁵ Например см.: Сухова Е.К. Пограничная стража и контрабанда в России начала XX века // Вопросы истории. – 1991. № 7-8. – С. 234-237; Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи. Краткий исторический очерк. М., 1993; Хайров М.А. История организационного строительства оперативных органов пограничных войск (1918-1991 гг.): моногр. М.: АФПС, 1999; Хаустов В.Н. Развитие советской спецслужбы (1917-1941) // Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность: материалы науч.-практ. конф. М.: Великий Новгород, 1999. С. 37-44; МВД России: энциклопедия / гл. ред. В.Ф. Некрасов. М.: Объед. редакция МВД России; ОЛМА-Пресс, 2002. С. 52 и др.; Шумилов А.Ю. Развитие правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в России (XVIII-XX в.): Основы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности: Спецкурс лекций. Лекция 3. М.: Изд-ль Шумилова И.И., 1998.

⁶ Например см.: Пограничная политика Российской Федерации: Монография / под общ. ред. А.И. Николаева. М.: Граница, 1998.

⁷ См.: Цуканов В.В. Зарождение оперативных органов пограничных войск // Итоги деятельности военно-научного общества института в 1997/1998 учебном году и путь повышения качества научной работы курсантов: материалы науч.-практ. конф. М.: МВИ ФПС России, 1998. С. 27-29; Цуканов В.В., Шумилов А.Ю. Гласная помощь гражданам России пограничной полиции как общая проблема административного, военного и оперативно-розыскного права: Монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2008.

⁸ Что должен знать боец пограничной и внутренней охраны о борьбе ВЧК-ОГПУ-НКВД с врагами революции: Учебное пособие. М., 1935.

документальную базу. Большинство публикаций носило информационно-пропагандистский характер. По сути, вся литература была призвана решать одну задачу – воспитывать личный состав и вести пропаганду среди населения, опираясь на опыт и традиции предшествующих поколений советских пограничников. Вместе с тем в рамках данного этапа историографии мы видим первое проявление интереса к истории охраны границы и первые попытки обобщения их служебно-боевой деятельности через восстановление подробностей многих боевых эпизодов.

Для первого периода характерно отсутствие специальных исторических исследований. С конца 1930-х гг. в открытой печати стали появляться отдельные очерки художественно-публицистического пропагандистского характера. По соображениям цензуры, они не содержали конкретных сведений о местах и времени излагаемых событий, что принижает их историческую ценность. Отдельные очерки боевого пути округов вышли после Великой Отечественной войны и носили закрытый характер.

Сведения о зарубежных исследованиях в этой области в открытых источниках практически отсутствуют. Исключением можно считать работу Р. Рейколи, а в монографии Дж. Боффа исследована история СССР без детализации региональных аспектов⁹.

Деятельность пограничных войск широко освещалась, помимо ведомственной литературы, имевшей, как правило, ограничительные грифы, в художественно-публицистической литературе. Десятки очерков, статей, книг о пограничниках были изданы массовым тиражом, например, «Границы на замке: Рассказы и очерки» (Сталинград, 1937); «Граница: Сборник» (Минск, 1937); «Граница: Сборник» (М., 1938) и др. Однако следует отметить, что данные источники не изобилуют информацией о привлечении населения приграничных районов к охране государственной границы.

Большая часть материалов помещалась в периодической печати войск, а именно в журнале «Пограничник», который вновь начал издаваться с сентября 1939 года по решению ЦК ВКП(б), и в соответствии с приказом НКВД от 15 июня 1939 г. а также многотиражных газетах ряда пограничных округов. Благодаря их усилиям с истории войск начала спадать завеса секретности, и подвиги пограничников стали известны широкому кругу читателей. Вместе с тем данная литература не опиралась на документальные источники, что нередко вело к искажению фактов действительных событий. Писатели и журналисты не всегда соблюдали чувство меры в идеализации положительного примера.

Не вызывает сомнения, что, отвергая предшествующий опыт, вновь создаваемая история советских пограничных войск должна была органически вписаться в сталинскую концепцию истории партии и государства. После выхода в ноябре 1938 года Постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском Краткого курса Истории ВКП(б)», вся идеологическая работа в войсках, в том числе и разработка истории, была подчинена этой задаче. О доминирующей роли этого направления говорит серия пропагандистских статей в журнале «Пограничник»: «Вторая годовщина Постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском Краткого курса истории ВКП(б)» (№ 21. 1940).; Сахно Ф. «Историю части надо писать правдиво» (№ 3. 1941) и др., в которых красной нитью проходит мысль: «Усвоение боевых традиций большевизма, гражданской войны и последующей борьбы с врагами социализма – краеугольный камень всей воспитательной работы».

В рамках данного этапа историографии появляются работы, освещающие боевой опыт и раскрывающие особенности пограничной службы, например, «Организовать пропаганду боевого опыта»¹⁰ и др.

Среди изданной в 1940-е годы литературы о пограничных войсках определенный интерес представляет серия материалов, подготовленных Политическим управлением. Так, например, «О задачах начсостава и парторганизаций в борьбе за дальнейшее укрепление боеготовности пограничных и оперативных войск НКВД» (М., 1940); «Пограничные войска НКВД: Материал для бесед» (М., 1946) и др. Как и в предыдущих изданиях,

⁹ Гурбан Н.Я. Пограничная охрана Дальнего востока в контексте государственной безопасности СССР в Азиатско-тихоокеанском регионе (1922-1941 гг.): Автореф. дисс. ...канд. истор. наук. Улан-Уде, 2009. С. 4.

¹⁰ Пограничник. 1940. №4.

основной упор в них был сделан на пропаганду героических подвигов с конкретно заданной целью – воспитывать качества, необходимые для обеспечения безопасности Родины и беззаветную преданность правящей партии. Не являясь историческими в своей основе, эти публикации хорошо передают суть требований руководства страны к гражданам.

Следует отметить, что начавшаяся Великая Отечественная война отодвинула проблемы довоенной истории охраны государственной границы на второй план, акцентировав внимание на более насущном, а именно на боевом применении пограничных войск. Так, например, в периодической печати появляются отдельные материалы, посвященные участию пограничников в боевых действиях на дальневосточной границе: А. Александров «У реки Халхин-Гол»; К. Гребенник «От Хасана до Токио» и др.

И тем более примечателен тот факт, что ряд авторов впервые за долгие годы обратили свое внимание на военное прошлое России. Так, например, некоторые вопросы защиты и охраны южных границ Российского государства, раскрываются в книге А.В. Чернова «Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. От создания централизованного государства до реформ при Петре I». (М., 1947 г.), в ней также раскрываются основные положения Приговора о станичной и сторожевой службе, проводится анализ расположения и организаций стрелецкого войска, дается описание укреплений засечной черты и т.д.

Особого внимания заслуживает статья С.П. Марголина «Оборона русского государства от татарских набегов в конце XVI века. Сторожевая и станичная служба и засечная черта», опубликованная в XX выпуске Военно-исторического сборника в 1948 году. В ней охрана южной границы рассмотрена как составная, часть обороны русского государства, приведены черты, наиболее существенные в системе обороны, в частности, «глубинное построение всей оборонительной системы, эластичное сочетание неподвижных и подвижных элементов обороны, большое значение личной инициативы в станичной и сторожевой службе, несение пограничной службы главным образом определенными элементами из местного населения». Подчеркнуто, что в борьбу с татарской опасностью «длинный ряд поколений был втянут» в оборону государства, охрану его границ, «вековая борьба вырабатывала устойчивые вековые традиции, навыки и свойства».

Большое значение для развития научной историографии имела деятельность Высшей пограничной школы ОГПУ (ВПШ ОГПУ), профессорско-преподавательский состав, которой принимал участие в правотворческой деятельности. В 1940 г. школой был разработан проект «Устава пограничной службы войск НКВД» (УПС-40), отразивший с достаточной полнотой качественно новые элементы в охране границы. В главе четвертой Устава к силам и средствам охраны границы наряду с сухопутными, морскими и авиационными частями пограничных войск относится местное пограничное население. Впоследствии Устав был доведен до войск полностью в виде отдельных инструкций, регламентирующих порядок охраны государственной границы. Уставом также предписывалось вежливо относиться к пограничному населению, уважать и считаться с местными национальными обычаями, помня, что пограничное население является ближайшим и активным помощником пограничных войск в охране государственной границы и поддержания пограничного режима.

Начало следующего этапа во второй половине 1950-х годов было ознаменовано рядом событий, оказавших серьезное влияние на развитие общественных наук и, в первую очередь на историю. После XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина, наблюдается процесс переосмысления некоторых идеологических догм, ограничивающих научный поиск. В связи с этим характерным явлением в исторической науке стала публикация документов по истории охраны государственной границы. Так, в 1958 году издается первый сборник «Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. 1917-1921 гг.: Документы и материалы», включавший более 500 документов.

В это время формируются новые подходы в охране границы СССР. Численность личного состава пограничных войск сокращается. Отражением позиции власти в отношении участия населения страны в охране государственной границы является заявление Н.С. Хрущева «...Большевики – как чайки! Если к птенцу лиса какая-нибудь подбирается,

вся стая поднимается, хлопает крыльями и кричит...»¹¹. В связи с этим участие населения в охране государственной границы более актуализируется. 1950-е – 80-е годы были ознаменованы изданием сборников, в которых документально характеризуется роль В.И. Ленина и Ф.Э. Дзержинского в создании ВЧК и организации охраны границ Советского государства. Это такие сборники, как «В.И. Ленин и охрана государственной границы СССР: Сборник документов и статей»¹², «Ф.Э. Дзержинский и охрана границ Советского государства: Сб. документов и статей»¹³ и др.

В это же время появляется большое количество трудов, отражающих специфику участия населения приграничья в охране рубежей Родины. Так, во второй половине 1950-х годов речь идет о бригадах содействия¹⁴, начиная 1960-х годов – о Добровольных народных дружинах¹⁵. Нередко материалы по привлечению населения приграничных районов к участию в охране границы СССР представлялись в виде лекционного материала, необходимого при проведении политзанятий¹⁶.

Исследованию роли населения в охране государственной границы также уделялось значительное внимание¹⁷.

Среди трудов, в которых рассматривались проблемы привлечения населения к охране государственной границы, заслуживает особого внимания специальное исследование коллектива авторов¹⁸, и диссертационное исследование Г.Н. Бондаренко¹⁹.

Особое место среди изданий, документально отражающих историю советских погранвойск, занимает «Летопись пограничных войск КГБ СССР»²⁰, представляющая собой хроникально-документальный сборник из истории войск. Несомненным достоинством труда является концентрация большого количества различных источников. Однако в нем нет упоминания о создании в марте 1918 года Главного управления пограничной охраны, очень бедно представлен период охраны до середины 1918 года и на первый взгляд может сложиться впечатление, что российские границы стали охраняться лишь после 28 мая 1918 года. В книге также имеется ряд неточностей, а информация о привлечении населения к охране рубежей СССР представлена в незначительном объеме.

Проблемы привлечения местного населения к охране границы в конце 1970-х в 1980-х годах не теряют свою актуальность, однако, данный период характерен отсутствием монографических исследований по этому вопросу. По словам Е. Неверовского, именно опыт привлечения местного населения, позволил военнослужащим пограничных войск

¹¹ Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997. С. 267.

¹² В.И. Ленин и охрана государственной границы СССР: Сб. документов и ст. М.: Воениздат, 1970.

¹³ Ф.Э. Дзержинский и охрана границ Советского государства: Сб. документов и ст. М.: Воениздат, 1977.

¹⁴ Ткачев С. Бригады содействия и местное население в охране границы // Пограничник. 1956. № 4. С. 16-21; Белогуров Г.М. Значение местного населения в охране государственной границы. М.: ВШ КГБ. 1958; Босько Г. Как используются бригады содействия в охране границы в 63-м пограничном отряде // Пограничник. 1959. № 4. С. 46-51 и др.

¹⁵ Загурский Р. Работа штаба отряда по использованию народных дружин в охране границы // Пограничник. 1959. № 4. С. 94-96; Коломиец Г. Опыт привлечения народных дружин к охране границы // Пограничник. 1959. № 4. С. 30-37; Лаврентьев Ю. Народные дружины в охране границы по опыту 81-го пограничного отряда // Пограничник. 1959. № 4. С. 53-58; Рябов А. Народные дружины помогают пограничникам // Пограничник. 1959. № 4. С. 56-61 и др.

¹⁶ Белогуров Г.М. Добровольные народные дружины в охране государственной границы СССР. Материалы к лекции. М., 1962. 61 с., 3 сх. (ВШ КГБ); Краснов В.И. Привлечение местного населения к охране государственной границы СССР. Лекция. М., 1963. 33 с. (МВПУ КГБ); Привлечение населения к охране государственной границы. Алма-Ата, 1962. 66 с. (ВПКУ КГБ); Опыт привлечения народных дружин к охране государственной границы на участке Туркменского округа. Тезисы лекции. Ашхабад, 1962. 21 с. (Штаб погранвойск).

¹⁷ Долгополов Ю. Роль населения пограничных районов в охране государственных границ СССР. В кн.: О формах связи органов госбезопасности с трудящимися. Сб. ст. М., 1961, с. 79-95.

¹⁸ Местное население пограничных районов в охране государственной границы Союза ССР. М., 1965. 86 с. (ВШ и ГУПВ КГБ).

¹⁹ Бондаренко Г.Н. Работа партийных организаций пограничных районов по привлечению трудящихся к охране государственной границы Союза ССР (1959-1967 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969. 315 с.

²⁰ Летопись пограничных войск КГБ СССР. М.: Воениздат, 1981. 576 с.

организовать работу с населением провинций Афганистана в зоне ответственности и избежать неоправданных потерь.

Историография исследуемой проблемы после 1991 года характеризуется утверждением научного плюрализма, современных методологических подходов и методик исследования. Что касается проблемных и тематических направлений, то следует выделить появление обобщающих работ, в первую очередь диссертационных, позволяющих проследить эволюцию концепции охраны границы страны.

Историография 2000-х гг. демонстрирует повышение научно – теоретического уровня, расширение источниковой базы и проблемно – тематического поля исследований, однако анализ проблем развития системы привлечения населения к охране границы также скуден.

Заслуживает внимания диссертационное исследование А.Н. Волынца, в котором анализируются проблемные аспекты участия в охране границы вневойсковых формирований²¹. В частности, большое внимание уделяется исследованию вопросов участия в охране отдельных участков границы Российской Федерации казачества, а так же исторических предпосылок и возможностей этого участия.

Необходимо отметить, что в последнее время интерес к проблеме истории охраны российских границ возрос: проведены исследования по строительству пограничных укрепленных линий XVII-XVIII вв., к их числу относятся: статья Р.Г. Букановой о Новой Закамской линии, диссертация Т.Н. Кадеровой об организации охраны границ в Мордовском крае²². Появилась работа общего характера, где рассматривается деятельность военного ведомства в деле управления служилыми людьми на границах и рассматриваются организационные структуры различных родов войск, система управления ими, их роль в деле охраны границ²³.

Значительно возрос интерес исследователей к проблемам охраны границы конца XIX начала XX в. Причем, исследования велись по широкому кругу вопросов, охватывающих разные исторические периоды: XIX век²⁴, конец XIX в. – начало XX в.²⁵ В данной связи отметим общетеоретическое значение публикаций, посвященных проблемам истории охраны границы в советское время²⁶, в том числе вопросам, связанным с морально-психологическим обеспечением охраны границы²⁷. Особое внимание исследователи уделяли охране различных участков государственной границы²⁸. При известной идейной

²¹ Волынец А.Н. Современное состояние и перспективы развития вневойсковой охраны отдельных участков государственной границы Российской Федерации: Дисс. ... канд. военных наук. М., 2000.

²² Буканова Р.Г. Новая Закамская линия (1731-1736 гг.) /Владимир Загоровский: к 80-летию со дня рождения. Материалы научных чтений. Отв. ред. В.И.Панова. – Воронеж: ВГУ, 2006. – С.64-72; Кадерова Т.Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во второй половине XVI – XVII вв. – Саранск, 2000.

²³ Клементьев В.В. Военное ведомство в охране границ Российской империи. Диссерт. канд. ист. наук. – М., 2000.

²⁴ Шпак А.Н. Создание и совершенствование системы защиты и охраны государственной границы в Российской империи: 1721-1893 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2006. 209 с. ил.; Мусин Ф.С. Роль Министерства финансов России в руководстве строительством и деятельностью пограничной стражи на западном участке государственной границы: 1827 - 1893 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2007.

²⁵ Высотенко А.В. Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской Империи отдельным корпусом пограничной стражи: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2004. 284 с. ил.; Лещев Е.Н. Охрана государственной границы Российской империи семиреченским казачьим войском: 1867-1917 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2004. 189 с.; Вишняков О.В. Деятельность охранной стражи КВЖД и Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке: 1897-1918 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. Хабаровск, 2006. 248 с. ил.; Попенко А.В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России: 1884 - конец 20-х гг. XX в.: Дисс. ... канд. истор. наук. Хабаровск, 2008.

²⁶ Терещенко В.В. Создание и развитие системы пограничных округов Советского государства: 1918 - июнь 1941 гг.: Историческое исследование: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2003. 236 с.

²⁷ Давлетшин В.Р. Военное духовенство в России XVIII - начала XX века и его деятельность по морально-психологическому обеспечению охраны государственной границы: исторический анализ: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2004.

²⁸ Минченков С.А. Становление системы пограничной охраны России на границе с Эстонией и Латвией в 1920-х гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. Псков, 2003. 353 с.; Сумароков Л.И. История российской

заданности указанный блок работ содержит ценный фактический материал, помогает яснее представить реальные проблемы и трудности, встречавшиеся в процессе охраны государственной границы СССР и участия в данном процессе населения приграничных районов. В этот же период был подготовлен ряд диссертационных исследований по развитию охраны государственной границы²⁹. Важный вклад в исследование вопроса привлечения населения приграничья к охране государственной границы СССР внес Е.М. Терентьев³⁰.

Таким образом, краткий анализ историографии привлечения населения пограничных районов к охране государственной границы позволяет прийти к следующим выводам.

Историография привлечения населения к охране границы в своем развитии прошла несколько этапов, каждый из которых имеет свои характерные черты и особенности. Дореволюционный этап разработан достаточно полно и в последнее время он дополняется научными трудами, дающими современную трактовку истории охраны государственной границы. В советское время история привлечения населения к охране границы находила отражение в работах преимущественно пропагандистского характера, не опирающихся на документальную базу.

Нынешний этап ознаменован появлением научной литературы, вобравшей архивные материалы и документы, опубликованные и неопубликованные. Среди проблем наиболее детальное освещение получила служебно-боевая деятельность (борьба с бандитизмом, контрабандой и др.), подготовка кадров, а также историко-партийные аспекты жизни пограничных войск. Однако проблемы привлечения населения приграничных районов к охране государственной границы СССР практически являются недостаточно исследованными.

Односторонне отражены в литературе такие вопросы, как формы привлечения местного населения к охране границы, а также методы работы с населением приграничья.

Анализ литературы по истории пограничной службы России в целом свидетельствует о появлении в последние годы трудов, в которых формирование территории, пограничной политики, охраны границ рассматриваются комплексно, в обобщающем плане, с охватом продолжительного периода времени. Так, исторический очерк «На страже границ Отечества. История пограничной службы» стал первым подобным исследованием и знаком социального запроса³¹. Однако вопросы привлечения местного населения к участию в охране рубежей Отечества достаточно условны или же носят косвенно-поверхностный характер.

Основываясь на общем анализе имеющейся литературы, можно сделать вывод, о том, что вопросы привлечения местного населения пограничных территорий к охране государственной границы в советский период до настоящего времени не рассматривались в рамках отдельного диссертационного исследования. В связи с чем, требуется комплексное исследование важной научной задачи привлечения населения приграничных районов к охране государственной границы СССР, а также изучение деятельности пограничных войск и местных органов власти по привлечению населения приграничных районов к охране Государственной границы СССР, что позволит сформировать научно обоснованные выводы для современности.

Список литературы

1. Военно-историческая работа в Пограничной службе российской Федерации: Учебное пособие. М.: Академия ФПС России, 2003.

пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире: Дисс. ... канд. истор. наук. Бишкек, 2006. 210 с.; Лебедев Н.Н. Северо-западная государственная граница России: организация ее охраны, исторические этапы становления и развития пограничных войск: 1918-1941 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2008. 215 с. ил.

²⁹Кравчук С.А. Пограничная политика России на Дальнем Востоке и ее влияние на развитие региона: 90-е годы XX века: Дисс. ... канд. истор. наук. Хабаровск, 2003. 295 с.

³⁰ Терентьев Е.М. Деятельность государственных органов по совершенствованию охраны государственной границы СССР в годы военной реформы 1924-1928 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2008.

³¹ На страже границ Отечества. История пограничной службы: Краткий очерк. М.: Граница, 1998.

2. Пограничная служба России: Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы / Г.Н. Симаков, К.Н. Маслов, В.И. Боярский и др.; Под общ. ред. В.Е. Проличева; Федер. Служба безопасности Рос. Федерации, Погранич. научно-исслед. Центр. – М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле, 2009.
3. Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969.
4. Н. Пестель, Н. Обручев, А. Медведев и другие военные писатели о Русской армии (1817-1917 гг.) // Российский военный сборник. Выпуск I. М., 1992.
5. Сухова Е.К. Пограничная стража и контрабанда в России начала XX века // Вопросы истории. 1991. № 7-8.
6. Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи. Краткий исторический очерк. М., 1993.
7. Хайров М.А. История организационного строительства оперативных органов пограничных войск (1918-1991 гг.): моногр. М.: АФПС, 1999.
8. Шумилов А.Ю. Развитие правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в России (XVIII-XX в.): Основы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности: Спецкурс лекций. Лекция 3. М.: Изд-ль Шумилова И.И., 1998.
9. Пограничная политика Российской Федерации: Монография / под общ. ред. А.И. Николаева. М.: Граница, 1998.
10. Цуканов В.В. Зарождение оперативных органов пограничных войск // Итоги деятельности военно-научного общества института в 1997/ 1998 учебном году и путь повышения качества научной работы курсантов: материалы науч.-практ. конф. М.: МВИ ФПС России, 1998.
11. Цуканов В.В., Шумилов А.Ю. Гласная помощь гражданам России пограничной полицией как общая проблема административного, военного и оперативно-розыскного права: Монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2008.
12. Что должен знать боец пограничной и внутренней охраны о борьбе ВЧК-ОГПУ-НКВД с врагами революции: Учебное пособие. М., 1935.
13. Гурбан Н.Я. Пограничная охрана Дальнего востока в контексте государственной безопасности СССР в Азиатско-тихоокеанском регионе (1922-1941 гг.): Автореф. дисс. ...канд. истор. наук. Улан-Уде, 2009.
14. Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.
15. В.И. Ленин и охрана государственной границы СССР: Сб. документов и ст. М.: Воениздат, 1970.
16. Ф.Э. Дзержинский и охрана границ Советского государства: Сб. документов и ст. М.: Воениздат, 1977.
17. Ткачев С. Бригады содействия и местное население в охране границы // Пограничник. 1956. № 4.
18. Белогуров Г.М. Значение местного населения в охране государственной границы. М.: ВШ КГБ. 1958.
19. Босько Г. Как используются бригады содействия в охране границы в 63-м пограничном отряде // Пограничник. 1959. № 4.
20. Загурский Р. Работа штаба отряда по использованию народных дружин в охране границы // Пограничник. 1959. № 4.
21. Коломиец Г. Опыт привлечения народных дружин к охране границы // Пограничник. 1959. № 4.
22. Рябов А. Народные дружины помогают пограничникам // Пограничник. 1959. № 4.
23. Белогуров Г.М. Добровольные народные дружины в охране государственной границы СССР. Материалы к лекции. М., 1962.
24. Краснов В.И. Привлечение местного населения к охране государственной границы СССР. Лекция. М., 1963.
25. Долгополов Ю. Роль населения пограничных районов в охране государственных границ СССР. В кн.: О формах связи органов госбезопасности с трудящимися. Сб. ст. М., 1961.
26. Местное население пограничных районов в охране государственной границы Союза ССР. М., 1965. 86 с. (ВШ и ГУПВ КГБ).
27. Бондаренко Г.Н. Работа партийных организаций пограничных районов по привлечению трудящихся к охране государственной границы Союза ССР (1959-1967 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969.
28. Летопись пограничных войск КГБ СССР. М.: Воениздат, 1981. 576 с.
29. Буканова Р.Г. Новая Закамская линия (1731-1736 гг.) /Владимир Загоровский: к 80-летию со дня рождения. Материалы научных чтений. Отв. ред. В.И.Панова. Воронеж: ВГУ, 2006.

30. Кадерова Т.Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во второй половине XVI – XVII вв. Саранск, 2000.
31. Клементьев В.В. Военное ведомство в охране границ Российской империи. Дисс. ... канд. истор. наук. – М., 2000.
32. Шпак А.Н. Создание и совершенствование системы защиты и охраны государственной границы в Российской империи: 1721-1893 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2006.
33. Мусин Ф.С. Роль Министерства финансов России в руководстве строительством и деятельностью пограничной стражи на западном участке государственной границы: 1827 – 1893 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2007.
34. Высотенко А.В. Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской Империи отдельным корпусом пограничной стражи: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2004.
35. Лещев Е.Н. Охрана государственной границы Российской империи семиреченским казачьим войском: 1867-1917 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2004.
36. Вишняков О.В. Деятельность охранной стражи КВЖД и Заамурского округа отдельно-го корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке: 1897-1918 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. Хабаровск, 2006.
37. Попенко А.В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России: 1884 – конец 20-х гг. XX в.: Дисс. ... канд. истор. наук. Хабаровск, 2008.
38. Терещенко В.В. Создание и развитие системы пограничных округов Советского государства: 1918 – июнь 1941 гг.: Историческое исследование: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2003.
39. Минченков С.А. Становление системы пограничной охраны России на границе с Эстонией и Латвией в 1920-х гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. Псков, 2003.
40. Сумароков Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире: Дисс. ... канд. истор. наук. Бишкек, 2006.
41. Лебедев Н.Н. Северо-западная государственная граница России: организация ее охраны, исторические этапы становления и развития пограничных войск: 1918-1941 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2008. 215 с. ил.
42. Кравчук С.А. Пограничная политика России на Дальнем Востоке и ее влияние на развитие региона: 90-е годы XX века: Дисс. ... канд. истор. наук. Хабаровск, 2003.
43. Терентьев Е.М. Деятельность государственных органов по совершенствованию охраны государственной границы СССР в годы военной реформы 1924–1928 гг.: Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2008.
44. На страже границ Отечества. История пограничной службы: Краткий очерк. М.: Граница, 1998.

PARTICIPATION OF LOCAL POPULATION IN THE GARDING OF FRONTIER AS A HISTORICAL NECESSITY

A. A. Kostin

Frontier Academy of RF

e-mail:

kaa-05@mail.ru

The article considers historical preconditions and the main stages of formation of elements of system of participation of population of frontier districts in the guarding of frontier.

Key words: history science, guarding of frontier of the USSR, history of populations drawing to the guarding of frontier, brigade of assistance, voluntary folk troops.

ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НАУЧНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ЗНАЧЕНИЯ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА В НЕЙ

Н. С. Молчанова

*Московский государственный
технический университет
гражданской авиации*

*e-mail:
sinekrasov@mail.ru*

Научная деятельность ученого происходит в рамках научной реальности, которая является частью внутреннего опыта человека, модификацией его сознания. На основе построения модели физического мира в научной реальности ученый имеет возможность исследовать факты действительности вне зависимости от пределов их физической достигаемости. Научная картина мира как результат научной деятельности является фундаментом общей картины мира и призвана разумно объяснить процессы окружающей действительности.

Ключевые слова: Наука, научная реальность, научная деятельность, научная картина мира, классификация, сознание.

Понятие реальности субъективно, ибо важно отношение некоей вещи к нашей эмоциональной и деятельной жизни. Различие между реальным и нереальным основывается на том, что одинаковые явления действительности интерпретируются субъектами по-разному, т.к. последние самостоятельно избирают способ мышления. В этом случае реальность можно рассматривать как «окаймление» (в терминах Уильяма Джемса¹), т.е. наделение предмета или абстракции определенными свойствами (цвет, вкус, время, размеры, актуальность и т.д.), заключение в рамку особого стиля существования (или фрейма). При этом существует множество реальностей, верховной из которых является реальность, или мир, ощущений и физических действий, выделяемый в силу первичного восприятия человеком окружающего мира эмпирическим путем. Другие миры (фантазий и снов, религии и мифов, науки и т.д.) надстраиваются в сознании и аккумулируются в опыте человека как производные от верховной реальности.

Характеризуя тот или иной мир, мы выделяем его грани, тем самым очерчивая рамку существования данной реальности. Основания для определения границ мира могут быть различными. Так, согласно Альфреду Шюцу², с точки зрения деятельного восприятия реальности стиль существования в том или ином мире характеризуется таким понятием как активность. Активность как любого рода субъективно осмысленный опыт спонтанности может быть открытой («просто делание») и закрытой («простое думание»). Заранее спланированная активность, т.е. основанная на предварительном проекте, представляет собой некое действие. Если действие целенаправленно, то мы говорим об акте исполнения. Последний может быть скрытым и открытым. Например, попытка решить в уме научную проблему есть скрытый акт исполнения, т.к. представляет собой процесс спроектированного мышления. Акт исполнения, требующий телодвижений, называется рабочей операцией, т.е. целенаправленным действием во внешнем мире.

Понятие рабочей операции важно для характеристики реальности мира повседневной жизни, где все действия субъекта происходят во внешнем мире и основаны на представлении, имитации или игре. При помощи рабочих операций субъект коммуницирует с другими, организует различные пространственные перспективы. При этом его «игра» зависит от тех границ, которые очерчивают повседневность, взятую в отдельный период времени. Речь идет о стереотипах или скорее образцах мышления и поведения, сформированных предыдущим опытом, о том, что Ирвинг Гофман назвал «фреймами»³. Понятие фрейма можно также применить при описании мира науки.

¹ Более подробно см. Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991.

² Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Том 3. 2003. №2.

³ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. сангл./ Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Анализ мира как научного созерцания сводится к реальности научного теоретизирования, предназначение которого состоит в том, чтобы наблюдать и, по возможности, понимать окружающий мир. Здесь стиль существования представляет собой в основном скрытые (мыслительные) акты исполнения, но общий для нас жизненный мир состоит из объектов теоретического созерцания и результат этого созерцания может быть использован в мире рабочих операций, т.е. в определенных телодвижениях. Например, преодоление гравитационного поля Земли на космическом шаттле можно рассматривать как некую рабочую операцию в результате изучения физической зависимости $F=m \cdot a$. Любые теоретические рассуждения есть действия, т.к. заранее спланированы, и акты исполнения, т.к. имеют своей целью реализовать некий проект – найти решение научной проблемы. Однако сами теоретические рассуждения – это не рабочие операции, т.е. они не принадлежат внешнему миру. При этом они основаны на рабочих операциях таких, как измерение, проведение экспериментов, обращение с инструментами, и могут передаваться только посредством рабочих операций таких, как написание статьи, чтение лекции. Эти виды деятельности являются либо условиями, либо следствиями теоретизирования, но не принадлежат самой теоретической установке.

Мир научной реальности рассматривается как некое ментальное пространство-время, где субъект действует сообразно правилам ведения научной деятельности. Научные гипотезы и теории должны быть последовательны и совместимы не только с теориями в поле данной специальной отрасли науки, но и с другими научными гипотезами и теориями, а также с естественной установкой повседневной жизни, согласно которой окружающая реальность ощущений и физических действий является intersubъективным миром, т.е. общим для нас и наших предшественников, пережитым последними и данным теперь нашей интерпретации. Научное мышление должно опираться на исходные проверенные наблюдения, а понятия и термины, в которых оно актуализируется, должны быть ясными и различимыми. Совокупность этих правил определяет условия, при которых продукты научной деятельности (теории, гипотезы и т.д.) рассматриваются как обоснованные и потому имеют право на существование как реальные в мире науки. С этой точки зрения в научной области критерием реальности является достоверность, проверяемость теоретических суждений и умозаключений, т.е. их корреляция с миром физических ощущений и действий. Таким образом, чтобы подтвердить теорию, ученый должен постоянно «переходить» из одного мира в другой.

Т.к. теоретическое рассуждение не вторгается во внешний мир, его всегда можно изменить, отменить, модифицировать, не вызвав изменений во внешнем мире. В процессе теоретического мышления мы снова и снова возвращаемся к предпосылкам, изменяем выводы, отбрасываем суждения, расширяем или сужаем масштаб изучаемой проблемы. Особенностью теоретической деятельности ученого является то, что ее результаты не зависят от того, находится ли объект исследования в пределах досягаемости субъекта деятельности – ученого. Обращаясь к сфере человеческого мышления, ученый абстрагируется от своего психофизического существования в конкретной части мира ощущений и физических действий и переходит в мир научного теоретизирования, где пространство-время организовано иначе.

Понятие «мира в пределах досягаемости» зависит от нашего тела, которое воспринимается как центр системы координат. Обращаясь к сфере человеческого мышления, мы абстрагируемся от своего физического существования. Следовательно, ученый как субъект не ищет решений, удовлетворяющих его прагматическим личным проблемам, которые порождены его психофизическим существованием в определенном сегменте мира. Ученого интересуют проблемы и решения, подходящие для каждого, в любом месте и любое время, где бы и когда бы ни доминировали определенные условия, с допущения которых он начинает исследование.

Выбор объекта для дальнейшего исследования исходит из постановки проблемы, решение которой становится основной целью научной деятельности. В то же время простая постановка проблемы определяет те участки мира, которые актуально или потенциально могут быть с ней связаны. Такие пределы определяют уровень исследования, который разделяет то, что относится, и то, что не относится к рассматриваемой проблеме. Относятся к проблеме темы, которые нужно исследовать, выявить, прояснить, а не относятся все остальные элементы знаний ученого, которые, в силу своей иррелевантности его проблеме, он решает принять как факты в их данности.

Но все это не означает, что решение ученого поставить проблему произвольно. Теоретический мыслитель может выбирать по своему усмотрению научное поле, к которому он хочет поддержать интерес, а также, возможно уровень, на котором он хочет проводить свои изыскания. Но сделав свой выбор в этом отношении, ученый входит в уже структурированный мир научного созерцания, переданный ему исторической традицией его науки. Здесь он сталкивается с результатами, которые получили другие, проблемами, которые подняли другие, решениями, которые предложили другие, методами, которые разработали другие. Этот теоретический дискурс отдельной науки является конечной областью смысла, т.е. специальной отраслью науки, и обладает особым познавательным стилем, в рамках которого следует разрабатывать специфические проблемы. При постановке проблемы ученый должен понимать, что она обязательно примыкает к универсальному стилю данного научного поля и обязательно сравнима с уже разработанными проблемами и решениями путем их принятия или опровержения.

Что касается времени, то научная деятельность протекает в стандартном времени в мире повседневной жизни, но процесс чистого теоретизирования, протекающий в мире науки, не имеет временной перспективы. При этом объекты научных исследований субъект находит в мире повседневной жизни, в реальности ощущений и действий. Но два мира не могут быть реальными одновременно, в одной точке пространства и в одном и том же отношении к нашей эмоциональной и деятельной жизни, ибо они организованы различным образом и действия субъекта (физические и мыслительные) подчинены разным законам. Данная диалектическая проблема преодолевается путем замещения в процессе научного теоретизирования интересующего жизненного мира с его естественной установкой моделью этого жизненного мира, типичность которого совместима с предустановленным опытом мира ощущений и действий, который ученый (субъект теоретизирования) получил при естественной установке до перехода в мир научной реальности. Только в этом случае содержание мира ощущений и действий становится теоретическим объектом и получает акцент реальности в мире науки.

Но, как отмечалось ранее, теоретизирование возможно только в рамках научного дискурса, представляющего собой совокупный результат теоретизирования предшественников. Теоретическая деятельность также основывается на взаимодействии ученых, которые могут использовать один предмет в качестве объекта теоретического мышления и верифицировать или фальсифицировать результаты. Но это взаимодействие предполагает коммуникацию, которая возможна только в мире повседневной жизни, поэтому ученый должен покинуть теоретическую установку и вернуться в мир, который недоступен для теоретического созерцания непосредственно. Этот «парадокс коммуникации» возникает только тогда, когда мы рассматриваем различные реальности как онтологические статические образования, находящиеся вне потока сознания, в котором они рождаются. Но множество миров, или конечных областей смысла, не являются обособленными состояниями психической жизни, а представляют собой лишь названия различных напряжений одного и того же сознания, когда одна и та же жизнь воспринимается в различных модификациях – снах и фантазиях, религиозных ритуалах, теоретическом созерцании. Все это опыт человека, опыт в его внутреннем времени, его сознании, опыт, который можно вспомнить и воспроизвести, а потому и передать посредством обыденного языка через коммуникацию в мире повседневной реальности. Поэтому становится возможным структурировать знания, полученные посредством научного теоретизирования, эвристического восприятия, на основе верований, и организовать их в картину мира, или научную картину мира как фундамент современной общей картины.

Научная картина мира рассматривается как необходимое и неотъемлемое условие существования научной реальности, ибо именно особым образом структурированные знания образуют тот дискурс, или область конечного смысла, который определяет движение и развитие научной мысли. Однако научная реальность не сводится к построению научной картины мира, так как представляет собой систему правил, которым подчиняется деятельность субъекта, а научная картина мира накладывает рамки на саму деятельность и на ее результаты. При смене картины мира, когда новое знание «не вписывается» в границы конечной научной области смысла, происходит переход всей структуры на новый уровень. При этом теоретическое ядро картины мира (константы, общие для всех теорий) остается неизменным, фундаментальные допущения слегка модифицируются с

точки зрения их абсолютной истинности (например, квантовая теория неклассической картины мира содержит ослабленные концепции детерминизма, значение которых в классической картине абсолютизируется). Наиболее подверженной изменениям в научной практике является область дополнительных частнонаучных моделей, которые адаптируются к новому знанию и представляют собой внешние границы, очерчивающие границы и свободу мыслительной деятельности ученого.

Однако научная картина мира, учитывающая в основном достижения в области физики в силу исторических причин, не является простым набором теорий и гипотез, связанных между собой неким образом. В более широком понимании научная картина мира – это «обоснованное конкретно-историческое представление о мире, обуславливающее стиль и способ научного мышления»⁴. Историческая составляющая заключается в том, что политические режимы, религиозная идеология и другие социальные факторы ограничивали, сдерживали или, наоборот, стимулировали развитие науки. Результатом такого сдерживания в Средние века сегодня является тот факт, что развитие европейской науки начинается с классической научной картины мира, которая определяла рамки научного мышления в эпоху Возрождения и Новое время. Затем следует этап неклассической картины мира Новейшего времени. Современную науку характеризуют как постнеклассической. Создается впечатление, что науки, а значит и научной картины мира, возможно, наивной и примитивной, до эпохи «темных веков» не существовало вовсе.

Для классической картины мира, основанной на достижениях Галилея и Ньютона, характерно направленное линейное развитие с жесткой детерминацией явлений и процессов, абсолютная власть эмпирического познания над теоретическим построением, описывающим явления в пространстве-времени, существование неких неизменяемых взаимосвязанных материальных точек, непрерывающееся движение которых является основой всех явлений⁵. Но уже последний постулат подрывает естественнонаучные основы классической картины мира – введение атомистических элементов (материальных точек) не основано на непосредственных наблюдениях и, следовательно, эмпирически не подтверждается.

Переход к неклассической картине мира произошел под влиянием теорий термодинамики, которые оспаривали универсальность законов классической механики, и теории относительности, которая внесла статистический момент в строго детерминированную классическую картину мира. В неклассической картине возникает гибкая схема детерминации, где учитывается фактор случая. Но детерминированность процессов не отрицается. Альберт Эйнштейн признавал, что квантовая теория содержит несколько ослабленные концепции причинности, а процессы, которые определяют явления в неорганической природе, необратимы с точки зрения термодинамики и даже полностью включают статистический элемент, который приписывается молекулярным процессам⁶.

Таким образом, при смене картин мира сохраняется не только их общее теоретическое ядро, но и фундаментальные принципы, подверженные некоторым модификациям. Интересен также сам процесс развития науки, наследование традиций. Большинство основополагающих идей зародилось еще в античные времена до нашей эры, но тогда существовало множество философских учений, которые иногда кардинально отличались друг от друга. В результате многие учения не получили должно и последовательного развития, как например, учение о гомеомериях Анаксагора, которое оказало сильное влияние на учения Сократа и Демокрита и оставалось «не востребованным» вплоть до XX века, когда физиков, занимающиеся квантовой механикой, пришли к выводу, что элементарные частицы похожи скорее на гомеомерии Анаксагора, нежели на атомы Демокрита.

Современная постнеклассическая картина мира предполагает исследование нелинейных систем, в которых велика роль исходных условий, локальных изменений и случайных факторов, а также включенность ценностно-целевых структур. В рамках постнеклассической картины мира получает свое развитие синергетика – теория самоорганизации, предметом исследования которой является выявление наиболее общих закономерностей спонтанного структурогенеза. Синергетике свойственны все особенности новой

⁴ Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М.: «Издательство ПРИОР», 2001.

⁵ Эйнштейн А. Физика, философия и научный прогресс // <http://www.gumer.info/>

⁶ Там же.

картины мира: концепция нестабильного неравновесного мира, феномен неопределенности развития, идея возникновения порядка из хаоса. В обобщенном виде синергетический подход разрушает рамки предшествующих картин мира, утверждая, что линейный характер эволюции сложных систем не является правилом, а лишь частным случаем, развитие носит нелинейный характер и предполагает существование нескольких возможных путей, выбор одного из которых осуществляется случайным образом. Но при этом синергетика рассматривает те же сущности, что и в Новое время изучал Ньютон, а в Античность философы-физики – пространство, время, поле и вещество. Синергетика использует те же методы эксперимента, анализа, синтеза и т.д., но лишь в совокупности и на разных уровнях исследования. Общая тенденция развития науки и представлений о мире так же характеризуется усложнением, углублением и стремлением выйти за существующие рамки парадигмы научной картины мира.

Как упоминалось ранее, научная реальность существует как модификация сознания человека, поэтому научная картина мира не является имманентным свойством мира науки, ибо так же влияет на процессы восприятия и познания субъекта в мире ощущений и физических действий. Построение научной картины мира происходит непосредственно в мире научного теоретизирования, но, являясь фундаментом, она определяет область развития других составляющих общей картины мира в качестве двигателя изменений, происходящих в ней и реализуемых в расширении области знаний и способов их применения. Развитие науки обусловлено внутренней интенцией на исследование все новых и новых объектов, которые принадлежат миру физических ощущений и действий. На каждом этапе эволюции научное познание усложняет свою организацию (изменяются нормы исследования, дифференцируются и интегрируются научные дисциплины, формируются новые методы изучения объектов), сохраняя при этом уровни теоретического и эмпирического исследования, основными формами которых являются научная теория и научный факт. Эти формы принадлежат по сути разным реальностям: научная теория – часть (продукт) мира науки, а научный факт, несмотря на его научность, – часть (продукт) повседневной жизни, результат эмпирического восприятия окружающего мира. Но в рамках научной реальности они приобретают основополагающее значение при построении научной картины мира, которая призвана объяснить структуру и процессы физической реальности, а также определить границы разумного понимания на данном этапе развития общества.

Список литературы

1. Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991.
2. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Том 3. 2003. №2.
3. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. сангл./ Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.
4. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М.: «Издательство ПРИОР», 2001.
5. Эйнштейн А. Физика, философия и научный прогресс // <http://www.gumer.info/>
6. Степин В.С. Становление норм и идеалов постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки. М., 1992.

PHILOSOPHICAL FOUNDINGS FOR SCIENTIFIC REALITY AND ROLE OF SCIENTIFIC WORLDVIEW

N. S. Molchanova

*Moscow state technical
university of civil aircraft*

*e-mail:
sinekrasov@mail.ru*

Scientists work under the circumstances of the scientific reality which is a modification of human consciousness. There is the opportunity to research any objects of the daily reality due to the fact of existing a physical world model in the scientific reality. As a result of scientific activity and the main part of the common world picture scientific world picture must explain the processes of the physical world.

Key words: Science, scientific reality, scientific activity, scientific worldview, classification, consciousness.

УДК 681.51.001.300.37

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДУХОВНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

С. И. Некрасов
З. В. Макатов

*Московский государственный
технический университет
гражданской авиации*

e-mail:
sinekrasov@mail.ru

Формирующееся универсальное общество вызывает глубокую трансформацию социальных связей индивида. Комплексное рассмотрение глобализации раскрывает её противоречивый характер, предстаёт в форме системы позитивных и негативных оценок, что затрагивает основы цивилизационного развития человечества и непосредственно связаны с проблемой его духовного кризиса.

Ключевые слова: Информационная революция, глобализация, универсальная цивилизация, духовность, нравственность, ценность, информационная среда, манипуляция, духовные противоречия, смысл жизни, свобода.

Информационная революция и глобализация – явления кардинальной перестройки мира. Это обусловлено причинами экономических, политических, культурных, экологических изменений, связанных феноменами глобализации, социального постмодерна, хозяйственной трансформации, информационной экономики, составляющих динамические черты «универсальной цивилизации».

Глобализацию можно представить как феномен слияния рынков отдельных продуктов, это такой социальный процесс, в ходе которого стираются географические границы социальных, культурных систем.

Формирующееся универсальное общество вызывает глубокую трансформацию социальных связей индивида. Комплексное рассмотрение глобализации раскрывает её противоречивый характер, предстаёт в форме системы позитивных и негативных оценок.

К первым относятся: существенный рост количества и качества потребительской продукции на мировом рынке; интенсификация технологического прогресса; облегченный доступ к информации, расширение возможностей, способов коммуникации в общепланетарном масштабе; значительное повышение жизненного уровня, относительное улучшение основных социальных показателей в ряде регионов мира; углубление взаимопонимания между культурами, цивилизациями, ставшее возможным благодаря интенсификации транснационального информационного обмена, нивелировки различий.

Ко вторым можно отнести непреодолимый, увеличивающийся разрыв в социально-экономическом развитии, нарастание нестабильности, уязвимости глобальной экономики; существенный рост масштабов миграции населения; ухудшение состояния окружающей среды; нарастание негативного манипуляционного воздействия глобальных информационных сетей, навязывающих унифицирующие стандарты масс-культуры, подрывающие национальное своеобразие.

Характерной чертой информационной революции является создание глобальных сетей, обеспечивающих мгновенную передачу информации, «включение» миллионов в процесс обмена информацией, порождение иллюзии непосредственной коммуникации.

Интернет, превращаясь в охватывающую весь земной шар и стирающую границы среду общения людей, трансформирует характер труда и досуга современного человека, выводит на совершенно новый уровень духовности, системы образования, раздвигает культурные горизонты. Вовлекая в единое информационное и духовно-культурное пространство миллионы людей, независимо от мест их проживания и физической удаленности друг от друга, Всемирная Сеть становится одним из мощных двигателей современной глобализации.

Возникает такой феномен как киберпространство, который конструируется при помощи компьютерных средств, являясь интерактивной средой оперирования объекта-

ми, на основе трехмерного графического представления, симуляции физических свойств (объем, движение), способности воздействия, самостоятельного присутствия в пространстве, виртуальная реальность предполагающая создание средствами специального компьютерного оборудования эффекта присутствия человека в объективной среде сопровождающееся ощущением единства с компьютером. В «киберпространстве» хранится, обрабатывается информация, идёт живой обмен ею; оно реально и в то же время нереально. В его реальности убеждаются страны, пытающиеся закрыть доступ к информации, что немедленно оборачивается существенными потерями. И в то же время тут много условного – «место без физического места».

Примером архетипического киберпространства являются религиозные мифы, поэтические образы античности, художественные произведения современности – их герои создают воображаемые пространства жизни миллионов пользователей, становясь виртуальными сущностями. Информационная насыщенность при этом обеспечивала закрепление, преемственность культурных образцов подрастающим поколением, социализацию детей, молодежи. Анализируя виртуальный мир Интернета, мы можем выделить характерные черты информационной системы: 1) она структурно копирует человеческий мир; 2) сглаживает временные, пространственные рамки; 3) усиливая интеллектуальные возможности, создает предпосылки к возникновению суперинтеллекта; 4) беспрецедентно эксплуатирует культурные образцы, игнорирует нравственные традиции и установки.

Гипертрофированное техническое развитие человечества, и с бесконтрольным и хаотическим ростом информации в современном обществе ведёт к трансформации духовных ценностей. Современная аксиоматическая ситуация сложилась вследствие всё увеличивающейся дистанции между научно-техническим прогрессом и духовным состоянием общества.

Оскудение духовного бытия на фоне гигантского роста информации говорит о том, что информационное общество не является беспроблемной и позитивной реальностью, а раскрывает новый уровень духовно-нравственных тупиков и противоречий, которых не знали предшествующие эпохи.

Прежде всего, необходимо отметить, что развитие информационного общества приводит к расширению пространства личностной свободы человека, который проявляется в его досуге и касается духовной стороны жизни личности, а не материальной. Как организовать своё свободное время, чем его наполнить, какие духовные приоритеты выбрать в виде главных – все эти вопросы, в конечном счёте, являются вопросами о смысле человеческого существования. Каков смысл жизни, таков и досуг человека – время, свободное от трудовой занятости. Если оно не заполнено чем-то значимым, то возникает состояние экзистенциального вакуума, которое грозит психическими расстройствами личности. Так как в информационном обществе свободное время расширяется за счёт усовершенствования технологий, то вопрос о смысле человеческого существования становится особенно острым.

Высокие технологии создают пространство свободы досуга, но заполнить это пространство смысловым наполнением нечем. В парадоксальной форме эта закономерность информационного общества выражается в словах: свобода вне смысла. Утрата смысла жизни порождает состояние непонимания, в котором люди не могут находиться и которое с необходимостью побуждает их к поиску новых смыслов.

Противоречие между свободой досуга и смыслом жизни в большей мере, проявляются в деятельности средств массовой информации. Информация, пришедшая на смену смыслу, в современном обществе выполняет ту же роль, какую в нём выполняли традиционные духовно-нравственные ценности предшествующих эпох. Можно сказать, что информационное общество обнажает проблему экзистенциального смысла существования человека, что является по своей сути духовно-нравственной проблемой, которая требует отнюдь не технологических решений.

В информационном обществе человек оказывается пленным средой, превращаясь, в машину для переработки информации. Толкование человека в информационной терминологии сигнализирует о негативных чертах информативной культуры, несущих для человека духовную опасность и поэтому требующих социального контроля и аналитики.

Информационное общество – это глобальное общество. Соответственно, те угрозы и опасности, которые несет с собой глобализация, во многом исходят из самой сущности информационного общества. Основное противоречие этого общества – это противоречие между универсальными измерениями глобального мира, которые стали возможными благодаря информационным технологиям, и локальными (национальными) социально-культурными мирами, которые терпят ущерб от интенсивного развития этих технологий. С одной стороны, расширение информационной среды во всепланетарном масштабе имеет позитивное значение. Средства массовой информации сближают народы. Стремление решить глобальные проблемы, которые затрагивают интересы народов на всех континентах, ведет к формированию мирового гуманистического сознания. Но с другой стороны, создание глобальных проектов приводит к недооценке и третированию локальных процессов, которые практически исключались из глобального моделирования. Осознание процесса глобализации мирового сообщества требует новых подходов, способных объяснить интеграционные процессы в самых разных сферах общественной жизни.

Информация в глобальном измерении перестает быть аксиологически нейтральной вещью и приобретает деструктивный характер. Глобализирующееся информационное пространство нивелирует всякое разнообразие и стандартизирует мышление.

Эти проблемы информационного общества затрагивают основы цивилизационного развития человечества и непосредственно связаны с проблемой его духовного кризиса.

Информация – это благо и одновременно зло. Такие вещи как информированность, знания являются благами, причём в некоторых случаях благами абсолютными, а не относительными, ибо СМИ обеспечивают мобильную подачу информации, сокращая время и пространство. И это реальное благо, которое приносит с собой информационное общество. Но с другой стороны, именно молниеносное и беспрепятственное распространение обильной информации в обществе имеет многие негативные последствия.

Широкое распространение информационных технологий кардинально меняет процесс принятия решений даже далеко за пределами сферы их непосредственного воздействия. Современную информационную среду можно охарактеризовать следующим образом: 1) возникает постоянный избыток ненужной информации, при помощи которой сознательно скрывают конкретную информацию; 2) отсутствие структурирования информации; 3) хаотическое и непредсказуемое развитие разнообразных «информационных фантомов», которые сконструированы специалистами для определённых целей, многие из которых неотличимы от реальных событий и факторов; 4) наличие большого числа непознаваемых явлений, которые формируют у человека интеллектуальную пассивность.

Таким образом, СМИ способствуют углублению духовного социального кризиса, формируя у современного потребителя информации безволие и безответственность, порождают потерю чувства реальности окружающего мира, потерю ориентации в сложных реалиях современного общества, способствуют утрате отдельным человеком объективного критерия истины в результате производства социальных мифов, миров Зазеркалья, воздействующих на сознание индивида и его поведение, способствуя деструктивной деятельности по перестройке сознания человека и используя нейролингвистического программирования. Всё это значительно ограничивает результативность использования логического анализа различных явлений социальной жизни и формирует различного рода фобии у современного человека.

Е.В. Поликарпова указывает на важный антропологический момент, связанный с деятельностью информационных технологий. Речь идет о типе личности, сформированном современными информационными технологиями, в том числе электронными масс-медиа, который характеризуется как *Homo gelius* – человек желеобразный. Именно *Homo gelius* несет ответственность за то, что своим безответственным поведением он способствует различного рода преступлениям, порождает целый спектр опасностей и угроз другим индивидам и социуму¹.

Кроме перечисленных духовных противоречий, которые возникают в информационном обществе, новые информационно-технологические возможности порождают

¹ Поликарпова Е.В. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе. – Ростов н/Д., 2002. С. 62.

новые опасности, которых человечество стремится избежать. «Информационная революция несет с собой и совершенно новые проблемы. Среди них – цифровое неравенство стран и регионов, проблема правового регулирования сети Интернет, электронной коммерции и налогообложения в этой области, вопросы интеллектуальной собственности, проблема обеспечения безопасности и конфиденциальности информации, возможность психологического воздействия на индивидуальное и общественное сознание с целью навязывания своего видения характеристик противника, его образа, используя современные информационно-коммуникационные технологии. Успешность их решения остается одним из основных факторов, влияющих на развитие глобального информационного общества»².

Огромной проблемой современного общества является негативное влияние информационной среды на психику, сознание, волю человека. С.Г. Кара-Мурза в своей книге «Манипуляция сознанием» даёт следующее определение: «манипуляция – это способ господства путём духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении»³.

Из этих определений видно, что манипуляция сознанием – явление социального порядка, в котором информация выступает в роли основной субстанции. Это свидетельствует о том, что информация совсем не безобидная вещь, особенно в современном обществе, в котором манипулятивные технологии достигли такого высокого уровня развития, что стали неотъемлемой частью жизни подавляющего большинства обычных людей, как правило, ничего не подозревающих.

Всепроникающий характер манипуляции сознанием угрожает уже не только информационной безопасности, но подрывает духовные основы достоинства личности. Общество, в котором возможны манипулятивные технологии, становится духовно безнравственным. Это и есть проявление духовного кризиса общества.

Интенсивное развитие информационных технологий порождает социальную систему с высокой социальной мобильностью. Это имеет свои преимущества, так как способствует адаптации современного человека к информативным реальностям культуры. С другой стороны, информационное общество содержит в себе духовные противоречия. В этой ситуации необходим глубокий философский анализ ситуации и возможных путей решения проблем, которые наиболее адекватно будут отражать духовные запросы человека информационного общества.

Весьма показательно, что в качестве составной части новейшей философии философия техники огромное значение уделяет духовно-нравственным компонентам.

Любое достижение науки и техники может быть использовано как с пользой для человека, так и во вред ему. По этой причине обращение к потенциалу этики не имеет альтернативы. Этика не одобряет вседозволенности ни в одной области человеческой деятельности. Глобальные катастрофы неизбежно возникают там, где сообщество не берёт ответственности за их предотвращение. Что же касается механизма реализации ответственности, он хорошо известен – создание соответствующего права и постоянное его совершенствование в соответствии с результатами. В данной связи заслуживают внимания следующие четыре важнейших обстоятельства.

Во-первых, следует учитывать, что исходные ценностные ориентиры содержатся в частных науках, таких, например, как экономика, политология, социология, правоведение. Это означает, среди прочего, что следует руководствоваться междисциплинарным ценностным синтезом. В его отсутствие информационные технологии уходят из-под контроля человечества.

Во-вторых, крайне важно понимать, что связанные с Интернетом коллизии имеют общепланетарный характер и, следовательно, главным субъектом ответственности становится сообщество его пользователей в целом. Постмодернистская интуиция состоит в том, что в борьбе против террора универсального следует быть апологетом уникального.

² Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2003. – С. 83.

³ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2004. – С. 34.

В-третьих, этическая ответственность не имеет ничего общего с так называемым тотальным контролем, который всегда являлся проявлением грубой силы, чуждой научности, философской, культурной утонченности. Что касается сферы интимного, то на неё, разумеется, общественный контроль не распространяется. Этика ответственности применительно к информационному обществу – это этика ценностей, которой претит вседозволенность, отказ от тех смыслов бытия, которые способны обеспечить человеку его благоприятное будущее.

Таким образом, на сегодняшний день назрела потребность в создании системы экологического контроля глобальной информационной среды человека, – генетически обусловленные механизмы внушаемости не смогут обеспечить ему возможность выжить в тех условиях, которые формируются современными средствами информационного воздействия. Единая мировая информационная система незаметно освободила человечество от забот о своём «свободном развитии». По существу, процесс добровольно инициируется некими олигархическими группами социопсихологов-программистов, управляющих банками информационной продукции, изготавливаемой для повседневного потребления массами. Всё очевиднее, что только смысложизненный мир человека и есть тот оплот цивилизации, созидающая который, люди спасут мир.

Переход России к информационному обществу связан: во-первых, с развитием единого информационного пространства как необходимого условия духовного объединения народов России, вхождение страны в мировое информационное сообщество в качестве равноправного партнера, расширение международного научного, политического сотрудничества; во-вторых, с совершенствованием СМИ, создание общественно-политического климата в стране, благоприятного для перехода к информационному обществу; в-третьих, с формированием развитых информационных потребностей, информационной культуры населения; в-четвёртых, с развитием системы обеспечения личной, общественной безопасности в информационной сфере, предотвращение угроз использования новых информационных технологий в качестве оружия, информационного террора.

Можно выделить следующие основные тенденции утверждения информационного общества в России: 1) образование коммерческого информационного сектора экономики, структура и занятость в котором не исследованы; 2) интенсификация процесса информатизации коммерческого сектора экономики. Информатизация в бизнесе идет по модернизационной схеме; 3) устойчивая потребность населения к возможностям информационно-компьютерных технологий (ИКТ), «вхождение» России в так называемую «домашнюю компьютерную революцию».

Список литературы

1. Поликарпова Е.В. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе. – Ростов н/Д., 2002. – 170 с.
2. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003. – 232 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2004. – 345 с.

TRANSFORMATION OF SPIRITUALITY IN INFORMATIONAL DEVELOPMENT OF THE SOCIETY

S. I. Nekrasov
Z. V. Makatov

*Moscow state technical
university of civil aircraft*

*e-mail:
sinekrasov@mail.ru*

The formed universal society causes deep transformation of social communications of the individual. Complex consideration of globalisation opens its inconsistent character, appears in the form of system of positive and negative estimations that mentions bases civilisation developments of mankind and are directly connected with a problem of its spiritual crisis.

Key words: Information revolution, globalisation, universal civilisation, spirituality, morals, value, the information environment, manipulation, spiritual contradictions, meaning of the life, freedom.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ИСКУССТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ

Н. В. Рожкова

*Орловский государственный
аграрный университет*

e-mail: nfn@yandex.ru

Статья Н.В. Рожковой посвящена проблематике художественного творчества, широко представленной в произведениях Германа Гессе, и содержит разносторонний анализ писателя по отношению к разным видам искусства. Автор рассматривает иерархию видов искусства, которая прослеживается в творчестве немецкого писателя, а также смысловые связи и аналогии с философией Ф.Ницше и А. Шопенгауэра. Осмысление Г. Гессе механизмов художественного творчества позволяет проследить характер взаимосвязи между состоянием культуры и функционированием отдельных видов искусства (в частности, литературы, музыки, театра). В статье большое внимание уделено анализу того значения, которое играет искусство в жизни общества и истории культуры.

Ключевые слова: творческая личность, искусство, механизмы творчества, созидательные возможности, эстетическое осмысление мира, вечность, иерархия видов искусства, культура, духовное начало.

Многообразие типов личностей, радуга индивидуальностей не исключают одного вопроса: есть ли люди, начисто лишённые эстетического чувства, пусть даже в его зародышевом, «ростковом» состоянии? Достаточно трудно вообразить человека, который ни разу не остановился в изумлении перед картиной или архитектурным сооружением, у которого не дрогнула бы душа под влиянием прекрасной мелодии или во время спектакля, который играет великими актёрами... Так же трудно представить себе творчество Германа Гессе без его эстетической составляющей, т.е. без персонажей, имеющих отношение к разным видам искусства или просто любящих искусство. Мотив размышления о судьбе и роли искусства в потоке социокультурных изменений, о механизмах творчества и его преобразующих возможностях возникает и развивается в разноплановом и разножанровом писательском опыте Гессе: «Игра в бисер», «Нарцисс и Гольдмунд», «Паломничество в страну Востока», «Степной волк», сборник «Путь сновидений» и т.д.

Творческие процессы, созидательность как неотъемлемая характеристика истинного человека привлекают внимание писателя и вызывают к жизни размышления его персонажей – художников и музыкантов, которые ясно осознают одновременное превосходство и ограниченность эстетического, эмоционального восприятия мира. В «прекрасной стране искусства» легко потонуть в чувственном мире; художнику светит луна и звёзды, но он лишён света солнца, т.е. мысли, слова, идеи, правила, ограничения, нормы. Герман Гессе связывает происхождение мира искусства с материнским, сестринским, женским началом – хаотичным, искусительным, многоликим, сияющим любовью, сквозь которую просвечивает и лик смерти. Но само искусство во всей полноте является «слиянием отцовского и материнского начал мира, Духа и крови, оно могло начаться в самом что ни на есть чувственном элементе и привести к предельно отвлечённому или, взяв своё начало в чисто мире идей, завершиться в наиболее плотнейшей плоти»¹. Читая эти строки, невольно вспоминаешь о религиозной живописи Западной Европы, которая пережила перетекание отвлечённой идеи Божественного в телесную красоту Мадонн эпохи Возрождения.

Как творческая личность, Г.Гессе ясно понимает: художник создаёт статуи и картины, чтобы «...хоть что-то спасти от великой пляски смерти, хоть что-то оставить, что просуществует дольше, чем мы сами»². При этом в одном ряду с искусством, также преследуя цель преодоления тленности живого, оказывается и религиозная, духовная дея-

¹ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.3 – с. 144.

² Там же – с.133.

тельность, в которой существует своя опасность – «задохнуться в безвоздушном пространстве», т.е. слишком высоко забраться в мир идей, забыть о реальности и стать совершенно одиноким. Осмысливая сущность творческой деятельности, великий писатель задаётся вопросом: «Может быть, корень всех искусств и, пожалуй, всего духовного – в страхе перед смертью?», и его произведения дают положительный ответ. Если же человек и человечество перестают обращаться к высоким образцам или подменяют их произведениями-однодневками, начинаются беды и войны, вызванные болезнями духа. Удивительные строки можно прочесть в одном из писем Германа Гессе к государственному министру, написанном в годы Первой мировой войны. Писатель убеждает политика сделать всё для прекращения бойни и избавиться от ложного страха перед общественным мнением: «Вам трудней осознать замешательство и начать поиск решения, чтобы окончить войну. Вам трудней это и потому, что Вы слишком мало слушаете музыку, слишком мало читаете Библию и великих писателей»³.

Гессе касается своим пером не всех видов искусства, представленных в современном обществе; в поле его писательского интереса попадают музыка, изобразительные искусства, театр и литературное творчество, причём если театр стоит несколько особняком (да и то это театр магический, т.е. не совсем театр), а также кинематограф. Среди затронутых видов искусства можно выстроить нечто вроде *иерархии*, которая выглядит следующим образом: наиболее влиятельным и самым универсальным видом творческой деятельности Гессе считает литературу или поэзию, несколько менее значимой, хотя не менее прекрасной в его произведениях предстаёт музыка, а более скромное место автор отводит изобразительным искусствам и театру. Вслед за Лессингом, Гессе признаёт универсальность языкового творчества, но одновременно приоткрывает взору читателей противоречивость, даже некоторую болезненность литературного процесса.

К писательскому ремеслу Гессе, с одной стороны, относится довольно иронично и критично. В «Сказке о плетёном стуле» читатель знакомится с молодым художником, который становится писателем из-за недостатка таланта и трудолюбия, ведь живопись приносит одни разочарования! Этот молодой человек не потрудился заглянуть в суть вещей, а ведь даже обычный плетёный стул мог бы рассказать ему много интересного и необычного. Но в сказке «Поэт» создание литературного произведения предстаёт не просто как сочинительство: поэту доступно осознание красоты мира, он становится одиноким зрителем, наблюдающим смену картин жизни и желающим выразить её сиюминутную прелесть. Поэтому достичь вершин поэзии может лишь достигший вершин в сочинении музыки. В коротком рассказе «Трагедия» звучит откровенная тоска великого писателя по утраченному величию и богатству языка. Сегодня этот рассказ читается так, будто он написан о России 21 века: «Настало время, когда наше поколение отвернулось от поэзии, когда мы все ... почувствовали: теперь все двери храмов закрылись, теперь настал вечер, и священные леса поэзии помрачнели, и ни один из живущих сейчас не найдёт заветной тропинки по божественную сень. Сделалось тихо, и тихо затерялись мы, поэты, на отрезавшей земле, которую навеки покинул великий Пан»⁴. Угасание поэтического начала для Гессе равносильно кризису культуры, потому что тот, кто грешит против «священного духа языка», обречён. При этом писатель осознаёт условность любого творчества, осознаёт, что слово «поэт» – лишь «прекрасная абстракция», и каждый великий поэт воспринимается последователями как недостижимый образец, хотя таковым не является. Счастлив осознавший простую истину: надо «...в душе быть истинным поэтом, сновидцем, видящим, и оставаться при своём ремесле простого литератора»⁵.

Язык как индикатор состояния культуры всё же не до конца удовлетворяет потребности Гессе, остро ощущавшего одновременно его неограниченные возможности и несовершенство, «потенциальную недоразвитость», так как «...язык не нашёл ещё слов для сложных душевных движений, ибо такие языковые противоречия, как злорадство и сострадание»⁶ вполне могут быть переплетены в человеческой душе, но остаются проти-

³ Герман Гессе. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987 г. – с. 18.

⁴ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т. 3 – с. 390.

⁵ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т. 3 – с. 385.

⁶ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т. 2 – с. 95.

воположными в языке. Эти идеи Гессе созвучны мнению многих философов и лингвистов, посвятивших свои работы проблеме соотношения состояния языка и культуры. Так, немецкий философ О. Розеншток-Хюсси в своей книге «Речь и действительность» пишет: «Язык, логика и литература определяют судьбу общества и выражают все политические перемены; они воплощаются в действительности и изменяют действительность»⁷. Этот исследователь указывает также на трансцендентный характер человеческой речи: «Ни один язык не сводится только к общению с другими людьми; язык – это общение с универсумом. Говорением мы пытаемся передать пережитый или переживаемый опыт универсума своим собратьям в человечестве... Человек экономит космические процессы, делая их доступными для всех других людей»⁸.

Универсальный, вневременной характер литературной деятельности обсуждается и очерчивается в переписке Г. Гессе. Писатель, по его мнению, несёт ответственность за каждое написанное и опубликованное слово, так как ему доверяют и доверяются читатели (сам Гессе вёл громадную переписку с читателями). И гениальность писателя – в его способности прозреть и воплотить будущее: «Будущее наступает не благодаря тем, кто перед лицом его думает закрыть глаза всем отчаявшимся. Показывать и осмыслять скрытые бездны – одна из задач литературы»⁹.

В переписке Г. Гессе встречаются неожиданные утверждения, касающиеся механизмов поэтического творчества. Поэт не способен регулировать, контролировать отбор материала, тематики и т.д., так как «...подлинное не может быть измышлено, оно должно быть возвращено в душе»¹⁰.

Безусловное преклонение испытывает Гессе перед музыкой, особенно классической, ведь в «кафедральных соборах музыки» служат великому Духу. Если попытаться осмыслить причины того, что писатель в буквальном смысле превозносит и боготворит не тот вид искусства, которому непосредственно обязан известностью, придётся отвечать на вопрос о том, какую роль в действительности играет музыка в жизни человека, человеческих сообществ и человечества в целом. Уже на ранних стадиях развития культуры люди осознали исключительную важность музыки. Мифологии разных народов содержат многочисленные сюжеты, в которых присутствуют, действуют музыканты, музыкальные инструменты, звучат музыкальные произведения. Особенно богата такими сюжетами мифология Древней Греции (имена Аполлона, Орфея, Пана стали нарицательными, да и само название музыки произошло от имени муз – покровительниц разных видов искусств). И в славянских мифах Лель играет на свирели, птицы Сирин и Алконост поют о будущем, а в скандинавских – золотой рог Гьяллахорн возвещает о начале Рагнарока и т.д. Е. В. Герцман в книге «Музыка древней Греции и Рима» пишет о том, что у представителей античной культуры музыка была тесно связана или представала как способ познания: «...само понятие музыки древние греки трактовали в узком и широком смыслах: в узком – как искусство музыки или наука о музыке, а в широком – как комплекс знаний, связанных с общей культурой и образованием. Идеал античности – мусический человек, который... находится под постоянным покровительством муз и одновременно является их служителем»¹¹. Герцман также подчёркивает первоначальную нераздельность музыки, поэзии, танца, синтезирующихся в театральном искусстве, что непосредственно отражало характер сознания, его синкретизм: «В таком взаимодействии художественного творчества и жизни была одна важная особенность: искусство выступало здесь не расчленённым на отдельные виды, а как единый неразрывный комплекс»¹².

Возникает и ещё один закономерный вопрос: почему же именно музыка является прародительницей всех искусств? На первый взгляд, ответ представляется довольно простым: слух – важнейшее из средств чувственного познания мира. Человек должен был (при всей ограниченности диапазона его слуха в сравнении с другими видами живых ор-

⁷ Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 2008. – с. 15.

⁸ Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 2008. – с. 160-161.

⁹ Герман Гессе. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987 г. – с. 180.

¹⁰ Герман Гессе. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987 г. – с. 78.

¹¹ Герцман Е.Г. Музыка Древней Греции и Рима. – СПб: Алетейя, 1995. – с. 26.

¹² Герцман Е.Г. Музыка Древней Греции и Рима. – СПб: Алетейя, 1995. – с. 121.

ганизмов) развивать, изопрятать свой слух, чтобы выжить, а уловив ритмичность, мелодичность окружающего, человек постепенно поднялся до способности создавать собственные способы воздействия на слуховые рецепторы, и одним из важнейших среди них является музыка.

На заре европейской культуры Никомах, Кассиодор, Пифагор создают учения о структуре и принципах организации музыкального произведения, о связи между движением и звучанием; возникает представление о музыке космоса, а затем в эпоху христианства – о Божественной, ангельской музыке. Тома и тома написаны исследователями разных народов о воспитательном значении музыки, непосредственно влияющей на состояние души слушателей и способной трансформировать сознание.

Придавая исключительное значение музыке, Герман Гессе опирается в своих размышлениях на традиции, заложенные Ницше и Шопенгауэром, и делает большой шаг вперед в осмыслении музыкального феномена. Ф. Ницше в своей работе «Рождение трагедии из духа музыки» утверждает, что музыкальность «лежит в основе творчества» вообще, соглашается с Шопенгауэром, который считал музыку универсальным языком человечества, но достаточно критично относится к современному ему состоянию музыки. Он сравнивает роль и характер музыки в древнегреческой трагедии и пишет, в частности, о том, что опере удалось придать музыке «характер чего-то увеселительного». Крайне интересно было бы услышать или прочесть суждения великого философа, например, о мюзиклах или «Фабрике звёзд»! Рассуждая о «неизречённости, тайне музыки», Ницше задаётся вопросом: «Быть может, существует область мудрости, из которой логик изгнан? Быть может, искусство – необходимый коррелят и дополнение науки?»¹³. На эти вопросы внимательный читатель находит ответы в романе Гессе «Игра в бисер». В этом произведении автор пытается наметить, прорисовать выход из социокультурного кризиса, вызванного войной и утратой целостности общественно-ценностных ориентиров и характерного для 20 века. Ситуация описана настолько узнаваемо, что читатель невольно втягивается в повествование, чтобы получить ответ на вопрос: что делать, где выход из тупика, в который закономерно забрела европейская цивилизация?

Этот желаемый выход мыслитель и писатель Герман Гессе видит в развитии духовной культуры в её элитарной разновидности (он вообще критик и противник массовости). Автор с глубоким уважением высказывается о христианстве как мировоззрении и духовной практике, но одновременно он достаточно суров по отношению к будущему этой мировой религии: опыт христианства велик и прекрасен, но человечеству нужно нечто совершенно новое! Игра в бисер рождается из жестокой необходимости выживания человечества, раздираемого неопределённостями, противоречиями и войнами, и представляет собой синтез музыки и математики (науки и искусства, согласно рецепту Ницше). Музицирование является предварительным этапом вхождения в Игру, обязательной составляющей образования, которое получают кастальцы. Конечно, в их репертуар входит классическая музыка: «Жест классической музыки означает знание трагичности человечества, согласие с человеческой долей, храбрость, веселье!»¹⁴. Звучание музыки Моцарта, Баха, Генделя, Брамса всегда означает «...наперекор, какое-то презрение к смерти, какую-то рыцарственность, отзвук сверхчеловеческого смеха, бессмертной весёлости»¹⁵.

Вслед за Шопенгауэром, почитавшим музыку как метафизическое начало мира, а мир – воплощением музыки, Гессе чувствовал в музыке «Дух, отрадную гармонию закона и свободы, служения и владычества... и видел в эти минуты весь мир ведомым, выстроенным и объяснённым духом музыки»¹⁶. Возвышающее, облагораживающее влияние классической музыки описано Гессе в романе «Степной волк», главный герой которого – меломан, любитель классики, вынужденный соприкасаться и с современной музыкой, т.е. джазом.

Ф. Ницше – мастер догадок и неожиданных сопоставлений, указывает на неуловимую метафизическую связь между немецкой музыкой и немецкой философией, на их «таинственное единство». По мнению В.И. Петрушина, «каждая самобытная националь-

¹³ Фридрих Ницше, сочинения в 2-х томах, т 1. – М.: Мысль, 1990. – с. 86.

¹⁴ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.4 – с. 28.

¹⁵ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.4 – с. 78.

¹⁶ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.4 – с. 49.

ная культура имеет свою музыкальную культуру, отличающуюся способами музыкального выражения и ...способами музыкального мышления».¹⁷ Эта мысль иллюстрируется размышлениями главного героя романа Гессе «Степной волк», который догадался, что «в немецкой душе царит материнское право, связь с природой в форме гегемонии музыки, неведомая ни одному народу»¹⁸. Интеллигентный немец, по выражению Гессе, «кокетничал с музыкой», поэтому «роль интеллекта была такой жалкой»¹⁹. Там, где Ницше воспекает немецкий дух, воплотившийся в великой философии и великой музыке, Гессе возлагает ответственность за совершающееся в Германии первой половины 20 века на образованную часть немецкого общества и в негодовании восклицает: «...мы были неужной оторванной от действительности компанией... болтунов. Тьфу, пропасть! Бритву!»²⁰. И в этом немцам основательно помогла любовь к музыке!

Прилежный ученик, Герман Гессе идёт несколько дальше своего учителя, повествуя о *тесной связи между характером музыки и состоянием культуры в целом*. Он рассуждает о ходе исторических изменений в христианстве, отразившемся в религиозной музыке; вспоминает о роли музыки в Китае, где «...музыке отводилась в государстве и при дворе ведущая роль; благосостояние музыки поистине отождествлялось с благосостоянием культуры, нравственности, даже империи... Гибнущие государства и созревшие для гибели люди тоже, правда, не лишены музыки, но их музыка не радостна. Поэтому чем бурнее музыка, тем грустнее становятся люди, тем больше опасность для страны, тем ниже падает правитель. Тем же путём пропадает и суть музыки»²¹. Ассоциации первого порядка, возникающие при чтении этих строк Гессе – это немецкие военные марши времён Третьего Рейха, это бравурно-наигранно-оптимистическая советская музыка...Какую музыку вы слушаете, о люди?

Есть удивительная история в повести «Путешествие в страну востока» о царе Давиде, который сначала был музыкантом и «...утешал бедного Саула своей музыкой... Он был куда счастливее и симпатичнее, когда оставался музыкантом»²². Что это? Означает ли это, что музыка, занятия искусством и власть несовместимы? Или это лишь предостережение для юношества от давящего душу стремления во власть? Или указание – так, вскользь, походя, как многое значимое и ключевое в произведениях Гессе – на *сходство, единородство* власти и музыки? Ставший музыкантом легко становится царём, но ставший царём уже не может быть музыкантом, служить Духу? Тем более что сама музыка подчиняется общему великому закону служения: «Что хочет жить долго, должно служить. Что хочет господствовать, живёт недолго»²³. О чём это – о власти, о музыке, о человеке, о религии или обо всём сразу? Таков Гессе, как и любой философ: вопросов гораздо больше, чем ответов, и каждый найденный ответ порождает новые вопросы и необходимость искать ответы на них.

Однозначно можно утверждать, что Гессе был убеждён в преобразующем, очищающем воздействии великой и великолепной классической музыки на человеческую натуру. Об одном из своих прекрасно-духовных персонажах – мужчинах (женщины у Гессе практически лишены творческого начала и музыкальности) автор сообщает, что «...он выбрал музыку как один из путей к высшей цели человечества, к внутренней свободе, к чистоте, совершенству и словно с тех пор он только и делал, что всё больше проникался, преображался, очищался музыкой»²⁴. Сегодня эти утверждения подтверждены опытами, которые ставились на животных, и результатами изучения социального поведения любителей тяжёлого рока. Появление в Интернете аудионаркотиков (музыки, формирующей у слушателей определённые психические состояния) ещё раз демонстрирует высочайшую эффективность «музыкального воспитания».

¹⁷ Петрушин В.И. Музыкальная психология. – М.:ВЛАДОС, 1997. – с. 198.

¹⁸ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.2 – с. 232.

¹⁹ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.2 – с. 241.

²⁰ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.2 – с. 296.

²¹ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.4 – с. 25-26.

²² Там же – с. 303.

²³ Там же – с. 285.

²⁴ Там же – с. 247.

Преображающие возможности музыки описаны в коротком рассказе «Сон о флейте» (вообще духовые инструменты, дыхание жизни, Дух в сознании писателя тесно связаны). Мы видим человека, в молодости причастившегося радости бытия через песни, которые звучат во всём сущем: «...о, когда б все эти песни разом зазвучали во мне, я был бы самим Господом Богом и с каждой новой песней зажигал бы в небе новую звезду»²⁵. Смысловое единство в этом рассказе образовали категории творческого, божественного и музыкального; музыка оказалась истоком бытия, изливанием божественной способности в песне творить новые миры. И этой же способностью наделён человек, просто в меньших масштабах. Но путь музыканта не может быть только светлым и счастливым: начавший петь, чтобы приносить радость, постепенно постигает грозную сущность бытия: «...мир в своей сути не добр и не светел, как сердце Господне, о нет, он тёмн и страждущ, и если леса шумят, то шум их – не радости шум, но страдания»²⁶. Грозной и страшной в песне жизни предстаёт и любовь – «смертельная тайна», к познанию которой стремились люди во все времена. Тяжесть знания истины о мире ложится на плечи поющего, и нет ему пути назад, в счастливое неведение. Рецепт для всех стремящихся к знанию один: «Только вперёд следует идти, если хочешь постичь мир»²⁷. Аккорды философии Ницше, Шопенгауэра, Кьеркегора звучат в творчестве Г.Гессе отчётливо, но не перебивают его собственной мелодики.

Приверженность классической музыке (несмотря на её совершенство и вневременной характер) не убила в Германе Гессе неподвзятость слушателя, поэтому в романе «Степной волк» он отдаёт дань и джазу, называя его лёгкой, кровавой, пронзительной музыкой. Среди персонажей в произведениях Гессе выделяется некий музыкант Пабло, странствующий из произведения в произведение. Этот молодой саксофонист полемизирует с Гарри, одним из самых автобиографичных персонажей Гессе, утверждает значимость лёгкой музыки и отказывается решать вопрос о том, сколько просуществует то или иное музыкальное произведение: «...это, я думаю, мы можем спокойно предоставить Господу Богу. Он справедлив и ведаёт сроками, которые суждено прожить нам всем, а также каждому вальсу и каждому фокстроту. Он наверняка поступит правильно»²⁸. Задачу музыканта Пабло видит в том, чтобы *как можно лучше* играть музыку, которую жаждут слышать люди. Г.Л. Головинский описывает в своих работах влияние социокультурной среды и психофизиологических свойств личности на восприятие музыкальных произведений, он считает, что в содержании музыкальных образов отражаются ценностные ориентации слушателей. Честно говоря, сегодня меня не оставляет ощущение, что молодёжь не стремится слушать и изучать классику, потому что это музыка не для всех, как не для всех и *вечность* (если согласиться с Гессе), а энергии в музыке Моцарта, Баха или Штрауса – это уже не энергии сегодняшнего дня. Музыка и время так же сопричастны друг другу, как человеческие лица и души: одно проступает через другое, прорывается, формирует, отражает...

Привлекают внимание писателя и изобразительные искусства, требующие наблюдательности, живости воображения и большого сосредоточения, но «...заниматься живописью так чудесно, вы становитесь более жизнерадостным и снисходительным. После этого у вас пальцы не чёрные, как от писания, а красные и синие.» Показательно, что сам Гессе, будучи уже известным писателем, стал рисовать, находя в этом занятии массу удовольствий. Те, кто видел его картины, согласятся, что они пронизаны любовью к жизни и светом, наполнены яркими красками.

Попытки соотнесения изобразительно-выразительных возможностей живописи (в расширительном смысле слова) и поэзии делались неоднократно, в частности, этой теме посвящена известная работа Г.Э. Лессинга «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии». Отталкиваясь от работ известных античных и современных поэтов, скульпторов, художников, Лессинг отмечает, что поэтические изображения не требуют изъятий, они могут быть полномасштабны во временном отношении, в то время как живопись избира-

²⁵ Там же – с. 493.

²⁶ Там же – с. 494.

²⁷ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.3 – с. 496.

²⁸ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.2 – с. 215.

тельна: скульптор тщательно обдумывает *момент, миг*, в который будет запечатлён герой. Лессинг делает вывод о том, что живопись идёт вслед за поэзией, овеществляет, делает наглядными поэтические образы: «У художника исполнение представляется нам делом более трудным, чем замысел; у поэта же, наоборот, замысел кажется нам более трудным, чем исполнение²⁹. При этом попытки изображения материального средствами поэтического, по мнению писателя, обречены на неудачу, являются проявлением безвкусицы. Его рецепт для литераторов прост: «Изображайте нам, поэты, удовольствие, влечение, любовь и восторг, которые возбуждает в нас красота, и тем самым вы уже изобразите нам самое красоту»³⁰.

Возможности взаимоподражания поэта и художника не интересуют Германа Гессе, для него вопрос состоит несколько в другом: кто и как становится настоящим художником? Героям его произведений открывается предназначение настоящего художника – совершить невозможное, совместить несовместимое – смерть и наслаждение, мужское и женское, инстинктивное и чисто духовное. Герой романа «Нарцисс и Гольдмунд» постигает связь между внешним и внутренним через бесконечные наблюдения за человеческой натурой; он, знавший множество женщин, в чувственных наслаждениях находящийся источник вдохновения, воплощает краткие впечатления за человеческими телами в пластические образы. Черпать из реки жизни, просеивать мелкий песочек впечатлений – удел и времяпровождение художника, но в эту реку должны впадать два источника – любовь и свобода. Избитая формула «искусство требует жертв» наполняется в романе конкретным содержанием: претворение в жизнь художественного замысла равносильно рабству; художник не может творить, не отказавшись *сознательно и полностью* от наслаждений, посторонних мыслей и чувств, личных интересов, потому что искусство, «такое, казалось бы, духовное существо, требовало стольких ничтожных вещей!», как крыша над головой, инструменты и материалы, труд и невероятное терпение.

По мнению Е.Г. Мюнстер, три вида искусства в творчестве Г.Гессе дополняют и пересоздают друг друга: «Музыка помогает родиться стихам, а стихи, в свою очередь, рождают музыку. И вместе они рождают образы, которые, в свою очередь, может запечатлеть художник»³¹. Возникающий круговорот образов и впечатлений втягивает зрителей и читателей, обретающих новые реальности, новые грани бытия.

В рамки описанной выше иерархии не встраивается театр, имеющий несколько обособленное положение. С нашей точки зрения, это можно объяснить его универсальностью, ведь в театральном действе (не важно, происходит оно в древних Афинах или в Москве в 21 веке) разные виды искусства должны образовывать сплав, неразрывное единство, преобразующее душу зрителя и – на время – участника представления. В романе «Курортник» театральность жизни светского человека, её надуманность, условность, «бессмысленная торжественность» оказываются осмеянными главным героем, который играет роль ишиатика, принимает все условия игры, её атрибуты (ванны, обжорство, физические страдания). Выздоровливает курортник, лишь осознав бессмысленность и бездушность жизни, превращённой в театр, где человек – это актёр, играющий роли напоказ, а публика, общество в праве аплодировать или осмеивать каждого.

Но возможно и посещение иного театра: в магическом театре «не для всех», где с персонажами романа «Степной волк» происходит важнейшее – обретение главным героем мира собственной души (не путать с личностью, для Гессе эти понятия не синонимичны и не тождественны). В магическом театре множество зеркал отражает разные ипостаси, проекции личности, но не спасает человека от себя самого и от мучительных противоречий, порождённых характером культуры. Чтобы посетить такой театр, нужно быть сумасшедшим, да и наркотики не помешают. Таков Гессе: полная свобода проистекает из жесточайшей зависимости, а нормальный (т.е. обычный) человек вряд ли захочет глубоко заглянуть в самого себя и понять, что он гораздо сложнее и противоречивее, чем это

²⁹ Лессинг Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. / Лессинг Г.Э. Избранные произведения. - М.: Худож. лит., 1953. - с. 493.

³⁰ Лессинг Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. / Лессинг Г.Э. Избранные произведения. - М.: Худож. лит., 1953. - с. 474.

³¹ Мюнстер Е.Г. <http://www.hesse.ru/articles/muenster/read/?ar=st>.

пытаются представить психологи или философы. И хотя философия – это работа штучная, а Гессе являлся суровым критиком массовости, ей (философии или науке вообще) ещё очень далеко до адекватного, полноценного понимания человека и мира.

В высшей степени критично писатель и наблюдатель Герман Гессе оценивает новый для начала 20 века вид искусства, каким являлось кино. В романе «Курортник» мы встречаемся с главным героем в зрительном зале, когда он, «...совращённый соблазнительной для глаз сменой картин, утратив всякую разборчивость, не только мирился с самым возмутительным и неряшливо состряпанным суррогатом искусства и псевдодрамматизма», но и находил в этом времяпровождении нечто приятное и занимательное³². Жёстко-критическое, почти сплошь негативное отношение к «возбуждающему механизму кинематографа» проистекает из его *замечающих свойств*: вместо напряжённой работы духа над созданием собственных образов, зритель полностью переносится в готовый мир, показанный на экране. Возможно, уже на первых порах кинематограф явил великому писателю *своё прямое соответствие потребительскому характеру массового сознания*. В кино великие символы и личности, исторические картины и прекрасные поступки валяются в одну кучу, «превращаются в балаган», выставляются напоказ «ради ничтожной цели». Какова же эта цель, позвольте вас спросить? Перевод внутреннего плана во внешний, визуализация разных психических состояний, двойная перекодировка впечатлений – вот причина привлекательности кино (и телевидения). Экстравертный характер «технических» видов искусства во многом определил их успех у потребителей, что совпало по времени с формированием массового сознания. Г. Гессе выступал категорически против экранизации собственных произведений сразу по нескольким причинам. Во-первых, художественные средства, характерные для всех видов искусства, сугубо оригинальны и следовательно, экранизация книги – это «деградация и варварство»³³. Но ещё более важно, что будет уничтожена уникальная культурная форма: «останется воспоминание о чём-то сентиментальном или нравственном, душа и смысл, неподражаемое и неповторимое пропадёт»³⁴, т.е. будет разрушено магическое единство личности автора, средств выразительности и идей-ощущений читателя, которые и составляют сущность любого произведения искусства.

В работах Ницше и Шопенгауэра, относивших искусство к «собственно метафизической деятельности», которое способно дополнять, завершать человеческое бытие, художественному творчеству придаётся огромное значение. Признавая величайшую роль искусства как рода творческой деятельности, Герман Гессе всё же пишет об известной ограниченности, узости эстетического взгляда на жизнь, который доступен, отведён немногим избранным. С одной стороны, настоящее искусство – прорыв в вечность, в мир великого Духа, выход в новую реальность, в некое «надбытие». С другой стороны, возможности познания мира путём эстетическим ограничены. Именно к этому выводу приходит художник Гольдмунд на пороге смерти. Он заглянул в лицо вечной женственности – Майи, жизни – смерти, матери, убивающей своего беспокойного сына. Тайна бытия не будет воплощена в произведении искусства, так как сама жизнь противится этому: «...она не хочет, чтобы я сделал её тайну видимой. Ей хочется, чтобы я умер. Я умру охотно, она мне поможет»³⁵. Путь искусства – это путь к вечно ускользающим болотным огонькам Истины: существо природы «стремится найти своё символическое выражение» (Ницше) и в равной мере стремится скрыть свою суть (Гессе). Человеку искусство открывает великую возможность: «...неисполнимые мечты исполнить в грёзе, неисполнимые требования исполнить в поэзии, – короче, нелепости жизни обратить в победы духа»³⁶.

Оценка роли того или иного феномена культуры порой страдает однобокостью: религиозные мыслители не представляют иного пути развития человечества кроме общения к религии (обычно это касается какой-то конкретной религии), деятели искусства идеализируют «свой» феномен и т.д. В таком подходе, как в зеркале, отражается

³² Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.2 – с. 154.

³³ Герман Гессе. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987 г. – с. 145.

³⁴ Там же – с. 145.

³⁵ Гессе Г. Собрание сочинений. В 4-х т. / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994. т.3 – с. 264.

³⁶ Герман Гессе. Письма по кругу. – М.: Прогресс, 1987 г. – с. 78.

«субкультурность» современной культуры, т.е. её расчленённость на разнообразные компоненты: фракции и элементы, конфессии и течения, области и методы. Сегодня как никогда актуально библейское «время собирать камни, время разбрасывать камни». Период разбрасывания, расточения затянулся, а уже более полувека назад Герман Гессе писал о необходимости синтеза, поиска путей объединения усилий людей по преодолению «безвременья культуры».

Список литературы

1. Гессе, Г. Собрание сочинений [Текст] : в 4-х т. / Герман Гессе / Пер. с нем. – СПб.: Северо-запад, 1994 – 50000 экз. – ISBN 5-8352-0314-4
2. Герман Гессе. Письма по кругу. [Текст] : – М.: Прогресс, 1987 г.
3. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. [Текст] : – М.: Лабиринт, 2008.
4. Герцман Е.Г. Музыка Древней Греции и Рима. – СПб: Алетейя, 1995 ISBN 5-352-01150-х.
5. Ницше, Фридрих. Сочинения в 2-х томах [Текст] / Ницше Фридрих; Фридрих Ницше. – М.: Мысль. – ISBN 5-244-00853-6. 2 / Ред. К.А.Свасьян. – 1997. – 829 с. – (Философское наследие). – Содержание: Как говорил Заратустра : Книга для всех и ни для кого ; По ту сторону добра и зла ; К генеалогии морали : Полемическое сочинение ; Казус Вагнера : Проблема музыканта ; Сумерки идолов, или как философствуют молотом ; Антихрист : Проклятие христианству ; Ессе Номо. – 5000 экз. – ISBN 5-244-00854-2
6. Петрушин В.И. Музыкальная психология [Текст] : учеб. пособие для ср. и высш. муз. учеб. заведений / В. И. Петрушин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ВЛАДОС, 1997 ISBN 5-87065-103-4
7. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. [Текст] : Перевод Е.Эдельсона (под ред. Н.Н. Кузнецовой) / Лессинг Г.Э. // Лессинг Г.Э. Избранные произведения. – М.: Худож. лит., 1953.- С. 385-516.
8. Мюнстер Е.Г. [Электронный ресурс] : /Елена Мюнстер /Режим доступа : <http://www.hesse.ru/articles/muenster/read/?ar=st>.

ART PHENOMENOLOGY IN CREATIVITY HERMAN GESSE

The article of N.V. Rozhkova is devoted to the problems of art creative broadly presented in the works by Herman Hesse and contains the analysis of the position of the writer to different arts.

The author examines the hierarchy of the arts which is observed in the works of the German writer as well as sense links and analogies with the philosophy of F. Nietzsche and A. Schopenhauer. The understanding of the mechanisms of creative works by Herman Hesse allows us to trace the interconnection between the state of art and functions of the separate kinds of arts (in the particular, literature, music, theatre). In the article a lot of consideration is given to the analysis of the exceptional impotence of the arts in the life of a society and the history of culture.

N. V. Rozhkova

*The Oryol State Agrarian
University*

e-mail: nfn@yandex.ru

Key words: Creative personality, Art, Mechanisms of creative work, Constructive possibilities, Aesthetic comprehension of the world, Eternity, Hierarchy of the arts, Culture, Spiritual origin.

ТРУД И ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ

О. Г. Садикова

*Московский
государственный
университет путей
сообщения*

e-mail: vsadikova@gmail.com

В статье рассматривается православная трудовая этика в сравнении с протестантской и католической, отношение православия к хозяйственной, предпринимательской, торговой деятельности. Высшими в шкале православных ценностей хозяйственно-трудовой деятельности объявляются «умное делание», молитва, созерцание, «духовный труд», связанный с миссионерской деятельностью, мирская и церковная благотворительность, милосердие, «труд умерщвления плоти» и т.п. Прослежены истоки таких взглядов, частичное совпадение и принципиальные отличия от воззрений других основных христианских конфессий. Подытожены специфика и сущность православного понимания хозяйственно-экономической деятельности.

Ключевые слова: Православие, католицизм, протестантизм, труд, хозяйственно-экономическая деятельность, хозяйствующий субъект, аскетизм, нравственные основы, частная собственность, предпринимательство.

Православное понимание хозяйственно-экономических проблем основывается на общехристианских принципах, выдвинутых еще в период существования ранней церкви. Известно, что христианское мировоззрение в целом таит в себе некую антиномию, амбивалентное отношение к миру. Оно исходит из того, что мир есть Божественное творение, возглавляемое человеком, который, с одной стороны, в силу своей духовности, находится выше природы, но, с другой стороны, все же остается существом природным. «И этим именно соотношением устанавливается положительное отношение человека к природе как к саду Божьему, к возделыванию которого он призван, но вместе и к господству над ней»¹. Христианство, с одной стороны, призывает к освобождению от мира, а с другой, – провозглашает любовь к миру как созданию Бога, во имя спасения которого он даже пожертвовал собственным сыном. Это противоречие снимается в христианском представлении о человеке как не только познающем, но и хозяйствующем субъекте, правом и обязанностью которого является труд как ради собственного существования («трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов» (2 Тим. 2:6)), так и для оказания благотворительной помощи нуждающимся, а также во имя совершения общечеловеческого дела на земле в качестве исполнения Божественной заповеди: «Обладайте ею и владычествуйте» (Быт. 1:28).

Современное русское православие подчеркивает высокую ценность честного труда, разрабатывает «трудовую этику христианского мира», согласно которой «Бог освятил во Христе всякую полезную трудовую деятельность ... Христианство возводит человека к

¹ Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной церкви. - М., 1991. - С.347. Архиепископ Солнечногорский Сергей пишет по этому поводу: «...Из библейского повествования мы узнаем, что человек был призван к бережному, любовному отношению к природе, что, согласно Божественному предназначению, окружающая среда должна была приобрести в человеке не постороннего зрителя, лишь любующегося и наслаждающегося красотами Земли, и тем более, не стяжателя и хищника, а доброго и заботливого хозяина (Сергий, архиепископ Солнечногорский. Оказание помощи жертвам стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций - долг религиозных организаций//Журнал Московской патриархии. – 1997. – № 1. – С. 51). Стремление к материальному изобилию и достижение его за счет разрушения природы, по мнению современных православных авторов, недопустимо. «Природа – это не кладовая ресурсов, а неповторимый мир, который царит на земле, пока купается в Божественной любви. Жизнь Природы – это дивная Божественная симфония» (Лемешев М.Я. Что в народе – то и в природе//Русский дом. – 1999. – № 3. – С. 19-20).

возвышенному пониманию труда как общего для всех долга»². Весьма примечателен и тот факт, что в православном мирозерцании честный труженик всегда вызывает намного большую симпатию, чем нечестно наживший свое богатство тунеядец, неоднократно наделяемый неместными эпитетами.

Для более четкого выделения специфики православных представлений о труде как основе хозяйственно-экономической деятельности человека представляется важным сопоставить их с протестантским пониманием хозяйственно-трудовой практики.

Протестантское отношение к хозяйственно-трудовой деятельности вдохновляется идеями основоположников реформационного движения в Европе: М. Лютера, Ж. Кальвина и др. С точки зрения ряда исследователей (М. Вебер, В. Зомбарт, С.Н. Булгаков и др.), протестантские догматы о «предопределении к спасению», о труде как «призвании Божьем», проповедь «мирского аскетизма», бережливости, трезвости, честности в ведении бизнеса и другие этические принципы в немалой степени способствовали формированию капиталистического духа – рациональности, предприимчивости, стремлению к успеху. Признание религиозными реформаторами высокого религиозно-нравственного значения мирской деятельности человека означало прежде всего высокую оценку его труда. Всепоглощающий труд в своей земной профессии стал религиозной обязанностью верующего, религиозным долгом, службой Богу «в миру».

Современное постиндустриальное хозяйство Запада, которое давно уже развивается на основании научных достижений и порой кажется неуправляемой рыночной стихией, которая чужда и враждебна христианству, исторически есть его (христианства) собственная эманация. В христианстве родился новый хозяйствующий человек с новой мотивацией труда, несущей в себе черты амбивалентного соединения мироотреченности и любви к миру в этике хозяйственного аскетизма, причем именно это соединение противоположностей в напряженности своей рождает наибольшую энергию аскетического, религиозно мотивированного труда. «Аскетизм, – писал С.Н.Булгаков, – в практическом своем значении есть отношение к миру, связанное с признанием высших, надмирных, трансцендентных ценностей... Оно выводит за пределы непосредственной, имманентной данности этого мира. Но именно в силу этого своего как бы мироотрицания оно может быть, а при известной степени напряженности даже неизбежно оказывается побеждающим мир...»³. Этот свободный аскетический труд и есть та духовно-хозяйственная сила, которой утвердился фундамент всей европейской хозяйственной культуры.

Главными столпами протестантизма являются вера во всемогущего, трансцендентного Бога и вера в полную греховность, «никчемность» человека. Никакое человеческое действие не может сравниться с божественным деянием. Из этого вытекает презрение ко всему тварному, мирскому. Ведь и церковные таинства, обряды, добрые дела или рукотворные создания – это всего-навсего «прах и тлен». И пытаться спастись при помощи этих «жалких» земных дел есть «смешное и вредное суеверие». Человек, таким образом, полностью свободен от мира, от земных устремлений и забот. Общаться с Богом он может лишь с помощью молитвы и чтения Библии. Спасение греховного человека полностью находится в руках Бога.

Эти положения, на первый взгляд, не противоречили теоретическому обоснованию индивидуального спасения, характерного для монашеской аскетической практики, где благодаря своей праведности человек получает спасение. Но выводы здесь следуют иные: истинный христианин не должен удаляться от греховного мира, запирается в четырех стенах, молиться, медитировать, юродствовать и т.п. Господь создал мир для собственного прославления, и поэтому главная задача человека состоит в прославлении Бога всей своей жизнью и осуществлении на деле всех его заповедей – только ради этого может существовать человек. Работая где-либо, он всегда и везде находится на службе у Господа. Надо только быть на том месте, на которое человек призван.

Более последовательно и выразительно протестантское мировосприятие отражено в наиболее радикальном течении – кальвинизме. Основным догматом кальвинизма, как

² Платон, архимандрит. Богословское обоснование мира // Журнал Московской патриархии. – 1986. – № 9. – С. 73.

³ Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность. – М., 1993. – С. 349.

известно, является учение о предопределении: по предвечному и совершенно непостижимому для человека акту божественной воли одни предопределены к вечной гибели, другие – к спасению. Это фаталистическое в своей сути учение, казалось бы, должно полностью парализовать волю и личную ответственность, но в практическом приложении оно оказалось наиболее содействующим выработке характера и личной энергии ярко выраженного индивидуалиста. Состояние избранности нельзя определить ни по каким признакам, как нельзя его достигнуть никаким путем. Но человека все равно постоянно интересует этот вопрос: избран ли он, спасен ли? Что ждет его впереди и зачем прилагать какие-то усилия, если нет никаких гарантий на спасение? Ответ на этот вопрос у кальвинистов таков: считать себя избранными должны все, проверять же состояние избранности можно только путем постоянного жесткого самоконтроля в повседневной жизни. Методическая дисциплина жизни, которая выражается не только в неустанном профессиональном труде во славу Господа, но и в моменты отдыха – первый практический вывод из кальвинистского вероучения. Бог кальвинистов требует своего прославления в мире святостью жизни, которая должна быть постоянным служением Богу. Аскетизм привносится в мир, его главной задачей становится упорядочивание жизни, привычка жертвовать сиюминутным ради вечного.

Всепоглощающий труд в своей земной профессии стал религиозной обязанностью верующего, религиозным долгом, службой Богу «в миру». Своей идеей о необходимости удостоверения веры в светской профессии кальвинизм дал положительный и мощный заряд для ее развития и связал практическую этику с учением о предопределении. Протестантизм, в противоположность средневековому католицизму, отправляется от принципиального уничтожения противопоставления церковного и светского. Причем мирские занятия, гражданская профессия, деятельность в доме, на предприятии и т.д. рассматриваются как исполнение религиозных обязанностей, сфера которых распространяется на всякую мирскую деятельность. Этим выражается протестантское обмирщение христианства, сопровождающееся, вместе с тем, «этизированием» мирской жизни.

В числе признаков полезности дела или профессии, даже богоугодности, оказывается его доходность (исходя из этой логики, хотеть быть бедным, все равно, что хотеть быть больным). Постепенно в протестантской среде сложилось воззрение, согласно которому Бог благословляет торговлю; и ветхозаветный склад духа, вообще свойственный пуританизму, связывается с древнееврейским воззрением относительно награды за добродетель в этой жизни. Особое значение для капиталистического духа имеет та черта пуританизма, благодаря которой поощряются мотивы, не только побуждающие к накоплению, но и ограничивающие потребление, а, следовательно, создающие возможности для сбережения средств и материальных благ. Человек лишь управляет благами, врученными ему Богом: он должен как библейский лукавый раб дать отчет за каждый грош.

Элемент сбережения относится и ко времени. Видный представитель французской школы «Анналов» Ж. Ле Гофф рассматривает время не просто как один из аспектов ментальности, а как орудие социального контроля. «Этот контроль принадлежал церкви. Части дня отмечались колокольным звоном; церковь устанавливала дни труда и дни праздников, в которые трудиться было запрещено; она диктовала, в какие дни нужно было соблюдать пост и когда нельзя было вести половую жизнь»⁴.

Сближение трудового и бытового времени с литургическим ставило первое под контроль второго. Церковь ритмизировала и контролировала время верующих. Она определяла время труда и время досуга, время праздников и время буден, время постов и время молитв. Она запрещала работать по праздникам, а при помощи постов контролировала даже питание своей паствы. Кстати, и колокольный звон был символом церковного контроля над временем.

В отличие от православия в протестантизме время стало восприниматься как «мирское», оно обрело материальную оболочку в формуле «время – деньги». Правда, здесь сказалась не только специфика протестантизма, но и общая тенденция к постепенному «обмирщению» церкви в современном мире. Формула «время – деньги» явилась квинтэссенцией духовной основы протестантского восприятия труда, при котором время

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 359.

все больше приобретает конкретную материальную ценность, проявляющуюся, во-первых, в эфизации – тенденции к постоянной экономии времени, во-вторых, в прецизионности – тенденции к соблюдению все большей точности. Ускорение темпов современной жизни сегодня можно увидеть благодаря широкому спектру ментального «оснащения» (Ж. Ле Гофф) новейших технических разработок в этой области⁵.

Таким образом, протестантский аскетизм стоит у истоков современного «экономического человека». Реформационная эпоха завещала своей утилитарной наследнице прежде всего спокойную совесть при наживании денег, если оно только совершается в легальной форме. Возникает специфически капиталистическая профессиональная этика. Силою религиозного аскетизма воспитаны были для капиталистической хозяйственно-предпринимательской деятельности люди трезвые, совестливые, необыкновенно работоспособные, привязанные к трудовой деятельности как к богоугодной жизненной цели.

Труд для протестантов становится важнейшей жизненной ценностью, священным долгом перед Богом, обществом, самим человеком. Трудолюбие и честность в получении прибыли и достижении успеха, постоянное стремление к профессиональному росту, бережливость и трезвый расчет, ответственность и инициатива, святость и неприкосновенность частной собственности – таковы основные принципы протестантской трудовой этики. Успех в трудовой и предпринимательской деятельности трактуется в рамках протестантского мировосприятия как показатель избрания к спасению. В экономической сфере жизни общества этот успех служит стимулом развития эффективного рыночного хозяйства, сущностью которого является получение прибыли. Также формируется соответствующая ментальность. Ментальная установка протестантского сознания отдает предпочтение ситуативному перед универсальным (это свойственно православью).

Православие, в отличие от западного христианства, значительно более опосредованно и дистанцированно связано с хозяйственно-экономической сферой жизни. Оно никогда не создавало своей «политэкономии», подобно той, которую разрабатывали в католической Европе схоласты, занимаясь вопросами справедливой и законной цены, допустимой нормы прибыли и т.п. Ему чужды протестантские идеи о профессиональной деятельности, в которой проявляется любовь к Богу, где именно за свое профессиональное совершенство человек получает воздаяние в мире ином и где профессиональное призвание есть непосредственное выражение божественной воли. «Совершенствование орудий и методов труда, его профессиональное разделение и переход от простых его форм к более сложным способствует улучшению материальных условий жизни человека, – констатируют православные иерархи. – Однако обольщение достижениями цивилизации удаляет людей от Творца, ведет к мнимому торжеству рассудка, стремящегося обустроить земную жизнь без Бога. Реализация подобных устремлений в истории человечества всегда заканчивалась трагически»⁶. Вместе с тем, православие не игнорирует полностью хозяйственно-экономические проблемы – оно подходит к их решению иначе. Это определяется отличным от западного христианства ракурсом видения мира и человека в нем, своего рода «обратной перспективой», запечатленной в русской иконографии.

«Умное делание», молитвенный подвиг, созерцание признаются в православии и католицизме высшей формой труда. И потому труд подвижника, посвятившего себя этому (часто – монашеский труд), признается в качестве духовного труда. Труд в монастырской практике как западного, так и восточного христианства имеет разнофункциональную направленность, но прежде всего – это средство для аскетических упражнений, значение и ценность которого лежит, как правило, вне самого процесса труда⁷. Как отмечает известный исследователь хозяйственной культуры Н.Н. Зарубина, «...поскольку Храм (как понятие) – соборный образ мира, его духовной сущности, то в нем должно быть место и человеку-хозяину. Однако поскольку Храм есть символический образ мира, то че-

⁵ См.: Сторчак В.М. Архетип и ментальность в контексте религиоведения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. - М., 1997. - С.87-92.

⁶ Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. - № 8. – С.40.

⁷ См.: Коваль Т.Б. Этика труда православия // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С.349-350.

ловек-хозяин, как и всякая тварь, как все мирское, в нем предстает в преображенном, одухотворенном виде. Это не хозяин в полноте его практических расчетов, утилитарных устремлений и земных страстей, не труженик в его повседневных усилиях – это духовная сущность трудящегося и хозяйствующего человека. Это отражает особенность православной хозяйственной этики, согласно которой христианская добродетель хозяйствующего православного верующего состоит не собственно в профессиональном мастерстве и рациональном практицизме, а в постоянной ориентации на внутреннюю духовную работу. В помыслах о Боге и в любви к ближнему, воплощенных в конкретном мирском труде»⁸

Средневековые монастыри были школой труда. Жизнеописания святых как восточных, так и западных церквей дают многочисленные свидетельства воспитательного значения монастырей в этом отношении. Благодаря аскетической дисциплине труда монастыри сыграли огромную роль в экономическом развитии Европы в те эпохи, когда колонизация и возделывание диких земель сопровождалось особыми трудностями. То же самое можно сказать о значении русских монастырей в истории колонизации необъятных просторов российской территории. Таким образом, указанная схема «первоначального накопления» хозяйственной энергии через аскетический труд одинаково применима как на Востоке, так и на Западе, как в католицизме, так и в православии.

Однако в католицизме не все монашество имеет созерцательную направленность. Оно состоит из множества религиозных орденов как чисто созерцательных, так и созерцательно-деятельных, и даже чисто деятельных, то есть полагающих своей основной задачей не молитву, а так называемый «социально-карикативный труд» (уход за больными, воспитание сирот, благотворительная помощь, религиозное образование и т.д.). А протестантизм, основываясь на принципе *sola fide* и всесвященстве, отрицает как сам институт монашества, так и идею о том, что молитвенный труд качественно выше любого другого труда. Поэтому во многих протестантских конфессиях полезность труда определяется не внутренними побуждениями, не «душеполезностью», а объективной пользой той или иной профессии и, соответственно, ее доходностью. В целом можно сказать, что православие призывает «молиться и трудиться», в то время как формула католицизма – «трудиться и молиться», а протестанты убеждены в том, что «труд и есть молитва».

Основное целеполагание труда в православии заключается не в его общественных последствиях, а в нравственных основах, в его влиянии на душу человека как инструментальной ценности, средства и условия усовершенствования последнего. С этой точки зрения, самое высокое место в шкале ценностей занимают такие виды христианского труда, как «молитвенный труд», «духовный труд», связанный с миссионерской деятельностью, «труд добрых дел» (мирская и церковная благотворительность, милосердие), «труд умерщвления плоти», связанный с перенесением страданий (самобичевание, наложение на себя добровольных плотских ограничений), «труд борьбы с грехом» и т.п.

Монашеский идеал всегда служил в православии духовно-нравственным ориентиром для каждого благочестивого христианина. Он задавал определенную систему координат и вектор развития религиозного сознания, исходя в первую очередь из того, что природа русского народа сознается как аскетическая. Отрекающаяся от земных дел и земных благ, зовущая к свободе от обустройства в земной жизни, к аскетическому отречению от мира. Благодаря этому интерес к практической хозяйственной жизни вытеснялся ориентацией на вечное и вневременное, исканием абсолютного добра и абсолютной правды.

Весьма отличен в православии подход к оценке различных видов труда, в отношении к физическому и умственному труду: обращается внимание в основном не на то, какая работа выполняется, а на то, кто ее выполняет. Для православия простой труд не хуже и не лучше какой-нибудь умственной или творческой работы. Это совершенно не свойственно католическому сознанию. Католицизм пытался соотнести различные формы и виды человеческого труда, разные профессиональные занятия и социально-имущественный статус с той или иной степенью нравственного совершенства. На протяжении многих веков разрабатывались сложнейшие иерархические системы, в которых

⁸ Зарубина Н. Эсхатология и практическая рациональность // НГ-религии. – 2000. – 25 октября. – С. 7.

космографическое пространство накладывалось на социальное и духовно-нравственное пространство (по принципу приближения к божественной благодати или удаления от нее). На низшей ступени оказывались те, кто наиболее удален от Бога – простые люди, крестьяне и ремесленники, и наоборот, труд «высших» считался принципиально выше труда «низших». И поэтому те, кто занимал высшие иерархические позиции, должны были соответствовать требованиям своего круга, что исключало как подражание людям более высокого ранга, так и какие-либо действия (не исключая трудовые), характерные для людей, занимающих «низшие» позиции. Это ярко проявлялось не только в светской, но и в монастырской жизни: образованные монахи в католических монастырях, как правило, не занимались «низкой» работой. Весь грязный, «мужицкий» труд выполняли не полноправные монахи, а так называемые «конверзы», которые хотя и жили в монастыре по уставу, но отличались по своему статусу от полноправных монахов.

С отличным от западного подходом к различным видам и формам труда связан и характерный для православного русского сознания подвиг социального опрошения: любовь к «худым ризам», абсолютной бедности, приближающееся к юродству социальное унижение и т.п., в то время как социальное опрошение никогда не становилось общим правилом для католических монахов и, если и совершалось, то единицами. Учение русских подвижников благочестия об обожении, о снискании Святого Духа предполагало, что все мирское, включая привязанность к социальному статусу и престижу, к богатству и комфорту, ко всем тленным вещам должно быть отринуто. По мнению современных православных деятелей, «каждый человек должен иметь достаточно средств для достойного существования. Вместе с тем Церковь предостерегает от чрезмерного увлечения материальными благами...», ибо «материальные блага не могут сделать человека счастливым»⁹

Помимо нравственного аспекта труд в православном мировосприятии имел еще одну функцию – наказание. В напутствие Адаму было сказано: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, пока не возвратишься в землю». Таким образом, именно представление о тяжком труде было отождествлено со страшным проклятием Бога. Отсюда традиционно-христианская точка зрения на труд как на изнурительное, мучительное состояние, посланное в наказание за первородный грех. Истоки данного социально-экономического православного мирозерцания восходят к сочинениям Василия Великого, Кассиана Римлянина, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Иоанна Златоуста, уделявших в своих трудах большое внимание вопросам социальной справедливости и христианского идеала. Учение Кассиана Римлянина, ученика Иоанна Златоуста, о собственности было, по существу, претворено в жизнь в свободной русской общине, сложившейся до царствования Алексея Михайловича (1645-1676), то есть до окончательного закрепления частновладельческих крестьян и прикрепления государственных (дворцовых и черносоленных) к земле. Для Кассиана Римлянина собственность – и не благо и не зло, а нечто среднее, что может быть и злом, и благом в зависимости от намерений (что находится в русле раннехристианской традиции в целом). Его учение не приписывает абсолютного значения тому или иному виду собственности – частной или общественной; критерием для ее оценки выступает духовное благо человека. Согласно этим принципам, в мировосприятии русского крестьянина не было места культу частной собственности. С превращением родовой общины в родовую сельскую, а затем в территориальную, постепенно начало складываться общинно-уравнительное землевладение. В конечном итоге именно православная система ценностей во многом обусловила возникновение и развитие подобного типа землевладения (в отличие от католического Запада), при котором община предоставляла своим членам примерно равные условия для стяжания материальных и духовных благ¹⁰.

В отличие от западного правового самосознания, где частная собственность издревле возведена в ранг «священной неприкосновенности», в России отношение к этому вопросу было иным. «По учению Церкви люди получают все земные блага от Бога, Которому и принадлежит абсолютное право владения ими», – говорится в «Основах социаль-

⁹ Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8. – С. 42-43.

¹⁰ См.: Платонов О.А. Воспоминания о народном хозяйстве. – М., 1990. – С. 3-40.

ной концепции Русской православной церкви»¹¹. Поэтому вполне закономерным выглядит вывод о том, что «Церковь призывает христианина воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним¹²». Нельзя не отметить, что на формирование отношения к собственности в русском религиозном сознании в определенной степени оказал влияние монашеский идеал, в котором собственность, имущество и т.п. становятся благом лишь тогда, когда являются общим достоянием, делится между всеми.

С представлением о труде как первоисточнике имущественных прав связан устойчивый стереотип крестьянского предпочтения коллективной собственности. Такими субъектами права на протяжении многих столетий являлись община и двор. Мера коллективности субъекта имущественных прав в менталитете русских крестьян была пропорциональна мере трудового «посылья» объекта собственности. Такая социально-экономическая и юридическая установка сформировала основу для устойчивого восприятия русскими крестьянами капиталистических ценностных ориентаций как своего рода аномалии. Использование собственности в целях накопления, эксплуатация неимущих, обогащения осуждалось крестьянами. Наличие психологической ориентации на использование собственности в качестве капитала было для крестьян самым точным индикатором, помогавшим определить «кулака»¹³. Праздность, паразитирование на чужом труде и нечестно нажитое богатство рассматриваются в православии как негодные Богу. В этой связи весьма примечателен тот факт, что в православном мирозерцании бедняк всегда вызывает гораздо большую симпатию, чем богач, неоднократно награждаемый нежелательными эпитетами, заранее подразумевающими нечестный путь получения богатства.

Протестантское мировосприятие в своей основе в качестве главных идей имеет представления о свободах и правах человека, правовом государстве в целом и вытекающее отсюда понимание личности, отдельного индивида и его «естественных прав», в том числе, право частной собственности. В рамках православия сегодня признается существование многообразных форм собственности и осуждается ее их передел¹⁴. Для православия во главу угла поставлены внутреннее восприятие личностью мира, поиск смысла жизни, совесть и самоуглубленность. Если протестантизму свойственно понимание свободы как индивидуальной, обеспеченной формальными «внешними» правами, то в православии она понимается скорее как внутреннее состояние человека, свобода духа. А соборность, столь часто упоминаемая при рассмотрении русского национального характера, – это общинность светской жизни, трудовой деятельности; религиозная вера же, в том числе и в сотериологическом аспекте, у православного человека более индивидуалистична. Спасение для него подразумевает личную молитву, через которую происходит индивидуальное слияние с Богом. Западному человеку, напротив, свойственен больший индивидуализм в мирской жизни, в хозяйственно-трудовой и предпринимательской деятельности, однако вера в Бога носит более «коллективный» характер (например, практика коллективного чтения вслух Священного Писания членами протестантской религиозной общины и др.). Сотериологические проблемы западный человек тоже решал не в одиночку, а при самом активном участии церкви (например, у католиков при помощи индульгенций и т.п.). Подобное различие в ментальности западноевропейского и русского (русского) человека, во многом зависящее от исповедуемой им религии, влияет и на модели социально-экономического развития тех или иных стран, культуру производства, потребления, психологические мотивации к трудовой деятельности и восприятие самого процесса труда, его конечных целей и результатов.

Ментальная установка человека, исповедующего «дух» протестантизма, в утилитарном значении сводится к цели – «делать деньги», а в уже упоминаемой формуле

¹¹ См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8. – С. 42.

¹² Там же. – С. 44.

¹³ См.: Сторчак В.М., Макеев А.В. Протестантизм и православие: этос труда и предпринимательства // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. – 2000. – № 1. – С. 64-71.

¹⁴ См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8. – С. 44-45.

«время – деньги» первое, по существу, приобретает материальную оболочку. По сравнению с этим православие ограничивало трудовую жизнедеятельность. «Мирские» дела (хозяйственные, торговые, ремесленные) православный человек должен был делать не спеша, без лишнего рвения, ибо последнее уподобляется «дьявольскому искушению».

Материальные богатства никогда не почитались русским религиозным сознанием как высшая ценность, а богатство не вселяло в него уверенность в собственном превосходстве и избранности. Подобным было отношение и к проблеме вознаграждения за труд. Глубоко религиозному русскому человеку было свойственно стесняться просить адекватную плату за труд. Он как бы боялся оценить его выше, проявив гордыню и жадность при этом.

Такие принципы совершенно чужды западному устрою, воспитанному в поисках строгой адекватности между затраченным трудом и его вознаграждением. Фома Аквинский, Антонин Флорентийский, Бернардин Сиенский и многие другие католические богословы посвящали свои труды именно проблеме справедливого вознаграждения за совершенную работу. Эти труды стали основой развития классических западных представлений о нормах экономического поведения в обществе.

«Непрактичность» православия, его «неотмирный» характер, устремленность к высшему и вечному во многом связаны с тем, что оно не утверждает (подобно протестантизму), что именно в профессиональной деятельности, и только в ней, человек может проявить свою веру, доказать успехами в труде свое избрание к спасению. Православному религиозному сознанию чужд тот рационалистический дух, который религиозно санкционирует предприимчивость, поощряет стремление к обогащению, дает возможность гордиться процветающим бизнесом и смотреть на честно заработанные деньги как на доказательство избранности и спасения.

Православная этика труда ориентирует не на формальную рациональность экономики, не на стремление к эффективности, прибыли, развитию хозяйства ради них самих, а на цель, лежащую вне экономики и вне хозяйства как такового. В этом смысле православие не создает (в отличие от протестантской этики) духовные основы для формирования типа «предприимчивого человека». Скорее наоборот, оно предостерегает от этого, от «искушения хлебами» и от соблазна увидеть в экономическом развитии залог счастья, успеха и благоденствия.

Итак, рассмотрев специфику православного подхода к хозяйственной деятельности человека по сравнению с христианским – католическим и протестантским – пониманием хозяйственно-экономической деятельности, можно резюмировать следующие положения.

Во-первых, в душе человека существует внутренняя связь между религиозными убеждениями и хозяйственной деятельностью. Хозяйственная энергия одним из своих условий имеет признаки природного мира как блага или ценности. Христианство, в частности, православие, приемлет мир как творение Божие, возглавляемое человеком.

Во-вторых, человек не только познающий, но и хозяйствующий логос мира, господин творения. Ему принадлежит право и обязанность трудиться в мире, как для своего собственного существования и оказания помощи ближним, так и для совершения общего дела человеческого на земле. В хозяйственной деятельности раскрывается космическое предназначение человека. Участвуя в хозяйственной деятельности, человек участвует в делах Божьих по преобразованию мира, в реализации промысла Божьего. Хозяйственный процесс – это промысел Божий, где человеческая воля часто бессильна.

В-третьих, призывая человека любить мир, православие в то же время зовет его к освобождению от мира, чтобы человек ставил духовные интересы выше материальных, понимал, что не создание земных ценностей есть главная цель человеческой жизни, смысл его бытия. Приоритет духовного над материальным, христианский аскетизм и послушание как религиозная установка создают особый тип хозяйствующей личности в православии. Человек должен проходить свое хозяйственное служение, каков бы ни был его социальный статус, с чувством религиозной ответственности перед Богом.

С.Н. Булгаков писал: «Христианство освободило и реабилитировало всякий труд, в особенности хозяйственный, и оно вложило в него новую душу. В нем родился новый хозяйственный человек, с новой мотивацией труда. Эта мотивация носит в себе черты со-

единения мироотреченности и мироприятия в этике хозяйственного аскетизма, причем именно это соединение противоположностей в напряженности своей и дает наибольшую энергию аскетического, религиозно-мотивированного труда. Этот свободный аскетический труд есть та духовно-хозяйственная сила, которою утверждён фундамент всей европейской культуры»¹⁵.

В-четвертых, православие освобождает хозяйственную энергию, органически связывает духовные, этические начала с экономикой, дисциплинирует, нравственно направляет и регулирует хозяйственную деятельность.

В настоящее время православные богословы, делая уступки современному экономическому развитию, с рядом оговорок заявляют, что православие не против созидательного труда, не против рыночной экономики и предпринимательской деятельности. Но оно против того, чтобы бизнес превращался в самоцель, служил только собственной выгоде. На первом месте в бизнесе должно быть служение высшим целям человека, представление о его высшем предназначении. В противном случае он становится бесперспективным. Православие выступает против бизнеса, который пользуется нечестными средствами и полагает конечной целью лишь сиюминутное обогащение. «Мы защищаем свободный рынок, – пишет священник Роберт Сирко, – не по идеологическим причинам или из-за идолопоклонства рынку, но скорее из-за нашего уважения к человеческой свободе и поддержке социальных структур, которые бы утверждали человеческое достоинство. Это подразумевает нахождение такой экономической структуры, которая, обеспечивая выходы для человеческой свободы на рынке, может также помочь уменьшить бедность, поднять жизненные стандарты, уважает частную собственность и минимизирует принуждение. Мы считаем, что свободный рынок может создать структуры, с помощью которых люди смогут добиться благ»¹⁶.

В-пятых, отсюда следует, что православие выработало собственный эталон хозяйственного рационализма, который был не просто эквивалентом протестантского утилитаризма, но изначально исходил из несколько иных критериев. В противоположность протестантскому «предопределению и спасению» и «оправданию верой» этической нормой православия является «хождение перед Богом с мыслью об ответственности перед ним». Для православия успех предпринятого дела, величина приносимой им прибыли еще не является доказательством его нравственной, этической оправданности, богоугодности. Именно эта система ценностей, исповедуемая православием, православный эталон хозяйственного рационализма легли в основу предпринимательской деятельности в России, дали положительный импульс развитию купечества и предпринимательства. Так, девизом вышедшей до революции 1917 года газеты российских предпринимателей «Биржевые ведомости» была такая фраза: «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли».

Сегодня Русская православная церковь поддерживает частное предпринимательство, однако считает, что если частный принцип доведен до предела, то он вступает в противоречие с нравственными законами.

Специфика православного понимания бизнеса отразила ту исторически реальную и отличную от западной модель купеческо-предпринимательской деятельности, которая складывалась в России на протяжении 18-19 вв. Большинство российских предпринимателей вышли «из народа». «Морозовы, Корзинкины, Рябушинские, Бахрушины и многие другие имели свои корни в деревне; они сами или их деды и прадеды пришли из деревень с котомками и в лаптях, потом стали миллионерами, но в нравственном развитии, в привычках, в быту они оставались неизменными, только столичная жизнь отшлифовала их внешне», – писал один из авторов-мемуаристов о российских предпринимателях второй половины 19 в., их устремлениях, внутренних стимулах к деятельности¹⁷.

Российские предприниматели прошлого, вышедшие из крестьянства, были христианами по своему воспитанию и традициям (как правило, представителями Русской православной церкви и старообрядчества). Крупный московский купец Н.П. Вишняков,

¹⁵ Булгаков С.Н. Православие. – М., 1991. – С. 351.

¹⁶ См.: Моральные основания рыночной деятельности // НГ-религии. – 2000. – 25 октября. – С. 7.

¹⁷ Белоусов И. Ушедшая Москва. Записки по личным воспоминаниям. – Л., 1927. – С. 129-130.

например, писал: «Как у отца, так и у матери, основы мировоззрения и морали покоились на религиозных началах, а в нашей среде религиозность почти всегда отождествлялась с державностью... Религиозным считался только тот, кто был богомолец, ходил часто в церковь»¹⁸. Купечество в России прошлого века было буквально проникнуто христианством, ощущало свою связь с православием и ревностно выполняло заповеди раннего христианства. Купцы воспринимали свой успех в делах как данный Богом, знали, что им дается много, но и щедрость их на деле была велика. Сами они и работали много, и с готовностью отдавали приобретенное, не считая его только своим.

Формировавшееся на новых началах предпринимательство впитывало в себя обе струи православия – новое («никонианское») и старообрядческое («древнее»), и до некоторых пор мирская общественная деятельность их представителей мало чем различалась. Новое купечество, представляющее собой класс капиталистических предпринимателей, как и его предшественники, достаточно лояльно относилось к императору, прилагая большие усилия для решения задач не столько личного обогащения, сколько общественной направленности.

В конце 19 в., когда «производящий» капитализм в России стал перерождаться в финансово-монополистический, начал меняться весь спектр социального поведения, культурных ориентаций и предпочтений купечества, их конфессиональной принадлежности, а также методов хозяйствования. Основной новацией было усиление банковского, финансового капитала, постепенное обретение им превосходства над промышленным. Сами русские предприниматели чувствовали в этом изменении что-то чуждое, противоречащее интересам дела. Один из купцов Рябушинских, Владимир Павлович, пишет о банковском деле как лестнице, ведущей вниз, и дает такое глубокое христианское понимание сути Божественного расположения к людям: «Но не нужно думать, что благоволение Божие только в богатстве: когда в богатстве, а иногда и в бедности. Многих из нас когда-то Господь благословил богатством, а сейчас бедностью или даже нищетою. Это благословение, думается, еще выше»¹⁹.

В конце 20-х гг. Рябушинский более критично стал оценивать события и факты. Он писал, что в третьем и четвертом поколениях вера в Божий промысел в отношении богатства исчезла, а вместе с ней разрушалось патриархальное единение хозяина и рабочего. Появился тип «западного капиталиста конца XIX в., которого не мучил вопрос – почему я богат, для чего я богат? Богат – и дело с концом, мое счастье»²⁰. Однако, по мнению того же автора, в начале 20 в. возник и другой «чисто русский» тип капиталиста, пытавшегося восстановить патриархальный тип хозяина. В целом можно согласиться с мнением председателя Общества купцов и промышленников России О. Гарцева о том, что «русский бизнес богат традициями. Мораль его основана на православной вере, гуманизме и человеколюбию. В России, как ни в одной другой стране, была развита благотворительность»²¹.

Таковы мировоззренческие и нравственные позиции, лежащие в основе христианского отношения к хозяйственно-экономической деятельности и предпринимательству. Их анализ позволил выявить те специфические ценности, которые обеспечивают духовно-этическую обоснованность хозяйственно-трудовой деятельности, то есть определенное хозяйственное самосознание, своеобразное социально-экономическое мирозерцание.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной церкви. – М., 1991.
2. Сергей, архиепископ Солнечногорский. Оказание помощи жертвам стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций – долг религиозных организаций // Журнал Московской патриархии. – 1997. – № 1.

¹⁸ Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. – М., 1911. – С. 19.

¹⁹ Цит. по: Соболевская А. Духовные истоки российского предпринимательства // Вопросы экономики. 1993. - № 8. - С. 95.

²⁰ Там же.

²¹ Интервью с председателем Общества купцов и промышленников России О. Гарцевым // Известия. - 1992. - 16 декабря.

3. Лемешев М.Я. Что в народе – то и в природе // Русский дом. – 1999. – № 3.
4. Платон, архимандрит. Богословское обоснование мира // Журнал Московской патриархии. – 1986. – № 9.
5. Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность. – М., 1993.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
7. Сторчак В.М. Архетип и ментальность в контексте религиоведения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 1997.
8. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8.
9. Коваль Т.Б. Этика труда православия // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6.
10. Зарубина Н.Н. Эсхатология и практическая рациональность // НГ-религии. – 2000. – 25 октября.
11. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8.
12. Платонов О.А. Воспоминания о народном хозяйстве. – М., 1990.
13. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8.
14. Сторчак В.М., Макеев А.В. Протестантизм и православие: этос труда и предпринимательства // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. – 2000. – № 1.
15. См.: Основы социальной концепции Русской православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. – 2000. – № 8.
16. Булгаков С.Н. Православие. – М., 1991.
17. Моральные основания рыночной деятельности // НГ-религии. – 2000. – 25 октября.
18. Белоусов И. Ушедшая Москва. Записки по личным воспоминаниям. – Л., 1927. – С. 129-130.
19. Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. – М., 1911.
20. Соболевская А. Духовные истоки российского предпринимательства // Вопросы экономики. 1993. – № 8.
21. Интервью с председателем Общества купцов и промышленников России О. Гарцевым // Известия. – 1992. – 16 декабря.

LABOUR AND ECONOMIC ACTIVITY IN RUSSIAN ORTHODOXY

O. G. Sadikova

*Moscow State University
of Railway Engineering*

e-mail: vsadikova@gmail.com

The article examines the Orthodox Christian labour ethic in comparison to those of Protestantism and Catholicism; the relationship between Orthodox Christianity and economic activities, entrepreneurship, and trade. One of the greatest Orthodox Christian values of economic-labour activities is the concept of, prayer, spiritual contemplation, 'spiritual labour', in connection with missionary activities, general and church charitable works, etc. Tracing back the sources of such views, and the partial commonality and principal distinctions with the views of the other main Christian confessions. Summarises the distinguishing features and essence of the Orthodox Christian understanding of economic activity.

Key words: Orthodox Christianity, Catholicism, Protestantism, labour, economic activity, economic entity, asceticism, moral foundations, private property, entrepreneurship.

УДК 174 (075.8)

СОВРЕМЕННАЯ ДЕЛОВАЯ ЭТИКА КАК СИНТЕЗ ПРИКЛАДНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

К. В. Сафонов*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н.Толстого**e-mail: philos.tula@yandex.ru*

Статья посвящена изучению проблем функционирования деловой этики в структуре современного философского знания. В статье рассматриваются основные дилеммы бизнеса и предпринимательства, современные концепции этики бизнеса. Большое внимание уделяется определению статуса деловой и предпринимательской этики, возможности рассмотрения данной области этического знания в рамках прикладной и профессиональной этики. Феномен деловой этики анализируется с позиций интегральной этики.

Ключевые слова: прикладная этика, профессиональная этика, деловая этика, этическая дилемма, конфликт интересов.

Современный уровень развития общества предъявляет особые требования к таким экономическим институтам, как бизнес и предпринимательство. В настоящее время представителям деловых кругов недостаточно лишь заниматься своей прямой деятельностью – производством и распределением экономического продукта. На каждого из них общество возлагает обязанности по претворению в жизнь требований этики.

Характеризуя бизнес, мы имеем дело с терминами «деловая этика» и «этика бизнеса». В современной литературе ведется дискуссия по вопросу о принадлежности деловой этики. Одни ученые относят ее к прикладной этике, их оппоненты – к профессиональной. Также дискуссионным является вопрос о соотношении экономической этики, деловой этики, предпринимательской этики, этики бизнеса. В рамках данного исследования мы будем опираться на позицию В.Н. Назарова, который отмечает, что «различие между экономической и предпринимательской этикой состоит в том, что субъектом моральных требований в экономической этике являются преимущественно государственные институты, тогда как в этике предпринимательской – отдельные предприятия»¹. При этом мы будем рассматривать моральные дилеммы бизнеса с позиций индивидуальной этики (этики предпочтений). Одновременно с этим деловую этику мы определим как несколько более широкое понятие, выходящее за пределы индивидуальной этики отдельных менеджеров.

Литература по вопросам этики предпринимательской деятельности предлагает большое количество определений рассматриваемых терминов. Авторы учебника «Организация предпринимательской деятельности» понимают под предпринимательской этикой этику предпринимателя, разновидность профессиональной этики². Ю.Ю. Петрунин и В.К. Борисов определяют этику бизнеса как научную дисциплину, изучающую применение этических принципов в деловых ситуациях³. А.В. Горбатов и О.В. Елескина предлагают понимать под этикой бизнеса «деловую этику, основывающуюся на честности, открытости, верности данному слову, способности действовать на рынке в соответствии с действующим законодательством и традициями»⁴. На наш взгляд, данные определения характеризуют деловую этику как совокупность положений прикладной и профессиональной этики, этики бизнеса как социального института и этики отдельного предпринимателя. Кроме того, они позволяют нам рассматривать понятия «этика бизнеса» и «деловая этика» как синонимы.

¹ Назаров В.Н. Прикладная этика – М.: Гардарики, 2005 – С. 115.

² См. Организация предпринимательской деятельности (под ред. Грядова С.И.) – М.: КолосС, 2005 – С. 376.

³ Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса – М.: Дело, 2000 – С. 63.

⁴ Горбатов А.В., Елескина О.В. Деловая этика – Кемерово, 2007 – С. 16.

Термин «этика бизнеса» стал известен широкой общественности в начале 1970-х годов. Именно тогда его все чаще стали использовать при обсуждении моральных и социальных аспектов функционирования американских корпораций. Со временем термин вышел за пределы университетских аудиторий и стен научных учреждений. Об этике бизнеса стали упоминать в средствах массовой информации в 1980-х, когда особенно широкая дискуссия в американском обществе велась вокруг скандалов и нарушений, имевших место в среде представителей среднего и крупного бизнеса. Именно благодаря серьезным проблемам, которые следовали за общественным осуждением подобных происшествий, в компаниях стали появляться новые должности администраторов по вопросам этики. Первый отдел по вопросам этики был создан в 1985 году компанией «General Dynamics»⁵. К середине 1990-х администраторы по этике имелись практически во всех деловых учреждениях Европы и США, а к концу XX столетия вошли в штатные расписания некоторых российских корпораций. Администраторы и советники по вопросам этики занимаются моральными аспектами деятельности компании, принимают непосредственное участие в разработке и претворении в жизнь кодексов профессиональной этики.

Хотя в качестве отдельной научной дисциплины этика бизнеса оформилась лишь во второй половине прошлого века, этические принципы предпринимательской деятельности были разработаны практически одновременно с возникновением бизнеса. Изначально они представляли собой приложение норм повседневной морали к торговле. Источником же этих норм послужили Десять Заповедей, многие из которых и по сей день непосредственно применяются в деловой практике.

И все же периодом становления и утверждения этики бизнеса можно назвать вторую половину XX века, когда в Европе и США среди населения стало появляться все больше недовольных политикой, проводимой крупными (в том числе и транснациональными) корпорациями. При этом весьма влиятельной социальной, политической и экономической силой становилось движение за гражданские права, представленное рядом независимых правозащитных организаций. Именно эти организации осуществляли контроль над компаниями и промышленными предприятиями. Особенно жесткой критике с их стороны подвергались представители оборонной и химической промышленности, которые своими действиями наносили весьма ощутимый урон окружающей среде, что негативно отражалось на всех жителях страны. Противостояние общества и бизнеса привело к возникновению понятия программ социальной ответственности бизнеса, за которыми стояли действия компаний, выгодные обществу и восполняющие урон, который был нанесен ему в результате неэтичных действий промышленников.

Возникшее явление было облечено в форму учебной дисциплины, которая под названием «корпоративная социальная ответственность» была введена в учебные планы экономических специальностей американских университетов и колледжей. Это, однако, было лишь первым предвестником этики бизнеса: в вышеупомянутых курсах акцент делался на управленческие и правовые вопросы; этической теории там практически не было.

Как отмечает Л.Е. Басовский, «этика предпринимательства затрагивает многие проблемы, а не только проблему социально ответственного поведения»⁶. Именно с этим, на наш взгляд, связано формирование деловой этики как новой отрасли научного знания. Данный факт датируется 1970-ми. Предпосылкой для формирования новой науки стало использование многими философами этической теории и философского анализа для решения связанных с бизнесом дилемм. В ноябре 1974 г. в Университете Канзаса была проведена первая конференция по этике бизнеса, и именно с этого момента молодая наука начала свое самостоятельное существование.

Однако еще в течение многих лет оспаривались не только необходимость самостоятельного развития этики бизнеса как научной дисциплины, но и сама возможность ее существования. Многие скептики ставили под сомнение сам термин «этика бизнеса», утверждая, что торговля и бизнес являются весьма аморальными занятиями, поэтому даже название науки является оксюмороном. Считалось, что у философов экономические отношения не могут вызвать абсолютно никакого интереса, в то время как для экономи-

⁵ См. Горбатов А.В., Елескина О.В. Деловая этика. – Кемерово, 2007. – С. 15.

⁶ Басовский Л.Е. Менеджмент – М.: Инфра-М, 2005 – С. 48.

стов этика даже представляет некоторую опасность – попытка соблюсти все требования морали и нравственности может привести к серьезным убыткам и даже банкротству. И лишь со временем, по мере усиления борьбы за права потребителей, бизнес понял, что торговля некачественными изделиями, искажение в рекламе особенностей товара и сокрытие информации о сопутствующих рисках не только снижают моральный дух и этичность компании, но также может привести к существенным штрафам.

О тесной взаимосвязи прикладной и профессиональной этики в рамках этики бизнеса свидетельствует тот факт, что в современных условиях предприниматель не может ограничиваться лишь собственной (профессиональной) этикой. Он также ответственен за мораль своих поставщиков и потребителей. Простейшим примером ущерба от неэтичности последних можно считать воровство в магазинах. У предпринимателя есть в данном случае два выхода – либо содействовать повышению этичности общества (что в конечном итоге приведет к повышению этичности покупателей), или усиливать охрану, что потребует колоссальных затрат, но все равно полностью не решит проблему.

Представители бизнеса должны осознавать, что их задачей по отношению к рабочим и служащим является не только трудоустройство, но также и социализация. Последняя невозможна без усвоения человеком определенного набора морально-этических принципов. Для четкого разграничения в сознании человека этического и неэтического необходимо неукоснительное соблюдение данных принципов не только в повседневной жизни, но и в профессиональной деятельности.

Никакой бизнес не существует лишь по собственной воле и абсолютно автономно. Право на существование ему дано обществом, которое ожидает от него справедливой и этической деятельности, направленной на общее благо. Бизнес в некотором роде является помощником общества на пути к государству всеобщего благосостояния. Именно поэтому оба партнера должны беспрекословно доверять друг другу, что исключает возможность неэтичных действий с каждой стороны.

Все возрастающий интерес к деловой этике и этике бизнеса связан с тем, что во многих случаях «невидимая рука рынка» неспособна урегулировать проблемы морали представителей промышленности и торговли. В краткосрочной перспективе более выгодными могут быть неэтичные действия, которые, однако, в долгосрочной перспективе приведут к весьма серьезным последствиям. Например, неэтичные действия химического предприятия, состоящие в сбросе неочищенных сточных вод, максимизируют прибыль в настоящий момент, но в будущем, когда правду уже невозможно будет скрывать от общества и государства, приведут к большому количеству судебных исков и штрафов, падению спроса на продукцию разрушителя природы, а для отдельных руководителей компании могут даже закончиться уголовным преследованием. К причинам усиления интереса к этике бизнеса и предпринимательства Ю.Ю. Петрунин и В.К. Борисов относят рост уровня корпоративности на современном этапе и продолжающуюся информационную революцию⁷.

Проблемы этики производства и реализации продукции тесно связаны с проблемами управленческой этики. Еще Аристотель в своих работах рассматривал вопросы этичности руководителей и проблемы морального выбора при их взаимоотношениях с подчиненными⁸. Задаваясь вопросами управления в масштабах государства, Аристотель одним из первых высказал идею о добродетельности менеджмента, социальном контракте и социальной ответственности корпораций, моральности принятия управленческих решений. В его работах можно прочесть о распределении вознаграждений среди представителей организации, что также является одной из центральных проблем современной этики бизнеса.

Основу существования материального поощрения труда составляет его соразмерность величине усилий, приложенных для достижения целей деятельности. При этом затруднения может вызвать задача определения величины этих усилий. Так как в руках у руководителя сосредоточены многие (если не все) рычаги управления организацией, у него может возникнуть желание использовать свою власть для несоразмерного увеличе-

⁷ Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса – М.: Дело, 2000 – С. 60.

⁸ См. Аристотель. Политика // Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1983. Т. 4.

ния оплаты труда себе и своим приближенным, при этом нарушая моральные принципы и способствуя росту недовольства среди работников организации. Те, в свою очередь, могут ответить неэтичными действиями, исходя из имеющихся у них полномочий. Таким образом, нарушение этических принципов при распределении вознаграждений может стать причиной падения морального облика всей организации, серьезных убытков и даже банкротства.

При решении вопросов, связанных с распределением материальных благ, человек всегда оказывается в ситуации конфликта интересов. Личные интересы и желания исполнителя вступают в противоречие с его профессиональными обязанностями. Проблемами выбора и принятия решений в данной ситуации также занимается этика бизнеса. А.А. Храбкин указывает, что «конфликт интересов, в целом, может быть определен как ситуация, в которой имеются личные/частные интересы, которые в определенных ситуациях могут вступать в конфликт с должностными обязанностями/функциями»⁹.

Личные интересы представителя бизнеса могут принимать различные формы. Прежде всего, это финансовая заинтересованность. Каждый работник желает увеличения своих собственных доходов, но не все при этом в качестве источника повышения благосостояния видят повышение качества и производительности труда. Неверное распределение финансовых ресурсов организации с целью повышения собственной оплаты труда и прочих материальных вознаграждений является классическим примером конфликта интересов. Также можно рассмотреть трудоустройство родственников в одну и ту же организацию, когда один из них является прямым подчиненным другого. В случае ненадлежащего исполнения подчиненным профессиональных обязанностей, руководитель обязан наложить на того взыскание. Но в том случае, если недобросовестный работник – его родственник, начальник может пойти на нарушение должностных инструкций и закрыть глаза на нарушения. Подобные действия являются неэтичными и наносят вред деятельности компании, могут привести к убыткам. Именно поэтому разработанные многими компаниями кодексы профессиональной этики сотрудников запрещают работу близких родственников в одних и тех же подразделениях в условиях подчинения одного другому.

Сохранение коммерческой тайны также является частным случаем конфликта интересов. И примером здесь может служить не только разглашение ее в случае получения взятки, но и разглашение уже по окончании сроков сотрудничества с данной компанией. Работник, имеющий представление о коммерческой тайне и переходящий на службу к прямому конкуренту работодателя, поступает неэтично. Он должен понимать, что его могут приглашать не как специалиста, а именно как представителя конкурирующей фирмы. В то же время, работая с коммерческой тайной, он получал деньги не только за свою основную деятельность, но и за хранение секретов. Именно поэтому положения этики бизнеса не рекомендуют переход на работу к прямому конкуренту или открытие собственного дела в той же отрасли, в которой действует предыдущий работодатель.

Всего в этике выделяется семь основных типов ситуаций конфликта интересов. Список их был приведен канадскими политологами Кеном Кернаганом и Джоном Ленгфордом в их книге «Ответственный государственный служащий»¹⁰. К этим случаям они относят следующие ситуации:

- сделка с самим собой (заключение должностным лицом контракта с фирмой, которой он владеет);
- принятие выгоды (получение взятки или ценного подарка за действие или бездействие);
- продажа влияния (получение выгоды от продвижения чьих-либо интересов);
- использование имущества работодателя для получения личной выгоды (использование оборудования или офисной техники для осуществления деятельности, не связанной с профессиональной);

⁹ Храбкин А.А. Конфликт интересов в системе государственной службы: особенности государственных закупок (www.strategy-spb.ru/portal/files/hramkin-goszakupki.doc).

¹⁰ См. McDonald, Michael. "Ethics and Conflict of Interest". W. Maurice Young Centre for Applied Ethics (<http://www.ethics.ubc.ca/people/mcdonald/conflict.htm>).

- использование конфиденциальной информации (в качестве примера можно привести действия чиновников, которые разменивают большие суммы денег на монеты, которые не будут изыматься в результате деноминации и поэтому подорожают в несколько раз; при этом нужно отметить, что эти действия осуществляются до официального объявления об обмене денег);

- занятость вне фирмы (одновременная работа в конкурирующих организациях);
- последующая занятость (переход на работу к конкуренту или открытие своего бизнеса в той же отрасли).

Проблема конфликта интересов является общей для этики бизнеса и политической этики. Кроме того, в последнее время проблемы конфликта интересов активно обсуждаются в рамках юридической этики и этики аудита. Данные факты свидетельствуют об особой сложности данной проблемы и необходимости поиска решения в комплексе и в строгом соответствии с положениями этической науки.

В настоящее время активно идет процесс глобализации мирового пространства. Стираются границы между странами и континентами. Эти процессы затрагивают все сферы жизни общества, и, безусловно, играют заметную роль в развитии этики бизнеса.

Бизнес выходит за рамки отдельных государств, что приводит к возникновению транснациональных корпораций и совместных предприятий. Вместе с бизнесом меняется и деловая этика: она переходит на различные уровни. Ю.Ю. Петрунин и В.К. Борисов выделяют уровни микроэтики и макроэтики. Под макроэтикой, по их мнению, понимается та часть этики бизнеса, которая рассматривает специфику моральных отношений между как макросубъектами социальной и экономической структуры общества: корпорациями, государством и обществом в целом, так и его частями; под микроэтикой – исследование специфики моральных отношений внутри корпорации, между корпорацией как моральным субъектом и ее работниками, а также держателями акций¹¹.

Идущие процессы глобализации бизнеса также приводят к тому, что в одной и той же компании работают представители разных по менталитету и мировоззрению наций. Весьма остро при этом встает проблема выработки приемлемого и понятного для всех кодекса этики, что напрямую связано с поиском общих для всех культур ценностей. В нашей стране профессиональную деятельность предпринимателей регулирует Российский кодекс предпринимательской этики, в котором выделяются принципы личности, принципы профессионала, принципы гражданина России, принципы гражданина Земли¹².

В середине 1990-х на Западе многие ученые занимались подобными проблемами. Целью их исследований было найти и описать универсальный набор ценностей, которые затем могли бы лечь в основу универсального кодекса. Этот «кодекс на все случаи жизни» потом можно было бы применять во всех организациях после незначительной адаптации. При этом зачастую забывали, что кодекс профессиональной этики – это не просто набор придуманных кем-то правил, которым следуют без лишних раздумий. Формирование здоровой этической культуры организации возможно только при условии принятия и понимания всеми без исключения сотрудниками ценностей и положений, составляющих основу кодекса этики. Кодекс этики – документ, который должен находиться в свободном доступе, чтобы каждый мог высказать свое мнение о нем и предложить внести конкретные изменения, если, как он считает, в этом есть необходимость.

Иностранные компании часто совершают серьезную ошибку, предлагая свои сотрудникам в третьих странах перевод кодексов этики, применяемых в головных предприятиях. Менталитет и мировоззрение народов могут существенно различаться, что приведет к непониманию предъявляемых кодексом требований. Однако не стоит думать, что все то, что является понятным и приемлемым для, например, француза, будет непонятно и неприемлемо для русского или китайца. Исследователями был выделен набор определенных приемлемых для представителей большинства культур принципов этики, которые могут лечь в фундамент будущего кодекса.

Все эти принципы можно разделить на три основные категории: принципы личной этики, профессиональной этики и глобальной этики. При этом этика бизнеса связана

¹¹ Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса – М.: Дело, 2000 – С. 64.

¹² См. Назаров В.Н. Прикладная этика – М.: Гардарики, 2005. – С. 266-268.

со всеми тремя основными категориями. Личная этика, сформированная у нас в процессе социализации в обществе, позволяет нам действовать этично в сложных ситуациях, не предусмотренных кодексом профессиональной этики. Глобальная этика делает акцент на благополучие всего человечества, которого можно достичь только путем следования принципам морали. Так, основным из положений глобальной этики является уважительное и этичное отношение к окружающей среде. Действительно, может ли корпорация, наносящая природе непоправимый вред, быть успешной, этичной и благополучной? Огромные прибыли, получаемые в настоящий момент и создающие видимость доходности, в будущем приведут к серьезным убыткам и банкротству. Именно поэтому в современных условиях успешное развитие бизнеса возможно лишь при соблюдении положений глобальной этики и этики бизнеса.

Скептики могут возразить, что в данный момент мир достиг своей этической вершины, этический прогресс остановился, стремиться больше не к чему, поэтому этические действия уже не принесут никакой пользы. Однако среди ученых нет единого мнения по этому поводу. Большинство из них склоняются к тому, что этический прогресс более вероятен в том обществе, которое стоит на более высокой ступени развития. Действительно, в былые годы сама идея управляемого человеком «прогресса» могла показаться странной. Так, размеренная жизнь в Средневековье была уже предопределена: времена года сменяли друг друга, принося новые виды работ, а все иерархии социального порядка были установлены волею судьбы. В современном же обществе идея прогрессивных изменений воспринимается как данность. Невозможность постоянного и быстрого изменения какой-либо сферы жизни человечества вызывает непонимание и негодование. Это относится ко всему, но не к этике. Многие считают, что современная тяжелая жизнь не оставляет нам выбора: необходимо действовать неэтично и получать выгоду, потому что если потратить время на ненужные разговоры о морали, вся прибыль уйдет в руки конкурентов. Именно такие мнения, господствующие в среде представителей бизнеса, приводят к тому, что этика стоит на месте или даже откатывается назад. Бизнесмены должны понимать, что они являются публичными людьми, и поэтому своими неэтичными действиями они не только разрушают свой моральный облик, но и способствуют неэтичному поведению многих из своих сотрудников, многие из которых берут пример со своего босса, желая быть столь же успешными. И при этом неэтичное поведение воспринимается ими как одно из условий успешности, что, конечно же, является неправильным и даже опасным.

Когда речь заходит о бизнесе, многим из нас на ум приходит мысль о том, что бизнесмены, стараясь максимизировать прибыль, уходят от уплаты налогов. Действительно, очень часто можно столкнуться с подобными действиями представителей деловых кругов. Этикой бизнеса большое внимание уделяется проблеме уплаты налогов. Существующее на данный момент в большинстве стран налоговое законодательство несовершенное: в нем содержатся определенные «лазейки», позволяющие максимизировать налоговые вычеты или попросту ничего не платить. При этом те, кто заинтересован в уклонении от налогов, часто стараются оправдать свои действия, говоря, что взимаемые в большом количестве налоги расходуются государством неэффективно, не приносят обществу никакой пользы, поэтому уплата налогов является лишь пустой тратой денег. Иными словами, эти лица, осознавая всю моральную сомнительность своих действий, стараются обвинить государство в отсутствии у него этики, чтобы самим выглядеть этичнее. С их точки зрения, больше пользы можно получить, распорядившись всеми своими деньгами по своему усмотрению, не передавая ни копейки на нужды государства. Однако при этом они забывают, что есть такие общественные нужды, вклад в которые может внести только государство: образование и здравоохранение, охрана правопорядка и судебная система, культура и искусство, демографическая политика, национальная оборона. Без развития данных сфер жизни общества невозможно существование самого общества. Бизнес является институтом общества, поэтому отдельно от него существовать не может. Следовательно, пытаясь уйти от уплаты налогов, представители деловых кругов не только поступают неэтично, но они ставят под угрозу благополучное развитие своего дела, которое невозможно без нормального функционирования всех общественных институтов. Своевременная и полная уплата налогов повышает моральный статус компании и повы-

шает благосостояние жителей всей страны, которые, получив большие финансовые возможности, станут больше тратить на товары и услуги, предоставляемые им бизнесом. То есть уплата налогов не только этична, но и может привести к росту прибыли.

Этику бизнеса и деловую этику можно рассматривать также как один из инструментов управления фирмой. Для максимизации этичности менеджмента и принимаемых управленческих решений, менеджер должен ответить на вопросы, которые выделяет Л. Колеро в своей статье «Пять вопросов, которые руководители должны задать себе»¹³:

1. Какова стратегия нашей компании в управлении этикой?
2. Кто отвечает в нашей компании за этику?
3. Сотрудники нашей фирмы имеют достаточно знаний для того, чтобы распознавать и решить моральные дилеммы?
4. Сотрудники нашей организации имеют безопасную возможность обсуждать этические проблемы фирмы?
5. Мы поощряем или наказываем этическую честность и моральную храбрость, если это в итоге приводит к негативным последствиям?

Большое внимание современной этикой бизнеса уделяется проблеме доверия в условиях свободного рынка. Действительно, каким образом потребитель может быть уверен в добросовестности и этичности предпринимателя, который предоставляет ему товар или услугу? От этичности производителя и продавца зависит не только качество товара, но также и многие другие немаловажные факторы: качество обслуживания, справедливость уровня цены и т.п. Но при этом практически невозможно предугадать, какими принципами руководствуется предприниматель, с которым покупатель столкнулся впервые. Этика бизнеса видит выход лишь в естественных процессах выхода с рынка тех производителей и продавцов, чьи прибыли не позволяют им продолжать дело. Этика напрямую связана со многими ценовыми и неценовыми факторами, именно поэтому произведенный или распространяемый неэтичной организацией товар обладает меньшей конкурентоспособностью, что может стать причиной снижения прибылей.

На первый взгляд сложная проблема достижения взаимного доверия также решается весьма просто. Потребитель доверяет лишь тому посреднику и производителю, с деятельностью которого он уже хорошо знаком и в этичности которого он уверен. Именно поэтому крупные торговые сети имеют преимущество перед небольшими магазинами: как у всех современных корпораций, у них в составе совета директоров есть администраторы и консультанты по этике. Именно по их инициативе проводятся тренинги и семинары по повышению уровня этики и морали сотрудников компании, а в торговых и сервисных организациях также организуется работа так называемых «скрытых клиентов», задачей которых является визиты инкогнито в различные подразделения компании с целью проверки уровня обслуживания, качества выполняемых работ, после чего они представляют руководству отчет об уровне этики персонала того или иного магазина или сервисного центра.

Однако не стоит думать, что лишь от уровня развития нравственности работников, непосредственно взаимодействующих с клиентами, зависит уровень этической культуры всей компании. Этика должна проникать во все уровни организации, начиная от генерального директора и заканчивая сторожем на складе. Но начать нужно именно с высшего руководства. Как уже было сказано, для многих сотрудников высшие руководители в некоторой степени являются образцом успешности. Подчиненные, желая добиться столь же высокого положения, как и их начальники, начинают копировать их поведение, подчас не задумываясь об этике, морали и нравственности. Кроме того, проводимую компанией политику определяют руководители. Их распоряжения выполняются, даже если они аморальны. Это, несомненно, наносит вред этической культуре всей компании. Поэтому абсолютно каждый работник должен в своей работе задумываться об этике выполняемых действий. И именно поэтому все должны принимать активное участие в составлении и претворении в жизнь кодексов этики сотрудников данной организации, данной отрасли.

¹³ См. Larry Colero Five Questions That Corporate Directors Should Ask (<http://ethics.ubc.ca/index.php?p=misc&id=26>)

Взаимное доверие и этика в организации становятся неотъемлемым атрибутом стабильно развивающегося, успешного бизнеса. В настоящее время высокий уровень развития средств связи позволяет служебным информаторам обнародовать данные о неэтичных действиях руководства и сотрудников организации, при этом оставшись анонимными и, следовательно, совершенно не пострадав. Огласка фактов, подтверждающих низкую этическую культуру компании, может стоить руководителям огромных убытков или даже потери бизнеса. Активно идущие процессы глобализации не позволяют уйти от ответственности за неэтичные действия. Неконкурентоспособные предприятия будут вытеснены с рынка. И, следовательно, только этичный бизнес на данный момент является жизнеспособным.

Рассматривая деловую этику, мы видим, что ее можно отнести как к прикладной, так и к профессиональной этике. Комплексный характер моральных дилемм, стоящих перед представителями делового мира не позволяет нам рассматривать эту науку одномерно. Деловая этика – это, с одной стороны, прикладная этика, этика бизнеса как одного из социальных институтов, этика предпринимательства в целом. С другой же стороны, деловая этика – это профессиональная этика отдельного предпринимателя и менеджера. Кажущееся противоречие снимается при рассмотрении всех дилемм в комплексе, с позиций интегральной этики¹⁴, т.е. путем анализа дилемм с точки зрения синтеза философской, прикладной и профессиональной этики.

Современное предпринимательство является опорой развивающейся глобальной экономики, экономик отдельных стран. На наш взгляд, рассматривающие его проблемы области этики – предпринимательская этика, деловая этика, этика бизнеса – должны стать опорой развития прикладной и профессиональной этики, придать новое значение этим отраслям философского знания.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

- Нравственная регуляция предпринимательской деятельности осуществляется на основании концепции предпринимательской этики.
- Этика бизнеса есть прикладная этика, рассматривающая моральные дилеммы бизнеса как института современного общества.
- На современном этапе аспекты прикладной и профессиональной этической регуляции деловой активности образуют деловую этику.
- Существование деловой этики подтверждает необходимость функционирования интегральной этики предпринимательской деятельности и экономической активности.

Список литературы

1. Назаров В.Н. Прикладная этика. – М.: Гардарики, 2005.
2. Организация предпринимательской деятельности (под ред. Грядова С.И.) – М.: КолосС, 2005.
3. Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса – М.: Дело, 2000.
4. Горбатов А.В., Елескина О.В. Деловая этика. – Кемерово, 2007.
5. Басовский Л.Е. Менеджмент – М.: Инфра-М, 2005.
6. Аристотель. Политика // Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
7. Храшкин А.А. Конфликт интересов в системе государственной службы: особенности государственных закупок www.strategy-spb.ru/portal/files/hramkin-goszakupki.doc.
8. McDonald M. Ethics and Conflict of Interest. W. Maurice Young Centre for Applied Ethics www.ethics.ubc.ca/people/mcdonald/conflict.htm.
9. Colero L. Five Questions That Corporate Directors Should Ask.
10. www.ethics.ubc.ca/index.php?p=misc&id=26.
11. Назаров В.Н., Мелешко Е.Д. Этическое образование в России: проект «интегральной» этики // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 3 (40). С. 98 – 107.

¹⁴ См. Назаров В.Н., Мелешко Е.Д. Этическое образование в России: проект «интегральной» этики // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 3 (40). С. 98-107.

MODERN BUSINESS ETHICS AS A SYNTHESIS OF APPLIED AND PROFESSIONAL ETHICS

K. B. Safonov

*Tula State
L. Tolstoy Pedagogical
University*

e-mail: philos.tula@yandex.ru

The article is devoted to the investigation of the functioning of business ethics within the structure of modern philosophy. The main dilemmas of business and modern theses of business ethics are discussed in the article. Special attention is paid to the determination of the status of business ethics, the possibility of treating this part of ethical knowledge in the area of applied and professional ethics. The phenomenon of business ethics is analyzed from the position of integral ethics.

Key words: applied ethics, professional ethics, business ethics, ethical dilemma, conflict of interest.

ТРАНСЛЯЦИЯ НАРОДНОГО РЕЛИГИОЗНОГО ЗНАНИЯ В СЕМЕЙНЫХ ПРЕДАНИЯХ И МЕМОРАТАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)¹

Т. А. СЕРЕЖКО

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: serezhko@mail.ru

В статье рассматриваются традиционные народно-религиозные представления, конституирующие жизненный мир и религиозную повседневность сельского социума на территории Центрально-Черноземного региона (на примере сельских поселений Белгородской, Курской и Воронежской областей). Прослеживаются пути их трансляции в семейной памяти в условиях трансформации внутрисемейных отношений, антирелигиозной пропаганды советского времени и современных модернизационных процессов.

Ключевые слова: религиозность, народное православие, семья, микросоциум, крестьянство, религиозное воспитание, меморат, семейно-бытовые традиции, семейная память.

Как известно, любая религиозность основана на принятии единого для всех адептов вероучения. Так, каждый, стремящийся к тому, чтобы быть православным, должен сверять свои поступки и суждения с текстами Священного Писания и традициями Священного Предания, идентифицировать свое мировоззрение с заложенными в них ценностями. Однако, исторические источники, фольклорная, научная и культурная традиция насчитывают бесчисленное множество описаний, наблюдений, эмпирических обзоров, касающихся самых разнообразных проявлений и источников религиозности русского человека, отнюдь неканонического характера, как в древности, так и на современном этапе. Культурологу важно показать не столько сущность и особенности религии как догматического вероучения или религиозно-философского направления, а представить ее как специфическую деятельность, реально существующую практику повседневной жизни. Актуальность выбранного подхода очевидна: сегодня исследователи, обращая внимание на социокультурные аспекты религиозности, «ясно и недвусмысленно отказались от рассмотрения религии как явления, объединяющего лишь доктрину, церковные институты и формальную обрядовость, и предложили взглянуть более широко на реальные религиозные и околорелигиозные верования людей (прежде всего простых) и связанную с ними обрядовую практику»².

Целью статьи является описание ценностно-символических основ, конституирующих жизненный мир и религиозную повседневность сельских старожилков современной деревни Черноземья и их трансляция в современном культурном пространстве. Несмотря на то, что на сегодняшний день 27% населения России проживает в сельской местности, традиционная деревенская культура находится под угрозой полного исчезновения, ибо не существует никаких регулятивов ее сохранения в условиях перехода и социокультурной модернизации.

Современная культурная антропология позволяет воспользоваться «живой» памятью нынешних поколений крестьян, информантов – носителей традиционной культу-

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Госконтракт П-861 от 18.08.2009.

² Стефанович П.С. Изучение «народной религии» позднего средневековья и раннего нового времени в британской историографии (смена исследовательских парадигм) [Статья] / П.С. Стефанович // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.5, история: Реферативный журнал. – 2000. – № 1. – С. 31-32.

ры и традиционного мировоззрения в нашей стране. Наши размышления по изучению культурной семиосферы сельского социума опираются на результаты исследовательских экспедиций, проведенных под руководством автора работы в 2007-2010 гг. на территории Центрально-Черноземного региона (в деревнях и других сельских поселениях, находящихся в настоящее время на территории Белгородской, Курской и Воронежской областей). В работе использовались, прежде всего, такие полевые методы как участвующее наблюдение и биографические интервью. Все интервью фиксируются в рабочей тетради, обычно сопровождаются аудиозаписью, за исключением тех случаев, когда информанты не дают согласия на использование диктофона. В качестве информаторов привлекались в основном люди пожилого возраста, способные предоставить информацию по исследуемой проблематике. Рассматривая Я-нарратив, мы в первую очередь видим (слышим), в какую референтную рамку вписывает себя рассказчик, что дает возможность проследить процессы религиозной самоидентификации информантов, прояснить вопросы, связанные с социальными нормами, стереотипами и внутренними границами субкультуры пожилых людей, проживающих в сельской местности, понять, как особенности жизненного пути (биография) влияют на конфигурацию религиозного сознания человека.

Исходя из того, что традиционная крестьянская культура обладает преимущественно «устной историей», следует обратиться к ее основе – семье, в которой, индивид усваивает локальный вариант культуры своего социального «класса», а также внутрисемейную версию национальной и религиозно-мировоззренческой идентичностей. Религиозный компонент в жизни человека изначально бессознательно формируется, оттачиваясь от привычных социокультурных норм и традиционных стереотипов. Важно изучение религиозности селян сквозь призму частной, семейной жизни, повседневного опыта, тем более, что в деревенской культуре семья становится модусом «устной истории и «свидетелем памяти». Семья в аспекте нашей темы понимается как коллективный носитель традиций, создающий собственное культурное пространство, обеспечивающий трансляцию религиозных представлений, существование которых обусловлено традиционными формами частного быта и механизмом семейной культурной памяти.

Полевые материалы дают возможность увидеть, что на протяжении XX века агентом приобщения к религиозности выступала в основном семья, а не «свидетельство» церкви. Пришедшая на смену монархии советская эпоха практически полностью исключила человека из реальной церковной практики и лишь в минимальной степени позволила узнать о религиозном мировоззрении. Однако и сегодня почти каждый дом сельского старожилы имеет свой «красный угол» с иконами – почетное, почти святое место. Рассказывая о традиционных религиозных праздниках, совершаемых обрядах, информанты обращаются, прежде всего, к опыту своей семьи, чувствуя необходимость заручиться поддержкой и авторитетом предков. Как правило, все говорят о глубокой религиозности своих родителей, которые регулярно посещали церковь, молились, соблюдали посты и строго следили за религиозным воспитанием детей: «от теля [из церкви] мы приходим – он [отец] сажая нас на коленки – молитесь Богу и будем обедать. И веровали. Отца и матеря – боже сохрани на него чей то – он еще как гляня... Постилися. Мама несе, вот я помню, несе, пертопила сырок, а он желтый, а я – мам, дай, хочь палец умачу, [мать]: ня – грех, теперя погодитя, теперя скоро будете все есть и ложкою будете есть... Заставляли прям родители, заставляли, не то шо щас» [Ушакова Д.Ф., 1912 г.р., с. Иловка Алексеевского района Белгородской области. Зап. Хирьянова Л.В., 2007 г.]. Дети приобщались к церковной традиции с юных лет, тем более, что это было связано с посещением храма всей семьей. Особую роль играли при этом родители, и, прежде всего мать, которая своим поведением подавала личный пример для подражания.

Любопытно, что информанты моложе (1940-1950-х годов рождения), вспоминают скорее уже о религиозности своих «бабушек», чем родителей, оказавшихся под большим влиянием атеистического социального пространства и быта советского времени. Почти сто процентов информантов данной возрастной группы заявили, что первоначальные знания о вере, церкви, Боге, святых и необходимых религиозных действиях и правилах ими были получены в семье, через рассказы «бабушек»: «Бабушка нас учила многому, молитвам. С бабушкой больше мы общались. Маме было некогда, и мы были больше с бабушкой. Она нас в церковь водила, причащала; церковь была близко, в огородах прям

сразу» [Шишлакова Н.Т., 1941 г.р., с. Новенькое Ивнянского Белгородской области. Зап. Резанова А.В., 2008 г.]. Таким образом, усвоение и воспроизведение религиозности проходило чаще посредством коммуникации «бабушек и внуков», через голову занятых работой и общественной жизнью родителей.

Огромную роль в формировании веры многих информантов сыграли наглядные примеры истинно верующих людей, «ведения» или рассказы о божественном возмездии за проступки, «святых людях», о «чудесных» исцелениях, которые наблюдали сами или передавались из поколения в поколение. Народная память сохранила наиболее яркие события, связанные с подобным проявлением божественного. Материал экспедиций показывает, что многие представления актуальны для информантов и по сей день: «На Николу носили иконку, аж в Вознесенку, несли пешком, много людей и приносили, брали в каждый двор, кто желал, и очень желали брать, и помогала она. И моей маме помогла – она девочкой была – еще до революции, и болела, и когда со своей улицы несла на другую [икону], и перестала болеть. А еще моя бабушка, ще 1890 года, ходила в церкву в Белгород пешком, с Вознесенки, и у нее на лице раньше болячки були и не заживали. Там провалилась церква, в Белгороде, и там було озеро, щас его нема, засыпали, и були ступеньки, и когда она помылась в этом озере – и вернулась оттуда здоровой. После того туда люди вообще ходили, с болезнями, и помогало» [Четверикова А.М., 1937 г.р., с. Крутой Лог Белгородского района Белгородской области. Зап. Ушакова Т.А., 2008 г.]. В религиозном осмыслении любая болезнь имеет, прежде всего, духовное (сакральное) значение. Примечательно, что исцеление, как в народных представлениях, так и в каноническом евангельском тексте имеет сверхъестественный характер и связан с чудесами. На наш взгляд, это один из важных мотивов, который как бы объединяет в себе народно-фольклорное и каноническое православное сознание. В то же время в православии идея благодати как Божьих энергий превращается в идею, касающуюся духовной силы. Вместо того чтобы использовать иконы как средство приобщения к Божественной жизни, иметь общение с Богом и с другими верующими (святыми), многие православные чаще всего склонны к тому, чтобы рассматривать физические объекты как магическое средство обретения благодати.

Совсем иного рода популярностью можно объяснить успех неизвестных церкви, но почитаемых в определенных местностях, так называемых, «народных святых», живших в селах в непосредственной близости и постоянном контакте с их жителями, об образе жизни и чудесах которых до сих пор сообщают старожилы и их потомки. Интересно, что в глазах селян такие святые люди были не только всемогущими, универсальными целителями, предсказателями и чудотворцами, но и социальными обличителями незаслуженного богатства, воровства, лжи и лени. К примеру, об одном таком жителе сообщают старожилы села Иловка. С уважением, страхом, почтением относились они к незаурядному человеку, который ходил босым в любую погоду, однако «никто не доказал откуда он появился. Кто кажа, що отец дюжа наругался над йм, с двора яго согнал. Яму Господь дал энтакое движение – ходить будто бы... Игнатий Аляксеевич яго звали» [Ушакова Д.Ф., 1912 г.р., с. Иловка Алексеевского района Белгородской области. Зап. Хирьянова Л.В., 2007 г.].

В народных представлениях отнюдь не личность святого и его благочестие, а образ жизни, способность творить чудеса выходят на первый план: «Моя бабушка знала одного святого... Монастырь здесь у нас строился, и он сказал: “Не стройте этот монастырь – будет этот монастырь хвостами обтрепанный и не пригодится”. И действительно, в этом монастыре и свиньи были, и коровы были, и потом малолетняя колония была там... Тогда были колхозы, и одна женщина (нечего ей понести) – она по дороге сорвала помидор в фартук и отнесла, а он у двоих взял, а у этой женщины не взял, сказал: “Отнеси туда, где взяла”. Потому что даже колхозные, они – ворованные, без спроса взятые. Все он угадал... Некоторые люди боялись его – он обличал всех, правду рассказывал. И вот его даже закрывали в кельи его, и он молился всю ночь, и выходил на улицу. Цепи, которыми его опечатывали, сами открывались, и он со свечкой выходил всем на удивление.... По моему, Игнатий его звали... Прожил долго. Его когда вели на расстрел, он стал молиться, оглянулся, а их – нет, видимо робость напала и они ушли... Исцелял, не исцелял – не знаю, но будущее предсказывал. Людей к нему тогда было множество, некоторые со страхом, не-

которые со слезами, с болезнями, и я думаю, он наверно и лечил, ведь такие люди – благодать Божья на них» [Кабанова Л.В., 1949 г.р., с. Рождествено Валуйского района Белгородской области. Зап. Буренина А.В., 2008 г.]. Как видим, в образе «деревенского» святого традиционным сознанием была заложена потенция народного нравственного идеала: хотя эти люди не всегда отличались смирением и кротостью, выступая обличителями богатства и лжи, их наделяют атрибутами скромности, правдивости и нестяжательства.

Многих информантов отличает искренность и одновременно весьма поверхностное проникновение в сущность веры, которая интуитивно воспринимается как истинная, как «вера предков». Любое сообщение информанта всегда этиологично, так как ориентирует на культурный образец и напоминает о происхождении от семейных установлений: «Не за нас оно ж сталося, це ж давно – ще наци родытели як праздновали, так и мы. Наши батьки знали выльки молитвы – я их не знаю. Я один «Отче наш знаю» [Чередниченко Л.А., 1927 г.р., с. Тишанка Волоконовского района Белгородской области. Зап. Серезко Т.А., 2007 г.]. На протяжении веков крестьянское общество, базирующееся на «устной истории», само творило свою историю сообразно с опытом предков: «Не нами начато было, не нам кончатъ» – постоянный мотив, который звучит в речи почти каждого информанта и требует почитания и сохранения памяти о предках, установленном ими быте и традициях. Вся система воспитания была направлена на укрепление коллективной памяти сельского социума, где было естественно жить в представлении «как наши деды-прадеды жили, так и мы будем».

Большинство опрошенных лояльно относятся к другим верам, но сохраняют убежденность в необходимости передать православие потомкам: «Православие нужно. Очень нужно это. Раньше бога боялись, а у нас сейчас ничего не боятся... это надо начинать с роддома: родился ребенок – сразу крестить...» [Константинова А.В., 1949 г.р., п. Томаровка Яковлевского района Белгородской области. Зап. Шереякина С.А., 2008 г.]. Крещение ребенка выступало важнейшим ритуалом, позволившим поддерживать религиозную жизнь людей Советской России и не утратить религиозную идентичность: «Рождение ребенка никогда сразу не праздновали, а когда крестили – праздновали.... Тогда ж был запрет, но все равно носили крестить в церковь... после крещения приходили, собирались гости, гуляли, праздновали, приглашали самых близких, кумовьев, друзей» [Резанова В.А., 1936 г.р., с. Новенькое Ивнянского района Белгородской области. Зап. Резанова А. В., 2008 г.]. Смысл крестин, как правило, не воспринимается как таинство вхождения в церковь, но «крещенный ребенок – это более надежно», «к крещеным больше относится добра, благодати». Таким образом, у большинства опрошенных православие ассоциируется с традицией, порядком, культурой, моралью, нравственностью и позволяет идентифицировать себя с социумом.

Важнейшие ритуалы жизненного цикла разворачиваются, в основном, в «семейно-родственном» пространстве. В современной культуре отчетлива тенденция перехода общественных, в том числе сутобо официальных, праздников в пространство домашней жизни. Вследствие общей тенденции, а так же известных политических условий недавнего прошлого религиозные праздники и обычаи также стали фактом приватной жизни и олицетворением «семейственности»: «Самое главное в Бога верить и Бога знать. Он для всех один. Я не считаю, что если они [люди] в церковь ходят, то они святые. А я знаю таких людей, кто ходит в церковь, а сами матерятся. Я в церковь не хожу, но я никогда не ругалась...» [Сурнина А.П., 1937 г.р., п. Томаровка Яковлевского района Белгородской области. Зап. Шереякина С.А., 2008 г.]. Указанная тенденция способствовала определенной автономии «народного православия» от церковных структур и еще сильнее укрепили его позиции как комплекса не только собственно религиозных, но и нравственных, эстетических, природоведческих представлений, связанных с годовыми и вековыми трудовыми циклами. Так как ни церковь, ни духовенство не ощущались как необходимые, во время преследований, когда священники были угнаны, а церкви разрушены или превращены в магазины и склады, народная вера сумела сохраниться как внутренняя семейная традиция, завет предков: «Папа у меня был злостный коммунист... он всегда был только за партию, но, хотя, когда ему предложили снять иконы, он сказал: «не я их вешал, не я их снимать буду»... так что иконы остались у нас в доме» [Константинова А.В., 1949 г.р., п. Томаровка Яковлевского района Белгородской области. Зап. Шереякина С.А., 2008 г.].

Таким образом, «народное православие» (в отличие от официального православия) клерикально только в очень ограниченной мере и ни в коем случае не привязано к духовенству. С одной стороны, это стало одной из причин антицерковных настроений и гибели церковной инфраструктуры в горниле революции и гражданской войны на рубеже веков. С другой стороны, народное православие как глубоко обоснованная народным сознанием система жизни человека в природе латентно присутствовало в крестьянской среде, даже в условиях насаждения квазирелигиозной коммунистической идеологии и, очевидно, как атрибут крестьянской культуры, сохранится до тех пор, пока человек окончательно не утратит связь с землей. Несмотря на внедрение всеобщей грамотности, и средств массовой информации, можно сделать вывод относительно широкого бытования в крестьянской семье и в начале XXI века традиционной религиозности, которая, облекаясь в форму канонического православия, отражает архаические, первоначальные пласты традиционного сознания. Хотя информанты считают себя православными, уровень знаний о христианской религии чрезвычайно низкий. Религиозная ситуация, которую мы наблюдаем, в целом весьма противоречива. С одной стороны, культура, которую мы видим, во всех отношениях далека и от замкнутости, и от архаики, с другой стороны, по своему происхождению, собранные нами тексты, несмотря на современные модификации, отражают бытующие ценностно-символические реалии, которые имеют весьма архаический характер. На Черноземье до сих пор популярны суеверные рассказы, бытовой направленности, которые рассказываются как *мемораты*, то есть свидетельства о таких случаях, которые имели место в действительности и произошли с самим рассказчиком или его родственниками и знакомыми. Это, в частности, сюжеты о порче, о глазе, о чудесных излечениях, о святых людях. Церковные таинства и обряды тесно переплетаются с народными традициями и представлениями. Тот факт, что последние продолжают функционировать в жизни людей, свидетельствует об определенной сохранности традиционной культуры в обследованных деревнях. При этом следует подчеркнуть, что такого рода религиозность сохраняет свою актуальность и закрепляется главным образом в сфере внутрисемейной и индивидуально-личной, объясняя болезни, смерть, трагедии, обеспечивая коммуникацию между родственниками, регулируя поведение человека во время знаковых моментов (рождение, похороны, свадьба и пр.).

Если семейное религиозное воспитание в XX веке основывалось во многом на семейной памяти, то в современном российском обществе на смену традиционной семье, с совместным проживанием нескольких поколений, приходит нуклеарная семья. Сегодня очевиден распад межпоколенных связей и межпоколенной трансмиссии традиционной культуры, вследствие нарушения внутрисемейной коммуникации. Формирование информационного общества, рождение иного типа семейно-брачных отношений, нарушение межпоколенных связей, катаклизмы советского времени и ряд других факторов способствуют декадансу народной религиозности, которая остается средством «культурной, национальной идентичности», призванным поддерживать чувство взаимосвязанности и солидарности членов общества, но на уровне микросоциума, утратив внутреннее содержание, перестает играть регулятивную роль.

Список литературы

1. Стефанович П.С. Изучение «народной религии» позднего средневековья и раннего нового времени в британской историографии (смена исследовательских парадигм) [Статья] / П.С. Стефанович // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.5, история: Реферативный журнал. – 2000. – № 1. – С. 31-52.

Список информантов

1. Кабанова Л.В., 1949 г.р., с. Рождествено Валуйского района Белгородской области. Зап. Буренина А.В., 2008 г.
2. Константинова А.В., 1949 г.р., п. Томаровка Яковлевского района Белгородской области. Зап. Шереякина С.А., 2008 г.
3. Резанова В.А., 1936 г.р., с. Новенькое Ивнянского района Белгородской области. Зап. Резанова А. В., 2008 г.

4. Сурнина А.П., 1937 г.р., п. Томаровка Яковлевского района Белгородской области. Зап. Шереякина С.А., 2008 г.
5. Ушакова Д.Ф., 1912 г.р., с. Иловка Алексеевского района Белгородской области. Зап. Хирьянова Л.В., 2007 г.
6. Чередниченко Л.А., 1927 г.р., с. Тишанка Волоконовского района Белгородской области. Зап. Сerezко Т.А., 2007 г.
7. Четверикова А.М., 1937 г.р., с. Крутой Лог Белгородского района Белгородской области. Зап. Ушакова Т.А., 2008 г.].
8. Шишлакова Н.Т., 1941 г.р., с. Новенькое Ивнянского Белгородской области. Зап. Резанова А.В., 2008 г.

TRANSLATION OF NATIONAL RELIGIOUS KNOWLEDGE IN FAMILY LEGENDS AND MEMORAT (ON MATERIALS OF FIELD RESEARCHES IN VILLAGES OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION)

T. A. Serezhko

Belgorod State University

e-mail: serezhko@mail.ru

The traditional national-religious representations constituting the vital world and religious daily occurrence of rural society in territory of Central Black Earth region (on an example of rural settlements of the Belgorod, Kursk and Voronezh areas) are considered. Ways of their translation to family memory in the conditions of transformation of intrafamily relations, antireligious propagation of a Soviet period and modern модернизационных processes are traced.

Key words: religiousness, national Orthodoxy, a family, micro-society, peasantry, religious education, memorat, family-household traditions, family memory.

НЕЯЗЫЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ГНОСИСА: СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. В. Слобожанин

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н.Толстого*

e-mail: philos.tula@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению гностического антропологического учения как синкретического феномена. Производится анализ первоисточников, показывающий наличие в гностическом учении о человеке идей, чуждых античной политеистической культуре. На базе данного анализа производится реконструкция относительно целостной системы неязыческих представлений о человеке. Более подробно рассматривается особенность понимания человека в социальном контексте.

Ключевые слова: гносис, язычество, синкретизм, человек.

Достаточно строгая дефиниция гностицизма на данный момент представляет собой неразрешимую философскую и религиоведческую задачу¹, в связи с недостаточностью исторического материала, не сводимости имеющихся тестов к какой либо единой религиозно-мировоззренческой теории. Понимание гностического феномена в рамках настоящей статьи базируется на положениях о его синкретической природе. Во многом именно ей может объяснено временная нестабильность гностицизма, невозможность долговременного закрепления в социальных институтах (античный гностицизм, богомилство, ересь катар по продолжительности своего существования не превосходили 3-4-х веков и не имели жесткой централизованной структуры). Однако вместе с тем интерес к гностическим идеям по настоящему никогда не угасает (он может быть и сугубо религиозным как в катарской и богомилской ересьях, философским в творчестве В.Соловьева и Л. Карсавина, синтетическим в теософии Е. Блаватской). Мы согласны с мнением А. Гарнака определившего гностицизм как «острую эллинизацию христианства»². Именно на «христианство» в гносисе и будет сделан наибольший акцент. Дифференциация христианских и иудейских влияний представляет собой задачу другого исследования, нашей же целью будет выделение мировоззренческих компонентов гностической парадигмы, которых не коснулась «острая эллинизация», говоря другими словами – компонентов свойственных монотеистической религиозной мысли и несовместимыми с греко-римской экзотерической религиозно-философской традиции. В качестве методологической установки было избрана идея А.Ф.Лосева, заключающая в том, что «...гностицизм есть 1) оккультно- 2) пневматический и 3) космологически-человечески ограниченный 4) персонализм, причём натуралистический, весьма напряженно ставящий 5) сотериологические цели с помощью 6) мифологически сконструированной системы понятийных категорий»³. Исходя из этого А.Ф. Лосев приходит к выводу о том, что гностицизм в различных своих школах и направлениях мысли содержит в себе как персоналистические («христианские»), так и натуралистические («языческие») черты, подчеркивая при этом преобладание пусть и искаженное христианских элементов. Прежде чем перейти к рассмотрению непосредственно заявленной антропологической проблематики кратко перечислим основные неязыческие концепты в космологической, этической, историософской и аксиологических сферах гносиса. Это – в области космологии: единое и непознаваемое Начало всего, не имеющее отношения к космосу, положение о враждебности материи к духу, линейность космологического и исторического процессов (циклы

¹ Дьяков А.В. Изучение гностицизма // Россия: Духовная ситуация времени. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2002. - № 5-6. - С. 45-61.

² Harnack A. Lehrbuch der Dogmengeschichte. T. I.5. Aufl. — Tubingen, 1931.

³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. – М., 1992. С. 255.

допускаются только как локальные), отрицание судьбы; в области этики и аксиологии: яркий негативизм в отношении к космосу, неприемлемость трансрегулятивных предписаний божеств-архонтов, отрицательное отношение к телесности, неприятие «среднего» в этическом отношении, резкая отделенность сакрального от профанного, внеисторичность Первобожества. Остановимся теперь более подробно на антропологической части гностических учений.

Учение о человеке есть неотъемлемая и важнейшая часть любой достаточно развитой религиозной и философской системы. Трудность определения языческого и неязыческого в гностическом учении, в том числе и учении о человеке была выделена многими исследователями: А.Ф. Лосевым, Л.П. Карсавиным, В.В. Болотовым и др. Целью настоящей статьи является реконструкция элементов гнозиса (в особенности социально-антропологической стороны), не могущих быть сведенным к языческой парадигме религиозно – философского мышления. Специфика гностической антропологии заключается в том, что само понятие человека у гностиков оказывается раздробленным. Трехчленное деление человечества, наиболее ярко выраженное в системе Валентина (на иликов, психиков и пневматиков) в некоторой степени обобщает общегностическое понимание духа, как единственно и подлинно человеческого в человеке, – на это указывает и Г. Йонас: «Не только тело, но и "душа" представляют собой продукт космических сил... Тело и душа человека представляются частью мира и подчинены гемармену (року, космическим законам – вставка наша) от начала до конца»⁴. Поэтому в гностицизме и нет потребности в спасении, в сотериологическом преобразении всего человека (ср. с христианским «Я всего человека исцелил»⁵). Однако стремление человека к выходу в надприродное имманентно присуще ему. В.Н. Назаров указывает, что «Мудрость божественного промысла состоит в том, что человек «исчадие» дальнего мира, несет в себе свет Софии, являясь через нее потенциальным членом Плеромы»⁶. В идеале гностическая антропология должна быть пневматологией, но исходя из задач нашего исследования условно «человеческим» мы будем называть и психофизический элемент человека. Рассмотрим первоначально антропологическую сторону учений Василида (восточный гнозис), Валентина (западный гнозис), опираясь преимущественно на работы Г. Йонаса «Гностическая религия», А.Ф. Лосева «История античной эстетики», М.С. Поснова «Гностицизм 2-го века и победа христианской церкви над ним», С.Н. Трубецкого «Начатки гностицизма» и В.В. Болотова «История древней Церкви», особо останавливаясь на социальных аспектах. Затем обратимся непосредственно к первоисточникам наиболее концентрированно на наш взгляд выражающим гностический взгляд на происхождение, природу и назначение человека, а конкретно к «Евангелию от Фомы» и «Евангелию от Филиппа». Ограничение двумя источниками и тремя школами продиктовано стремлением не столько детального изучения разнообразия гностических представлений, сколько необходимостью вычленения неязыческих антропологических представлений гнозиса как целостного культурно-религиозного феномена.

Учение Василида о человеке носит незавершенный характер. По крайней мере, в дошедших до нас источниках не присутствует полное описание возникновения человека. По всей видимости, оно связано с возникновением третьей ипостаси – Святого Духа. По мнению В.В. Болотова: «За миром отрицается право на бытие, если посмотреть с точки зрения третьего сыновства. Раз третье сыновство выделится, то мир теряет *raison d'être* своего бытия, хотя он не обрекается на погибель»⁷. Это третье сыновство связывается непосредственно с генезисом и судьбой человека. Учение Василида поддерживает идею о существовании трех типов человека: иликов, психиков и пневматиков, возведенную Христом через Иисуса. Пневматиков ожидает автоматическое спасение (апокатасис) с которым отпадет всякая возможность стремления одной ступени мироздания к другой. Взгляд Василида на судьбу человека содержит в себе довольно много языческого:

⁴ Йонас Г. Основные гностические догматы, Спб.: Лань, 1998.

⁵ Иоанн 7, 23.

⁶ Назаров В.Н. Феноменология мудрости: образы мудреца в истории культуры. – Тула.: издательство ТГПУ, 1993, с. 86.

⁷ Болотова В.В. «История древней Церкви», Спб., 1907. Репринт: М., 1994.

1. Большинство людей остаются «заложниками» космического круговорота.

2. Святой дух, как третья ипостась, не входит в единую личность Абсолюта, а представляется растянутой по всему миру и находящей свое завершение лишь в пневматическом человечестве. Таким образом, Абсолют все равно оказывается непреодолимо отделенным от человека⁸.

3. Хотя представление о возможности выхода человека из космического круговорота носит неязыческий характер, сам этот «выход» мыслится Василидом как жестко заданный, автоматический.

Однако, само наличие эсхатологической перспективы пусть и в таком ущербном с точки зрения христианства видении, а в особенности радикальный отказ от возможности бесконечного процесса реинкарнации указывает на монотеистические корни данного учения.

Система Валентина является более пространно разработанной с антропологической точки зрения. Рассмотренные ранее соотношение между плеромой и кеномой позволяет рассматривать пневматического человека как наиболее явный феномен «полноты» плеромы в «пустоте» кеномы. Внекосмическое его положение первоначально выглядящее как потенциальное, полностью актуализируется с явлением Иисуса в мире, благодаря чему пневматики и получают возможность стать гностиками. Главнейшей для нас идеей системы Валентина является центральное положение гностиков, центральное не столько в плане космологической важности, сколько в виду их одновременной близости как к кеноме, так и плероме. По мнению Ипполита, именно они и являются целью творения. Такая позиция христианского автора, относительно сближающая христианскую и гностическую точку зрения на место человека в мире, заслуживает большого внимания. Центральное место человека (с христианской точки зрения – лишь некоторый части человечества) в мироздании указывает на тот факт, что даже ересиологи не могли считать систему Валентина исключительно языческой (с одной стороны ересиологи называют Валентина учеником Платона и Пифагора, а с другой считают его христианским еретиком⁹). Тем более, столь высокое понимание человеческого достоинства видится нам абсолютно неязыческим. А.Ф. Лосев пишет об этом так: «...личность здесь есть нечто единственное и неповторимое, а не просто повторяющийся момент в общем круговороте вещей в природе»¹⁰. Однако неправильно было бы и преувеличить монотеистические элементы: ни о каком сотворении человека (в особенности по образу и подобию Первобожества), тем более принятие телесности человека как Богом данного состояние в Валентинианстве не имеет место. Концепцию создания человека в некотором смысле следует считать эманационной, а не креационной. «За Иисусом идут те, которых уже сама София создала в виде людей духовных», – пишет А.Лосев. Будучи целью всего творения (Ипполит), они являются инобытием Отца, а генетически происходят от Софии как вышележащего зона. Столь высокое место внекосмического духовного элемента, ради которого существует и плерома, и кенома – невысказанный для язычников факт.

Рассмотрим теперь одну из сторон гностической антропологической мысли более конкретно, для чего дадим более полное раскрытие особенностей социального бытия человека, его бытия в контексте истории. Изначально присущее гностической традиции пренебрежительное отношение к государству и социуму не сводится, отнюдь, к умалению их значения. Напротив, они часто рассматриваются как реальные, действующие силы, мешающие освобождению. Государство, первоначально рассматриваемое как земное воплощение космического порядка, стало для гностиков, по словам Г. Йонаса «суровым и неблагоприятным порядком, тираническим и злым законом, лишенным смысла и благодати, чуждым целям человека и его внутренней сущности, не имеющим предмета сообщения и подтверждения»¹¹. Впрочем, слова эти он относит не непосредственно к государству

⁸ «Между тем, можно говорить лишь о том, что для Василида сверхвременно Первое Сыновство, в крайнем случае - и Второе, но никак не Третье»-Карсавин Л.П. «Глубины сатанинские(офиты и Василид)

⁹ Сравните, например, с мнением о людях у Цельса или даже у римских стоиков. См. также Поснов М.Э. Гностицизм II века и победа христианской Церкви над ним, Брюссель, 2001, стр. 476, 487.

¹⁰ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн.1.М.:АСТ, 2000, стр. 362.

¹¹ Йонас.Гностицизм., <http://gnostic.front.ru>, С. 143.

ву, а к порядку как таковому. К.Рудольф говорит более конкретно: «Отвержение творения вкупе с Творцом и принижение и демонизация небесных сфер (звезд и планет) с необходимостью включают неприятие и отрицание созданного античностью социально-политического мира»¹². Но демонизация звезд не снизила влияние астрологии. Напротив, такой переход стал, однако же, благоприятной предпосылкой для возрастания политической значимости астрологических прогнозов — ведь неизменному числу обезличенных сил, составляющих систему правления, будут с готовностью подчиняться все земные события. Вавилонская астрология подходила более, чем астрология греческая, настаивавшая не на неизменности звездного порядка, а на гармонии звездных сфер.

Именно в тотальности скептицизма относительно мирового порядка и выявляется социальная сущность гностицизма. Античное язычество знало критику государства (учение киников), знало критику социальных отношений (Демокрит), не знало оно лишь всеобщей критики порядка независимо от их онтологических ступеней. Однако не стоит отождествлять тотальность критики с радикальностью ее воплощения. Как правило, гностики отличались не столько антисоциальностью, а скорее асоциальностью. Хотя, «гносис, по крайней мере, насколько нам известно сегодня, был заинтересован не в какой-либо реформе земных условий, а лишь в их полном и окончательном разрушении»¹³, это нельзя считать свидетельством революционного духа в обыденном, социальном значении. Так или иначе, изменение общественного устройства, уклада жизни предполагает замену настоящего устройств на более лучшее, нормативно предписанное. Само по себе идея искоренения иерархии как таковой исключает количественную и даже качественную модификацию системы, предполагает нахождение вне нее. Это положение видится затруднительным (полный отказ от участия в социальной иерархии требует отшельнической жизни в самом строгом отношении), скорее идеальным. Как альтернатива полной изоляции от общества, в контексте рассматриваемой нами проблемы, может выступить индифферентность по отношению к системе общественных отношений. «Иисус сказал: Будьте прохожими»¹⁴ — вот такую форму эскапизма и избрало большинство гностиков. Известно, что последователям Валентина, Симона Мага не возбранялось жениться и даже заводить детей, Маркион стремился занять епископскую кафедру в Риме¹⁵. Таким образом, гностиков в целом нельзя назвать радикальными аскетами, но, безусловно, таковые встречались и среди них. Другой крайностью могут служить либертинистские тенденции в гностических школах, но они не были столь всеобъемлющими как считалось долгое время. Е.В. Родин в статье «Гностический этос»¹⁶ обстоятельно доказывает несостоятельность огульной характеристики гносиса как либертинистского по сути.

Традиционными как в гностицизме, так и в ортодоксальном христианстве выглядят положения об инвертировании социальных взаимоотношений за пределами мира (или жизни): «в этом мире рабы служат свободным. В царствии небесном свободные будут прислуживать рабам...»¹⁷. Основное внимание уделяется именно внутреннему неприятию несправедливого с высшей точки зрения положения дел: «Тот, кто раб против своей воли, — он сможет быть свободным. Но тот, кто стал свободным по милости своего господина и сам отдал себя в рабство, он более не сможет быть свободным.»¹⁸. Действительно невозможно освободить человека, который сознательно соглашается со своим рабством, целеустремленно бежит от свободы. Можно найти в гностических апокрифах аксиологически положительную характеристику бедности, и отрицательную — богатству: «Иисус сказал: Блаженны бедные, ибо ваше — царствие небесное»¹⁹ или «Иисус сказал: Почему вы пошли в поле? Чтобы видеть тростник, колеблемый ветром, и видеть человека, носящего на себе мягкие одежды? [Смотрите, ваши] цари и ваши знатные люди — это они но-

¹² Kurt Rudolph, *Gnosis, The Nature & History of Gnosticism*, San Francisco, 1984.

¹³ Kurt Rudolph, *Gnosis, The Nature & History of Gnosticism*, San Francisco, 1984.

¹⁴ Евангелие от Филиппа, <http://gnostic.front.ru>, С. 47.

¹⁵ Поснов М.Э. Гностицизм 2-го века и победа христианской церкви над ним // М.Э. Поснов, Киев, 1917. Стр. 385-387.

¹⁶ Родин Е.В. Гностический этос, <http://gnostic.front.ru>.

¹⁷ Евангелие от Филиппа, <http://gnostic.front.ru>, С. 87.

¹⁸ Евангелие от Филиппа, <http://gnostic.front.ru>, С. 114.

¹⁹ Евангелие от Фомы, <http://gnostic.front.ru>, С. 59.

сят на себе мягкие одежды и они не смогут познать истину!»²⁰, -это только несколько цитат из Евангелия от Фомы. Но опять же бедность не стала жестким требованием для гностиков, большинство из которых можно отнести к «среднему классу». «Последний (демиург – вставка наша) щадит и награждает только праведных; Христос призывает к себе мытарей и грешников, труждающихся и обремененных.»²¹. Награждает так не только демиург, но и его представители: гражданские власти. Подобно законом демиурга, законы Рима безличностны, жестки и руководствуются принципом справедливого воздаяния, весьма слабо смягченными милостью правителей. Они обеспечивают минимум свободы, необходимой для развития общества, но эта свобода всегда в рамках, свобода «от сих до сих».

«В итоге восстание (и гностическое вольнодумие было вызывающим выражением мятежа в не меньшей степени против культурной традиции, чем против Демиурга)...»²². Не стоит забывать, что мятеж носил духовно-практический, а не социально-практический характер.

Вопрос понимания власти является одним из центральных для понимания собственно политической составляющей социальной идеологии. По мнению И.В. Исаева: «Власть рождается в ходе преодоления либо злого (Сирийская школа), либо пассивного (Александрийская школа) хаоса. “Неведомый отец” путем эманации создает систему “сил и властей”, но отстраняется от создания материального мира. Созданные им ангелы, силы и власти творят иерархию небес, ниже из которых непосредственно оказывается связанным с чувственным миром. Последний оказывается разделенным между ангелами и распадается на сферы их владычества..»²³. в этом и заключается двойственный характер понимания власти, заключающийся в признании священной иерархии плеромы и отвержении власти земных (в широком смысле – космических) правителей. Л.П. Карсавин в своих «Глубинах сатанинских» отчетливо указывает на философскую неполноту, наготу такой системы постепенного иерархического умаления внутри самой Божественности²⁴.

Подводя итог краткому рассмотрению социальных взглядов гностической традиции, выделим следующие:

- Гносис – есть система вторичного социального бунта (первичен бунт против Демиурга) против общества и культуры.
- Гносис, психологически представляет собой форму глубокого эскапизма.
- Гносис рассматривает чрезмерно богатство как помеху духовному освобождению.
- Гностицизм – есть синкретизм духовного анархизма и внекосмического иерархизма.

Список литературы

1. Harnack A. Lehrbuch der Dogmengeschichte. T. I.5. Aufl. – Tubingen, 1931.
2. Kurt Rudolph, Gnosis, The Nature & History of Gnosticism, San Francisco, 1984.
3. Болотова В.В. «История древней Церкви». СПб., 1907. Репринт: М., 1994.
4. Гностики, или «о лжеименном знании»//под ред. С.И. Ефремова,-Киев: «УЦИММ-ПРЕСС», 1996.
5. Евангелие от Филиппа, <http://gnostic.front.ru>.
6. Евангелие от Фомы, <http://gnostic.front.ru>.
7. Иоанн 7, 23.
8. Йонас Г. Гностицизм//<http://gnostic.front.ru>.
9. Йонас Г. Основные гностические догматы. СПб.: Лань, 1998.
10. Исаев В.И. Декларация правового нигилизма: гностический миф // Право и жизнь № 31, 2000.

²⁰ Евангелие от Фомы, <http://gnostic.front.ru>, С-82

²¹Поснов М.Э. Гностицизм 2-го века и победа христианской церкви над ним // М.Э. Поснов, Киев,1917 Стр- 403.

²²Йонас Г. Гностицизм//<http://gnostic.front.ru>, Стр. 159.

²³ В.И. Исаев. Декларация правового нигилизма: гностический миф// Право и жизнь № 31,2000

²⁴ См. об этом например: «Гностики, или «о лжеименном знании»//под ред. С.И. Ефремова,-Киев: «УЦИММ-ПРЕСС», 1996.

11. Карсавин Л.П. «Глубины сатанинские(офиты и Василид)/ Малые сочинения. — СПб., 1994.
12. Колос. 3, 9-11.
13. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн.1.М.:АСТ, 2000.
14. Назаров В.Н. Феноменология мудрости: образы мудреца в истории культуры. – Тула.: издательство ТГПУ, 1993.
15. Поснов М.Э. Гностицизм 2-го века и победа христианской церкви над ним // М.Э. Поснов, Киев, 1917.
16. Родин Е.В. Гностический этос, <http://gnostic.front.ru>.
17. Трубецкой С.Н. «Начатки гностицизма» // Гностики. – Киев: Уцимм-Пресс, 1997.
18. Элиаде М. История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства.М.:Академический проект,2008.

NON-LANGUAGE PARADIGM OF GNOSIS: SOCIAL-ANTHROPOLOGICAL ASPECT

A. V. Slobozhanin

*Tula State L. Tolstoy
Pedagogical University*

e-mail: philos.tula@yandex.ru

Article is devoted to the consideration of Gnostic anthropological doctrine as a syncretic phenomenon. The analysis of primary sources showing presence in the Gnostic doctrine about the person of ideas, alien antique to polytheistic culture is made. On the basis of the given analysis reconstruction concerning complete system of not pagan representations about the person is made. The peculiarities of understanding of the person in a social context is considered in details.

Key words: gnosis, paganism, syncretism, a person.

КОРПОРАТИВНЫЙ РЕСУРС: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Р. Я. Цибриенко

*Белгородский
государственный
технологический
университет
им. В.Г.Шухова*

В работе предпринята попытка объяснения корпоративного ресурса через особенность социальных связей, представленных в форме единства.

Ключевые слова: Социальные связи, коллективная деятельность, консолидация, солидарность, сплоченность, социальное партнерство.

В условиях модернизации российского общества одной из важнейших системных проблем стало разрушение прежних социальных связей и необходимость их реконструкции на новой социально-экономической и социально-политической основе. Одновременно обращение к социальным связям и потенциалу их возможностей опосредовано глобальными тенденциями, с одной стороны, усложнением современного общества и развитием его связей, привлекающих внимание современных исследователей¹, с другой – переплетением динамично развивающихся социальных процессов, детерминирующих многообразие и многоуровневость адаптационных реакций социальной структуры общества. В этих условиях именно социальные связи создают представление о системности и взаимосвязи социальных явлений и процессов, целостности общества, его структур.

Социальные связи представляют собой форму социального взаимодействия (взаимосвязи) и отражают его основные рациональные характеристики. Они возникают в процессе обмена различных видов деятельности, осуществляемых индивидами и социальными группами в обществе, и характеризуются взаимообусловленностью, устойчивостью, регулярностью, интенсивностью и глубиной. В таком контексте их можно определить как социальные контакты в схеме индивиды – группы – общество, отличающиеся длительностью и деятельностным характером. Такие характеристики устойчивого взаимодействия неизбежно предполагают наличие различных комбинаций общих интересов, ценностей и целей. Это дает основание характеризовать социальные связи как отражение определенного состояния единства участников этих связей. Состояние этого единства может быть представлено в формах:

– «консолидации» как общего объединения субъектов деятельности вокруг объекта (ценности²), представляющего (или аккумулирующего) их социальный интерес в конкретной предметной области;

– «социальной сплоченности», представленной как «интеграция группового поведения в результате социальных обязательств, привлекательности или «сил», удерживающих членов группы в интеракции в течение какого-то времени»³;

– «социальной солидарности» как проявления интеграции групп друг с другом или обществом.

Такой подход к исследованию социальных взаимосвязей применительно к организациям (трудовым объединениям), дает возможность выйти за пределы доминирования социально-психологических характеристик при определении состояния организационной солидарности и обозначить приоритеты ситуативно – деятельностных (целевых) параметров социального взаимодействия. Он находит свое подтверждение в идеях

¹См.: Пригожин И.Р. Сетевое общество // Социологические исследования. – 2008. – №1. – С. 24-27; Ф.Уэбстер. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В.Арапова, Н.В.Малыхина; Под ред. Е.Л. Варгановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

²Горяинов, В.П. Групповая солидарность и ценностные ориентации // Социол. исслед. – 1997. – № 3. – С.60–67

³Большой толковый социологический словарь (Collins) .Т.2.– М.: Вече–АСТ, 1999.– С. 239.

Э. Дюркгейма⁴, который измерял общественный прогресс по критерию нарастания солидарности и характеризовал органическую солидарность как объединение людей не только по личным качествам, но в первую очередь по профессиональным ролям и функциям, в отличие от более архаической механической солидарности, основанной на сходстве индивидов. Социальное обоснование солидарности получает в работах К. Маркса⁵, который, обосновывая идеи классового единства, исходил из приоритета экономических позиций социальных групп и их общественных целей, выраженных в лозунге «пролетарии всех стран, объединяйтесь!». Рациональные основы солидарности нашли свое отражение в идеях П.А. Сорокина⁶, который соизмерял рост солидарности с развитием правовых основ взаимодействия. Выявление рациональных элементов сплоченности и солидарности дает возможность представлять процесс формирования новых связей и отношений как объект управленческого воздействия, адекватный специфике организационной ситуации, деятельности и адаптивным целям, существующим в структуре организации. В этом случае социально-психологические и индивидуальные особенности формирования связей в организации являются важным фактором развития групповой динамики и влияют на оценки эффективности избираемых управлением средств реализации целей.

Принимая во внимание такие критерии как способ формирования общих целей, степень добровольности формируемого единства, целевое реагирование на возникающие интересы в рамках созданного единства, организационные и коммуникативные средства его поддержания можно выделить в практике взаимодействия в организациях следующие типы социальных связей.

Традиционные связи представлены ресурсом естественных связей и ресурсом властного подчинения. *Ресурс естественных связей* основан на естественной сплоченности и взаимности и представляет в масштабе социального времени потенциал добровольной личной взаимопомощи⁷, свойственный для примитивного состояния общества, в который были включены, прежде всего, люди, связанные особенно тесными социальными узами – кровным родством, соседством, племенным сообществом. В современном обществе под давлением рациональных норм этот ресурс потерял масштабную социальную основу. Его сегодня представляют организации малых групп (семейные, дружеские), небольшие фирмы (особенно построенные по родственному признаку) и т.д. *Ресурс властного принуждения* игнорирует добровольность объединения (сплочения) людей в процессе совместной деятельности. Он характеризуется формальным управленческим воздействием с использованием репрессивных и «приказно-нажимных методов», которое поддерживает социальное дистанцирование и власть руководства, ориентировано на безусловный приоритет единственной административной цели и воспроизводит привычку безоговорочного подчинения работников.

Цивилизованные связи характерны для иной культуры управления и создаются благодаря формальному и в значительной мере неформальному воздействию, которое опирается на коммуникативные и мотивационные, аффективные и мировоззренческие механизмы. Комбинация используемых механизмов представляет цивилизованные связи в форме ресурса коллективистских связей, корпоративного ресурса, ресурса социального партнерства.

Характерно, что понятие «корпоративный ресурс» нашло свое применение исключительно в менеджменте и используется либо в различных значениях информационного ресурса – «знания, навыки и культура персонала»⁸, «Интернет-ресурс организации (наличие сайта, веб-страницы)», «библиотечная система организации», «доступные для потребителей услуг сведения об организационной структуре» – либо как более широкий круг ресурсов корпорации – материальные, финансовые, информационные. Анализ до-

⁴ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии...

⁵ Маркс К. Манифест коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. – Т. 1. – М.: Издательство политической литературы, 1983. – С. 106–138.

⁶ См.: Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. – 40 с.

⁷ См.: Луман Никлас. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал – 2000г. – № 1–2. / [www i-u ru /biblio/](http://www.i-u.ru/biblio/).

⁸ См.: Кузнецов С. Технологии управления, основанные на знаниях // Проблемы теории и практики управления. – М., 2004. – С. 85–89

кументов показывает, что социологического определения корпоративного ресурса нет, хотя существует дискурсивное пространство, на котором употребляются понятия близкие по смыслу, но не прописанные, носящие скорее ассоциативный характер. Если принять во внимание, что все понятия, связанные с проявлением корпоративизма и корпоративного, не являются идентичными по смыслу, то ассоциации, основанные на такой базе, еще более увеличивают разброс и размытость суждений. В одних случаях «корпоративизм» рассматривается как «отношения между правительством и ключевыми группами интересов, особенно крупным бизнесом и профсоюзами»⁹, выполняющие функции посредничества по заключению соглашения (в частности по заработной плате и ценам), и часто оцениваемые как способ управления развитым капитализмом; в других, – как «форма социальной организации, при которой ключевые экономические, политические и социальные решения принимаются корпоративными группами или совместно этими группами и государством», и в этом случае индивиды могут влиять на принимаемые решения лишь посредством членства в корпоративных органах¹⁰. В социологических источниках понятие «корпоративное действие» используется а) как синоним должностного, организационного (например, при характеристике корпоративных преступлений¹¹), б) как символ организованной деятельности по защите групповых интересов¹², в) ассоциируется с внешними или процедурными признаками групповой (организационной) принадлежности, когда корпоративная культура представляется как область имиджологии¹³. При уточнении корпоративных отношений с позиций юридической науки они употребляются в значениях «отношения корпоративной собственности», «отношения в производстве совместного труда», «отношения, характерные для корпоративизма»¹⁴. Современная психология менеджмента в своих объяснениях сути корпоративного управления фокусирует внимание на установлении баланса между существующими экономическими и социальными целями, между индивидуальными и общественными интересами. Через согласование этих целей и интересов персонал и организация отвечают на давление принудительно действующих тенденций универсализации и, в конечном счете, являются объектом внимания и регулирования государства, так как рассматривается как критический фактор экономического роста, источник конкурентоспособности стран и важный фактор социального прогресса¹⁵. При этом в качестве базовых принципов такой модели управления, сформулированных в 1998 г. Глобальным советом по корпоративному управлению, выступают нормативные основы правособственности (защита права акционеров, обеспечение их равноправия в случае нарушения их прав, организационно-правовая защита их интересов при разработке стратегии компании и контроля за ее реализацией, доступ в соответствии с правами к информационным ресурсам и пр.). Что касается заинтересованных и важных для деятельности лиц (индивидов, групп), то их интересы признаются, поощряется стимулирующее воздействие на сотрудничество с ними через качество условий труда (рабочих мест).

Анализируя рассмотренные категории проявлений корпоративности можно сделать вывод, что их общими формальными и сущностными характеристиками выступают

- адекватность такого взаимодействия обществу рыночных отношений;
- интегрированность взаимодействия индивидов и групп, основанная на консолидированном выражении группами своих интересов, которые они защищают, используя свои ресурсы, в том числе масштаб и организованность группы для участия в консенсусе;

⁹ Большой толковый социологический словарь (Cojllins) .Т.1.– М.: Вече–АСТ, 1999.– С. 331

¹⁰ Социологический словарь/Н.Аберкромби, С.Хилл, Б.С.Тернер; пер. с англ.; под ред.С.А.Ерофеева. – 2-е изд, перераб. и доп. – М.: Экономика, 2004. – С. 140.

¹¹ Большой толковый социологический словарь (Cojllins) .Т.1.– М.: Вече–АСТ, 1999.– С. 78–79

¹² См.: Руднева Н.И. Представительство групповых интересов в управлении общественными процессами: : автореф. дис. д-ра социол. наук; Белгород. гос. ун-т.– Белгород, 2002. – 38 с.

¹³ См.: Орлова Е.А. Корпоративная культура как элемент имиджа организации / Е.А. Орлова, Р.В. Козьяков // PR в образовании.– 2008.– № 4.– С. 53 – 60; Пантюшина О.И. Формирование корпоративного имиджа вуза // PR в образовании. – 2008.– № 4.– С. 46 – 53; Живаева Н.Г. Связь имиджа университета и факультета с адаптацией студентов в вузе // PR в образовании.– 2008.– № 4.– С. 67–72;

¹⁴ См.: Пахомов Н.Н. Основы теории корпоративных отношений.– Екатеринбург: Издательство налоги и финансовое право, 2004. – 113 с.

¹⁵ См.: Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 17–24.

- ориентация на социально-экономические интересы групп и согласование в первую очередь именно этих позиций;
- неравенство отношений собственности (в узком смысле слова закрепленного законом при определении статуса организации) и властных ресурсов, когда индивиды исключены из возможности влиять на принимаемые решения непосредственно;
- воспроизводство отличительных черт взаимодействия через адекватные отношения;
- способность к развитию, адекватному особенностям социального времени.

Итогом анализа сущностных характеристик корпоративности выступает определение корпоративизма как специфической социально опосредованной

формы группового взаимодействия, ориентированной на максимальную интеграцию в организации. Основу такого объединения представляют социально-экономические интересы основных групп персонала и их оценки значимости совместных действий, но при этом процесс формирования взаимосвязей в организации будет определен и структурирован собственником (или представителями, управляющими от его имени) в границах и способами, адекватных исключительно полномочиям и соображениям целесообразности этих хозяйствующих субъектов. Соответственно *корпоративный ресурс представляет связи, создаваемые организационной (корпоративной) культурой для реализации стратегии организации (в том числе и адаптивной), когда в условиях развивающегося рынка объединяются субъекты деятельности с неравнозначными ресурсами.*

Особенно возрастает значение объединения ресурсов в условиях модернизации традиционных социальных условий и связей. Не случайно жесткая рациональность, адептами которой были представители различных направлений социологической мысли, в том числе ориентированные и на гуманистические общественные цели¹⁶, стала демиургом конца XIX – начала XX века, когда общество рыночных отношений начинает развиваться активными темпами. Тогда в условиях сохраняющихся в социальных организациях традиционных отношений, основанных на немотивированном и безжалостно эксплуатируемом труде работников, тейлоризм стал прогрессивным явлением, так как провозгласил в структуре принципов научного управления обеспечение максимальной прибыли в сочетании с максимальным благосостоянием работников¹⁷. Занимаясь проблемами мотивации производительного труда, создатель классического менеджмента неизбежно должен был прийти к необходимости *совершенствования действующей модели управления персоналом*, которая несла на себе отпечаток феодальных отношений. Взамен субъективизму управления и его ошибкам, научная система организации труда предлагала бюрократически жесткую модель управления, ориентированную всеми своими средствами на целедостижение. В итоге в условиях неравных ресурсов создавалась модель *разумного патернализма*, которая была осознаваемой и институционализированной управлением формой взаимосвязей в организации, формировала определенное взаимодействие и оправданные ожидания в отличие от *личного патернализма* традиционных связей.

Таким образом, опираясь на ключевое понятие «социальные связи» и выделяя в них форму «единство» мы получаем определение корпоративного ресурса в широком и узком смысле этого слова. Первое восходит к идеям А. Файоля – «в единении – сила» и отчасти М. Вебера – «корпоративный дух», когда любые связи, объединяющие людей в организации, рассматриваются, как фактор развития трудового объединения. В узком смысле слова корпоративный ресурс выступает, как определенный тип социальных связей, обладающий перспективой перерастания в социальное партнерство. По своему содержанию он не располагает уровнем партнерской солидарности и сплоченности. Корпоративные связи характеризуют взаимодействие и отношения в организации, где преобладает жесткая рациональность, совмещенная с поиском эффективных возможностей развития, предоставленных объединенными ресурсами. В этом кооперировании приоритетными являются интересы управляющих групп, символизирующих организацию, на фоне учета базовых жизненных потребностей персонала.

¹⁶ См.: Кара-Мурза, С.Г. Хозяйство и этничность // Социально-гуманитарные науки. – 2007. – № 5. – С. 37–63; Кара-Мурза, С.Г. Угасание рациональности: имитация // Социально-гуманитарные науки. – 2004. – № 6. – С. 3–26.

¹⁷ Тейлор Ф. Научная организация труда. – С. 268

Как следствие можно утверждать, что корпоративные связи единства формируются с применением обычных бюрократических приемов управления, и характеризуют управление, использующее рациональные научные основы организации труда и его мотивации, не злоупотребляющее репрессиями и ограниченное при администрировании законодательными и основными действующими социально-культурными нормами, которые реализуются в мотивационной и коммуникативной области взаимодействия в организации.

Список литературы

1. Пригожин И.Р. Сетевое общество // Социологические исследования. – 2008. – №1. – С. 24-27.
2. Ф.Уэбстер. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыгина; Под ред. Е.Л. Варгановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
3. Горяинов, В.П. Групповая солидарность и ценностные ориентации // Социологические исследования. – 1997. – № 3. – С. 60–67.
4. Большой толковый социологический словарь (Collins) .Т. 2.– М.: Вече–АСТ, 1999.
5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр.– М.: Наука, 1991.– 572 с.
6. Маркс К. Манифест коммунистической партии // К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения. – Т.1. – М.: Издательство политической литературы, 1983. – С.106–138.
7. Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. – 240 с.
8. Луман Никлас. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал – 2000г. – №1–2. / www i-u ru /biblio/
9. Кузнецов С. Технологии управления, основанные на знаниях // Проблемы теории и практики управления. – М., 2004. – С.85–89
10. Социологический словарь / Н.Аберкромби, С.Хилл, Б.С.Тернер; пер. с англ.; под ред. С.А. Ерофеева. – 2-е изд, перераб. и доп. – М.: Экономика, 2004. –
11. Руднева Н.И. Представительство групповых интересов в управлении общественными процессами: : автореф. дис. д-ра социол. наук; Белгород. гос. ун-т.– Белгород, 2002. – 38 с.
12. Орлова Е.А. Корпоративная культура как элемент имиджа организации / Е.А. Орлова, Р.В. Козьяков // PR в образовании. – 2008. – № 4. – С. 53 – 60;
13. Пантюшина О.И. Формирование корпоративного имиджа вуза // PR в образовании. – 2008. – № 4. – С. 46 – 53;
14. Живаева Н.Г. Связь имиджа университета и факультета с адаптацией студентов в вузе // PR в образовании. – 2008. – № 4. – С. 67–72;
15. Пахомов Н.Н. Основы теории корпоративных отношений. – Екатеринбург: Издательство налоги и финансовое право, 2004. – 113 с.
16. Шихирев, П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 17–24.
17. Кара-Мурза С.Г. Хозяйство и этничность // Социально-гуманитарные науки. – 2007. – № 5. – С. 37–63;
18. Кара-Мурза С.Г. Угасание рациональности: имитация // Социально-гуманитарные науки. – 2004. – № 6. – С. 3–26.
19. Тейлор Ф. Научная организация труда // Управление – это наука и искусство. – М.: Республика, 1992. – С.224–305;

CORPORATION RESOURCE: GNOSEOLOGICAL APPROACH

R. Y. Tsibrienko

Belgorod State Technological University n.a. V.G. Shukhov

The article shows the attempt of explanation of the corporate resource through features of social connections submitted in the form of unity.

Key words: social connections, collective activity, consolidation, solidarity, unity, social partnership.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ И ПРОПАГАНДА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ Обзор Всероссийской научно-практической конференции

Е. Е. Тонков¹⁾
В. С. Синенко²⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: sinenko@bsu.edu.ru

---

4 декабря 2009 года в Белгородском государственном университете (г. Белгород) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция "Правовое регулирование и профилактика злоупотребления психоактивными веществами и пропаганда здорового образа жизни в образовательных учреждениях". Конференция была организована Департаментом образования, культуры и молодежной политики Белгородской области и Белгородским государственным университетом. Тематика конференции привлекла внимание не только юридического сообщества, но также и широкого круга педагогических работников образовательных учреждений Белгородской области.

С приветствием к участникам конференции обратился **ректор Белгородского государственного университета** доктор социологических наук, профессор **Л.Я. Дятченко**. Отметив позитивный характер самого факта проведения конференции, Л.Я. Дятченко подчеркнул, что наркомания является одной из важных проблем нашего общества, вызвавшей острую необходимость решительных и активных действий в организации профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнений необходимость выработки и реализации серьезной, взвешенной и эффективной государственной политики в сфере преодоления наркотизма в российском обществе и, в первую очередь, в образовательных учреждениях. Белгородским государственным университетом проводится работа по предупреждению наркомании в студенческой среде с использованием современных научных методов. К ней привлекаются ведущие специалисты Белгородского государственного университета (социологи, психологи, педагоги, юристы и др.).

В пленарном докладе декана юридического факультета Белгородского государственного университета, доктора юридических наук, профессора **Е.Е. Тонкова "Государственная антинаркотическая политика: проблемы становления"** был представлен анализ проблем реализации государственных механизмов, направленных на предотвращение наркотизации общества. Было отмечено, что в основе государственной антинаркотической политики находится юридическая деятельность, которая обеспечивается средствами экономического, политического, социального, идеологического, поощрительного и принудительного характера. Правовые предписания устанавливают компетенцию субъектов и юридический статус участников того или иного вида деятельности, пределы их полномочий, перечень используемых средств и приемов, пути достижения намеченных целей, способы закрепления полученных результатов. Процесс формирования и осуществления государственной антинаркотической политики обеспечивается, таким образом, не только системой правовых норм, но и системой соответствующих государственных органов. Это определяет содержание государственной антинаркотической политики и дает основания считать ее звеном политико-правовой системы, органически входящим в социально-политический и правовой механизм общества. Ее значимость заключается в том, что она не только создает социально-правовые отношения, которые соответствуют духу закона, мысли законодателя, но и позитивно влияет на социально-правовую сферу, являясь эффективным политическим инструментом.

Начальник Управления ФСКН России по Белгородской области, генерал-майор полиции, кандидат юридических наук В.И. Борисовский в своем докладе "Реализация основных направлений стратегии государственной антинаркотической политики на территории Белгородской области" обратил внимание на основные направления антинаркотической стратегии. К таковым отнесены: во-первых, снижение спроса, то есть комплекс мер, направленный на обнуление наркорынка потребителей; во-вторых, ликвидация предложения наркотиков – как наркодавления из-за рубежа тяжелых наркотиков: афганского героина и европейской синтетики, так и производимых внутри страны наркотиков; в-третьих, повышение эффективности инструментов международного сотрудничества в интересах российского общества. Далее в докладе были представлены меры, которые осуществляются в настоящее время в Белгородской области, направленные на реализацию основных направлений антинаркотической стратегии. Приоритетным направлением государственной политики по противодействию незаконному обороту наркотиков, является, по мнению докладчика, активно осуществляемое сегодня, международное сотрудничество. В завершении было отмечено, что на территории Российской Федерации и Белгородской области, в частности, развернута полномасштабная работа по борьбе с наркобизнесом, а также активная деятельность в сфере профилактики немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ.

Профессор кафедры Всероссийской государственной налоговой академии МФ РФ, доктор юридических наук, старший научный сотрудник **П.Н. Сбирунов** выступил с пленарным докладом **«Причины наркотизации в образовательной среде»**. Причины наркотизма, по мнению докладчика, необходимо искать в сфере социальных связей и взаимоотношений людей, в конкретных условиях их жизнедеятельности, а также в нравственно-психологических свойствах и особенностях личности. Основными причинами, которые обусловили осложнение наркоситуации в стране, по мнению докладчика, являются: кризис в финансово-экономической сфере, социально-политическая нестабильность, этно-региональные конфликты; низкий уровень социального развития и жизни населения, безработица, слабость социальной защищенности широких слоев населения и, как следствие, появление так называемых "групп риска" с потенциально высокой степенью готовности к злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту; нравственная деформация общества, стирание грани между правомерной и противоправной деятельностью, вовлечение в незаконный оборот наркотиков все большего числа лиц из правопослушной части населения, особенно молодежи; сравнительно легкая доступность наркотических средств, прежде всего растительного происхождения, а также прекурсоров, т.е. химических веществ, из которых изготавливаются наркотические средства и психотропные вещества; низкая эффективность общегосударственной системы органов противодействия незаконному обороту наркотиков и их злоупотреблению.

В пленарном докладе доцента кафедры конфликтологии философского факультета СПбГУ, кандидата юридических наук, представителя международной организации "ЕСАД" в России **Г.В. Зазулина "Механизм защиты образовательной среды от негативного воздействия наркотизации"** отмечено, данный механизм – это консолидация ресурсов не с помощью трафаретных "Устава" или "Правил внутреннего порядка". Это создание творческого, живого Документа с названием "Школьная политика в отношении наркотиков и зависимостей". В ней учителя, родители и старшеклассники определяются с алгоритмом своих действий в "пикантных" ситуациях. Его создание делает легитимными способы воздействия и санкции к нарушителю этого Документа. В этом Документе речь должна идти о договоре, с теми, кто "засветится" в потреблении наркотиков, о школьных санкциях к ним, о формах медицинского и "товарищеского" контроля, о программе коррекции, для начинающего наркопотребителя и его родителей. Обязательное прохождение учащимся и его семьи программы психолого-педагогической коррекции. Главный ресурс, по мнению докладчика, то, что укрепляет связи учащихся из "группы риска" с коллективом образовательного учреждения – любые социально позитивные связи. Ведь утрата учащимся позитивных связей с учителями, классом, школой – есть конфликт. Потребление наркотика делает этот конфликт необратимым. Поэтому главный ресурс то, что позволяет обесценить пробу наркотика в глазах подростка.

Заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета, доктор философских наук, профессор **В.П. Бабинцев** в докладе «**Диагностика рисков, возникающих в процессе профилактики наркомании и токсикомании в образовательных учреждениях**» обращает внимание на перспективы исследования проблем диагностики наркоситуации и организации профилактической работы в образовательных учреждениях. По мнению профессора, такие исследования должны включать в себя: 1) разработку методических рекомендаций по формированию единой модели мониторинга наркоситуации в образовательных учреждениях регионов и консультационное сопровождение реализации такой модели; 2) применение новых методов диагностики при исследовании проблем наркомании; 3) Коррекцию инструментария диагностики рисков, возникающих в процессе профилактики наркомании и токсикомании не только в образовательных учреждениях с учетом результатов данного исследования; 4) реализацию на базе одного из субъектов РФ целевого пилотного проекта "Организация информационно-аналитического обеспечения противодействия наркомании токсикомании"; 5) продолжение работы по формированию категориального аппарата теории профилактики; 6) разработку системы критериев, позволяющих адекватно оценивать результативность и эффективность профилактического воздействия; 7) теоретическую разработку проблемы социокультурной природы наркомании и токсикомании в молодежной среде; 8) уточнение классификации рисков профилактики наркомании и токсикомании, а также социальных факторов, оказывающих на них влияние; 9) формирование и поддержка (совместно с Министерством спорта, туризма и молодежной политики и Министерством регионального развития) на базе действующих в регионах России центров и лабораторий, занимающихся изучением проблем молодежи Института молодежных проблем, в число задач которого будет входить анализ состояния профилактики наркомании и токсикомании в молодежной среде; 10) разработку прогнозной модели развития наркоситуации.

Профессор Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **М.Л. Прохорова** в пленарном докладе "**Признаки, квалифицирующие преступления, связанные с нелегальным оборотом наркотиков: вопросы квалификации и направления совершенствования**" отмечает, что работа по профилактике злоупотребления психоактивными веществами также должна включать в себя разработку механизмов реагирования на преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Специфика рассматриваемых преступлений, особенности их объективных и субъективных признаков предопределили и различный по объему и содержанию набор квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков для каждого из посягательств. При этом докладчик обратил внимание на то, что система признаков, квалифицирующих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, нуждается в дальнейшем совершенствовании. Некоторые направления которого предложены в докладе.

Доцент Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук **Н.А. Фролова** в докладе "**Организационно-правовые и институциональные формы противодействия распространению наркомании в обществе**", обратила внимание на то, что предметное рассмотрение теоретических и практических вопросов решения проблемы наркомании в современном российском обществе со всей очевидностью выявляет тот факт, что правовое направление в государственной антинаркотической политике должно дополняться усилением властно-управленческой и организационной деятельности государства. С точки зрения М.Л. Прохоровой, данный подход, сущностно связанный с научной методологией государственно-общественного противодействия распространению наркомании, позволяет выделить в качестве приоритетных составляющих этого противодействия: дальнейшее развитие нормативно-правовой базы; усиление общесоциальной и специальной профилактической работы; совершенствование оперативно-разыскной деятельности; организацию управления антинаркотической деятельностью и ее координацию на всех уровнях.

В совокупности это перспективно дополняет направленность правовой политики Российского государства в сфере социальной безопасности. В итоге профессор отстаивает, что модель правовой антинаркотической политики и достижение ее результативности предполагают: 1) согласованность и продуманность правовых актов в сфере борьбы с наркотиками, соответствие их норм существующей ситуации с распространением наркомании, а также острой необходимости усиления противодействия дальнейшей наркотизации российского общества; 2) приоритет профилактики наркомании на всех уровнях в организационной форме деятельности по противодействию распространению наркотиков; 3) совершенствование кадрово-управленческого направления и оптимизация ресурсов в реализации антинаркотического законодательства; 4) внедрение научно-методологических разработок по противодействию незаконному обороту наркотиков в практику антинаркотической деятельности. Совокупность представленных положений, по мнению автора, позволит интегрировать усилия всех субъектов социальной безопасности в борьбе с наркотиками.

Заместитель руководителя секретариата Совета безопасности Белгородской области **Т.П. Корчиго** в пленарном докладе "**О системе профилактики наркомании в Белгородской области**" отметила, что вся профилактическая антинаркотическая деятельность в Белгородской области ведется в рамках системного социального управления. Управление процессом профилактики строится по основным направлениям: нормативно-правовой блок; организационный блок; информационно-аналитический блок; инструментальный блок; кадровый блок; в завершении оценка эффективности предпринимаемых усилий в сфере организации профилактики наркомании среди населения области. Также было отмечено, что за прошедшие годы совершенствовалась деятельность главного координирующего органа в сфере профилактики наркомании и противодействия наркобизнесу – координационная антинаркотическая комиссия при губернаторе области.

Проректор по социально-воспитательной работе Белгородского государственного университета **Т.В. Никулина** в докладе: "**Об опыте работы Белгородского государственного университета по организации профилактики наркомании среди студенческой молодежи**" определила организационные условия профилактики наркомании в БелГУ. К таковым докладчик отнес следующие: ресурсное (финансовое, материально-техническое) и кадровое обеспечение воспитательного процесса; насыщение воспитательного процесса современными информационно-коммуникационными технологиями; создание базы данных по различным аспектам воспитательного процесса; использование локальных компьютерных сетей с выходом в Интернет для эффективного управления воспитательным процессом.

В завершении пленарного заседания выступила директор МОУ «Гимназия № 22 г. Белгорода», Заслуженный учитель РФ **С.А. Шляхова** с докладом: "**Система работы гимназии по профилактике злоупотребления ПАВ и формированию здорового образа жизни**". Докладчик отметила, что анализ воспитательной и профилактической работы гимназии позволил сформулировать задачи, решаемые программой формирования здорового образа жизни, в частности: 1) осуществлять мероприятия по формированию здорового образа жизни; 2) развивать физические качества и обеспечивать ос-

новой уровень физической подготовки детей в образовательном учреждении; 3) формировать у учащихся устойчивого отрицательного отношения к «первой пробе» ПАВ; 4) разработать эффективные механизмы совместной деятельности участников воспитательной системы школы: родительской общественности, ученического самоуправления и педагогического коллектива; 5) формировать морально-волевые качества школьников и некоторые другие.

Эффективная работа по профилактике зависимостей, по мнению докладчика, невозможна без связи с общественными организациями (областной наркологический диспансер, областной центр по профилактике и борьбе со СПИДом, Медико-психологический центр, Центр социально-психологической помощи молодёжи и подросткам «Собеседник», областной Центр медицинской профилактики, областной Центр Молодёжи, молодёжный информационно-аналитический центр). Профилактика грамотно построенная, выполненная людьми с большим жизненным потенциалом знаний и человеческих качеств, способна спасти детские жизни, а значит и наше с вами будущее.

Доклады пленарного заседания, а также выступления иных участников конференции опубликованы в сборнике: **Правовое регулирование и профилактика злоупотребления психоактивными веществами и пропаганда здорового образа жизни в образовательных учреждениях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Белгород, 4 декабря 2009 г.)** под ред. Е.Е. Тонкова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010.

LAW REGULATION AND PREVENTION OF PSYCHOACTIVE SUBSTANCE ABUSE AND HEALTHY LIFESTYLE PROMOTION IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS Review of Russian scientific practical conference

E. E. Tonkov¹⁾

V. S. Sinenko²⁾

Belgorod State University

¹⁾ e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: sinenko@bsu.edu.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АНТРОПОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА: РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА В.П. РИМСКОГО «ЧЕЛОВЕК ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ, КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ»

К. Ю. Королёва

*Белгородский
государственный
университет*

Глобальный дестабилизирующий характер терроризма делает анализ данного феномена безусловно актуальным. Разнообразие форм и видов проявлений террора в современном мире, широкий спектр средств и методов воздействия, которые применяются в целях навязывания обществу определенных линий поведения, поражает тем, насколько быстро адаптируются проявления политики устрашения и насильственных действий под влиянием актуальных социокультурных, экономических и политических условий жизни общества. Новейшие технологические достижения зачастую оборачиваются против цивилизации и мира, поднимая уровень и сопротивления, и потерь к новым вершинам. Данное соревнование бесконечно, и в итоге в рядах проигравших оказываются все – и организаторы, и жертвы, и созерцатели трагических событий. Интенсивное международное правовое и силовое сотрудничество в сфере противодействия терроризму не сделали человечество менее уязвимым перед его угрозами. Более того, применяемые методы профилактики и борьбы все чаще показывают свою неэффективность. Социально-гуманитарные науки, к сожалению, пока не преуспели в поиске антидотов терроризму. Можно бесконечно апеллировать к поиску рациональных политических и экономических основ данной деятельности, но уже становится очевидным, что для создания адекватных теоретических моделей понимания¹ и объяснения, необходимо принимать во внимание

---

¹ Здесь интерпретируется в традиции М.Вебера – понимание как извлечение смыслов, вложенных индивидами в свои действия, являющееся предпосылкой для последующего объяснения.

влияние всю полифонию культурных, религиозных, мировоззренческих, субъективных факторов, позволяющих нам оценить и сопоставить сиюминутные иррациональные нелинейные мотивы как субъектов терроризма, так и исследователей, занимающихся изучением данных проблем.

В рецензируемой монографии представлен оригинальный взгляд на истоки, сущность и культурно-типологические формы терроризма. Авторский коллектив анализирует обширный теоретический материал, представленный различными методологическими традициями, в контексте конкретно-исторических условий их формирования. Подобная схема позволяет, в одной стороны, проследить феноменологию насилия и терроризма в глубинных культурно-исторических контекстах, а с другой – исследовать «культурный хронотоп терроризма в пространстве мифа, игры, религии и повседневности» – и это измерение представляет особый исследовательский интерес, поскольку каждая модель рациональности привносит собственные смыслы в изучение данного феномена. Расставленные культурно-антропологические, религиозоведческие и философско-культурологические акценты существенно расширяют интерпретативные возможности применения анализируемых подходов к изучению феномена терроризма, позволяя увидеть новые горизонты в исследовании данной проблемы.

Первая глава «Тоталитарно-террористический феномен в контексте философско-методологической рефлексии» представляет ретроспективный анализ основных классических и неклассических методологических подходов к исследованию терроризма, и обоснование эвристических преимуществ культурно-антропологического подхода к исследованию «пограничных» социальных состояний, связанных с проявлениями аномии, насилием над личностью, институциональным кризисом общества: именно «пристальное внимание к *живому человеку* как точке пересечения всех культурных миров и социокультурных практик, человеку, включенному в сложный контекст современных формообразований культуры» позволяет сформировать интегральную картину социальной реальности.

В работе развивается идея о взаимосвязи тоталитаризма и терроризма. Во второй главе монографии тоталитаризм и терроризм рассматриваются авторами как *антисистемные* социокультурные феномены, поскольку, являясь имманентными частями социальной системы, они отражают процессы её деградации и необходимость качественного перерождения составляющих её ценностных, нормативных, регулятивных и символических элементов. Так государственный террор, находящий выражение в пренебрежении правами граждан, грубом попрании моральных ценностей, развитии репрессивных институтов, тоталитаризме является самым опасным из проявлений терроризма, а также одним из признаков глубокого системного кризиса базовых социальных институтов, и соответственно общества в целом. Справедливы выводы авторов относительно того, что данные социальные квазисистемы – тоталитаризм и терроризм – обладают сходной природой, вытекающей из радикализма, имеют общие источники возникновения – аномию и системный «цивилизационный» кризис, и характеризуются такими типологическими чертами как относительная замкнутость, «унифицированные террористические архетипы и социокоды», линейность функций, ригидность, «идеологическое мифотворчество».

Избранный авторами ракурс рассмотрения проблемы терроризма как преимущественно социокультурного феномена обусловил постановку вопроса «о соотношении культуры/человека и насилия/терроризма, их взаимовлиянии». В данном ключе, описывая мифологические парадигмы насилия и особенности их перекодировки в феноменах терроризма, авторы рассматривают насилие как неотъемлемую часть культурного бытия человека, которое, будучи обличённым в легитимные формы (например, жертвоприношения или войны), выполняет функции структурирования социального пространства (стратификации), регуляции взаимодействий. «Возникновение культуры как сугубо человеческого способа действия тесно связано с насилием как формой принуждения ради достижения каких-либо целей».

Но терроризм как вид насильственного действия в отличие от жертвоприношения или войны нелегитимен, поскольку направлен, прежде всего, на дестабилизацию существ-

вующих отношений: он лишен сакральности, нарушает существующий социальный порядок, не совпадает по своим целям с действующими социальными институтами, не вписывается в доминирующую систему ценностей. Ключевой чертой терроризма является «отсутствие каких-либо правил и запретов на применение насилия». Однако авторы отмечают, что «в ситуации кризиса сакральности изменяется восприятие пространства и времени (хронотоп)», символический социально-нормативный кризис приводит к изменениям культурного образа мира и росту нелегитимного насилия – терроризма. Авторы тесно связывают кризис религиозных институтов как проявление общего кризиса сакральности с ростом нелегитимного насилия, ведь «именно сакральность, общепризнанная трансцендентность механизмов подавления насилия, заставляет отказаться от продолжения взаимного насилия».

Для обоснования антиситемного характера терроризма авторы анализируют культурно-идеологические архетипы и парадигмы исламского террора, и делают вывод о том, что его корни «уходят как в практику религиозных сект (иудео-манихейских, гностико-христианских и параисламских), так и в наработки светского терроризма, в том числе либерально-европейского (якобинцы) и европейско-социалистического (русские народники и социалисты)». Результаты сравнительного анализа исламского фундаментализма и ряда радикальных исламских течений (сект), проведенного авторами, указывают на квазисистемный характер данных движений именно в контексте ислама как религиозной системы и цивилизационного типа, поскольку они нацелены не столько на противодействие другим религиям, сколько на подрыв догм традиционного ислама и устоев исламской цивилизации.

Обращаясь к проблемам современной террористической угрозы, авторы вновь задаются вопросами поиска адекватных методологических моделей, которые бы позволили учесть мировоззренческую специфику, дифференцировать субъективное и объективное, реальное и виртуальное. Анализируя сложившуюся в области методологии социально-гуманитарных исследований ситуацию, авторы монографии логично приходят к выводу о смене нарративной формы мировосприятия визуальной, и обращают наше внимание на открытие новых возможностей для манипулирования и фальсификации оценок различных событий в результате соперничества интерпретаций. Доминирующее право на легитимацию социокультурных практик и формулировку оценок приобретает власть, «которая обладает монопольным правом не только на интерпретацию, но и на саму возможность быть услышанным, говорить и тем самым презентовать себя, быть». Методология дискурс-анализа дает инструментальный анализ репрезентаций событий или явлений через рассмотрение условий возникновения данной репрезентации; ее направленности, обусловленной позицией говорящего; специфики социального, культурного и символического «поля» ее формирования и функциональной направленности данного высказывания. Подобная стратегия исследования расширяет возможности интерпретации текстов и образов через функциональное маркирование дискурсных формаций.

В шестой главе авторы вновь обращаются к изучению государственного террора, но уже как разновидности сверхлегитимного насилия. Исследуя взаимосвязи русского революционного терроризма и тоталитаризма как кризисных явлений социальной системы, авторы подчеркивают схожий, выходящий за установленные законом рамки, характер транслируемого насилия: однако в случае с терроризмом насилия рассматривается как акты вне правового поля, а в случае государства – акты превосходящие, превышающее дозволенное в правовых рамках – сверхлегитимный террор. Через процессы утраты легитимности правящей системой и «превращения» правосудия в инструмент террора авторы объясняют маргинальный и антисистемный характер тоталитарного общества на примере советского российского общества.

В заключительной главе монографии представлен вторичный анализ данных социологических исследований проблем экстремизма в ЦФО Российской Федерации в контексте разработанной в исследовании культурно-антропологической парадигмы. Оценивая влияния, оказываемые социально-экономическими, демографическими, социокультурными, культурно-антропологическими, религиозными факторами, а также текущие условия жизнедеятельности регионального сообщества авторы делают вывод о латент-

ном характере угроз экстремизма и терроризма в российских регионах, отмечая при этом необходимость ведения профилактической работы во всевозможных формах. В качестве основных направлений профилактики выделяются: формирование правовой культуры населения; использование позитивных возможностей средств массовой информации; содействие занятости молодежи; взаимодействие светских организаций с представителями различных конфессий; организация содержательного досуга в молодежной среде; содействие формированию толерантности возможностями системы высшего образования.

В целом актуальность, проведенного авторами исследования определяется, прежде всего, важностью изучения культурно-антропологических механизмов формирования таких радикальных форм поведения как террор, с целью последующей разработки программ профилактики и создания условий гармоничного развития регионального сообщества.

Исследование выполнено на высоком теоретико-методологическом уровне, основано на проработке широкого спектра классических и современных философских концепций. Основные положения исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях феномена терроризма, в преподавании курсов общей социологии, политологии, культурологии и истории, спецкурсов по девиантологии.

Выводы и рекомендации по профилактике экстремизма и терроризма могут найти применение в практической деятельности муниципальных и региональных органов государственной власти и управления, отделов по делам молодежи, правоохранительных органов, образовательных и воспитательных учреждений региона.

REVIEW OF THE BOOK
**“TERRORISTIC MAN: METHODOLOGY, CULTURAL-ANTHROPOLOGICAL PARADIGMS,
EVERYDAY LIFE, REGION THREATS” BY MULTIPLE AUTHORS,
EDITED BY PROF. V. P. RIMSKIY**

K. Y. Korolyova

Belgorod State University

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Асланова М.Т.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ставропольского государственного университета
- Архипцев Н.И.** кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Архипцев И.Н.** аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Белая И.В.** кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра синологических исследований Амурского государственного университета
- Бурцев А.С.** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Валеева Г.В.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Горохов А.В.** аспирант Финансовой академии при Правительстве РФ
- Горайнов А.А.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Грабовский И.А.** кандидат юридических наук, заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Жилина Н.Ю.** кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Жиров М. С.** доктор педагогических наук, профессор, декан Социально-теологического факультета Белгородского государственного университета
- Заливанский Б.В.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Каширин А.Ю.** кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Квитко А.Ю.** аспирант кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Кищенко И.Н.** кандидат социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы Белгородского государственного университета

- Комаров И.М.** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики юридического факультета Белгородского государственного университета
- Конев И.В.** аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Королева К.Ю.** кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного университета
- Костин А.А.** адъюнкт Пограничной академии России
- Котарева О.В.** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Макатов З.И.** аспирант кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Михайликов В.Л.** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права юридического факультета Белгородского государственного университета
- Молчанова Н.С.** аспирант кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Морозова Т. И.** кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного университета
- Надуткина И.Э.** кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Назарова Ю.В.** кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А .С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Некрасов С.И.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
- Перепёлкина Я. С.** аспирант кафедры теологии Белгородского государственного университета
- Рожкова Н.В.** кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Орловского аграрного университета
- Садикова О.Г.** соискатель кафедры философии и культурологи Московского государственного университета путей сообщения

- Самохвалова Е.В.** кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Сафонов К.В.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Серезко Т.А.** аспирант кафедры философии Белгородского государственного университета
- Синенко В.С.** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Слобожанин А.В.** аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Травников Г.Н.** кандидат философских наук, докторант кафедры философии Прикамского Государственного технического университета
- Тонков Е.Е.** декан юридического факультета Белгородского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
- Финогентов В.Н.** доктор философских наук, профессор кафедры философии Орловского аграрного университета
- Шаповал Ж.А.** аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета
- Шевченко В.Н.** доктор философских наук, профессор, зав. сектором философских проблем политики Института философии РАН, профессор кафедры философии РАГС при Президенте РФ

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи. 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков). 3. Ключевые слова. 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы). 5. Библиографический список. 6. Ссылки. 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов). 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны). 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц) 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц). 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).	} <i>на русском и английском языках</i> } <i>на русском языке</i>

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
  - правое – 1,5 см;
  - левое – 3,0 см;
  - нижнее – 2,0 см;
  - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
  - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
  - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
  - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
  - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
  - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
  - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
  - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
    - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
    - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
    - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
    - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

**А. В. ИВАНОВ¹⁾
Л. Н. ПЕТРОВ²⁾**

*¹⁾ Департамент
экономического развития
Белгородской области*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский
государственный
университет*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

**A. V. IVANOV¹⁾
L. N. PETROV²⁾**

*¹⁾ Department of economic
development of the Belgorod area*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod state university

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

---

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

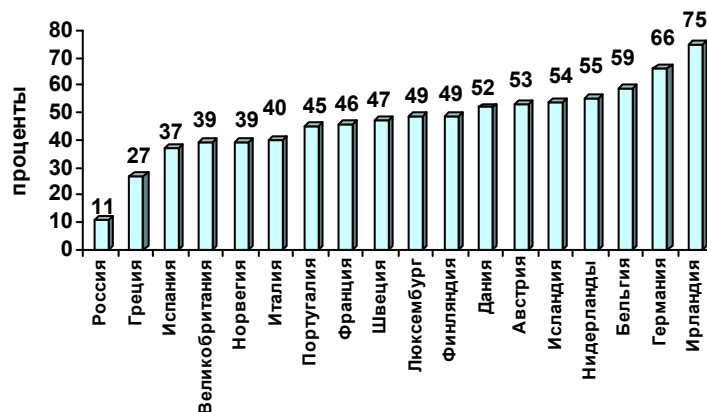

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

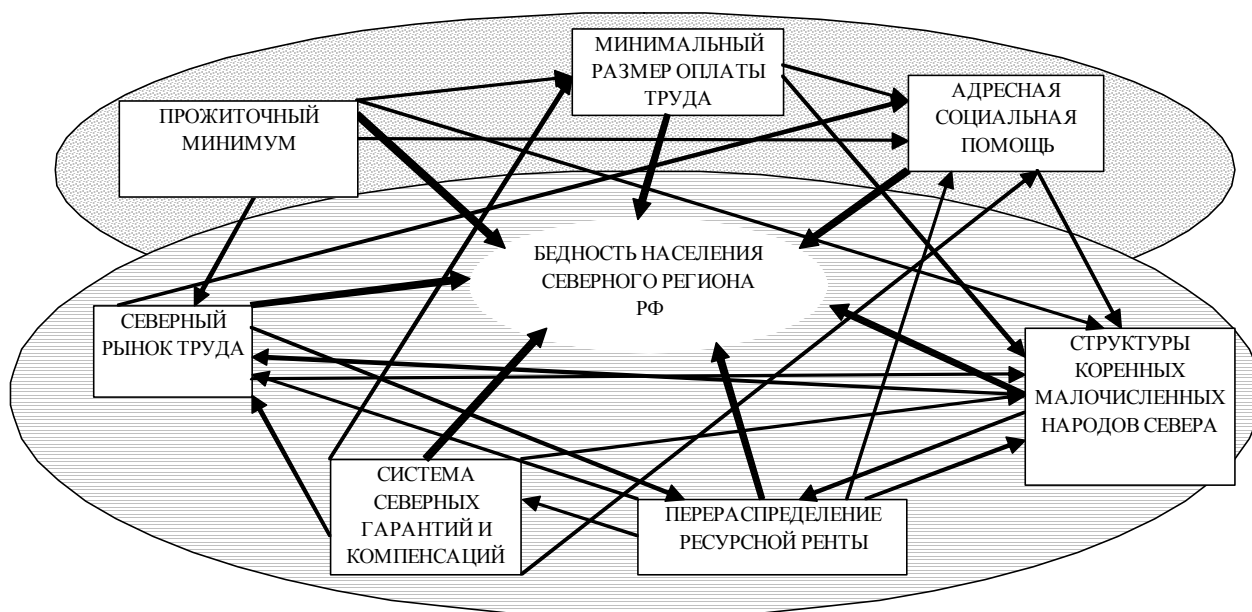

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.